

**№9(40) Вып. 2
2007**

Научный рецензируемый
журнал

Основан в 1995 г.

Учредитель:

Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Белгородский
государственный университет»

Издатель:

Белгородский государственный
университет.
Издательство БелГУ

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-21121
от 19 мая 2005 г.

**Главная редакционная коллегия
журнала**

Главный редактор
Дятченко Л. Я.

Зам. главного редактора
Давыденко Т. М.

Ответственный секретарь
Боруха С.Ю.

Члены редколлегии

*Алефиренко Н.Ф., Бабинцев В.П.,
Борисов Г.А., Жиляков Е.Г., Исаев И.Ф.,
Корнилов А.Г., Короченский А.П.,
Лебедева О.Е., Москвин В.А.,
Насонов Н.Н., Новиков О.О., Павлов К.В.,
Присный А.В., Прохорова О.Н.,
Римский В.П., Чеканов Н.А.,
Чурносов М.И., Шаповалов В.А.,
Шилов В.Н.*

**Редакционная коллегия
серии журнала**

Римский В.П. – главный редактор
Бабинцев В.П. – зам. главного редактора
Борисов С.Н. – ответственный секретарь

Члены редколлегии

*Борисов Г.А., Климова С.М., Мархгейм М.В.,
Реутов Е.В., Руднева Н.И., Тонков Е.Е.*

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

**БЕЛГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

СЕРИЯ **ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПРАВО**

СОДЕРЖАНИЕ

**КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ БЕЛГОРОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
40 ЛЕТ ИСТОРИИ (ЛЕТОПИСЬ)**

Кафедра философии Белгородского государственного универси-
тета. *П.Г. Коняев, С.А. Кутومانов, А.М. Страхов* 5

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Проблема корреляции богословия Запада и Востока: Иоанн Эжарт и
Григорий Палама. *М.Ю. Реутин* 14

Декарт о природе души: «мыслящая субстанция» или «идея те-
ла»? *А.Г. Тарасов* 24

Идея формирования внутреннего человека в античной философии
и христианском вероучении. *П.Г. Тарасов* 31

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Идеология в поле искусства: возможности критического дискурс-
анализа. *Е.А. Кожемякин* 39

Специфика филологического познания. *Е.А. Кротков, Д.А. Ма-
нохин* 48

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Образование в социокультурном контексте: системный подход.
К.Ю. Королева 56

Художественно-эстетическое постоянство романтического кон-
цепта А.С. Пушкина. *В.В. Липич, Т.И. Липич* 70

Эволюция образов пола и любви в отечественной культуре
XIX – XXI столетий. *А.М. Страхов* 81

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Ресурсные технологии в муниципальном управлении системой
социальной защиты детства. *Н.В. Лазуренко, М.Е. Поленова,
Е.С. Сазонова* 87

Проблемы стимулирования проектно-инновационной деятельно-
сти в регионе. *И.Э. Надуткина, В.П. Римский* 100

Модернизационный потенциал конфликта в вузе. *В.Б. Тара-
баева* 109

Социально-управленческие технологии локализации обществен-
ных отклонений в молодежной среде малых городов. *Г.А. Бори-
сов, Г.М. Тарасенко* 116

Специфика управленческой деятельности в инновационных орга-
низациях. *Г.А. Борисов, С.А. Шовгеня* 123

**СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ
ИНСТИТУТОВ В РОССИИ: НОВЫЕ РЕАЛЬНОСТИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Парламентаризм как режим осуществления государственной вла-
сти в России. *Г.А. Борисов* 126

Право частной собственности в институциональной системе евразийства, или куда направлен вектор исторического выбора России, Украины и Белоруссии. **В.Е. Рубаник 132**

Участники правотворческого процесса субъектов РФ.
В.Н. Самсонов, Е.В. Самсонова 140

Эволюция функций консульских учреждений Российской империи в XVIII – XX вв. **Е.В. Сафронова 148**

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Особенности правотворчества уголовного законодательства на современном этапе его реформирования. **Н.И. Архипцев 162**

Управление процессом государственной деятельности в механизме современной политико-правовой модернизации **Е.Е. Тонков, С.В. Масальтина 167**

Правовая политика Российской федерации в сфере государственных информационных ресурсов. **А.Н. Прокопенко, А.А. Кривоухов 173**

Вопросы уголовно-правовой оценки преступных посягательств, связанных с нелегальным оборотом наркотиков, при наличии квалифицирующих признаков. **Л.А. Прохоров, М.Л. Прохорова 182**

К вопросу о формулировке определения оценочного понятия уголовного закона. **О.С. Степанюк 195**

Правовое регулирование потребительской кооперации на современном этапе развития. **С.В. Тычинин 202**

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Ценностно-мотивационные основы благотворения в Древней Руси. **Е.П. Белоножко, А.М. Капустина 209**

Молодежная культура в современном обществе. **М.М. Белосова 217**

Уровень и характер религиозности студенческой молодежи БелГУ в переходный период (размышления по результатам анкетирования). **С.М. Климова, Г.В. Мартынова 222**

Превращенные формы самосознания молодежи в субкультурных формах религиозности. **О.Н. Римская 247**

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ДОКЛАДЫ

Философско-культурологический анализ современного терроризма. **С.Н. Борисов, О.С. Борисова 253**

Наркотическая зависимость в молодежной среде. **Е.Е. Гордова 263**

Коммуникативно-языковая специфика российско-китайского политического дискурса (на материале Интернет). **Е.В. Переверзев 268**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

Дискуссия «О специфике религиозной философии» **274**

Как возможна религиозная философия? **В.П. Римский 275**

Выступления: **Гутнера Г.Б., Коротких В.И., Человенко Т.Г., Климовой С.М., Салмановой И. Ф., Шепелева С., Тарасова А.Г., Тарасова П.Г. 280**

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Процессы легитимации власти в региональном пространстве. **Л.В. Коллина 300**

В авторской редакции

Оригинал-макет *А.А. Аулова*

Подписано в печать 28.03.2008.

Формат 60×84/8.

Гарнитура Times New Roman.

Усл. п. л. 35,46.

Тираж 1000 экз.

Заказ 53.

Подписные индексы в каталоге агентства «Роспечать» – 18078, в объединенном каталоге «Пресса России» – 39748

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в издательстве Белгородского государственного университета

Адрес:

308015, г. Белгород,

ул. Победы, 85

E-mail: Info@bsu.edu.ru

www.bsu.edu.ru/Nauka/Vedomosti/

**№9(40) Вып. 2
2007**

Scientific peer-reviewed

Founded in 1995 г.

**BELGOROD STATE UNIVERSITY
SCIENTIFIC BULLETIN**

VOLUME **PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. LAW.**

CONTENT

40 YEARS OF HISTORY (CHRONICLES)

Department of philosophy of Belgorod State University. *P.G. Konyayev, S.A. Kutomanov, A.M. Strakhov* 5

**HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES**

Problem of co-relation of Western and Eastern theology: Meister Eckhart and Gregorios Palamas. *M.Y.Reutin* 14

Descartes about the nature of soul as cogito: «substance» or «idea of a body»? *A.G. Tarasov* 24

The idea of formation of the internal person in ancient philosophy and Christian dogma. *P.G. Tarasov* 31

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Ideology in the field of art: perspectives of critical discourse-analysis. *E.A. Kozhemyakin* 39

Specifics of philological cognition. *E.A. Krotkov, D.K. Manokhin* 48

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

Education in social and cultural expanse: system approach. *K.Y. Koro-lyova* 56

Art and aesthetic constancy of romantic concept of A.S. Pushkin. *V.V. Lipich, T.I. Lipich* 70

Evolution of images of sex and love in Russian culture of XIX – XXI centuries. *A.M. Strakhov* 81

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES.

Resource technologies in municipal management of the system of social defense of childhood. *N.V. Lazurenko, M.E. Polenova, E.S. Sazonova* 87

The problems of stimulation of innovation project activity in region. *I.E. Nadutkina, V.P. Rimskiy* 100

The modernizing potential of the conflict of innovational development in the high school. *V.B. Tarabaeva* 109

Social-administrative technologies of localization of public deviations in youth environment of small cities. *G.A. Borisov, G.M. Tarasenko* 116

Specificity of administrative work of innovation organizations. *G.A. Borisov, S.A. Shovgenya* 123

**DEVELOPMENT OF STATE AND LEGAL INSTITUTIONS
IN RUSSIA: NEW REALITIES AND PERSPECTIVES**

Parliamentarism as a regime of governmental power. *G.A. Borisov* 126

Private property right in the institutional system of eurasianism or where the vector of historical choice of Russia, Ukraine and Byelorussia is directed. *V.E. Rubanyk* 132

Participants of regional legislative procedure. *V.N. Samsonov, E.V. Samsonova* 140

Evolution of the functions of the Russian Empire Consular Agencies in the XVII-XX centuries. *E.V. Safronova* 148

PROBLEMS OF LEGAL MANAGEMENT OF SOCIAL RELATIONS IN TERMS OF REFORMATION OF LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

The peculiarities of criminal legislation at the present stage of its reformation. *N.I. Arhiptsev* 162

State as necessary condition of effective opposition. *E.E. Tonkov, S.V. Masalutina* 167

Legal policy of the Russian Federation in the sphere of national informational resources. *A.N. Prokopenko, A.A. Krivoukhov* 173

Problems of criminal and legal treatment of criminal offenses connected with illegal drug trafficking specified as having qualifying features. *L.A. Prohorov, M.L. Prohorova* 182

In respect to the wording regarding the evaluation concept in the criminal law. *O.S. Stepanyuk* 195

Legal regulation of consumer cooperation at the present stage of economic development. *S.V. Tychinin* 202

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

Value and motive basis of charity in ancient Russia. *E.P. Belonozhko, A.M. Kapustina* 209

Youth culture in modern society. *M.M. Belousova* 217

The level and character of religiosity of student youth of Belgorod State University in transition period. *S.M. Klimova, G.W. Martynova* 222

Transformed forms of youth's self-consciousness in subcultural forms of religiosity. *O.N. Rimskay* 247

THESIS AND REPORTS

Philosophical and anthropological analysis of modern terrorism. *S.N. Borisov, O.S. Borisova* 253

Drug addiction in youth communities. *E.E. Gorodova* 263

Lingvo-communicative specific of Sino-Russian political discourse (based on the Internet materials). *E.W. Pereverzev* 268

SCIENCE LIFE AND COMMUNICATION

Discussion "On specifics of religious philosophy" *V.P. Rimskiy* 274

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

The processes of legitimation of power in regional space. *L.V. Kolpina* 300

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ
БЕЛГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
40 ЛЕТ ИСТОРИИ (ЛЕТОПИСЬ)

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ
БЕЛГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

П.Г. Коняев, С.А. Кутоманов, А.М. Страхов

Кафедра философии – одна из старейших в Белгородском государственном университете. За свою длинную историю кафедра сменила несколько названий:

кафедра марксизма-ленинизма – до 1964 г.

кафедра марксистко-ленинской философии и научного коммунизма – с 1964 по 1967 гг.

кафедра марксистко-ленинской философии – с 1967 по 1990 гг.

кафедры философии и культурологии – с 1990 по 1995 гг.

кафедра философии – с 1995 г.

Историю кафедры следует начинать с 1967 г., а именно с приказа ректора Белгородского педагогического института доц. Д.М. Забродина № 206 от 26 августа 1967 г., основанного на приказе Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР от 21 августа 1967 г. № 383 «О разделении кафедр истории КПСС и политэкономии, философии и научного коммунизма». Согласно этому приказу общее число кафедр в институте было доведено до 15, что было достигнуто созданием вместо 2 кафедр: кафедры истории КПСС и политэкономии и кафедры философии и научного коммунизма, было создано 3 кафедры: кафедра истории КПСС; кафедра политэкономии и научного коммунизма и кафедра философии.

Таким образом, в 1967 г. дисциплина «Научный коммунизм» была передана на кафедру политэкономии и научного коммунизма, что можно считать началом собственно кафедры философии, так как с этого момента кафедра стала заниматься исключительно философской проблематикой. За кафедрой были закреплены 3 основные дисциплины: диалектический материализм, исторический материализм и научный атеизм. Кроме основных курсов велись и спецкурсы, в частности «Философские вопросы естествознания».

Заведующим кафедрой философии стал бывший заведующий кафедрой философии и научного коммунизма, специалист в области естествознания, автор множества работ по проблемам естественных наук к.ф.н., доц. В.Т. Салостин, работающий в Белгородском педагогическом институте с 1963 г. До этого он работал преподавателем ПВО в дорожной школе, заочно учился на физмате Саратовского университета, который закончил с отличием в 1950 г. В августе 1944 перешел на работу в Ртищевскую семилетнюю школу №85, затем работал инженером МПС г. Щелково Московской обл. В 1952-1955 гг. учился в очной аспирантуре Саратовского университета, где впоследствии и работал ассистентом, старшим преподавателем и доцентом, а в сент. 1960 г. защитил кандидатскую диссертацию.

Всего же в 1967 году в состав кафедры, кроме заведующего, входило 7 преподавателей: к.ф.н., и.о. доц. Ю.С. Марков; к.ф.н., и.о. доц. В.И. Левочкин; ст. препод. А.В. Маргулис; ст. препод. Л.В. Сапожникова; ст. препод. А.И. Ярцев; асс. Ю.Д. Туренко; асс. Шаров (в конце года ушел в ГК КПСС).

Возникнув на базе кафедры философии и научного коммунизма, кафедра сохранила хороший потенциал в лице преподавателей, что отметила проверка кафедры Комиссией Министерства Просвещения РСФСР. Комиссия констатировала высокий уровень преподавания основных предметов. Однако отрицательным в работе кафедры являлась слабая связь со специальными дисциплинами, слабое использование наглядных пособий и средств ТСО.

Сотрудники кафедры активно занимались научной работой, в частности, В.Т. Салостин работал над докторской диссертацией «Диалектика взаимопроникновения естественных наук», а 27 июня 1967 г. при кафедре философии Харьковского государственного университета ст. преподавателем А.В. Маргулисом была защищена кандидатская диссертация «О потребности как социологической категории».

Сотрудники кафедры активно печатали пропагандистские статьи в местной прессе, популяризируя философские идеи, а также работали в областной философской секции «Знание», готовили студентов-лекторов, ездили с лекциями по школам района.

Кафедра на начальном периоде не имела собственного помещения и была вынуждена ютиться в одном кабинете с двумя другими гуманитарными кафедрами, что вызывало определенные трудности. Отсутствие лаборанта затрудняло ведение дел кафедры. В 1968-69 учебном году на кафедру на должность доцента вернулся П.Г. Коняев, с 1960 по 1968 гг. находившийся на партийной работе и защитивший в 1967 г. кандидатскую диссертацию «Критика христианской концепции истины (на материалах русского Православия)».

При кафедрах работал кабинет общественных дисциплин, где кроме заведующего кабинетом работало 3 лаборанта. Кабинет был оборудован 50-ю посадочными местами (библиотека института на тот момент располагала 100-ми!). Он насчитывал достаточное количество трудов классиков марксизма-ленинизма, однако недостаточно укомплектовывался периодическими изданиями и монографиями, особенно новыми.

Члены кафедры постоянно повышали квалификацию при ведущих вузах страны. Наиболее тесные связи поддерживались с МГУ им. Ломоносова и Ростовским государственным университетом. Постоянно повышая квалификацию, члены кафедры проходили обучение в аспирантуре ведущих вузов СССР. Так в 1968 году Ю.Д. Туренко поступает в заочную аспирантуру, работая над проблемой «Историко-философские концепции В. Соловьева»

Кафедрой проводилась активная работа с перспективными студентами. В частности, в 1969 году А. Оксака рекомендовали в очную аспирантуру на основании реферата «О некоторых проблемах определения понятия информация».

Члены кафедры выполняли кроме аудиторной нагрузки огромную общественную работу, что объяснялось идеологической направленностью кафедры. В 1970-1971 по самым скромным подсчетам на каждого члена кафедры приходилось по 10 общественных нагрузок со стороны обкома КПСС, горкома КПСС, институтского и факультетских партбюро. Однако, стоит отметить, что преподаватели кафедры имели годовую нагрузку около 550 ч., тогда как средняя нагрузка по институту составляла 800 ч. Заработная плата старшего преподавателя кандидата наук во второй половине 60-х годов составляла порядка 320 руб. в месяц, а заведующий кафедрой в 1972 г. получал 384 руб., что для того времени было достаточно приличным доходом.

В целом же преподавателями кафедры большое внимание уделялось не только идейно-теоретическим, но методологическим основам лекций. Работа сотрудников поощрялась руководством, в частности в 1969 г. Ю.С. Марков и А.В. Маргулис были помещены на Доску Почета, а остальные члены кафедры награждены Почетными грамотами.

Многие члены кафедры выдвигались на руководящую работу. Так в 1970 г. А.В. Маргулис был назначен деканом факультета иностранных языков, оставивший, однако в 1972г эту должность, чтобы активнее заниматься научной работой и завершить докторскую диссертацию.

В.С. Чеботарев, работающий на кафедре, был назначен проректором по АХР. В 1974 г. доцент кафедры П.Г. Коняев становится ректором института, а в 1986 г. к.ф.н., доц. Н.И. Руднева – деканом исторического факультета.

В 1969 г. вместо выбывшего в аспирантуру Ю.Д. Туренко на кафедру приняли доц. И.В. Сосину и асс. М.Н. Шарова.

В январе 1971 году В.Т. Салосин, перешел на работу в другой ВУЗ, а заведующим кафедрой был назначен к.ф.н., доц. В.А. Ассеев занимающийся проблемами естествознания, и работающий над докторской диссертацией «Экстремальные принципы в естествознании и их философское содержание».

В этом же году перешел в другой вуз также доц. Ю.С. Марков, но кафедра пополнилась новыми преподавателями. На должность ассистента были приняты А.В. Беликова и Н.А. Васина.

В 1972 году проблема кадров по-прежнему стояла очень остро, поэтому на должность ассистента был принят Б.П. Скворцов, который уже в мае этого года защитил кандидатскую диссертацию «Социальное движение народных масс классового общества». Он впервые предложил новое для кафедры направление – эстетику, начав читать соответствующий курс. В этом году кафедра насчитывала 10 штатных преподавателей.

В январе 1972 защитил кандидатскую диссертацию А.И. Ярцев «Преодоление существенных различий между городом и деревней в период развернутого строительства коммунизма в СССР».

Кафедра продолжала поддерживать тесную связь с ведущими вузами СССР: МГУ, Ленинградским государственным университетом, Новосибирским государственным университетом, Ростовским государственным университетом.

В ноябре 1972 г. вновь произошла смена заведующего кафедрой, коим стал вновь прибывший к.ф.н. доц. Б.Н. Иванов 1923 г.р., закончивший Пензенский пединститут. Участник Великой Отечественной войны, участник обороны Сталинграда, работал учителем в средней школе. В 1950-1953гг обучался в аспирантуре Московского городского пединститута им. В.П. Потемкина. Там же в 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию. Работал в Ростовском пединституте, а затем в Пензинском пединституте, где заведовал кафедрой. Автор 23 работ общим объемом 35, 75 п.л., выходящих как в центральных так и региональных изданиях.

В ноябре 1972 г. на кафедре философии было организовано философское общество, председателем которого стал доц. А.В. Маргулис, а секретарем Б.П. Скворцов.

Следует отметить, что, несмотря на существующие доброжелательные личностные отношения, на кафедре зачастую вспыхивали научные споры. В частности отрицательная рецензия А.В. Маргулиса на статью Б.Н. Иванова «Проблема практики в диалектическом и историческом материализме» вызвала интересные дебаты.

В 1973-1974 г. на кафедру пришел выпускник МГУ А.М. Страхов, который вскоре стал исполнять обязанности заместителя секретаря комитета ВЛКСМ института, а П.Г. Коняева в этом же году избрали вначале на должность секретаря партбюро института, а затем и на должность ректора Белгородского педагогического института им. Ольминского.

С 1 сентября 1974 г. ушла Л.В Сапожникова. на работу в ВЗФЭИ. Вместо нее пришла на должность ассистент Н.И. Кривопустова (впоследствии Руднева).

Проверка комиссии обкома КПСС в 1974 г. отметила, что идейно-теоретическая и методический уровень лекций и семинаров по философским дисциплинам отвечает требованиям высшей школы, и это несмотря на то, что только у А.В. Маргулиса и А.М. Страхова было базовое философское образование!

Продолжалась активная пропагандистская общественная работа. Так за 1974-75 учебный год вне института членами кафедры было прочитано 200 лекций.

С 1 апр. 1975 г. по состоянию здоровья должность зав кафедрой оставляет Б.Н. Иванов, и заведующим кафедрой становится доц. А.И. Ярцев 1924 г.р., закончивший Челябинский пединститут по специальности история, и работающий в Белгородском пединституте с 1957 г.

В 1976-77 учебном году на кафедре работает 7 человек. В этом же учебном году докторскую диссертацию «Диалектика деятельности и потребностей общества» защищает А.В. Маргулис.

К 1980 г. на кафедре разрабатывалось 2 основные коллективные темы:

- Проблемы социальной деятельности и практики (руководитель доц. Б.Н. Иванов);
- Социально-экономические проблемы развития социалистических сельскохозяйственных предприятий (руководитель доц. А.И. Ярцев).

Кроме этого, в этом году на кафедре была выполнена первая хоздоговорная работа «Социологическое обоснование и разработка проекта плана социологического развития завода «Энергомаш» в XI пятилетке» под руководством А.В. Маргулиса.

Большое внимание начинает уделяться спецкурсам, которые позволяли связать философскую проблематику с отдельными научными дисциплинами: «Философские проблемы физики», «Философские вопросы языка и литературы», «Взаимоотношение общества и природы в условиях НТР», «Научно-атеистическое воспитание в школе».

В 1981 году защитил докторскую диссертацию «Проблемы практики (историко-гносеологический анализ)» и получил звание профессора Б.Н. Иванов, а в конце этого года А.И. Ярцев переходит на должность заведующего кафедрой научного коммунизма.

Новым заведующим кафедрой философии становится А.В. Маргулис, один из ведущих ученых ВУЗа, автор 2 монографий и более 30-ти научных работ, 1928 г.р. уроженец с. Ружи Житомирской обл., закончивший в 1953 г. философский факультет Киевского университета. До прихода в Белгородский педагогический институт, который состоялся в 1962 г., А.В. Маргулис работал учителем истории в школе, а затем преподавателем в Вечернем институте марксизма-ленинизма. Кроме того, он был членом партбюро института, инструктором обкома КПСС а с 1983 г. председателем общества «Знание» и отличником народного образования

Продолжается активная работа по НИРС. В 1981 г. студент истфака В. Овчинников под руководством доц. А.И. Ярцева с работой «Философские проблемы социального познания» на Всесоюзном туре студенческих работ получил оценку «хорошо» и диплом, а в 1984 г. студентка Н. Ушакова получила 1 премию на Всесоюзном конкурсе.

Не прекращается тесное сотрудничество со школами. Подшефной школой кафедры являлась школа деревни Головино Борисовского района. По-прежнему преподаватели кафедры выступают с лекциями в районах.

В 1981-1982 на кафедру приходят работать асс. Р.Я. Позднякова и В.Я. Синявин. В этом же учебном году кафедра получила отдельный кабинет и оборудование. Должность старшего лаборанта исполняла С.Я. Вервейко.

Полным ходом идет общественная работа. Так в общежитии № 3 в качестве шефства проводились круглые столы, читались лекции, велись диспуты, сеансы одновременной игры в шахматы, субботники, дни бега. Совершались коллективные выезды на предприятия города.

В 1982-83 учебном году на должность ассистента поступила Т.И. Филатова (впоследствии Липич), а всего на кафедре работает 8 преподавателей. В этом же году В.Я. Синявин поступает в аспирантуру МГПУ.

В 1983 г. А.М. Страхов выпускает уникальный «Философский словарь» для студентов-узбеков.

В 1984 г. на кафедру приходит работать ассистентом Б.В. Толмач, профессиональный социолог, благодаря которому кафедра успешно осуществило исследование социально-демографической структуры и перспектив ее развития Белгородского витаминного комбината.

В 1985 г. переходит на работу в Институт философии АН СССР А.В. Маргулис, а заведующим кафедрой стал специалист в области социальной философии Б.Н. Скворцов 1938 г.р., в 1960-м году закончивший с отличием историко-философский факультет Рязанского государственного педагогического института. До прихода в институт Б.Н. Скворцов работал директором школы, инструктором отдела пропаганды Рязанского ОБКОМа ВЛКСМ, ассистентом кафедры философии Рязанского радиотехнического и медицинского институтов. С 1972 г. ассистент, а с 1974 г. доцент кафедры философии

Белгородского пединститута, а с 1992 г. профессор. Внештатный корреспондент Белгородской правды, главный редактор общеинститутской газеты Просвещение, редактор шахматного отдела Белгородской правды.

В 1985 г. В.Я. Синявин защитил кандидатскую диссертацию «Всеобщее и особенное во взаимодействии прерывности и непрерывности движения».

К 1986 г. произошли большие кадровые перемены, связанные с увольнением Р.Я. Поздняковой и А.В. Маргулиса и отъездом Б.В. Толмач на учебу в аспирантуру. Поэтому на кафедре появилось сразу несколько новых преподавателей: ас. А.А. Кобченко, к. филос. н. В.В. Красникова, к. филос. н., ст. препод М.Ю. Ширманова, а позже ас. И.П. Мазурова (впоследствии Корнеева).

Таким образом, в 1986-87 учебном году на кафедре работало 12 человек, из которых 1 проф., 3 доцента, 2 ст. преподавателя и 6 ассистентов, не считая почасовиков.

В 1987 г. на кафедру пришли к. филос. н., старший преподаватель В.П. Римский и ассистент Н.З. Бросова, а в 1989 г. добавилось еще 2 преподавателя – О.Ф. Басаргина и Е.А. Сакаш.

Конец 80-х/нач. 90-х годов был сложным периодом в истории страны, что отразилось как на деятельности института в целом, так и кафедры философии в частности. Необходимость перехода на хозрасчет и самоокупаемость вызвала в 1990 г. обсуждалось на заседании кафедры предложение ректората института «О дополнительной плате за дополнительные занятия со студентами». Члены кафедры выступили против, отметив, что образование в нашей стране бесплатное, а, кроме того, студенты не настолько богатые люди. Но уже в 1992 назрело решение о повторной платной сдаче экзаменов у заочников и организации платных консультаций.

В 1992 г. преподаватели кафедры Б.П. Скворцов, В.П. Римский, Н.И. Руднева, Т.И. Филатова приняли участие в создании негосударственного образовательного учреждения «Белгородский коммерческий педагогический колледж», учредителями которого выступили Белгородский государственный педагогический институт и фирма «Минерва», которую возглавлял В.П. Римский. Причем Б.П. Скворцов выступал в качестве президента колледжа, а Т.И. Филатова, В.И. Левочкин и Т.В. Носова работали там преподавателями.

В этом же году защитила кандидатскую диссертацию Т.И. Филатова, а год спустя И.П. Мазурова.

В начале 90-х кафедра представляла собой общеинститутское подразделение занимающиеся учебно-методической, научно-исследовательской и культурно-воспитательной деятельностью, обслуживающее все факультеты института.

На кафедре работало 14 человек: 1 профессор, 12 доцентов и кандидатов наук и 1 ассистент. В 1993 г. на кафедру пришла работать Т.В. Носова, что связано с необходимостью преподавания дисциплины «Логика».

В возрастном отношении кафедра представляла собой следующую картину: до 35 лет – 5 чел., 35-50 лет – 8 чел., 51-60 – 3 чел.

В 90-е годы преподаватели кафедры вели следующие дисциплины: «Философия», «Этика», «Эстетика», «Культурология», «История и теория религии и атеизма». Кроме этого проводилось огромное количество спецкурсов: «Философские проблемы истории», «Историческое творчество как проблема мировой социально-философской мысли», «Человек и Общество: диалектика взаимоотношений», «Основы духовной культуры христианства», «Ораторское искусство», «Социология физкультуры и спорта», «Актуальные проблемы духовной культуры», «Философия любви в России», «Философские проблемы экологии», «Основы современной этики», «Пушкин в русской философии», «Философские проблемы литературы», «Русская идея», «Эстетические основы британского искусства (на английском языке)», «Культура делового общения», «Проблема человека в немецком экзистенциализме». Преподаватели также принимали активное участие в приеме экзаменов кандидатского минимума по философии.

Новые веяния в сфере идеологии не обошли стороной кафедру, которая, начиная с 1992 г., была переименована в кафедру философии и культурологии (название с добавлением слова «культурология» – предложение В.П. Римского). Выступая на заседании кафедры 28 окт. 1992 г. зав. кафедрой Б.П. Скворцов отметил необходимость сохранения потенциала кафедры в классическом направлении в качестве философской, отказавшись от идеологических штампов.

С начала 80-х годов и до середины 90-х г. кафедра работала над одной проблемой: «Проблема социальной деятельности и истории общественной мысли». За это время по данной теме было опубликовано 3 монографии, 14 статей и 29 материалов докладов.

В виду катастрофической нехватки качественных учебников по философии кафедры была вынуждена выпускать собственные.

К середине 90-х годов увеличилась аудиторная нагрузка, которая достигла в среднем 650-700 часов на человека.

На основании приказа №1005 от 13 окт. 1994 г. Государственного комитета РФ по высшему образованию в 1994 г. БГПИ был переименован в Белгородский государственный педагогический университет им. М.С. Ольминского.

1994-1995 учебный год ознаменовался рядом кадровых потерь: Е.А. Сакаш не была рекомендована на должность ассистента, а также уволился В.Я. Синявин. Однако кафедра усилилась к.ф.н., доц. Е.А. Антоновым, перешедшим из ХАГУ и в 1995 г. ставшим доктором философских наук и профессором кафедры.

В 1995 году в университете была создана новая кафедра: кафедра культурологии и религиоведения, заведующим которой стал В.П. Римский. На эту кафедру вместе с дисциплинами «История науки», «Религиоведение», «Культурология», «История мировой культуры», «Мировая художественная культура» перешел ряд преподавателей: Н.З. Бросова, А.А. Кобченко, М.Ю. Ширманова.

В 1996 г. Указом Президента РФ от 12 июля №1030 Белгородский государственный педагогический университет им. М.С. Ольминского был переименован в Белгородский государственный университет.

На кафедре произошла смена заведующего. Новым заведующим стал специалист в области политической аксиологии и современного политического процесса, переехавший из Сумского университета, где он был заведующим кафедрой философии, д.ф.н., доц. В.Н. Шилов. По-прежнему существовала определенная нехватка в кадрах. На 10 ставок приходилось 8 преподавателей. Кроме того, В.Н. Шилов не задержался ни на должности заведующего, ни на кафедре и уже в конце учебного года перешел на кафедру политологии.

В 1997 кафедру возглавил новый заведующий д.ф.н, проф. Ю.Ф. Сафонов, родившийся в 1932 г. в г. Брянске в семье служащего. В 1955 г. Юрий Федорович закончил МГУ. Работал инструктором отдела пропаганды и агитации Севастопольского горкома компартии Украины, затем в Севастопольском приборостроительном институте, где в 1969-1980 гг заведовал кафедрой философии, а до 1995 г. работал там же доцентом. С 1982 по 1985 г. находился в командировке на Кубе преподавателем-консультантом в сельскохозяйственном институте г. Сьего де Авила. С 1995 г. работал в Белгородском педагогическом университете защитив в этом же году докторскую диссертацию. Автор более чем 60 научных работ.

В с сентябре 1997 г. на кафедру на должность ассистента пришел А.В. Беседин.

В 1999 г. в связи со смертью Ю.Ф. Сафонова, новым заведующим кафедрой становится специалист по проблемам философии сельского хозяйства, социальной философии и экологическим проблемам, истории русской философии д.ф.н., доцент (с 2002 г. – профессор) Е.А. Антонов 1949 г.р. В 1977 году Евгений Алексеевич окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, где затем обучался в аспирантуре и защитил кандидатскую диссертацию в 1983 г. Работал преподавателем ХПИ и ХГАУ в г. Харькове. С 1998 г. – председатель Белгородского отделения Российского философского общества.

К концу 90-х годов продолжили возрастать нормативы нагрузки для преподавателей вуза. Профессор – 700-750 час, доцент – 850-900 час, ст. преподаватель – 900-950 час, ассистент – 1200 час.

В 2000 году на кафедре работает 14 преподавателей (5 штатных, 2 совместителя и 7 почасовиков). Кафедра наконец-то получает собственное помещение и отдельный кабинет заведующего.

Необходимость в преподавателях по-прежнему стоит остро, что связано с появлением на кафедре нового курса «Концепции современного естествознания». Поэтому преподавательский состав пополняется: к.ф.н., доц. А.И. Оксаком (2002 г), к.ф.н., асс. И.Н. Шкуратовым (2003 г), к.п.н., доц. В.Е. Пеньковым (2003г), д.ф.н., доц. Д.Г. Егоровым (2004 г).

Кроме того, в 2002 г. усиливается группа преподавателей-логиков: д.ф.н, проф. Е.А. Кротковым и к.ф.н., доц, Н.Н. Жалдаком (2002 г). В этом же году на кафедру приезжает работать д.ф.н., доц. С.И. Некрасов.

В 2002 г. происходит еще одна смена помещения кафедры, она переезжает в новый 15-й корпус по улице Победы, 85, а затем, в 2004 г., входит в состав социально-теологического факультета, поэтому перемещается на улицу Преображенскую, 73, где находится и сегодня.

Кафедра продолжает активно заниматься научной работой. В 2002 г. организуется Центр развития философской культуры, ориентированный, в первую очередь, на студентов, аспирантов и молодых преподавателей.

Меняется общекафедральная тема исследования, коей становится «Философские проблемы духовности и современная философская культура».

В целом на кафедре выделяются следующие научные направления:

- история русской философии;
- философское осмысление человеческого общества;
- проблема человека и его свободы.

Преподаватели активно публикуются как в региональных, так и центральных изданиях. Активно проводится НИРС, работают философские кружки, кафедральная лаборатория «Логичность», Философский клуб. Студенты и аспиранты под руководством преподавателей кафедры участвуют в региональных, всероссийских, международных конференциях, неоднократно являются лауреатами регионального конкурса «Молодежь Белгородчины».

В 2005 г. заведующим кафедрой становится д.ф.н., профессор В.П. Римский. 1955 г.р. В 1978 г. Виктор Павлович закончил философский факультет, а в 1983 г. аспирантуру Ростовского государственного университета. Кандидат философских наук (1985), доктор философских наук (1999), доцент (1991), профессор (2000), член Союза писателей России (1998). Работал преподавателем Шахтинского технологического института бытового обслуживания, старшим преподавателем Белгородского института потребительской кооперации. С 1987 г. – старший преподаватель, доцент (1990) кафедры философии, 1995-2004 гг. – заведующий кафедрой культурологии и религиоведения БелГУ. Римский В.П. является ученым в области культурологии и религиоведения, истории философии и религиозной философии, философской антропологии и философии культуры. Он занимается и прикладными технологическими разработками в социокультурной сфере.

В.П. Римский создает научную школу по философской антропологии, философии культуры и религиозной философии, объединяющую ученых из разных городов и научных центров, возглавляет региональный независимый экспертный совет по религиоведению, входит в число ведущих экспертов БелГУ. Виктор Павлович является членом редколлегии журнала «Научные ведомости БелГУ» (главный редактор серии «Философия. Социология. Право»).

С приходом на должность заведующего В.П. Римского произошли радикальные изменения в кадровом и научном потенциале кафедры, которые можно наблюдать и сегодня. В настоящее время на кафедре работают 4 доктора наук, Страхов А.М. 15 декабря 2006 г. защитил докторскую диссертацию, а Н.З. Бросова – 26 мая 2007 г, 15 кандидатов философских наук, доцентов и 3 ассистента без степени (обучаются в аспирантуре и успешно работают над кандидатскими диссертациями). Средний возраст преподавателей кафедры 40,8 года.

Подготовили докторские диссертации и планируют защитить в ближайшее время доценты Жалдак Н.Н. и Пеньков В.Е. В 2005 г. защитили кандидатские диссертации С.А. Кутоманов, С.Н. Борисов; в 2006 г. – Т.В. Жданова, Д.К. Манохин и М.В. Стручаев.

На всех факультетах для студентов читаются курсы по философии, для аспирантов – по истории философии, истории и философии науки, по логике и методологии научного исследования, а также по дисциплинам научной специальности. А в связи с расформированием в 2007 г. кафедры культурологии и теологии, на кафедру философии были передана общеобразовательная дисциплина «Культурология», и кафедра пополнилась новыми преподавателями: д.ф.н., профессором С.М. Климовой, А.А. Кобченко, к.ф.н., ст. преподавателем С.В. Резником, ассистентами И. Бардыковой и А. Михайлютой.

С 2005 г. кафедра является выпускающей по специальности «философия». Курс обучения рассчитан на 5 лет по очной форме. За время обучения студенты под руководством ведущих профессоров и преподавателей университета изучают общегуманитарные, социально-экономические, естественнонаучные и математические дисциплины, а также общепрофессиональные дисциплины, дисциплины специализации, среди которых: история философии, онтология и теория познания, социальная философия, философия и методология науки, логика, история и теория мировой культуры, эстетика, этика, философская антропология, философия религии. Большое внимание отводится изучению иностранных языков, в том числе древних (латинский, древнегреческий, церковнославянский).

Философское образование дает основательную мировоззренческую и методологическую базу, позволяющую любому будущему специалисту (тем более специалисту-философу) эффективно заниматься различными видами деятельности: общественно-политической, управленческой, педагогической и аналитической работой, научным исследованием, религиоведческой или искусствоведческой экспертизой, работой в СМИ, в органах государственной власти и политических партиях. Выпускники, проявившие склонность к исследовательской работе, смогут продолжить обучение в аспирантуре нашего вуза по четырем философским специальностям.

С 2000 г. в нашем университете на основе кафедры философии и кафедры культурологии и теологии работает аспирантура по философским специальностям (в порядке их открытия):

- 24.00.01 – Теория и история культуры (философские науки, культурология);
- 09.00.13 – Религиоведение, философская антропология, философия культуры;
- 09.00.08. – Философия науки и техники;
- 09.00.01 – Онтология и теория познания.

В 2007 г. открыта докторантура по специальности 09.00.13.

Первым аспирантом кафедры философии становится в 2001 г. выпускник исторического факультета А.А. Крисанов. В настоящее время в аспирантуре при кафедре философии обучается около 20-ти аспирантов и соискателей, а всего за 7 лет работы аспирантуры через нее прошел 41 аспирант и 11 соискателей!

С 2001 г. работал диссертационный совет по специальностям 24.00.01 и 09.00.13 (философские науки), в котором успешно защищены 19 (за последние три года 15) кандидатских диссертаций аспирантами и соискателями из Белгородской области и других регионов России (Курск, Волгоград, Орел).

В 2005 г. открыт докторский совет Д.212.015.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата философских наук по специальностям 24.00.01 и 09.00.13 (философские науки) (в 2005 г. состоялось 5 защит кандидатских диссертаций, в 2006 г. защищены 2 докторские диссертации и 20 кандидатских диссертаций). Продолжаются защиты в 2007 г. Руководит диссертационным советом председатель – профессор В.П. Римский.

Ученые кафедры философии также работают в докторском диссертационном совете Д 212.015.02 по социологическим наукам при Белгородском государственном университете.

С 1999 г. под руководством профессора В.П. Римского работает межкафедральное научное направление «Человек в духовно-религиозных процессах и современной социокультурной динамике».

В 2005 г. утверждено общенаучное направление кафедры философии «Человек в изменяющемся мире постмодерна: философская рефлексия и междисциплинарные парадигмы». Руководитель общекафедрального направления – профессор В.П. Римский. Ведущие ученые данного направления: д. филос. н., профессор, Е.А. Антонов, д. филос. н., профессор, Е.А. Кротоков, д. филос. н. профессор С.М. Климова и др.

В рамках данных направлений разрабатываются самостоятельные научные направления и темы:

- методология и новые парадигмы философско-антропологических и междисциплинарных исследований человека в трансформирующихся социокультурных системах;
- история философии и задачи мышления: от метафизического к историческому человеку.
- человек на грани социокультурных систем: цивилизационные центры и культурная периферия;
- миф, религия и фольклор как языки культуры: ментально-антропологические трансформации и бытие в современном мире;
- духовно-религиозные процессы в современном мире: социокультурная динамика и ценностные ориентации личности;
- культурная антропология терроризма в трансформирующемся мире модерна и тоталитаризма;
- социализация личности в трансформирующихся социокультурных системах;
- разработка теоретико-методологических и технологических моделей ценностной адаптации и социальной терапии кризисных и девиантных личностей, маргинальных групп и антисистемных субкультур.

Данные направления выходят не только на межкафедральные и межвузовские институциональные связи, но и носят комплексный междисциплинарный характер, что способствует объединению творческих усилий ученых-гуманитариев и обществоведов Белгородской области, других регионов России и СНГ.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 130.2

ПРОБЛЕМА КОРРЕЛЯЦИИ БОГОСЛОВИЯ ЗАПАДА И ВОСТОКА: ИОАНН ЭКХАРТ И ГРИГОРИЙ ПАЛАМА*

М.Ю. Реутин¹⁾

- 1) Институт высших гуманитарных исследований при Российском государственном гуманитарном университете, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6;
e-mail: mreutin@mail.ru

В статье рассматривается различие, которое могло бы быть сопоставлено с различием между сущностью и энергией в византийском богословии, предусматривается и экхартовской мистической теологией в ее целом. Попытаемся на примере Григория Паламы и Майстера Экхарта сравнить типы западного и восточного христианского платонизма, как основных для европейской культуры теоретико-практических результатов религиозно-философского переосмысления античного и средневекового наследия.

Ключевые слова: энергия, богословие, мистика, платонизм, И. Экхарт, Г. Палама

Есть бытие Бога и есть бытие вещей, два сущностно разных уровня бытия, – при том, что бытие, как доказал сам Экхарт в «Общем прологе к Трехчастному труду», может быть только одно, и это «бытие есть Бог». Перед немецким мистиком стояла задача показать, чем эти уровни различаются (ведь речь идет о двух уровнях), и в чем они сходны (ведь речь идет о двух уровнях бытия). Решение этой задачи позволило бы Майстеру Экхарту выяснить, как в области учения о познании относятся друг к другу основа аналогии (analogon) и сама аналогия (analogatum), а в области учения о символах – первообраз и его тварный оттиск. Ибо в основе всех этих соотношений, волевым образом разведенных по разным сферам философского знания, находится феномен формы.

В основе же формы находится «движение-действие» (operatio, actio). Не неся в себе ровным счетом ничего от действующего субстрата, оно представляет собой его чистое и свободное от какого бы то ни было вещества обнаружение и проявление. «Форма всякой составной сущности возвышается над материей и как бы отстоит от нее, ведь она оказывает некое действие, простирающееся на материю, подобно тому, как магнит притягивает железо»[1]. Действие служит средством, посредничеством между воздействующим и испытываемым воздействием, так как целью любого действия является введение формы в материю, и оно есть «служитель порождения формы в материи» [2].

Майстер Экхарт стремится проникнуть в самую суть формального действия и описать все его многообразные частности. Его анализ действия как проявления самой себе незатронутой Сущности превосходит по своей тщательности толкование, которое давали действиям-энергиям его современники, афонские исихасты. Если для последних действие представляло собой некую священную и потому неанализируемую, а лишь переживаемую данность, то у Экхарта эта суть формы и символа сама разворачивалась в своего рода космос различных связей и закономерностей. Большинство из них описа-

---

* Статья подготовлена на основе монографии автора статьи: М.Ю. Реутин. Учение о форме у Майстера Экхарта. К вопросу о сходстве богословских учений Иоанна Экхарта и Григория Паламы/ Чтения по истории и теории культуры. Выпуск 41. – М.: РГГУ, 2004.

но в так называемых Тезисах о становлении вещей, содержащихся в гл. 1 «Толкования на Евангелие от Иоанна» [3].

В них доминиканский теолог исходит, прежде всего, из различия между изменением и совершенным бытием, длящимся становлением и замыкающим его мгновенным, вернее же вневременным, возникновением вещи [4]. В том и в другом состоянии – они прообразованы фигурами Иоанна Крестителя и Христа – форма и материя относятся друг к другу по-разному. В первом состоянии между ними существует напряжение и борение, особенно если речь идет не об оформлении до того неоформленной «первой материи», а о переоформлении готовых и иначе оформленных вещей, а во втором – их абсолютное согласие [5]. В первом случае между ними находятся некие «диспозиции», сами по себе отдельные акты влияния активного на пассивное, из которых складывается совокупное действие, во втором же всякое посредничество «диспозиций» отсутствует. [6]. Рассматривая в Тезисах действие не со стороны активно действующего, а со стороны воспринимающего, и именуя действие в новой перспективе «изменением», Экхарт утверждает, что изменение есть путь, ведущий к форме, внутренне причастный ей и позволяющий ее ощутить. Потому что единое для действия и изменения движение является «текучей формой» [7]; – оно окачествовано своей конечной целью и его параметры заданы формой, к которой оно устремляется.

Предварительное изменение вещи, подготавливающее возникновение ее новой формы (в активном модусе, действие), – от формы, из-за формы и ради формы. Происходящая из нее, оно послано ею вперед; оно раньше ее, но позже нее. Позже – потому что, пребывая в горнем мире в виде вечной идеи, форма предшествует своему действию. Раньше – потому что в дольном мире, прорастая в материи и созидая вещь, форма предвосхищается приуготовительными изменениями вещи [8]. При этом Экхарт указывает, что изменения, предвосхищающие рождение формы, имеют несущественный (как бы мы сегодня сказали, количественный), а изменения, последующие рождению формы, существенный (иначе говоря, качественный) характер [9].

«Пример сему мы находим в природе: когда достигнута сущностная форма, то все подготовительные к ней формы и несущественные изменения, отбросив свой неблагоприятный облик, возвращаются в облагороженном виде, совершенными вместо несовершенных. Ведь жар, последующий форме огня, гораздо совершенней жара, предшествующего его форме и подготавливающего к ней» [10].

Как известно, в пределах основанной на Аристотеле западной богословской традиции форма, формальная причина, была лишь одной из четверицы причин. Вместе с тремя другими причинами: материальной, содейательной и целевой – она образовывала в качестве одного из независимых принципов структуру тварных вещей. Экхарта не устраивало такое положение дел. Он настаивал на монархии формы. В этой связи он возвел ее в ранг «внутренней», или «первичной», причины, содейательную же и целевую низвел до уровня «внешних», «вторичных», причин [11].

«Метафизик, созерцающий бытие вещей, ничего не доказывает с помощью внешних причин, скажем, посредством содейательной и целевой причины», – пишет Экхарт в гл. 1 «Толкования на Бытие» [12]. Вслед за Аристотелем он демонстрирует производный, вторичный характер внешних причин. Так, например, целью, к которой устремлена всякая вещь, является, по Экхарту, полное осуществление ее внутренней формы [12]. Кроме того, формальная причина, если она стала действительностью, может совпасть с причиной содейательной. Так бывает, когда дом возводит строитель в соответствии с планом, наличным в его разуме [13]. В отличие от формы, содейательная и целевая причины имеют отношение не к бытию, а к становлению вещи [14]. А поскольку становление стремится к завершеному бытию, то содейательная и целевая причины существуют за счет и ради формальной причины и питаются ее силами [15].

Как видим, магистр желает всячески принизить значение внешних причин. Более того, они не устраивают его даже в пораженном статусе, ибо все-таки остаются личными сущностями, самостоятельными векторами пусть и незначительных сил. Это затемняет учение о форме, вносит в него ненужную сложность. Кроме того, если форма и материя, материальный предмет, соотносятся аналогическим образом, то какой статус приписать содейтельной и целевой причинам: соименный, одноименный? И как эти причины соотносить приуготовительными и последующими изменениями вещи? На эти вопросы Экхарт не дает ответа. Поэтому, отнеся реформирование учения о причинах к одному из его незавершенных проектов (а таких проектов немало в пределах его платонизирующего богословия), обратим внимание лишь на интенцию, основное намерение, запечатленное в этом проекте.

С учением о форме, если быть точней, учением о приуготовительных изменениях тесно связана экхартовская «философия имени». Выстраивая имяславческую философию, рейнский Мастер исходил из следующего допущения. Всякое действие, направленное на достижение какой-либо цели и на получение так или иначе оформленной вещи, заранее, уже в своем протекании определено и реально окачествовано самой этой целью и самой этой вещью. Заклучая в себе нечто от своего деятеля – интенсивность, материал, инструментарий, – действие, однако, организуется в своем существе не им, но информацией об итоговом результате и представляет собой совокупность приуготовительных изменений, предшествующих мгновенному возникновению формы, самой этой формой в ее вызревании и временном становлении.

Именно на этих посылах основывается Экхарт, размышляя в латинской проповеди XLVII/2 о природе молитвенного слова. Будучи, на первый взгляд, всего лишь последовательностью физических звуков, артикулируемых человеком, такое слово обращено в качестве своей цели к Богу, а потому определено и окачествовано Им и, стало быть, не исчерпывается звуковой оболочкой, но содержит в себе нечто от Бога [16].

Обратимся к рассуждению об аналогии из экхартовских «Проповедей и лекций по Екклесиасту». Аналогические отношения рассматриваются в нем не как одноразовое и единовременное воздействие, а как непрерывный процесс дарования и алкания пищи: «[Сотворенное сущее] всегда вкушает пищу, ибо изведено и сотворено, и однако же всегда голодает, ибо никогда не существует из себя, но от другого». Мотив непрерывного алкания, как и нищенства [17], – один из наиболее частых в произведениях Майстера Экхарта.

Другим и, может быть, еще более частым сравнением, посредством которого толкуется взаимосвязь *analógon* и *analogatum*, горнего первообраза и тварного оттиска, является уподобление эйдоса-формы струящемуся свету солнца. Оно восходит к Ин. 1, 5-9: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его...», этому общему источнику средневековой иллюминативной теологии (частично процитированному и в лекции II толкования на Екклесиастик), и в исчерпывающей полноте представлено в 41-й проповеди рейнского мистика [18].

Уподобляя форму солнечному свету, Экхарт привносит в понятие аналогии динамическое начало. Форма сообщается не одномоментно, раз и навсегда, с тем, чтобы впоследствии пребывать, наподобие каркаса вещей, устойчивой и неизменной, но непрерывно в непрерывном же становлении оформляемого.

Вещь постоянно бежит от небытия; ее бытие есть ее непрерывное возникновение и высвобождение из объятий ничто: «Творения не имеют бытия, ведь их бытие парит в присутствии Божиим» [19]. Справедливости ради надо заметить, что Экхарт позаимствовал приведенное сравнение у Фомы Аквинского [20].

Экхарт отказывается от фомистского вещественного, хотя и не соименного, толкования света в пользу его знакового понимания. Свет – не субстанция, сколь бы тонка она ни была, а информация, то есть невещественные принципы организации вещества,

в частности воздуха. Свет – это форма в постоянном течении, а воздух – материя в постоянном ее оформлении и становлении.

Солнечный диск символизирует, по Экхарту, Бога в Себе как Единое, а солнечный свет – Его проявления вовне в модусе Истинного и Благого, нетварную благодать, которая представляет собой совокупность форм и идей. Логично вытекая из экхартовско-дионисийского мировосприятия, учение о нетварной благодати все же весьма экстравагантно звучит из уст богослова-католика [21].

Сказанным не исчерпывается вся последовательность движения формы. Импутированная в вещь и встреченная ее приуготовительными изменениями: нагреванием, слабым освещением, перемещением и т. п. – она проявляет себя во вне в виде последующих изменений и способов поведения вещи. «Пребывая в самой вещи, субстанциальная и сущностная форма, – пишет Экхарт в гл. 2 «Книги иносказательных толкований на Бытие», – всегда и непрестанно поучает, напоминает и подвигает, склоняет, советует, внушает и указывает на то, что следует совершить, а что оставить: «Явлен нам свет лица Твоего, Господи!» Точно так же обстоит дело с частными формами и сущностями вещей, каковы естественным образом предопределяют и требуют или вызывают природные свойства вещей и их действия. Итак, сообщать вещам бытие и формы значит предписывать и возлагать на них обязанность действовать так-то и запрещать им действовать по-другому» [22].

К действию-обнаружению импутированной формы во вне немецкий мистик возвращается в гл. 8 «Толкования на Евангелие от Иоанна». Здесь он предлагает вниманию читателя четыре основных утверждения на эту тему [23]. Следуя своему излюбленному методу, Экхарт не доказывает, а подкрепляет их, прибегая к весьма изощренной подборке цитат из Писания. Первый тезис звучит обобщенно: все действующее действует сообразно себе; вот Бог, Он же есть бытие: «Аз есмь Сущий», действует: «Сущий послал меня» (Исх. 3, 14), чтобы все восприняло бытие: «создал все для бытия» (Прем. 1, 14). Второй тезис: действие служит только той форме, которая является принципом этого действия: «Ему единому служи» (Мф. 4, 10). Третий тезис: находясь в услужении форме, действие всякой вещи располагает внешнюю по отношению к вещи материю для восприятия всего, что присуще ее форме, принципу и отцу этого действия: «Всё, что имеет Отец, есть Мое» (Ин. 16, 15). И, наконец, то действие, которое не служит действующему в соответствии с тем, чем действующее является само по себе, служит помимо формы: «Ты поставил меня противником Себе, так что я стал самому себе в тягость» (Иов. 7, 20).

Проявления импутированной формы в окружающей среде, в виде свойств и способов поведения вещи, теолог называет акциденциями формы. «Сущностная форма, поскольку она сообщает бытие и существование составной вещи и позволяет проследить в ней Божественное или Бога, Он же есть само бытие, источник и корень всякого бытия и спасения, или существования, [сия форма] ничему не противна, ничему не враждебна, ничему не тягостна, ничему не вредна. Акциденции же, скажем, свойства, и именно тем, что они нисходят и отпадают от сущностной формы, не сообщают составной вещи бытия самого по себе, ... но позволяют ощутить силу и природу сущностной формы, от каковой они происходят и каковой подобает сообщать бытие и спасать» [24]. Возникает вопрос о статусе акциденций, то есть о соотношении свойств и проявлений так или иначе организованной вещи и самой этой вещи. По Экхарту, сущность и акциденции относятся друг к другу рассмотренным выше аналогическим способом.

Получая бытие от своего субъекта-носителя, акциденции отличаются от него по существу, ибо принадлежат иному роду, и отождествляются с ним не по существу, ибо воспроизводят собой принципы организации инородного по отношению к себе образца. Стало быть, как форма относится к вещи, так сама вещь относится к ее, созданному ее же свойствами и действиями, объективированному образу, в котором она проявляется и познается. Как форма в оформленной ею материи, так материальная вещь находится в

своем объективированном образе, одновременно пребывая вполне вне его, будучи представлена в нем не собою, но своими действиями. Отличая эти действия от действительных форм в материи, Экхарт именует их *actiones*. В совокупности они очерчивают тот обращенный к внешнему миру образ вещи, который является по отношению к ее форме как бы вторым производным и иногда называется ее «свойством», «состоянием», «одеванием» и «наружностью» (*habitus*) [25]. Внешний «хабитус» противопоставлен образованной формой сокровенной сущности, или «чтойности» (*quidditas*) [26]., вещи. Тогда как первый является предметом «вечернего познания», научного и человеческого по преимуществу, вторая требует для себя «познания утреннего», ангельского, интуитивно-мистического.

Таким образом, учение о форме, каковым оно запечатлено в схоластических и мистагогических сочинениях Майстера Экхарта, надлежит обратить внимание на его (позволим так себе выразиться в порядке предварительного суждения) в высшей степени противоречивый характер. Действительно, какой бы узел этого учения мы ни исследовали, непременно откроется содержащаяся в нем апория: непригодные для называния явлений горнего мира слова осознанно используются для называния этих явлений; аналогия предстает как тождество нетождественного; несообщаемая Сущность сообщает Себя; действие формы, в которой Сущность являет Себя, последует форме, потому что предшествует ей; Бог – то ли бытие, то ли разум, – лишен всякого бытия для того, чтобы быть всяческим бытием; Его познание простирается исключительно на бытие, но также на зло, за которым скрыто ничто; само же это ничто, несмотря на отсутствие себя как такового, предстает как активный агент, субъект своих предикатов, и т. д.

Если бы все эти несоответствия были статичны, то им было бы суждено оставаться не более чем тривиальными противоречиями, способными свести на нет ценность всякого богословского учения. Однако они динамичны. Будучи парой тезиса и антитезы, они предполагают некоторый синтез: тождество нетождественного – подобие не по существу сущностно неподобного; сообщение несообщаемого – движение-действие, в котором является нечто, остающееся неявленным само по себе. При ближайшем рассмотрении противоречивость опознается как диалектика.

Какое бы понятие ни исследовал немецкий мистик, оно всегда разворачивается в иерархию пар соподчиненных понятий. При этом каждая единая и внутренне противоречивая двойка тезиса и антитезы порождает сложное, не сводимое к ним, но и удерживающее их представление, которое в свою очередь также сочленяется с противоположным ему – с тем, чтобы влиться в синтез на новой ступени. Таким-то образом Экхарт получает понятия, каждое из которых представляет собой сложное равновесие нескольких противоположностей. «Надобно знать, – читаем мы в гл. 20 «Толкования на Исход», – что нет ничего столь неподобного, как Творец и любое творение. А с другой стороны, ничто столь не подобно, как Творец и любое творение. И дальше: ничто не является столь неподобным и вместе с тем подобным чему-либо другому, как неподобны и в то же время подобны Бог и любое творение» [27]. Философским апориям латинских схоластических толкований на ветхозаветные и новозаветные книги соответствуют оксюмороны и противоречия-парадоксы немецких сочинений, мистагогических проповедей и трактатов: «Высшее и главное, что человек может оставить, это когда он Бога оставляет ради Бога» [28].

Что же, собственно говоря, заставило Экхарта сдвинуть философские понятия и нравственные установления со своих, приписанных им схоластической мыслью мест, вывести их из тождества самим себе? Скрытый за научными представлениями и выговаривающийся в них опыт, в частности и, прежде всего, опыт «*unio mystica*». Заметим: повседневный, обыденный, пусть даже и экстатический опыт, – просто-напросто опыт, а вовсе не трансцендентные сущности, в обязательном порядке, по общему мнению, требующие противоречивых суждений. Замыкать диалектику, опираясь на Прокла, Дионисия или Маймонида, на трансцендентной Сущности не ново. Куда продуктивней

замкнуть ее на имманентном и все-таки неопишемом в дискретных понятиях опыте. Тем более, что трансцендентной Сущности, этого предмета апофатического богословия, мы выше почти не касались, что, как видим, не привело к отказу от диалектического метода богословствования.

Спонтанное протекание-разворачивание опыта разрушает ограниченность изолированных и четко очерченных понятий и их речевых символов-слов и не может описываться иначе, как только в диалектических сочленениях. В ходе подобного описания научные концепции, по своей природе статичные и дискретные, по необходимости «наезжают» друг на друга и «ломают друг другу края», то есть подвергаются частичному взаимному отрицанию во имя порождения динамического и более адекватного изображаемому опыту синтеза. Таким образом, сам понятийный строй произведений Майстера Экхарта, а именно диалектика, свидетельствует о скрытом за ним и в нем же открывающемся опыте экстатического единения с Богом.

Обобщая экхартовскую диалектику и возводя ее в основной принцип, Г. Сузо писал в посмертной «Апологии» Майстера Экхарта: «Если две *contraria*, то есть две противоположные вещи, человек не осознает как единое друг с другом, то с ним, без сомнения, невозможно... рассуждать о подобных вещах». – «Стань безумен, если желаешь приблизиться к этому...» [29].

Подводя итог, необходимо заметить, что сама теория форм является не более чем преддверием мистики Майстера Экхарта. Вообще, в экхартовском богословии условно можно выделить несколько уровней. Первый и наиболее внешний – уровень общих мест: позаимствованных у Папия Грамматика и Исидора Севильского латинских этимологий, представлений из области космологии, физиологии, механики, оптики, агрономии и пр., некритически усвоенных Экхартом из современного «научного» знания и представленных в основном в его схоластических сочинениях.

Следующий уровень – рассмотренное нами учение о форме, о присутствии Божиим в мире сотворенных Им неодушевленных физических сущностей. Связуя философское творчество рейнского Мастера с позднеантичным неоплатонизмом, это учение имеет много закономерных и существенных сходств с теорией энергий, выдвинутой и защищаемой идеологом византийского исихазма Григорием Паламой.

Третий уровень – это уровень экхартовского пантеизма и смешения аналогической символизации с символизацией соименной. Здесь изучается взаимодействие Бога и человека. Теория формы, не вызвавшая, судя по протоколам Кельнского и Авиньонского процессов, серьезных возражений со стороны ортодоксальной Церкви, систематически подменяется здесь теорией порождения: мудреца от премудрости, правдолюбца от истины, праведника от праведности, блаженного от благостыни и святого от святости. Обычно эманационный пантеизм Майстера Экхарта изучается на фоне ереси в швабском местечке Риз (ок.1270 г.), тщательно документированной в записках Альберта Великого[30].

Наконец, последний уровень можно было бы назвать уровнем антропоцентрического заострения экхартовской мистики, сменившего собой обычную теоцентрическую организацию средневекового христианства. Человек рассматривается на этом уровне как полноправный участник тринитарного процесса («Отец порождает меня как Своего Сына и как Того же Самого Сына» [31]), а Бог – как зависимый от его воли субъект действия («Без праведного человека Бог не знал бы что делать» [32]). Логика экхартовской мысли разворачивается следующим образом: человек порожден Богом и, следовательно, единосущен Ему => Бог зависим от человека => Бог есть функция человеческого сознания и способ отношения человека к себе...

Что это, если не атеизм, точнее сказать, экстатический атеизм Майстера Экхарта, подспудно и вполне закономерно – скорей структурно, чем эмоционально – подготовленный в недрах его антропоцентрической мистики? В связи с этим настойчивые

призывы рейнского Мастера «оставить Бога», звучат как нечто большее, нежели рабочие парадоксальные установки отрицательного богословия.

Мы не ставим пока своей целью всестороннее и системное сопоставление богословских учений Майстера Экхарта и Григория Паламы. Наша задача много скромней. Приводя ряд отдельных высказываний рейнского и афонского мистиков (о Божием присутствии в мире, благодати, символе, Едином, экстазе, возможности и способах познания трансцендентного), мы хотели бы лишь обратить внимание на действительное и достаточно явное сходство сформулированных в них мыслей. Впрочем, такое сходство обретается не на внешнем уровне определений и терминов, выработанных в рамках той или иной богословской школы, но на глубинном уровне мистических интуиции и опыта.

Поскольку между византийским исихазмом и немецкой мистикой не существовало никаких внешних связей, с особой остротой встает вопрос об их общих истоках. Экхарт был, как известно, чрезвычайно сильно ориентирован на богословие восточной Церкви. Состоя в 1302-1303 и 1311-1313 гг. штатным лектором при Парижском университете, он имел в своем распоряжении изготовленный в его скриптории в сер. 1250 гг. «Corpus Dionysiacum», куда входили не только тексты, но также комментарии и парафразы на них. Экхарту были, несомненно, известны и старейшие толкования на Дионисия, в частности, составленные Иоанном Скифопольским и Максимом Исповедником. К наиболее цитируемым Экхартом авторам принадлежали Иоанн Дамаскин и Иоанн Златоуст. Экхарт знал «Шестоднев» Василия Великого. Важную роль в становлении экхартовской теологии сыграли сочинения Оригена и платоновский «Тимей» в переводе Халкидия (1 пол. IV в.).

Экхарт и Палама основывались на учении Дионисия Ареопагита о Божественных «выступлениях». Первый выдвинул теорию «внутренней атрибутивной аналогии» [33], второй – теорию «энергий». Перед тем и другим стояла задача таким образом интерпретировать Дионисия, развивая уже заложенные в его трактатах, но методологически недостаточно проработанные идеи, чтобы стал очевиден не сплошной, а прерывистый характер упомянутых «выступлений» в область тварного мира.

В этом контексте возникли первые в европейской науке теории информации. Осмысляя действия самой по себе незатронутой Сущности в иноприродной по отношению к ней тварной среде, богословы *de facto* пришли к постановке более общего вопроса о тонких, непрямолнейных влияниях, оказываемых вещью на познающего ее наблюдателя при том, что материал, из которого изготовлена данная вещь и с помощью которого она, казалось бы, только и может влиять, скажем, посредством прямого контакта, остается не задействован ни в малейшей мере.

Такой перенос из области экстатической мистики в область практической гносеологии Экхарт, на наш взгляд, осуществлял вполне осознанно. Предлагая свои в целом похожие друг на друга учения о Божественных «выступлениях», богословы исходили из разных и в некотором смысле противоположных культурно-исторических ситуаций.

Если Палама учением о нетварной благодати так или иначе откликнулся на дуализм мессалиан-богомиллов (в нашей терминологии «одноименная символизация»), то Экхарт противопоставил учение о нетварной же благодати пантеизму «братьев и сестер свободного духа», радикальных бегардов и бегинок («соименная символизация»). Однако оба с разных сторон пришли к одному результату, ибо ответ дуализму и пантеизму может быть только один – учение о форме, неважно скрывается ли интуиция формы под именем энергии или аналогии. При этом набор смыслов, в которых у Экхарта и Паламы раскрывалась реальность благодати, был примерно тождествен: мудрость, святость, праведность, истина, благостыня (Экхарт), премудрость, праведность, святость, свобода (Палама). Как мы видели выше, Экхарт так выстроил свое учение о Боге (Бытии *sub ratione* Единого и Бытии *sub ratione* Истинного и Благого), что вместе с Паламой мог утверждать Его одновременную познаваемость и непознаваемость, причаст-

ность и непричастность дольному миру. Отсюда их похожее, основанные на Дионисии суждения о «переливающейся Причине» (Палама), «кипении и выплескивании Божества» (Экхарт). Впрочем, что у Паламы именовалось «нисходящим Божеством» (θεότης ὑφεζμένη), то у Экхарта называлось «Богом» (got, deus). Для Экхарта: «Бог действует, Божество не действует, – у Него нет необходимости действовать и в Нем нет никакого действия, Оно всегда отвергало всякое действие. Бог и Божество различаются действием и бездействием» [34]. Для Паламы же «... наименование «Божество» больше подходит Божественному действию, чем Божественной сущности» [35].

Однако Богословие Майстера Экхарта в общем осталось незатронутым символикой Преображения. «Облако светлое», «одежды блистающие» и «слава», описанные в Мф. 17,1-13, Марк 9,2-13 и Лук. 9,28-36, не стали для него, как для исихастов Афона, зримым воплощением Божественных «выступлений». Там же, где немецкий мистик останавливается на эпизоде Преображения, как, например, в проп. 58, его внимание привлекают сугубо второстепенные моменты, из которых можно извлечь какое-то назидание, в частности, слова Петра: «Господи, хорошо нам здесь быть». «Бесконечно большое стремление, – заключает их Экхарт, – нам подобает иметь к единению с нашим Богом и Господом» [36].

Центральное место в богословии Экхарта и его школы отведено восхищению ап. Павла «до третьего неба» (2 Кор. 12, 1-5). В мистике рейнских мастеров оно играло ту же роль, какую играло Преображение в мистике византийского исихазма.

Если придерживаться трехчастного членения эволюционной истории исихазма, то следует признать, что экхартовское учение об аналогиях соответствует ее второму этапу «философско-богословского выражения и обоснования» [37]. Учение Экхарта не имело сколько-нибудь ощутимых политических последствий и, по всей вероятности, не представляло собой теоретического обобщения какой-либо психосоматической практики, сопоставимой с деланием «умной молитвы» в монастырях и скитах Афона. Тем не менее, Экхарт неоднократно подчеркивал преимущества сидячей молитвенной позы.

Весьма многочисленны рассуждения немецкого мистика и по поводу опрощения, внутреннего единения, отсечения помыслов и хранения ума [38]. Его внимание привлекали также важнейшая роль сердца в физической и духовной жизни человека и его центральное положение в теле: «Сердце находится в середине и оно хочет быть со всех сторон охраняемым». Однако, будучи тесно связано с деятельностью души, сердце, по Экхарту, не является ее вместилищем и местом ее пребывания, хотя и ощущает в качестве наиболее тонкого органа ее воздействия первым [39], ведь, согласно учению Экхарта, не душа находится в теле, а тело пребывает в душе, поскольку элемент более совершенный всегда объемлет собой элемент менее совершенный [40]. Однако, указанные мотивы: молитвенной позы сидя, отсечения помыслов и хранения сердца – никак не связаны друг с другом в богословии и мистагогии рейнского мистика и не интегрированы в цельное аскетическое учение.

В то же время они недвусмысленно свидетельствуют о его «восточных симпатиях». Действительно, в культуре восточного христианства Экхарта интересовала не только линия Дионисия и его греческих толкователей, но и линия практической аскезы. Майстер Экхарт во многом опирался на ту древнюю аскетическую традицию, к которой тоже, хотя в расширенном значении, приложимо название «исихазм» (термин «ἰσυχία» возник в IV в.) и которую на рубеже XIII-XIV вв. творчески развили Никифор Уединенник, Симеон, Григорий Синаит и Каллист Ангеликуд.

Не будучи, в отличие от учения об энергиях, теоретическим обоснованием той или иной психосоматической молитвенной практики, учение об аналогиях все же обобщало экхартовский опыт обращения со словами молитвы. Логически следуя из положений теории формы, размышления мистика о природе слова, обращенного к Богу, как и выговари-

вающийся в этих размышлениях опыт молитвенного богообщения, были в то же время исходным стимулом, отправным моментом в создании самой этой теории. Впрочем, Экхарт не знал «молитвы Иисусовой»; он вообще глубоко сомневался в целесообразности и возможности непрерывного молитвенного делания. По этому вопросу его мнение весьма напоминало мнение противника Паламы, Варлаама Калабрийского.

Являясь по существу эклектиком, Экхарт иногда противоречит себе и учит, как и подобает католику, о «тварности» благодати: «gnâde ist ein creature» [42]. Поэтому, чтобы остаться верным своей теории Божественной эманации, ему приходится разводить «благодать» и «свет» (licht) Божий: «Благодать – это свет, распространяющийся надо всем и превышающий все, что Бог когда-либо сотворил или собирается сотворить. И все-таки свет благодати, как бы велик он ни был, мал по сравнению со светом Божественным» [43].

Список литературы

1. Майстер Экхарт. Толкование на Евангелие от Иоанна. Гл. 14, п. 554. // Meister Eckhart. Die deutschen und lateinischen Werke: in 10 Bd. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1936-1997. – S. 483, 4-8 (далее DW и LW).
2. Там же. – Гл.8, п. 464: «[Aedo] servus est generationis formae in materia» (LW III, S. 397, 4-5).
3. Там же. – Гл. I, п. 143-149 (LW III, S. 120,7-124,4).
4. Соответственно противопоставляются: «moveri et motum esse», «fieri et factum esse», «informe et imperfectum» и «forma et perfectum». Толкование на Евангелие от Иоанна. Гл. 1, п. 143 (LW III, S. 120,7-11).
5. Майстер Экхарт. Об отрешенности. М., СПб.: Университетская книга, 2001, С. 184.
6. Майстер Экхарт. Толкование на Евангелие от Иоанна. Гл. 3, п. 325: в процессе становления «materia ... indiget dispositionibus quibusdam mediantibus», в процессе же бытия: «inter esse et substantiam materiae nullum cadat medium nec dispositi» (LW III, S. 273,5-274,3).
7. Там же. Гл. 1, п. 144. (LW III, S. 120,12-121,2).
8. Согласно Экхарту, форма раньше предварительных изменений по двум причинам: а) поскольку она – в постижении и намерении действующего (in apprehensione et intentione operantis), б) поскольку она есть цель, конец и покой исполнения и изменения (ipsa est finis, terminus, quies executionis et alterationis). См. Толкование на Евангелие от Иоанна. Гл. 1, п. 148 (LW III, S. 123, 3-10).
9. Там же. П. 146 (LW III, S. 122,1-4).
10. Там же. П. 246. (LW III, S. 205,6-9).
11. Там же. Гл. 8, п. 170. (LW II, S. 505, 10-11). Там же. П. 190. (LWU, S. 525,5-7).
12. Майстер Экхарт. Толкование на Бытие. Гл. 1, п. 4. (LW I, S. 187,15-188,1).
13. Майстер Экхарт. Толкование на книгу Премудрости. Гл. 1, п. 26. (LW II, S. 346,7-8).
14. Там же. П. 21. (LW II, S. 342,9-12).
15. Там же. П. 19. (LW II, S. 340,1-3).
16. Там же. Гл. 16, п. 268. (LW II, S. 598,4 – 5).
17. Майстер Экхарт. Лат. проповедь XLVII/2. П. 489. (LW IV, S. 404, 7-9).
18. Майстер Экхарт. Книга иносказательных толкований на Бытие. Гл. 1, п. 25 (LW I, S. 495, 1-496,4).
19. Майстер Экхарт. Проповедь 41 (DW II, S. 294, 5-14).
20. Майстер Экхарт. Проповедь 4. (DW I, S. 70,2-3). Это высказывание обратило на себя внимание кельнских инквизиторов и вошло в оба списка предъявленных Экхарту подозрительных цитат из его сочинений. Об отрешенности. С. 242, 292,400, 415.
21. Сумма богословия I, вопр. 104, ст. 1; Об истине, вопр. 21, ст. 4, отв. на п. 2 //
22. Здесь было бы уместно вспомнить статью И.Ф.Мейендорфа «Флорентийский собор: причины исторической неудачи» (Византийский временник. 1991. Т. 52. С. 84 – 101). «Он [Мейендорф] считал, что... шансы на успех появились бы, будь на соборе представлена католическая церковь Германии, где еще были живы традиции Мейстера Экхарта и его учеников. Эти немецкие доминиканцы и родственные им течения в католицизме действительно ориентировались на восточных отцов и отчасти на восточную аскетическую. Насколько они... были готовы принять православное богословие и отказаться от латинских заблуждений – сказать трудно, хотя, вероятно, вопрос о нетварной благодати камнем преткновения бы не стал» (Протопресвитер Иоанн Мейендорф. Жизнь и труды святителя Григория Паламы. Введение в изучение. СПб., 1997. С. 391).
23. Майстер Экхарт. Книга иносказательных толкований на Бытие. Гл. 2, п. 88. (LW I, S. 550,11-551,5). Ср.: Пс. 4, 7.
24. Майстер Экхарт. Толкование на Евангелие от Иоанна. Гл.8, п. 463-468 (LW III, S. 396,5 – 400,11).
25. Там же. Гл. 12, п. 534. (LW III, S. 465,10-466,6).

26. Согласно Экхарту, хабитус является совокупностью последующих изменений и противопоставляется предшествующим изменениям, см.: Толкование на книгу Премудрости. Гл. 12, п. 236 (LW II, S. 569,12-570,3).
27. Майстер Экхарт. Книга иносказательных толкований на Бытие. Гл. 1, п. 62 (LW I, S. 528, 12-529,7).
28. Майстер Экхарт. Толкование на Исход. Гл.20, п. 112. (LW II, S. 110,3-6).
29. Это высказывание инкриминировалось Экхарту в ходе Кёльнского процесса, см.: Об отрешенности. С. 241, 399-400.
30. Сузо. Г. Книжица Истины. Книга любви. СПб.: Алетея, 2003, С. 32, 93-96; 34, 106-108; Об отрешенности. С. 331.
31. Grundmann H. Religiöse Bewegungen im Mittelalter. Neue Beiträge zur Geschichte der religiösen Bewegungen im Mittelalter. Hildesheim, 1961. S.402 -438. Idem. Deutsche Mystik, Beginentum und Ketzerei des «Freien Geistes»// Ibidem. S. 524-538. Публикации еретических тезисов: Preger W. Geschichte der deutschen Mystik im Mittelalter: in 3 Bd. Bd. 1. Leipzig, 1874. S. 461-471; LeffG. Heresy in the Later Middle Ages: in 2 Vol. V. 1. Manchester; New York, 1967. P. 308-315. Что касается экхартовского пантеизма, то в наиболее полном виде он представлен на примере порождения блаженного от благостыни в гл. 1 «Книжицы Божественного утешения» (DW V, S. 9,4-15,5; Об отрешенности. С. 170-174) и праведника от праведности в гл. 1 «Толкования на Евангелие от Иоанна», п. 14-22 (LW III, S. 13,4-19,2).
32. Тезис 22 из буллы папы Иоанна XXII «In agro Dominico» от 27.III. 1329; Archiv für Litteratur und Kirchengeschichte des Mittelalters / Hrsg. von P.H.Denifle und Fr.Ehrle S.I. Bd. 2. Berlin, 1886. S. 638. Об отрешенности. С. 316.
33. Тезис 13 из буллы «In agro Dominico». Ibidem; Об отрешенности. С. 315.
34. Термин «аналогия» был заимствован западной схоластикой из сочинений Дионисия Ареопита; см.: Lossky V. La notion des «Analogies» chez Denys le Pseudo-Aréopagite // Archives d'Histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age / Dirigées par Et.Gilson et G.Théry O.P. Vol. 5 (Année 1930). Paris, 1931. P. 279 309.
35. Проповедь L W. S. 181.
36. Γρηγορίου τοῦ Παλαμά Συγγράμματα I Εκδίδουν Π.Κ.Χρήστου. Τόμος Α', θεσσαλονίκη, 1988. P. 306. Помимо указанного издания использованы следующие издания произведений Григория Паламы: 1. Grégoire Palamas. Défense des saints hésychastes/ Ed. par Jean Meyendorf T. Vol. 1-2. Louvain: Spicilegium Sacrum Lovaniense, 1959. 2. Saint Gregory Palomas. The One Hundred and Fifty Chapters / Ed. by Robert E. Sinkewicz. Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1988.
37. DW II, S. 615
38. Прохоров Г.М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV веке // Прохоров Г.М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Статьи. – СПб., 2000. – С. 50.
39. «То сердце чисто, которое отделено и отрешено от всех тварей», потому что все творения суть ничто (проп. 5 а; DW I, S. 80); в повседневной жизни нужно быть не «в вещах», но «при вещах» и «подле вещей» (проп. 86; DW III, S. 485—487). «Все голоса и все звуки должны уйти прочь и должна воцариться полная тишина, молчание в тишине» (проп. 19; DW I, S. 312), причем важно и «хранение глаз» (проп. 33; DW II, S. 138); нужно, чтобы «Бог стал человеком, а человек – богом» (проп. 86; DW III, S. 492).
40. проп. 71, DW III, 218.
41. «... Бытие души сосредоточено по преимуществу в сердце, хотя она полностью пребывает и во всех прочих членах, – в той же полноте в наименьшем, как и в наибольшем; – и все же ее существо и источник ее действий покоится по преимуществу в сердце» (проп. 82; DW III, S. 422).
42. Проповедь 24; DW I, S. 419; также; Проповедь 82; DW III, S. 429.
43. Проповедь 70; DW III, S. 196.

PROBLEM OF CO-RELATION OF WESTERN AND EASTERN THEOLOGY: MEISTER ECKHART AND GREGORIOS PALAMAS

M.Y.Reutin¹⁾

¹⁾ Institute of high humanitarian studies, Russian State Humanitarian University;
e-mail: mreutin@mail.

The article deals with the difference between the essence and energy in visantian theology which is observed in Eckhart's mystic theology. The western and eastern types of Christian Platonism are compared on examples of M. Eckhart and G. Palamas.

Key words: energy, theology, mystics, Platonism, J. Eckhart, G. Palamas.

ДЕКАРТ О ПРИРОДЕ ДУШИ: «МЫСЛЯЩАЯ СУБСТАНЦИЯ» ИЛИ «ИДЕЯ ТЕЛА»?

А.Г. Тарасов

Белгородский государственный университет, 308008, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;
e-mail: TarasovAndrey@bsu.edu.ru

В данной работе предпринимается попытка исследовать учение Декарта о душе. Акцент ставится на прояснении процесса взаимодействия души с Богом.

Ключевые слова: Бог, душа, мышление, Декарт, идея, субстанция.

Проблема души всегда была одной из ключевых тем исследования, начиная с античности и вплоть до нашего времени. В данной работе предпринимается попытка исследовать природу картезианской души, исходя в первую очередь из ее гносеологической устремленности к Богу.

Истории философии известно множество вариантов решения данной проблемы. В целом же человеческая душа – условная точка пересечения божественного, под которым понималось порой диаметрально противоположное в зависимости от того или иного способа осмысления, и человеческого или как говорили греки микрокосма и макрокосма.

Так Гераклит говоря, что «сухая душа – мудрейшая и наилучшая» [13, С. 231] тем самым подчеркивал не просто ее природно-физиологическое состояние, но и то, что она – свидетельство индивидуально-личностного начала в человеке. Так он говорит: «Границ души тебе не отыскать, по какому бы пути ты не пошел: столь глубока ее мера-логоса». [13, С. 231] Отсюда видно, что для Гераклита глубина души, прежде всего, измеряется ее способностью к познавательной деятельности.

Крайняя сложность того, что именуется словом душа (*psyche*), осознавалось в поздней классике Платоном, который писал: «Что такое душа... это кажется неведомо почти никому – какова она, какое значение она имеет, каковы прочие ее свойства, в особенности же, каково ее возникновение» (Законы, 892 а). [9]

Слово *anima* (душа) в текстах Декарта встречается редко. Декарт желая подчеркнуть, что душа человека – это идея, что в ней нет ни одного атома материи, заменяет слово *anima* словом – *mens* (ум, мысль, сознание, дух). Декарт предпочитает говорить о «духе» (*mens*), «а не о душе, поскольку слово «душа» (*anima*) двусмысленно и часто применяется к телесной вещи». [3, С. 128]

Формальное определение «духа» у Декарта это «субстанция, коей присуще непосредственное мышление». [3, С. 128]. Это определение не говорит нам почти ничего, ибо «субстанцию» Декарт определяет как нечто, чему приписывается какое либо свойство. Однако, из этого определения понятно, что Декарт, усматривая в принципе *cogito* одну из способностей духа – интеллектуальную функцию вовсе не сводит духовное многообразие исключительно к мышлению, как утверждает Н. С. Рыбаков. [10, С. 53] Мышление по определению понятийно и сознательно, а в духе присутствует и бессознательное. Таким образом, данная дефиниция указывает лишь на то, что под «духом» понимается просто нечто мыслящее. Однако что же на самом деле такое эта мыслящая субстанция? Фактически через мышление раскрывается сущность и потенция человеческого духа. И только в этом смысле «Дух» – то, что человек зовет своим «Я», – есть для Декарта чистая мысль, идея. Поэтому, по Декарту, когда мы пытаемся сказать нечто о душе, нам фактически не остается ничего иного как исследовать принцип *cogito*.

По мнению Э. Гуссерля [2] Декарт не смог уловить разницу между трансцендентальным и эмпирическим сознанием и вынес за скобки только свое тело, оставив внутри скобок свою эмпирическую психику. Данную позицию разделял и В. С. Соловьев. [12, С. 781]. Декарт, таким образом, якобы не осознал до конца, что между трансцендентальным его и природой лежит непроходимая пропасть, и попытался выделить в самой природе маленькую аподиктическую область – собственную душу, понимаемую как *cogito* вообще без разделения в нем трансцендентальной и эмпирической частей.

Продолжая мысль Гуссерля Н. С. Рыбаков, полагает, что вследствие того, что Декарт не вышел в трансцендентальную сферу «у него так и остался не преодоленным дуализм мира и Бога». [10, С. 54]

В. Соловьев считал, что Декарт не имел достаточных оснований для того, чтобы выводить бытие мыслящего субъекта за пределы феноменальной реальности, а следовательно, смешивать понятия о чистом субъекте и субъекте эмпирическом, поскольку о существовании того и другого можно говорить в разных смыслах. Первый существует, безусловно, только как чисто феноменологический факт, факт психической наличности, второй существует безусловно, как факт действительный. Иными словами, бытие того и другого, имеет различный статус. И если бытие первого достоверно и не устраняется процедурой сомнения, то бытие второго остается под вопросом. Поэтому, заключает В. Соловьев, Декарт не должен был идти дальше констатации: я мыслю, следовательно, существую в качестве мыслящего. [12, С. 785]

Справедливо ли сказанное? Если следовать не «букве», а «духу» Декарта, то мы вправе сказать, что Декарт и не идет «дальше» такой констатации. Положение «я мыслю, следовательно, существую в качестве мыслящего» было бы для него тавтологией положения «я мыслю, следовательно, есть», где вторая часть высказывания лишь шире раскрывает содержание первой, а именно, констатирует то, что Декарт понимает под бытием и мышлением. Недоразумение неизбежно возникает в том случае, если представить дело так, будто Декарт выводит бытие из мышления посредством видимого, а на самом деле мнимого умозаключения, а смысл и значение понятий мышление и бытие преднайлены, заранее определены и функционируют в мышлении Декарта за пределами конструкции «мыслю, следовательно, существую». Но в том то и дело, как это показал М. Хайдеггер, что старые термины в метафизике Декарта впервые устанавливаются в своем новом значении именно через данное положение, и не выводятся одно из другого, а предпосылаются друг другу, несмотря на видимость логического заключения. [14, С. 63-177] В действительности между мыслью и существую нет ни какой последовательности, нет смены состояний или интервала [5, С. 134] , несмотря на слово если.

В текстах Декарта понятия о трансцендентном и эмпирическом субъекте действительно не функционируют в качестве терминов с выявлением так, как, скажем, у Канта. Но Кант, в отличие от Декарта, имел дело в данном случае с уже имеющимися результатами знания, в то время как у Декарта это различие еще только устанавливается в реальных актах мышления, проделанных им. Поэтому он и выражает свое знание, как правило, в высказываниях от первого лица, в которых он как бы воссоздает акты живой мысли, путем грамматической формы пытаюсь удержать актуальную связь с действительными актами мысли, которые уже произошли, но которые происходят и «сейчас», когда он говорит «я мыслю...». Для Декарта безразлично, сказать ли: я мыслю, я существую, – или, я мыслит и я существует. В этом отношении весьма характерна манера изложения «Возражений...» с их сложнейшей и эмоционально-напряженной диалогикой «Я – Ты».

Критический пафос В. Соловьева в отношении реальности мыслящего «Я» генерировался, на наш взгляд, той мыслью, что логическое тождество самосознания само по себе не ведет к личному тождеству. Так в актах самосознания молодой модистки, представляющей себя то пьяным пожарным, то архиепископом парижским (пример

В. Соловьева) не реализуется единство личности, хотя при этом сохраняется и артикулируется формальное тождество самосознания: я сознаю. Иными словами, из того, что я связно мыслю, не следует то, что я – «связанная» личность. Вслед за М. М. Бахтиным мы могли бы сказать, что личность еще должна связать, собрать (утвердить) себя в единстве поступка. [1] И здесь В. Соловьев нам указывает на реальную проблему, которая состоит в том, что мы не можем удержать свою эмпирическую реальность логически, поскольку она есть реальность жизни, а не только реальность мысли. Мы не можем ее удержать уже в силу того, что наш опыт нам не подвластен. Но мы можем его понимать. А для этого необходимы некоторые формальные условия мысли, некоторые формы для ума или трансцендентальные структуры понимания. [6, С. 507-800] Словом, Декарт решает совсем другую проблему, или ту же самую, но с другой стороны, нежели В. Соловьев.

«Я» означает просто «мыслящую вещь» (*res cogitans*), поясняет Декарт в «Размышлениях». В исходном положении декартовской философии – «я мыслю, следовательно, я существую» – бытие оказывается свойством мыслящей вещи; мышление логически предшествует бытию и является его основанием, а бытие – следствием мышления.

По Декарту, деятельность когито организована так, что всякий его акт имеет определенную логико-грамматическую форму: всякое представление протекает в форме «я представляю», всякое мышление – в форме «я мыслю», всякое побуждение – в форме «я хочу» и т. д. Мысль всегда есть «моя» («чья-то») мысль. Декарт вообще мало говорит о мышлении, так сказать, отстраненно, в неличных высказываниях, как, например, мог говорить о духе Гегель. Он говорит о мышлении в выражениях от первого лица: «я мыслю», «я существую», «я – мыслящая вещь», т.е. рассматривает в качестве модели мышления как таковое свое собственное мышление. Анализ же этого мышления обнаруживает, что всякое «представляю нечто» выставляет одновременно «меня», представляющего: Грамматически в латинском, русском и ряде европейских языков эта представленность в момент самого действия может выражаться либо личной формой глагола, либо личным окончанием вспомогательного глагола «быть». В русском и латинском языках для этого даже не требуется употребление личных местоимений. Поэтому М. Хайдеггер мог вычеркнуть из формулы «я мыслю, следовательно, существую» помимо «следовательно» еще и акцентированное «я», так как оно грамматически не существенно. [14] Поскольку представления (*cogitations*) суть определения, предикаты его, я становится субъектом, как в грамматическом, так и в логическом смысле.

Интуиция Декарта состоит в том, что его в актах представления не обязательно должно быть сопредставленно в своем предметном виде, как предмет в ряду других предметов. Сопредставленность, как ее интерпретировал М. Хайдеггер, здесь не означает, что представляя некоторый предмет, само представляющее «Я» так же превращается в предмет представления. Иначе бы всякое представление должно было бы метаться между двумя своими предметами. [14] Не вдаваясь в нюансы тех онтологических последствий для «Я», которые возникают из хайдеггеровского понимания представления, отметим для себя следующую деталь: «Я» не просто обнаруживает себя в своем представлении посредством простой интроспекции, так как оно само уже лежит в основе всякого самообнаружения, всякой интроспекции. То есть если бы я «решил» представить себя, то я был бы уже представлен в некотором нетематизированном виде, так сказать, «заранее» в самой логикограмматической форме представления. Если бы это условие не выполнялось, то как бы я вообще мог обнаружить себя, а не что-нибудь иное. «Я» потому и не «мечется» между двумя предметами, что оно уже дано в предметности самого предмета (проблематика и. Канта). С подробным герменевтическим анализом «Я» и «субъекта» в философии Декарта можно ознакомиться в исследованиях Л. А. Микешинной. [8, 123-158]

Декарт добрался не только до порога трансцендентального его, как считает Э. Гуссерль [2] и вслед за ним ряд исследователей, но как справедливо замечает Я.А. Слинин, [11, С. 5-49] сделал шаг для того, чтобы «войти» туда. Декарта интересу-

ет, прежде всего, трансцендентальная структура реальных эмпирических актов сознания. Декарт понимал, что мыслит тот или иной конкретный человек, но так, что самим мышлением и внутри него конструируется (и многократно воспроизводится в реальной науке) некий субъект, который в своем предельном значении (идеале) есть вневременной, внепространственный, абсолютно самопрозрачный (рефлексивный) и самотождественный трансцендентальный субъект, как необходимый носитель непрерывности осознаваемых событий, перед которыми все явления оказываются собранными в единое пространство предметностей. [7, С. 5-49] Поэтому он говорит о «Я» в известном смысле непсихологически, как философ, хотя и избирает в качестве модели для такого дискурса свое собственное «Я» (в том смысле, что устанавливает себя против мира, так, как если бы он был единственным внемирным существом, удостоверяющим бытие самого мира и способным сказать «мой мир»).

Субъект картезианской метафизики, таким образом, есть редукция сознания живых конкретных индивидуальностей к неким устойчивым структурам сознания. В спонтанную психическую жизнь индивида как бы встраивается кадрирующая рамка, в контурах которой проявлялось бы определенным образом упорядоченное предметное содержание опыта и благодаря которой можно было бы устранить, не устраняя самой рамки, любые феноменальные данности.

В этой дистанцированности субъекта от предметных содержаний сознания устанавливается в новоевропейской философии наличная свобода субъекта, которая носит пока еще формальный характер. Я свободен хотя бы в том отношении, что могу сомневаться и процедурой сомнения устранять некую феноменальную данность «Я». По Декарту я не могу сомневаться в том, что в феноменальном ряду наличествует некоторый субъект, представленный в самой логико-грамматической форме представления. Если кто-то в этом сомневается, то по Декарту, этот кто-то просто еще не мыслит. Начав же мыслить (осознавая мыслимое), он уже не может усомниться в себе. Поэтому конкретный человек есть субъект лишь постольку, поскольку он удерживается в состоянии мысле-представления и удерживает некоторое объективное содержание в форме «я представляю».

Таким образом, картезианское его не стоит в одном ряду психологических наличностей с «Я» молодой модистки, представляющей себя то пьяным пожарным, то архиепископом парижским и следовательно, не находится в положении больного шизофренией, как это думалось В. Соловьеву. Ибо он есть субъект в подчеркнутом смысле слова, и за этим понятием уже стоит авторитет сознания, организованного научно-достоверными фактами.

В «Размышлениях...» Декарт довольно часто мыслит «Я» в терминах души, ума, интеллекта, духа, существа, мыслящей вещи, т.е. в значениях, к которым примешивается то или иное эмпирическое содержание, и тем самым создает, казалось бы повод для упреков в смешении понятий об эмпирическом и трансцендентном субъекте. Но Декарт делал это лишь для того, чтобы показать связь актов когито с умственной, психической и телесной организацией мыслящего существа, которое может иметь опыт: опыт мысли, опыт души, опыт тела, опыт существа как единства первого, второго и третьего. Картезианский субъект в действительности очищен от всего, кроме деятельности когито, и в этом состоит пафос противопоставления «Я» и мира, грамматически передаваемого простым местоимением «мой» (мой мир). Декарт особенно ясно говорит об этом в «Возражениях...»: «С того момента, как я все отверг, не существует более никаких тел, ни души, ни ума и ничего иного...».[3, С. 368] Есть только Я и все остальное должно установиться и всякий раз устанавливается вновь в этой живой и непосредственной связи со мной. Значит «Я» в каком-то предельном смысле – не ум, не душа и не тело, и не даже их единство, эмпирически данное как самость, идентичность или тождество личности. И возможность такой редукции, устранения субъекта из мира явлений, открытая Декартом, содержится в самой грамматике языка и грамматике мышления. Так

что, можно с некоторой долей уверенности заявить, что то категориальное содержание, которое Декарт эксплицировал в понятии субъекта, уже содержится в индексикальном употреблении личного местоимения «я» и логической форме представления предметных содержаний опыта.

Бог Декарта непосредственно сопряжен человеческому «Я», где только «Я» в силу своей единичной достоверности способно выявлять сущность любого подлежащего. Отличность и равноудаленность «Я» как *res cogitans* от *res ecstensa* позволяет субъекту познавать мир в его подлинности. Получаемая субъектом познания информация по средствам применения санкционированных разумом познавательных механизмов и различных бытийных принципов стекается в «Я» образуя его суть. То есть в акте созидания «Я», «Я» высвечивается светом интеллектуализирующей трансценденции. «Я» и есть собственно трансценденция. При таком условии процесс познания приобретает свое глубинное измерение, т.е. «видение» не только изменчивых черт мира, но и идейной его составляющую. Чем дальше «Я» отстоит от мира, чем менее оно естественно, тем с большей силой возрастает его трансцендентальный (божественный) статус.

В этом смысле *cogitatio* выступая актом логизации бытия, конституирует амальгаму человеческого духа, которая одновременно выступает сущностной грамотностью. Последняя в конечном итоге собственно являет результаты процесса имманации Ничто (Бога) к «Я». Бог в определенном смысле фальсифицируется и превращается в симулякр.

Следовательно, принцип «мыслю, следовательно, существую» необходимо понимать как «я есть мыслящий, и в этом смысле я есть» и это слияние «я мыслю» и «я существую» осуществляется в трансцендентальной сфере. А это значит, что картезианский субъект не есть «самозванец без философского паспорта», как его охарактеризовал В. Соловьев, придавший категории бытия иное, чем у Декарта значение. [12, С. 781]

Таким образом, картезианское *ego* не есть то, что существует вне и помимо представления, а есть то, что залегает в самой структуре представления в качестве конституирующей его основы. Оно в своем предельном значении есть трансцендентный субъект, утверждающий взаимосвязь Бога и мира, а не конкретное существо, живая «процессирующая» особь (В. Соловьев).

Заметим, что именно Декарт открыл путь для кантовской постановки вопросов. Кант не просто апеллирует к непосредственной очевидности «Я», но делает эту очевидность рабочим инструментом. Во-первых, Кант обращает внимание на двойственную структуру самосознания, которая заключает в себе два элемента, два «Я»: «1) Я как субъект мышления (в логике), которое означает чистую апперцепцию (чисто рефлексивное Я) и о котором мы ничего больше сказать не можем, так как это совершенно простое представление; 2) Я как объект восприятия, стало быть внутреннего чувства, которое содержит в себе многообразие определений, делающих возможным внутренний опыт.» [4, С. 365] Во-вторых, как видно из приведенного выше фрагмента, Кант пытается определить характер интенциональности, данности обоих «Я» в сознании, и найти основание для их различения в актах самосознания.

Однако идея Бога, которую Декарт извлекает из положения о существовании «Я», ставит под сомнение логический приоритет когито и устанавливает особую форму связи мышления и бытия.

Так Декарт пишет: «Во мне некоторым образом более первично восприятие бесконечного, нежели конечного, или, иначе говоря, мое восприятие Бога более первично, нежели восприятие самого себя». [3, С. 28] Здесь выясняется, что достоверность положения «я существую» непосредственным образом зависит от достоверности восприятия Бога. Знание о существовании «Я» поэтому не есть абсолютная истина. До тех пор, пока не доказана истинность идеи Бога, мы не вправе однозначно утверждать, что идея существования «Я» истинна, несмотря даже на ее несомненную достоверность для моего «Я». Свое существование я, существо конечное, получает не от себя, поэтому Декарт ищет основания существования конечного духа вне «Я». И лишь открыв эту вещь-основание и доказав, что дух располагает истинной идеей о ней, Декарт утверждает в том, что вещь-следствие, то есть «Я», дух, действительно существует.

В рефлексивном зеркале Декартова *cogito* отражается вовсе не хайдеггеровская «уединенная в себе экзистенция», претязающая стать средоточием сущего, а лишь некий «отрезок» бесконечного и совершенного мышления. Своим существованием конечный дух обязан не себе, а Богу, который есть для Декарта единственный абсолютно независимый субъект, поскольку Бог, в отличие от «Я» или всякой иной конечной вещи, «не нуждается ни в чем для сохранения своего существования и, таким образом, является некоторым образом своей собственной причиной (*sui causa*)». [3, С. 89] «Я» же есть только конечный образ бесконечной духовной субстанции, то есть Бога.

Главный «априорный» аргумент в доказательстве существования Бога ставит перед Декартом проблему: этот аргумент не только не зависит от самосознания «Я», но по своей логической форме противоположен исходному положению Декартовской философии. В пределах *cogito* мыслящее «Я» – субъект, а существование – предикат. Априорный аргумент утверждает нечто обратное: «мою мысль предопределяет необходимость... существования Бога». [3, С. 54]

Спрашивается, коль скоро «восприятие Бога более первично, нежели восприятие самого себя», отчего же все метафизические трактаты Декарта открываются понятием о существовании «Я»? Все дело в несовершенстве человеческого духа, в его конечной и зависимой природе. Разумеется, человеческий разум всего адекватнее мог бы постичь сущее, начиная с идеи самого Бога-творца. Есть только одно препятствие: наряду с идеей Бога в человеческом духе уже имеется огромный сонм иных идей и образов, в большинстве своем весьма недостоверных или, по меньшей мере, сомнительных. Все идеи, которыми располагает человек, образуют сложную ассоциацию, замысловатым образом переплетаясь и наслаиваясь одна на другую, так что идея Бога обыкновенно легко теряется в этом необозримом клубке. Поэтому, прежде чем полагать идею Бога в основание свода истинных знаний о сущем, философу надлежит удостовериться, что к ней не примешались никакие посторонние мыслительные формы или, тем более, чувственные образы. Именно при смешении идеи Бога с идеями и образами конечных вещей возникают всевозможные разногласия в понимании Бога и, несмотря на то, что идея Бога у всех одна и та же, существует немалое число на редкость несхожих представлений о Боге.

«Что же до Бога, то если бы я не был тяжело обременен предрассудками и образы чувственных вещей не осаждали со всех сторон мое мышление, не было бы вещи, которую я познал бы прежде и с большей легкостью, нежели его...». [3, С. 43]. Декарт желает очистить идею Бога и представить ее в том виде, в каком она «врожденна» духу. Инструментом, с помощью которого совершается своеобразное очищение идеи Бога, Декарту служит рефлексивная идея «Я». По этой причине она предваряет понятие Бога в порядке человеческого знания.

Последнее означает, что мое «Я» не просто обладает идеей Бога, но, в известном смысле, «Я» есть эта идея Бога, правда, всего лишь несовершенная идея, конечный отпечаток бесконечной реальности. Поэтому, рефлектируя природу собственного «Я», мы естественным образом приходим к мысли о существовании абсолютно бесконечной реальности: «Когда я обращаю острие своей мысли на самого себя, я не только понимаю, что я несовершенная вещь, зависящая от кого-то другого, – вещь, неограниченно устремляющаяся все к большему и большему, то есть к лучшему, – но и понимаю, что тот, от кого я зависю, содержит в себе это большее... актуально, как нечто бесконечное, и потому он – Бог». [3, С. 43]

Бог есть ни что иное как актуально бесконечная реальность. В этом, собственно, и заключается очищенная рефлексией духа идея Бога. Благодаря априорному аргументу она окончательно утверждает себя в качестве первичной и верховной идеи разума.

«Итак, я вижу, что вся достоверность и истинность знания зависит исключительно от постижения истинного Бога, так что раньше, нежели я его познал, я не мог иметь ни о какой другой вещи совершенного знания». [3, С. 57]

Отсюда следует, во-первых, что мышление оказывается в полной и ничем объективно не ограниченной власти конечной субъективности, человек становится демиургом мира, социума, другого человека и самого себя, сам решает, быть или не быть. Во-вторых, «Я» как душа, как чистая мысль, лишается тела и всякой связи с ним, так что проблема психофизического дуализма оборачивается неразрешимой и непостижимой тайной воплощения души в теле, собственное же тело отчуждается от человека. Наконец, в-третьих, бытие Бога выводится и подтверждается из самосознания «Я», которое при этом оказывается в круге: самосознание удостоверяет бытие Бога, но вместе с тем и само определяется Богом в своем существовании. Здесь степень взаимопроникновения «Я» и Бога определяет их тождественность. И хотя Декарт пытается разрешить это затруднение указанием на то, что «Я» – как бы середина между Богом и небытием, тем не менее «Я» выступает все же скорее как центр мироздания, его новый *ὀμφαλός*. [3, С. 263-268; 335]

Список литературы

1. Бахтин М. М. Архитектоника поступка // Социологические исследования. 1986. № 2.
2. Гуссерль Э. Картезианские размышления. – СПб.: Наука, 2001.
3. Декарт Р. Сочинения в 2-х т: Т. 2. – М.: 1994.
4. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. // Соч. в 6-ти т. Т. 6. С. 365.
5. Квинтэссенция: Филос. альманах. – М.: Республика, 1992.
6. Мамардашвили М. К. Картезианские размышления // Мамардашвили М. К. Философские чтения. – СПб.: Азбука-классика, 2002. С. 507-800.
7. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984.
8. Микешина Л. А. Философия познания. Полемиические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002.
9. Платон. Соч. в 4-х т. М., 1990-1994. Т. 3. Ч. 2.
10. Рыбаков Н.С. Логика и метафизика *cogito* // Декарт в канун XXI столетия = Descartes a la veille du XXI siecle: Материалы Междунар. конф., 16-17 апр. 1996 г., Тверь, Россия. – М., 1998. С. 27-57.
11. Слинин Я. А. Эдмунд Гуссерль и его «Картезианские размышления» // Эдмунд Гуссерль. Картезианские размышления. – СПб.: Наука, 2001. С.5-49.
12. Соловьев В. С. Соч. В 2-ч т. Т. 1. – М.: Мысль, 1988.
13. Фрагменты ранних греческих философов / Сост. А. В. Лебедев. М., 1989. С. 231.
14. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. С. 63-177.

DESCARTES ABOUT THE NATURE OF SOUL AS COGITO: «SUBSTANCE» OR «IDEA OF A BODY»?

A.G. Tarasov

Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78; Belgorod, 308008 Russia;
e-mail: TarasovAndrey@bsu.edu.ru

In the given work attempt to investigate Descartes's doctrine about soul is undertaken. The accent is put on clearing of process of interaction oppress Good luck.

Key words: the God, soul, thinking, Descartes, idea, a substance.

ИДЕЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО ЧЕЛОВЕКА В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ И ХРИСТИАНСКОМ ВЕРОУЧЕНИИ

П.Г. Тарасов

Белгородский государственный университет, 308008, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;
e-mail: TarasovPavel@bsu.edu.ru

Статья посвящена анализу идеи «внутреннего человека» в античности и раннем христианстве в контексте учения о самопознании и богопознании. Оценивается степень преемственности данной идеи в трудах виднейших представителей Восточной и Западной патристики I – V вв. Выясняется специфика основополагающих положений концепции «внутреннего человека», и их значение для развития христианской духовной практики в целом.

Ключевые слова: Платон, Аристотель, Плотин, Ориген, Филон Александрийский, св. Иустин, св. Василий Великий, св. Григорий Богослов, св. Григорий Нисский, Блаженный Августин, самопознание, «внутренний человек», «внутреннее слово», Бог, душа, созерцание.

Идея внутреннего человека – одна из ключевых для христианской философии. Основанием ее было христианское учение о Логосе: его рождении и воплощении, представление о человеке как образе и подобии Бога и его развитие. Концепция внутреннего человека в ее преемственности до сих пор недостаточно освещена в историко-философской литературе. В настоящей статье мы попытались наметить основные линии передачи учения о внутреннем человеке от античности к VII веку, подробнее остановившись на творчестве представителей античной и раннехристианской философии, таких как Платон, Аристотель, Плотин, Ориген, Филон Александрийский, св. Василий Великий, св. Григорий Богослов, св. Григорий Нисский, Блаженный Августин.

В античной и христианской философии проблема человека и его совершенствования была тесно связана с идеей разума (λόγος) и Ума (νοῦς). Слово – это то природное начало которое гармонично организует космос (в случае Платона, Аристотеля и стоиков) и Тот, кто творит «Вся» (у представителей ранней патристической мысли). Человек – Микрокосм, образ и подобие Бога (Быт, 1: 26), поэтому слово в его существе коренится как вечное, творящее и мистическое начало. Оно организует внутренний мир человека, его душу, и проявляется в его действиях.

Платон противопоставлял внутренний Логос, с которым человек обращается к самому себе [1], и тот «поток, изливающийся из уст», в котором он отражается «как в зеркале или воде» [2]. Аристотель так же различал внешний звук и внутреннее представление. «Слово – это звук, издаваемый одушевленным существом и сопровождаемый каким-либо представлением, «читаем мы в его трактате «О душе» [3]. И в трактате «Об истолковании»: «То, что в звукосочетаниях, – это знаки представлений в душе, а письменна – знаки того, что в звукосочетаниях» [4]. Одни и те же представления одних и тех же предметов обозначаются у разных народов разными звукосочетаниями и разным письмом [5]. Позднее этот фрагмент Аристотеля о внутренних представлениях, или *passiones animae*, благодаря переводу и комментарию Боэция стал, наряду с 15 кн. трактата «О Троице» Августина, одним из основных источников средневекового учения о внутреннем слове.

У стоиков тема внутреннего и внешнего получила дальнейшее развитие. По их мнению, в человеке обитает семенной логос (λόγος σπέρματικός [6]) – некая предрасположенность к образованию основных понятий. Под влиянием опыта эта предрасположенность получает определенную форму, становится общими представлениями и поня-

тиями (φαντασῖαι λογικαί [7], проλήψεις [8]). И.В.Попов, отождествляет эти понятия с внутренними словами (λόγοι ἐνδιάθετοι) [9]. Тогда их вещественными обозначениями будут производимые слова (λόγοι προφορικοί). Возможно, это противопоставление внешнего и внутреннего слова иллюстрировало у стоиков не менее загадочную оппозицию σημαῖνον (знак) / λεκτόν (смысл). Объект и само слово – знак телесны, тогда как мыслимое или смысл (λεκτόν) – то, чего не понимают варвары, слыша греческие слова – бестелесно [10]. Как свидетельствует Секст Эмпирик, деятельность внутреннего слова у стоиков проявляется в: «в выборе надлежащего и избегании неподходящего, в изучении ведущих к этому искусств, в достижении добродетелей, соответствующих своей природе, а также того, что касается ощущений» [11]. По мнению Плутарха, внутренняя речь необходима для жизни человека в согласии с самим собой, а внешнее проявляется в красноречии, давая средство убеждать других и приобретать друзей [12].

Противопоставление двух логосов, внутреннего и внешнего, стало общим местом эллинистической культуры уже во времена Плутарха, говорившего о нем как о давно известном [13]: λόγος προφορικός – это простой инструмент общения, тогда как ἐνδιάθετος – истинный дар Гермеса [14], гермесова обитель. Д. Бабю считает, что учение о внутреннем и внешнем слове не является собственно стоическим и происхождение его неясно [15].

Интересовались этой проблемой и неоплатоники. Сам Платон в VII письме указал три ступени, с помощью которых необходимо образуется познание предмета: 1) его имя (ὄνομα), 2) определение (λόγος), 3) изображение (εἶδωλον). Четвертая ступень – само знание (ἐπιστήμη), пятая – сама вещь, подлинное бытие (ἀληθὴς ἐστὶν ὄν). Четвертую ступень (понимание, νοῦς ἀληθῆς) отличает внутреннее единство, первые же три рассыпаются на звуки, существительные, глаголы и телесные формы [16].

Такое противопоставление нуса и логоса нашло свое продолжение у Плотина, согласно которому, наши мысли первоначально пребывают в абсолютном единстве, не имея частей, и дробятся лишь их спутником-логосом, который есть не что иное как зеркало [17]. Согласно Плотину, существуют три вида слова-логоса [18]: речь Ума, речь Души и ее отображение в звуках. «Ведь как звучащее слово – подражание слову в душе, так и слово в душе – подражание слову в уме. Как слово произнесенное лишь отчасти отражает слово в душе, так и слово в душе, будучи толкователем того (являющегося умом) слова, лишь отчасти отражает то слово, что до него» [19]. С понятием логоса – произнесенного слова у Плотина связано представление об относительном ущербе за счет распространения и развертывания в логосе того, что ступенью выше пребывает в неразвернутом виде [20].

В свое время Платон в «Государстве» говорил о том, что человек подобен трехглавому животному и описал его головы с помощью трех образов: образа льва, образа человеческого существа и другого его образа, только еще меньше, обозначающего нечто внутреннее (388 d), последний из них есть внутренний человек (ὁ ἐντὸς ἄνθρωπος – 389 a), он соответствует божественному в человеке (389 d). Плотин учил, что часть человеческой души всегда пребывает в вечности [21].

Другой источник концепции внутреннего человека – это учение ап. Павла (Рим 7: 22; Еф. 3, 14 – 16; 2 Кор 4: 16), которое было окрашено оттенками привнесенными в него эллинистической мыслью. Ап. Павел в Послании к Римлянам пишет, что услаждается «законом Божиим во внутреннем человеке» (Рим. 7, 22). Во втором Послании к Коринфянам он говорит: «...если и разрушается внешний наш человек, то наш внутренний обновляется со дня на день» (2 Кор. 4: 16; ср. Еф. 3: 14 – 16). Р. Бультман полагает, что эквивалентом внутреннего человека в Рим. 7: 22 является νοῦς, а для 2 Кор. 4: 16 – πνεῦμα в которой обитает Христос [22], или дух от Бога, сообщающий человеку интенцию к самосознанию (1Кор 2: 11) [23]. Павел говорит о новом человеке, свободном от смерти и страданий, эсхатологической цели христиан. Во всех случаях термин ὁ ἐσω ἄνθρωπος носит исключительно положительный смысл. Как отмечает К. Бергер, внутренний человек здесь не место внутреннего, ограниченного от внешнего, это другое качество того же внешнего [24].

Мысль о возможности для человека входить в непосредственное интеллектуальное единение с Богом является основной темой учения о богопознании всех наиболее видных христианских мыслителей древнего времени, хотя, впрочем, эта тема усердно трактовалась еще и раньше – известным иудейским философом-эллинистом Филоном. В метафизике Филона представляются ярко выраженными именно две идеи: а) идея абсолютной трансцендентности Божества в Его отношении к миру и человеку и б) идея родства нашего духовного бытия с Богом, родства, постулирующего для нас возможность богопознания. В раскрытии Филоном первой из этих идей нашла свое крайнее выражение основная тенденция александрийской религиозной философии – возводить Бога на бесконечную высоту над миром условного и ограниченного бытия до абсолютного удаления Его от этого мира. [25] Между Богом и миром, по Филону, лежит именно глубокая пропасть. Это – две совершенно противоположные природы: Богу нет ничего подобного. [26]

При таком мышлении о Боге сам собою возникает вопрос, как же возможно для человека познание о Божием бытии, если Бог абсолютно трансцендентен в отношении к миру и человеку? Филон дает ответ на этот вопрос своим учением об *уме* (*νοῦς*) человеческом, как отображении Ума божественного. По Филону, Ум божественный, Логос, как *Первообраз*, отображается в уме и внутреннем слове человеческом. Так именно он понимает библейское учение о создании человека по образу и подобию Божию [27]. Это самое *интеллектуалистическое* понимание библейского учения об образе и подобии Божием и обосновывает у Филона его учение о возможности богопознания и при этом налагает на его учение печать некоторого умозрительного мистицизма.

В самом деле, если ум человеческий есть отображение Ума божественного, то естественно, что познание Божества является именно делом нашего ума (*νοῦς*), как органа интуитивного, мистического созерцания. Ум человеческий, говорит Филон, не мог бы так высоко подниматься в своем стремлении к Божеству, если бы Сам Бог не возвысил (*ἀνέβλασεν*) его до Себя, отпечатлев Себя в его силах, способных умопостигать [28]. При этом, Бог у Филона часто уподобляется *свету* [29] а процесс Его познания нашим умом приравнивается к процессу *зрительного восприятия*, что особенно выразительно характеризует собой его умозрительный мистицизм.

Соединение рационализма и мистицизма, при помощи библейского учения о Божием образе в человеке, мы находим и в учении о богопознании древних учителей христианской церкви, начиная с первого христианского философа – св. Иустина Мученика.

Умозрительный мистицизм в доктрине св. Иустина обусловлен как его внутренним мистическим настроением, так и влиянием на него некоторых мистических учений греческой философии. [30] Считая задачей философии, исследование природы Божества, [31] Иустин, под очевидным влиянием Филона, возводит Бога на такую бесконечную высоту, подняться на которую логический разум человека не имеет никакой возможности.

Божество, по Иустину, не есть объект нашего рационального познания: Высочайшее Существо есть объект исключительно нашего *интеллектуального созерцания*. Божество, говорит св. Иустин, может быть «постигнуто только умом (*μόνω νοῦ*), как говорит Платон, и я в том верю ему». [32] Таково именно *око нашего ума* (*το τοῦ νοῦ ὄμμα*), и для того оно нам дано, чтобы мы могли посредством него, когда оно чисто, *созерцать то истинно сущее*, которое есть источник всего того, что постигается умом.

Итак, по св. Иустину, органом нашего богопознания является наш ум (*νοῦς*). Будучи актом интеллектуальным по своей природе, наше богопознание, по нему, носит характер *интуитивного* созерцания Божества, так как Бог неопределим и непостижим для нашего рассудочного мышления.

Эти учения св. Иустина более подробно были развиты в философии Климента Александрийского. Хотя Св. Иустин и считается первым христианским философом, однако *основателем* христианской философии является собственно Климент Алексан-

дрийский, потому что он первый положил начало христианскому *гносису*, т. е. *систематическому* философскому раскрытию христианского вероучения. По своей философской позиции Климент – *эклетик*. [33] Признавая, что Бог как объект философских размышлений представляет собой «единственное содержание мудрости», [34] Климент в учении о богопознании идет тем же путем, которым до него шел Иустин – философ, а еще ранее – Филон: он именно оттеняет мысль об *абсолютной трансцендентности* Божества в отношении к миру и человеку и о невозможности прилагать к определению Его те или иные категории нашего рассудочного мышления.

Л.П. Карсавин отмечает, что по Клименту человек состоит из разумной души и неразумного тела, причем «ни душа по природе своей не является чем-то добрым, ни тело – чем-то злым». В свою очередь и душа подразделяется на «владычественную», или «разумную», и на неразумную или «плотскую». В «плотской душе» коренится начало жизни. Но если «разумная душа» («внутренний человек») не устраивает и не обуздывает этой жизни, плотская душа приходит в расстройство и порождает губительные страсти. Основное движение разумной души – движение к Благу, Истине и Красоте, т. е. к Богу. Осуществляется это движение через добродетель, т. е. через властвование над страстями плотской души и их гармонизацию. Такое самообъединение и есть Богоуподобление. [35] У Климента Александрийского внутреннее слово прямо связывается с Христом: через веру нам внутренне открывается божественное Слово, и тем самым – наиболее полное знание и мудрость [36].

В частности, созерцание Божества нашим умом Климент понимает именно в смысле *интуитивного, мистического* богопознания. Божество, говорит он, не может быть познано в своем бытии при посредстве рациональных доказательств, потому что последние основываются на началах предшествующих и понятиях прежних. Но совершенно нельзя представить, чтобы существовало что-либо ранее Существа несотворенного. Отсюда, для постижения Существа неисследимого для нас ничего не остается, кроме собственной Его *благодати* и откровения Его через посредство пребывающего в Его недрах *Логоса*. [37]

По Клименту, Логос есть принцип нашего познания и жизни. *Познавать* – это значит *питаться Логосом*, говорит он. [38] Не постигаемый собственными силами нашего разума, Бог доступен для нашего познания лишь при посредстве Своего Логоса: только через божественный Логос мы и можем познавать Бога. Логос есть, следовательно, *suī generis мистический* посредник для нашего разума в акте познания им Божества. Это основное положение теории богопознания Климента в достаточной степени характеризует собою *умозрительно-мистическую* тенденцию его мышления.

Учение о богопознании внутренним человеком, отмеченное нами в творениях св. Иустина и Климента, мы находим в творениях св. Афанасия Великого, св. Василия Великого, св. Григория Богослова, св. Григория Нисского и в творениях, известных с именем св. Дионисия Ареопагита.

В философии Августина идея внутреннего человека стала центральной для его философии мышления. Для него душа человека, то есть его внутренне измерение, имеет ценность более высокую, нежели тело. Августин [39] говорит о «начатках духа» человека (Рим. 8: 23), пребывающих вне времени, в небесном Иерусалиме, и наполненных божественным Словом [40]. Фундаментом его учения о человеке явилось отождествление внутреннего с высшим и достоверным, и наоборот, внешнего – с низшим и сомнительным [41].

Тот же мотив у Григория Нисского: Христос внутренне наставляет нас в молитве [42]. Августин говорит: «Премудрость внутренним образом, без словесного звука наставляет друзей Божиих и пророков» [43]. Следуя неоплатоникам, Августин определяет *vox verbi* как телесное выражение бестелесного [44]. Звук и слово относятся друг к другу как тело и душа, материя и форма [45]. Говорение нераздельно с произнесением во вне [46]. Внутреннее и внешнее слова он связывает не отношением эманации, как

это мы видим у Филона Александрийского («О животных» 12), но как обозначаемое и знак: речь идет не об отделении одного от другого, не об умалении внутреннего слова из-за его выхождения во внешнее и вообще не о становлении иным, как бы расходующем внутреннее слово [47].

Четкого определения *veibum interius* у Августина нет. И.В. Попов предложил различать четыре определения внутреннего слова у Августина. Первое: образ вещи, когда-то воспринятый, если только, находясь в центре внимания, он как бы ищет внешнего выражения посредством того или другого знака [48]. Второе: образ вещи, не соответствующий действительности, но создаваемый игрой воображения, пока он находится в поле духовного зрения. Третье: мысль, созерцаемая в данный момент в неизменяемой Премудрости [49]. Ум, черпая непосредственно из вечной Истины правильное знание о вещах, рождает внутреннее слово. Четвертое: все познанное, извлекаемое из памяти и заключаемое мышлением в рамки точного определения [50].

Августин определяет внутреннее слово то, как образ, то, как внеобразное внутреннее созерцание [51]. О'Дейли справедливо отмечает, что здесь остается много неясностей. Сам он склоняется к той мысли, что образы (*formae, species, phantasiae* и *phantasmata*) лишь выполняют функции истинного внутреннего слова, замещают его, когда наше внимание останавливается на них [52]. Таким образом, слово является отображением прообраза вещи, пребывающего в божественном Логосе.

Помимо образов, внутренним словом, связанным с передачей мысли и знаковым общением является у Августина значение, *dicibile* – то, что воспринимается «не ушами, а мышлением» («О диалектике», V). О'Дейли считает, что, возможно, *dicibile* является эквивалентом лектона или, быть может, разумных впечатлений (*φαντασῖαι λογικαῖ*) стоиков [53]. По мнению О'Дейли, значение отличается от образов тем, что оно хранится в памяти уже осмысленным, так что его требуется лишь соотнести с образами звуков, минуя *cogitatio* [54]. Итак, в широком смысле понятие «внутреннее слово» у Августина приложимо ко всей актуальной мыслительной деятельности человека.

Как внутреннее слово, сосредоточенное в настоящем, может быть основой временного дискурсивного мышления? И наоборот, как оно рождается в членораздельной когитации? Ответ следует искать в природе человеческого внимания.

Внутреннее слово способно встать над временем только через причастность к Слову божественному. Августин сравнивает Слово с мышлением человека и представляет их отношение прежде всего как отношение вечности и времени, это лейтмотив заключительной книги трактата «О Троице». Все несовершенство человеческого мышления происходит из его непостоянства [55].

Августин исходит из учения об Уме как месте идей, разработанного средними платониками [56]. Слово есть форма и причина всех вещей [57]. Слово есть план Творения, Предвечный Совет, обитающий в сердце человека (*consilium*) [58], Августин в след за Аристотелем отождествляет его с миром форм (*mundus intelligibilis*), являющихся причинами чувственных вещей [59]. Все они содержатся в божественной премудрости, т.е. в Слове [60]. Слово объемлет их в себе целиком и без изменения и не нуждается во внимании и последовательном рассмотрении. «То, что было произнесено, не исчезает; чтобы произнести все, не надо говорить одно вслед за другим: все извечно и одновременно» [61].

Августин усматривает в человеке подобие Троицы, соотнося его волю с Отцом, память и разумение – со Словом, а любовь к себе и другим – со Святым Духом [62]; или: быть – Отец, знать – Сын, хотеть – Дух [63]; или: знание – Отец, понимание – Слово, любовь – Св. Дух: [64]. Воплощение Бога-Слова является прообразом произнесения человеческого внутреннего слова во вне [65].

Как божественное Слово безмолвно, так и внутреннее слово не связано звуками какого-либо языка [66]. Слово есть Истина – человеческое внутреннее слово истинно [67]. В божественном Слове знание и бытие тождественны – в истинном внутреннем

слове, творимом Богом во внутреннем человеке, душа тождественна своему объекту [68]. Душа узнает себя в слове. Как Слово рождено из знания Отца, так истинное внутреннее слово рождается из неизменного знания внутри нас [69].

Бог-Слово всегда имеет неизменную форму, настолько простую, насколько проста Истина, Человеческое же слово изменчиво, и бесформенное для него предшествует оформленному, потенция предшествует акту [70]. «Наше слово никогда не будет равным по природе Слову божественному, даже тогда, когда мы уподобимся Богу», – делает заключение Августин [71].

В концепции Августина можно выделить два внутренних слова; одно истинное и дается озарением, под другим же понимается основная единица дискурсивного мышления. Внутреннее слово колеблется между временем и вечностью, это неделимое настоящее, уносящееся в прошлое. [72] Удержаться в настоящем и прикоснуться к вечности оно может только в стремлении (*intentio*) к Слову. В обращении к вечной Истине человеческая душа проходит путь самопознания и утверждается вневременным и уподобляется Богу. В напряженном вслушивании внутреннее слово превращается в истинную речь. Но поскольку человеческая душа изменчива, внутреннее слово вновь падает в поток времени [73] и, все, более оформляясь, становится частью дискурсивного мышления. Внутреннее слово как бы отталкивается от истинного, но невыразимого слова, так что мышление получает верное направление.

Как видим, уже к VII веку в христианской литературе оппозиция внутреннего и внешнего в человеке употребляется в двух случаях: в теологии Слова (неявленное и явленное) и в концепции человеческой души (внутренний разум и словесное его проявление). Синтез этих двух подходов, а именно, сближение внутреннего слова и Слова-Бога, был предрешен учением о Христе как посреднике между Богом и людьми. У Плотина сущность человеческой души и Бога совпадали [74] и для их соединения не было нужды в Слове, достаточно было полного сосредоточения и самозабвения. Для споривших с неоплатониками отцов церкви [75] человек неравносущен Богу, соединиться с Богом он может лишь узнав Истину и постоянно развивая в себе *similitudo Dei*, причем внутреннее в человеке оказывается ближе к Богу, чем внешнее.

Таким образом, особенность мировоззренческих установок рассмотренных нами представителей античной философии и патристики составляет их высокий идеалистический тон и ярко выраженный мистический характер. Все их системы базируется на окончательном предпочтении духа материи, души телу, внутренней стороны жизни внешней. При этом все внешнее оценивается лишь как символ, как указание на известную таинственную идею, которая составляет истинную сущность бытия, и которая сама есть живая энергия Логоса и истинное питание для ума человека. Именно поэтому, они говорят об обязательности для человека стремления к одухотворению жизни, а вместе с этим и побуждению себя к погружению в область созерцаний.

Мы можем сказать, что для представителей эллинистической философии и христианской патристики идея внутреннего человека всецело сопряжена с деятельностью души. Она никогда не должна воспринимать «Божественный огонь» бесплотно: каждое касание к Нему, должно стать для нее очистительным, углубляющим и преобразующим событием. Человек не может просто воспринимать Бога познавательно, но должен принять Его всем своим существом, сердцем, вживаться в Него, передавать Ему свою волю, наполнять Им свой помысел, радоваться этому – и обновляться. Вероятно, это и означают слова христианской максимы «облечься во Христа». Это призыв к внутреннему «богоделанию». К этому призван всякий стремящийся к самопознанию. Практика внутреннего делания, как для представителей античной философии, так и для отцов и учителей церкви была связана с идеей постижения Совершенства, которое возможно лишь в меру личного очищения и изменения ума.

Список литературы

1. Теэтет. 190 а; Платон. Собр. соч. в 4-х т. М., 1990 -1994. Т. 2.
2. Теэтет. 206 d; Софист. 263 е.
3. Аристотель. О душе. 2, 8, 420 в 30; Аристотель. Соч. в 4-х т. М., 1976 – 1983. Т. 1. С. 414.
4. Аристотель. Об истолковании. 16 а 1—5; Там же. Т. 2. С. 93.
5. Там же. 16 а 5 -10.
6. Диоген Лаэртский. VII, 136; /. Диоген Лаэртский .О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / пер. с древ., греческого М.Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986. – 576 с. ; Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М., 1995.
7. Там же. VII, 51.
8. Столяров А.А. Указ. соч. С. 67.
9. Попов И. В. Труды по патрологии. Личность и учение блаженного Августина.Т. II. Сергиев Посад, 2005. С. 261-262.
10. Диоген Лаэртский. VII, 55 – 57; Секст Эмпирик. Против ученых. VII, 38; 8, 11; 8, 80.
11. Секст Эмпирик. Три книги Пирроновых положений. 1, 65.
12. Плутарх. О том, что философу надлежит вести ученую беседу с правителями. 777 с – d.
13. Там же. 777 в говорится о том, что существуют два логоса, внутренний (ὁ μὲν ἐνοιαίθετος), данный людям Гермесом, нашим гегемоном, и другой, высказанный (ὁ δ' ἐν προφορᾷ δίακτορος), являющийся опосредующим инструментом.
14. Уже у Платона (Кратил 408 а – в) Гермес предстает как изобретатель языка и письменности, в эллинистическое же время Гермес становится богом мысли, рассуждения и убеждения, см. у Плутарха: Застольные беседы 714 с; Об Исиде и Осирисе 352 а, 355 в, 373 в; Эротик 757 в.
15. Babut Daniel. Plutarque et le stoicisme. These principale pour le doctoral es lettres. P., 1969. P. 73.
16. Письма, VII, 342 с-d.
17. Эннеады, IV, 3, 30, 5-11.
18. Шиналин Ю.А. Язык у Плотина. Постановка вопроса // Языковая практика и теория языка. Вып. 2. М., 1978. С. 161-162.
19. Энн., 1, 2, 3.
20. Шичалин Ю.А. Язык у Плотина. С. 162.
21. Энн., II, 9, 2; IV, 3, 30; IV, 8, 8; VI, 7, 35.
22. Bultmann, Rudolf. Theologie des Neuen Testaments. 9. Aufg. Tübingen, 1984. S. 204.
23. Бультман Р. Избранное: Вера и понимание. Том. I – II / Пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. С. 74.
24. Berger Klaus. Historische Psychologie des Neuen Testaments. Stuttgart, 1991- S. 104.
25. О культурно-исторических условиях и философских предпосылках образования такой тенденции в философском мышлении александрийцев см. Э. Гэтч. Эллинизм и христианство, С. 114 – 120.
26. Legum alleg. II, col. 186.
27. Legum alleg. I, col. 138 – 144.
28. Legum, alleg. I, col. 142.
29. De nom. mut., col. 322.
30. Прежде чем обратиться в христианство, Иустин последовательно искал истину в стоицизме, перипатетизме, в пифагорействе и платонизме. Платонизм именно ближайшим образом привел его к христианству. Он же всего более оказал влияние и на склад мышления Иустина. См. Apolog. Secunda. col. 464. Dialog с Tryph., col. 476 – 492.
31. Dialog, с Tryph., col. 473.
32. Dialog, с. Tryph., col. 483.
33. Преобладающее влияние на Климента оказали Платон и Филон, но, вместе с тем, на его этических взглядах заметно и влияние стоицизма. См. Трубецкой С.Н.. Учение о Логосе в его истории. М., 1998. С. 54.
34. Stromat. Lib. II. Cap. 10, col. 984.
35. Карсавин Л.П. Св. отцы и учителя Церкви (раскрытие Православия в их творениях) / Предисл. И коммент. С.В. Мосоловой. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 57.
36. Stromat. Lib. VII. Cap. 10, col. 477.
37. Stromat. Lib. V. Cap. 12, col. 121-124.
38. Ibid. Lib. V. Cap. 11, col. 105.
39. Тексты Августина приводятся по изд.: Августин Блаженный. Об истинной религии. Теологический трактат. – Мн.: Харвест, 1999. – 1600 с. / Он же. О граде Божиим. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 1296 с.
40. Исповедь. IX, 10, 24; XII, 16, 23.
41. О Троице. XI, 5, 8; XII, 8, 13; XII, 15, 25.
42. In psalmodum inscriptions, 3; PG, 44, p. 49 D
43. О граде Божиим, XI, 4

44. О Троице, IX, 12.
45. О количестве души, 66.
46. О христианском учении, I, 6.
47. О Троице, XV, 11, 20.
48. О Троице, VIII, 9.
49. О Троице, IX, 7, 12.
50. Ср. λόγος в VII письме Платона, 342 с-д.
51. Исповедь, X, 11, 18.
52. O'Daly Gerard. Augustine's philosophy of mind. London, 1987, P. 114.
53. O'Daly G. Augustine's philosophy of mind. P. 141-142.
54. Ibid. P. 142.
55. О Троице, XV, 15
56. Dillon, John. The Middle Platonists. A Study of Platonism 80 B.C. to A.D. 220. Bristol, 1977. P. 201.
57. Письма, XIV, 4; Об истинной религии, 113
58. Рассуждение на Евангелие от Иоанна, I, 9
59. О граде Божиим, 12, 19; 12, 26 – 27
60. Об истинной религии, 66; 113; О книге Бытия буквально, I, 18, 36; О граде Божиим, IX, 22
61. Исповедь, XI, 7, 9
62. О Троице, IX, 12, 17-18
63. Исповедь, XIII, 11, 12
64. О Троице, XV, 27, 49
65. Там же, XV, 11, 20
66. Там же
67. Там же, XV, 12, 22
68. Там же, IX, 11, 16.
69. Там же, XV, 14, 24.
70. Там же
71. Там же, XV, 16, 26
72. Исповедь, XI, 15, 20
73. Там же, X, 35, 57
74. Энн., IV, 7, 10
75. Stromat. Lib. II. Cap. 16, col. 74

THE IDEA OF FORMATION OF THE INTERNAL PERSON IN AN ANCIENT PHILOSOPHY AND CHRISTIAN DOGMA

P.G. Tarasov

Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78; Belgorod, 308008 Russia;
e-mail: TarasovPavel@bsu.edu.ru

The article is devoted to the analysis of idea of «the internal person» in antiquity and early Christianity in a context of the doctrine about self-knowledge and knowledge of the God. The degree is estimated of continuity of the given idea in works of the most outstanding representatives East and Western patristic. I – V centuries. Specificity of basic positions of the concept of «the internal person», and their value for development of the doctrine about self-knowledge and knowledge of the God in Christian spiritual practice is found out.

Key words: Plato, Aristotle, Plotinus, Origen, Philo Alexandria, Basil the Great, Gregory Nazianzen, Gregory of Nyssa, Augustine, self-knowledge, « the internal person », « an internal word », the God, soul, contemplation.

УДК 303.442.4

ИДЕОЛОГИЯ В ПОЛЕ ИСКУССТВА: ВОЗМОЖНОСТИ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА

Е.А. Кожемякин

Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;
e-mail: dva@bel.ru

В статье рассмотрены возможности и пределы исследования идеологической составляющей искусства средствами критического дискурс-анализа. Рассмотрена проблема исследовательской позиции при изучении идеологии и обоснована дискурсивная природа идеологии. Искусство, рассматриваемое в терминах теории Бурдьё, полагается как поле, характеризующееся наличием определенного рода символических отношений, практик и агентов. Идеологический корпус, содержащийся в искусстве, имеет коммуникативно-семиотическую форму и может быть изучен с позиций дискурс-анализа. Описываются общие методологические допущения дискурсного анализа идеологической составляющей искусства, раскрывается стратегия исследования и обосновываются возможности данной методологии.

Ключевые слова: дискурс-анализ, идеология, теория поля Бурдьё, искусство, символическая система, социальные практики.

Представленная работа посвящена изучению возможностей и пределов исследовательских попыток анализа содержания и функций идеологии в поле искусства. В контексте данной задачи представляется необходимым сделать несколько исходных допущений и пояснений, к развернутой аргументации в отношении которых мы в последствии обратимся.

Во-первых, идеология понимается нами как упорядоченный набор идей, знаний, представлений и образов, используемых для воспроизводства и поддержания социальных отношений доминирования и подчинения. В контексте искусства этот корпус имеет коммуникативно-семиотическую форму и может быть изучен с позиций критического дискурс-анализа.

Во-вторых, искусство описывается нами в терминах *поля*, то есть искусство характеризуется наличием специфических позиций, диспозиций, практик и агентов, что позволяет рассматривать его как, с одной стороны, надисторический и надконтекстуальный и, с другой стороны, как неоднородный феномен.

В-третьих, и это является одним из наиболее принципиальных допущений, символические отношения в поле искусства предполагают (скрытые) властные отношения, реализующиеся преимущественно в языковых практиках и ориентированные на воспроизводство определенного социального порядка и конструирование жизненного опыта агентов.

Таким образом, анализ поля искусства предполагает задачу выявления механизмов распространения отношений доминирования-подчинения, что ориентирует исследователя на анализ идеологической составляющей в искусстве. Искусство располагает богатым набором ресурсов символически-знакового характера, которые могут быть узурпированы идеологией в социальных интересах определенных групп.

Попытки исследования проблем идеологии в поле культуры и искусства неизбежно сталкиваются с одной трудностью: это вопрос дефиниции исследуемых феноменов, в частности идеологии. И, видимо, дело даже не в том, что исследователь вынужден делать выбор в пользу одного из определений (только у понятия «культура» их более 600), а в том, что этот выбор, независимо от своего содержания, от степени обоснования, объективирования, анализа, будет в определенной степени имплицитным. Дефиниция идеологии выбирается исследователем, являющимся носителем определенной идеологии. И даже несмотря на то, что сегодня благодаря ряду работ [17; 5; 6] подобные методологические позиции подвергаются жесткой самоверификации, вопрос «объективирования объективирующего» все еще остается открытым.

Уместно вспомнить опыт анализа идеологии Карлом Мангеймом. Как пишет Клиффорд Гирц, «чем больше он сражался с этой проблемой [т.е. проблемой выработки свободного от оценочного отношения понятия идеологии – *Е.К.*], тем глубже утопал в ее двусмысленностях, пока, подчиняясь логике своего исходного постулата (подвергнуть социологическому анализу даже и собственную точку зрения), не пришел – как хорошо известно – к этическому и эпистемологическому релятивизму, который не удовлетворил его самого. И поэтому, после Мангейма, работы в этой области ... применяли набор более или менее остроумных методологических приемов, чтобы избежать того, что можно назвать ... парадоксом Мангейма» [7]. В последствии, в качестве попыток беспристрастного анализа идеологии было предпринято следующее: внеинституциональная позиция исследователя, применение метода «двойной игры» (подчинение правилам идеологического конструкта с целью апробирования неразрешимых идеологией ситуаций), деконструкция собственной точки зрения, безличные исследовательские процедуры, междисциплинарные исследования и пр.

Динамика изменений способов понимания и описания идеологии релевантна динамике метаметодологических (а зачастую и откровенно метафизических) позиций в социально-гуманитарных науках. Исследователей интересует идеология в ситуации «обострения положения» последней: имеется в виду, что вопрос идеологии тогда становится проблемным, когда сама идеология становится (социальной) проблемой.

Идеология как проблема имеет исключительно дискурсивный (в фукианском понимании) характер. Подобная дискурсивность предполагает если не четкое обозначение границ поля возможных рассуждений об идеологии, то «установление маркеров», указание на наличие подобных границ. Видимо, именно поэтому коннотации самого понятия «идеология» бинарны: *либо* идеология постулируется как нечто тираническое, репрессивное, «сильное», а потому крайне негативное, *либо* идеологию понимают как сущность легитимирующую, оправдывающую и требующую оправдания, «слабую», а значит, как нечто скорее позитивное.

Первая позиция представлена целым спектром работ от Маркса до ван Дейка, в традициях которых принято давать дескрипции идеологии как дискурса формирования, конструирования, пере-создания и противопоставления: реальные факты не устраивают идеологов, действительность «нейтрализуется» посредством создания новой, альтернативной реальности. Идеология создает новые, «правильные» инстанции взамен тех, что признаются устаревшими, бесполезными, опасными или несправедливыми. При этом происходит своего рода самосимуляция идеологии, при которой реальность (или же традиционное положение дел) объявляется «неверной» идеологией, которая должна быть ликвидирована в пользу идеологии «верной». «Ложное сознание» замещается «истинным» либо репрессивно, либо косвенно. Поворот в интерпретации сущности и механизма идеологии был осуществлен именно благодаря предположению о косвенном характере функционирования идеологических аппаратов, проявляющемся не в прямом, а опосредованном сигнификативном воздействии на людей. Речь идет об идее Альтюс-

сера о том, что идеология формирует *отношение* людей к условиям их реального существования [14; 15]. Индивидам кажется, что они самостоятельно делают выбор в пользу идеологических аппаратов; люди формируют свою субъектность в зависимости от характера сообщенных им ожиданий. Смещение исследовательского акцента с субъекта на объект идеологии позволило говорить о втором варианте понимания идеологии.

Данная *вторая* позиция, представленная работами Фуко, Лаклау, Муффа, Фэрклоу и др., нивелирует понятие идеологии, сводит его к дискурсу легитимации, представляющему фактическое положение как основанное на праве, традиционное преимущество как естественное превосходство. Идеология теперь предстает как способ описания, как вид интерпретации, который может быть использован людьми в зависимости от его доступности им. Доступность же определяется метанарративом социального опыта. По Лаклау, сознание может быть «ложным» только при условии наличия истинной идентичности социальных агентов. Однако открытым остается вопрос о связи «метанарратив социального опыта – идеология»: существуют ли не зависящие от идеологии поля, в которых разворачивается дискурс о собственном опыте? есть ли возможность неискаженного, «истинного» социального или индивидуального действия? Более существенными вопросами в рамках исследования идеологии в поле искусства являются следующие: каковы «пределы» действия идеологии? до которого момента идеология остается «эффективной»? возможно ли символическое «сопротивление» идеологической интерпелляции агентов в поле искусства? Насколько «тотальной» может быть идеология в поле искусства?

Не претендуя на исключительность нашего исследования и осознавая собственную «ангажированность», мы не ставим целью разработку нового определения или однозначный выбор одной из существующих дефиниций идеологии. Более рациональным в данной ситуации нам представляется определить границы исследуемого предмета посредством описания его центробежных сил.

В вышеописанных исследовательских стратегиях познания идеологии можно выделить по крайней мере одно общее допущение: существуют агенты и «жертвы» идеологии. В таком контексте тактика интерпретации идеологии подразумевает следующий тезис: *идеология есть процесс и эффект установления смысловых, ценностно-нагруженных отношений между повседневностью («символическими значениями первого порядка») и неким корпусом идей и представлений («символическими значениями второго порядка»)*. Данная сентенция уже содержит, несколько проблемных звеньев.

Во-первых: кто является носителем, агентом идеологического воздействия? Признавая, что идеология есть нечто внешнее по отношению к нам, практически все исследователи, тем не менее, расходятся в мнении о субъектах идеологии: по Фуко, это социальные институты, ответственные за историю; по Марксу – правящие классы; по Альтюссеру – «недовольные» социальные группы, выражающие отношение к условиям существования; по Кожеву – «тираны и философы»; по Жижеку – мы сами. Но, как бы мы не определяли агентов идеологии, важным остается акцент на содержании идеологического воздействия, реализующегося в *идеологическом (нормирующем) дискурсе* – контролирующем и корректирующем деятельность адресата. Иными словами, индивидуумы (вос)производят отношения доминирования-подчинения, будучи включенными в специфичные дискурсивные практики. Эффектом подобного включения является конструирование субъекта идеологических отношений. Идеология в таком контексте инкорпорирована в социальное взаимодействие и актуализуется в определенном контексте дискурсивной практики. Агенты и «жертвы» идеологии сами воспроизводят свою субъектность, интерпеллируя себя в символическое поле дискурса. Альтюссер полагал, что мы всегда занимаем предназначенную для нас субъектную позицию и, таким образом, становимся субъектами идеологии. «Опыт

показывает, что практические обращения в телекоммуникации таковы, что они всегда доходят до адресата: тот, к кому обращаются словами или свистом, всегда осознает, что зовут именно его» [15, С. 174].

Во-вторых, проблема исследования идеологии выражается также в следующем вопросе: каковы ограничения действия идеологии в поле «первичных символических значений» и в сфере творчества и искусства, понимаемом в семиологическом контексте как риторическая деятельность по трансформации базовых смысловых значений.

Возможный ответ на данный вопрос мы можем найти у Пьера Бурдьё, который относил процесс создания социальных (культурных) символов непосредственно к сфере власти. «Символическая власть» понимается Бурдьё как интерпеллирующая деятельность, осуществляемая с помощью знаков, символов, которые способны производить социальные отношения [4, С. 90]. Причем производство подобных отношений осуществляется с помощью дискурса: «Известно, что любое использование силы сопровождается дискурсом, нацеленным на легитимацию силы того, кто ее применяет» [4, С. 194]. В данном случае мы выходим на проблему усиления семиотической компоненты механизма создания социального порядка и жизненного опыта.

Идеологический дискурс как средство легитимации власти обращается к тем структурам, которые обусловлены культурой. Идеология, с точки зрения Бурдьё, предоставляет индивиду возможность «неизбежной импровизации бытовых стратегий» versus «механической цепи обязательных поступков», причем такая импровизация направлена на поддержание идеологического смысла на бытовом, повседневном уровне с помощью своего рода «символического капитала». Таким образом, идеологический дискурс, по мнению Бурдьё, проникает на более глубокие вербальные уровни – уровни обыденного культурного сознания. «Система производства культурных благ... выполняет, по самой логике своего действия, идеологические функции – в силу того, что механизмы... остаются скрытыми»; и далее: «самые верные идеологические эффекты – это те, которым для своего осуществления требуются не слова, а ... замалчивание» [5, С. 263].

Несколько иное понимание дискурсивного измерения идеологии и культуры представлено в теории *Михаила Михайловича Бахтина*. Как считает философ, не только диалогичность культуры, но и монологичность идеологии предполагает полифоничность, «множественность самостоятельных и неслиянных голосов». Но, если в отношении полифоничности культуры (и искусства) можно утверждать, что каждое коммуникативное событие «отражает ближайшее маленькое социальное событие», то полифоничность идеологии создает, конструирует социальные события. Культурное пространство в понимании Бахтина – это бесконечность диалога, потенциальная незавершенность дискурса, метафорически представленная «карнавализацией» отношений, в которой стираются грани между идентичностями: «Карнавал не созерцают – в нем живут, и живут все, потому что по идее своей он всенароден» [1, С.12].

Карнавализм культуры и повседневности связывается Бахтиным не с доминантами идеологического дискурса, не с тоталитарным «говорением», а с бесконечностью или, точнее, незавершенностью отношений, характеризующих повседневность. Подобный выход за пределы довлеющего монологического нормативного пространства сопровождается, как уже было отмечено, деструкцией границ идентичности: в попытке «услышать и быть услышанным» личность готова определять себя как угодно. Приоритетом отношений в культуре является не характер и содержание человеческой деятельности, а функциональность личности – то, как она себя сможет повести в целях развития диалога с Другим. Функции диалога и представляют собой базисные основания регуляции поведения человека.

Эти идеи парадоксально развиваются в теории дискурса *Ван Дейка*. Любой текст, по Ван Дейку, имеет достаточно жесткую структуру в зависимости от коммуникативных позиций говорящего, ситуации, обстоятельств, позиции слушающего и т.д. Подобная структура задается идеологией, контролирующей образование, трансформа-

цию и применение социальных когнийций. В любых текстовых структурах обнаруживают себя макроструктуры, которые организуют тот или иной тип дискурса в единое целое. «Макроправила – это правила редукции информации, и правила ее организации. Большие последовательности сложных семантических структур, таких, как предложения, изображения, пейзажи, сцены и действия, не могут быть должным образом обработаны без обращения к каким-либо структурам более высокого уровня. ... если большие последовательности семантических структур такого рода могут быть сведены с помощью макроправил в несколько ... макропозиций и если такие макроструктуры являются достаточной базой для дальнейшего понимания дискурса, тогда может быть выполнена исключительно сложная задача упорядочивания семантических данных» [10, С. 28].

Таким образом, нормативный (идеологический) дискурс может быть описан как механизм упорядочивания когнитивных процессов в мышлении человека. Нормативный дискурс, носителем которого являются, по Ван Дейку, в первую очередь, масс-медиа, «предписывает не столько «что» люди должны думать, а то, «как» они должны думать».

Семантическое поле идеологии невариативно, что ведет к безальтернативности ниже лежащих, личностных коммуникативных (и речевых) структур: «Ввиду отсутствия альтернативных механизмов интерпретации люди практически не в состоянии выработать контрдоводы» [10, С.48]. Интересно, что овладение людьми «контрдоводами» в русле данной традиции может быть понято как расширение «идеологического» горизонта, поскольку «альтернативные механизмы интерпретации» принадлежат иной идеологической системе. В этом случае мы укажем на одну из важных проблем анализа дискурса идеологии – нормативные дискурсы различных идеологий находятся в состоянии конфликта, т.к. альтернативность оценок (или «интерпретаций» в контексте лексики Ван Дейка) предполагает образование собственно интерпретаций, что противоречит природе идеологического воздействия.

Лимитированность действия идеологии, границы семантического поля идеологического дискурса обусловлены именно «направленностью на Другого» по Бахтину. Спонтанность повседневной коммуникации, стихийность «бессмысленных» речевых актов, безграничный творческий потенциал искусства указывают на иную *функциональность* «низших дискурсивных конструкторов» – утверждение личностной идентичности в коммуникации. Дискурсивная практика в поле искусства и повседневности, на взгляд Ван Дейка, лишь формально, грамматически или ситуативно может быть спрограммирована идеологией.

Далее мы обратим внимание на потенциал собственно критического дискурс-анализа как метода изучения механизмов распространения и конструирования властных отношений при использовании риторических ресурсов искусства.

Критический анализ дискурса берет свое начало в работах Мишеля Фуко, который определял *дискурс* как *экспрессивную форму человеческого поведения, предполагающую использование языка*, как устного, так и письменного, *с целью воспроизводства и создания значений и целей, с целью конструирования социально-значимого знания, здравого смысла, а также с целью поддержки истины и власти*. Фукианское представление о дискурсе неизбежно предполагает анализ метанарративных образований, обладающих потенциалом (вос)производства порядка социального характера. Развивая идеи Фуко, Н. Фэрклоу и Т. Ван Дайк проанализировали дискурсивные способы инкорпорирования образов, практик и языка в «социальное и личное тела», равно как и специфику функционирования дискурсов как инструментов власти, предполагающей установление и распространение отношений подчинения и доминирования как внутри социальных групп, так и на уровне межгруппового взаимодействия. Дискурс как средство распространения и воспроизводства социального порядка предопределяет то, чьи интересы должны превалировать и то, кто будет занимать более привилегированное социально-политическое положение в определенном культурном контексте.

Дискурс приобретает институциональную форму, становясь «дискурсивной формацией», что подразумевает инструментальное и стратегическое использование языка и практик как в отношении корпуса письменных, так и устных текстов; дискурс представляет собой способ использования языка в конкретных социальных условиях для достижения экономических, политических и социальных целей. Дискурс всегда зависим, с одной стороны, от социокультурных влияний и, с другой стороны, от экономических интересов, исходя из которых он производится и распространяется [10]. Таким образом, критический дискурс-анализ базируется на идее о том, что властные режимы производят дискурс, легитимирующий те социальные и социокультурные значения, которые могли бы обеспечить защиту их интересов. Критический дискурс-анализ располагает методическими возможностями «вскрытия» и интерпретации условий и способов производства доминирующего дискурса. Он представляет собой разновидность анализа «скрытых и прозрачных структурных отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, представленных в языке» [17].

Основываясь на традициях критической лингвистики, критический дискурс-анализ базируется на представлении о языке не как об обычном средстве коммуникации, а как о способе упорядочивания социальной деятельности. Иными словами, язык конституирует социальное действие, представляя собой пространство создания и изменения смыслов. При этом, одним из наиболее значимых с этой точки зрения полем реализации этой функции языка (наряду с полем массовой коммуникации и повседневности) является, на наш взгляд, искусство, подразумевающее совокупность практик, в том числе языковых, предполагающих активную деятельность по трансформации и интерпретации «базовых смыслов». В подобном, конструкционистском по своей сути, измерении искусство как поле реализации символических корпусов не отражает реальность, а создает ее. Дискурс носит агентивный характер, то есть обладает потенциалом конструирования реальности за счет создания определенного порядка значений и связанных с ними предписаний.

Итак, идеологический дискурс в поле искусства в традициях исследовательских практик описывается и как *структура*, предполагающая иерархию отношений и значений; и как *практика*, подразумевающая создание, интерпретацию и распространение необходимых значений; и как *способ говорения*, направленный на воспроизводство жизненного опыта и поддержку (установление) социального порядка.

Данные способы описания и изучения дискурса позволяют подтвердить правомерность выделения таких двух основных типов дискурса, как институциональный (в нашем случае – идеологический) и бытовой (в том числе повседневный), причем оба эти типа дискурса выполняют идентичные функции, то есть каждый из них имеет отношение к конструированию, воспроизводству и актуализации:

- идентичности¹;
- отношений;
- означиванию.

В нашей работе мы ограничимся схематичным описанием механизмов и элементов идеологического дискурса в искусстве.

Вслед за Т. ван Дейком и Дж. Томпсоном к основным *механизмам* идеологического дискурса, наиболее актуальным для поля искусства, мы относим следующие:

а) механизм *реификации* (отношения доминирования могут быть установлены и поддержаны за счет репрезентации положения вещей как закономерного, исторического порядка; факты, образы, идеи представляются такими, как если бы они были перманентными, естественными и не зависящими от временных контекстов);

б) механизм *легитимации* (рационализация и универсализация положения вещей; репрезентация как представление фактов в качестве законных и требующих легитимной поддержки вне зависимости от специфичных условий);

---

¹ В том числе национальной, что убедительно прослеживается на примере т.н. «тоталитарного» искусства СССР 30-70-х гг.

в) механизм *фрагментации (категоризации)* (выделение фактов из определенной группы на основе произвольно взятого признака; репрезентация на основе акцентуации уникальности, непохожести и, соответственно, противопоставление объекта группе иных объектов);

г) механизм *унификации* (стандартизация положения вещей; символическое конструирование форм единства);

д) механизм *прототипизации* (выделение объекта из группы как типичного; репрезентация на основе наделения представителя «типичными», «характерными» чертами группы).

Перечисленные механизмы не исчерпывают всего многообразия дискурсивных стратегий и тактик, используемых для трансляции тех или иных смыслов, значений, идей и образов; однако, именно эти пять механизмов представляются нам наиболее распространенными в контексте идеологизации при использовании ресурсов искусства.

Критический дискурс-анализ предполагает выявление не только механизмов конструирования, распространения и поддержания отношений доминирования и подчинения, но и обнаружение и анализ основных *элементов* дискурса, к главным из которых следует отнести следующие:

– *пропозиция* (основные утверждения дискурса);

– *импликатура* («внутренний» план пропозиции; план «содержания»; корпус высказываний, скрытых от адресата, но необходимых для трансляции и «проектируемой» интерпретации, в которой заинтересован адресант);

– *экспликатура* («внешний» план пропозиции; план «выражения»; материальная сторона высказываний, транслируемых в дискурсе);

– *референция* (обращение к прецедентным текстам; репрезентация на основе использования экстрадискурсивных элементов, то есть тех, которые не относятся к содержанию самого дискурса).

В отношении идеологического дискурса целесообразно также выделить такой дискурсивный элемент, как *идеологема*, представляющую собой мельчайшую значимую единицу идеологического языка (например, «красный», «сознательность», «акула капитала», «беззаветно предан делу Ленина-Сталина», и т.д.).

В качестве материала дискурс-анализа нам представляется адекватным выбор не только вербального материала, но и визуальных артефактов искусства, например, таких, как агитационные, пропагандистские, рекламные плакаты, фильмы, фотографии; данный выбор обусловлен рядом причин.

Во-первых, тексты т.н. «пропагандистского паблик-арта» характеризуются воспроизводством напряжения между институциональностью и повседневностью: с одной стороны, визуальный материал транслирует идею, предполагающую безальтернативное прочтение аудиторией; с другой стороны, «вторжение» таких визуальных артефактов, как плакаты и фильмы в повседневное пространство зачастую «оформляет его», дополняет определенными смыслами. В этом принципиальное отличие использования плаката от материалов СМИ в качестве инструмента трансляции идеологии: тексты СМИ воспроизводят границу между собой и повседневностью за счет ряда средств – пространство, тираж, время, доступность, потребительские интенции и т.д., в то время, как плакат исключает подобные границы, будучи встроенным в рутинную сферу, доступным везде и каждому, игнорируя намерения аудитории на потребление той или иной информации.

Во-вторых, визуальный материал представляет собой крайне конденсированный текст, вмещающий в себя необходимое и достаточно многообразное количество значимых элементов; его смысловая нагруженность уникальна, что и представляет особый интерес для качественного анализа.

Таким образом, дискурс-анализ текстов искусства предполагает следующую логику:

– *кто говорит* (выявление автора, актора, идентификации читателя с голосом);

- *что говорится*, что утверждается (выделение пропозиции, экспликации);
- *как говорится*, с какими целями и с какими средствами (выделение механизмов идеологического дискурса, идеологем, имплицатуры);
- *где и когда говорится* (определение контекста дискурса).

В целом, следование такой стратегии анализа текстов искусства как дискурса позволит выявить «чистое значение» содержания идеологического дискурса и выявить особенности властных отношений, поддерживаемых и воспроизводимых с помощью артефактов искусства.

Также, анализ идеологического дискурса произведений (как массового, так и элитарного) искусства позволяет обнаружить достаточно специфичный дискурсивный конфликт: это своего рода напряжение между дискурсом идеологии и дискурсом повседневности и культуры.

Неоднозначность, диалогическая обусловленность дискурсивных средств выражения идеологических максим в сфере искусства предполагает «пост-истолкование» (насколько корректным будет являться трансформация герменевтического понятия «пред-истолкования»), или – достраивание смысла высказывания-единицы нормативного дискурса в границах доступного символического и прагматического пространства, или – дискурсивную практику индивида. Собственно дискурсивная практика в таком понимании не имеет предела, поскольку превращение идеологической оценки в культурную интерпретацию порождает столько смыслов, сколько индивидов способны их поддерживать.

Таким образом, мы можем сделать следующие *выводы*.

1. Предпринимая попытки анализа поля искусства, акцент может быть поставлен на изучение ее как дискурсивного *поля* взаимодействия между идеологией и повседневностью и как *индикатора* интенсивности и характера подобного взаимодействия.
2. Существует взаимосвязь между типом идеологического воздействия и содержанием поля искусства.
3. Дискурс-анализ позволяет выявить специфику властных отношений, воспроизводимых в поле искусства, диагностировать конфликт между дискурсом идеологии и дискурсом повседневности, а также выявить «чистое значение» идеологического дискурса в искусстве.

Список литературы

1. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1990.
2. Бурдые, П. Начала / Пер. с фр. – М.: Socio-logos, 1994.
3. Бурдые, П. Социальное пространство: поля и практики. – М., СПб., 2005.
4. Бурдые, П. Социология политики. – М., 1993.
5. Бурдые, П. Практический смысл. – СПб.: Алетейя, 2001.
6. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139с.
7. Гирц К. Идеология как культурная система // www.nlo.magazine.ru/philosophe/27.
8. Дейк, Т.А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8: Лингвистика текста. – М., 1978. – С. 259-336.
9. Дейк, Т.А. ван. Принципы критического анализа дискурса // Перевод и лингвистика текста. – М., 1994. – С.169-217.
10. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.
11. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390с.
12. Купина, Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург, Пермь, 1995. – 143 с.
13. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДК «Гнозис», 2003. – 280с.
14. Althusser L. Reading Capital. L., 1970.
15. Althusser, L. Lenin and philosophy and other essays. – N.Y., 1971.
16. Fairclough N. Discourse and text: linguistic and intertextual analysis within discourse analysis // Discourse and society. 1992. N.3 P. 192-217.
17. Wodak, R. Disorders of discourse. – L., N.Y.: Longman, 1996.

IDEOLOGY IN THE FIELD OF ART: PERSPECTIVES OF CRITICAL DISCOURSE-ANALYSIS

Е.А. Kozhemyakin

Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308600, Russia;
e-mail: dva@bel.ru

The paper deals with perspectives and limits of investigation of ideological elements in art by means of critical discourse-analysis. The problem of a researcher position is observed in terms of ideology studies, and the discursive character of ideology is grounded in the article. The art is regarded in terms of Bourdieu's theory and supposed to contain certain symbolic relations, the same as practices and agents. Ideological body in the field of art has the communicative and semiotic form, and can be studied by discourse-analysis. The paper describes general methodological positions of the discourse-analysis of ideological elements in art, it also reveals the logics of a survey and grounds the perspectives of the methodology.

Key words: discourse-analysis, ideology, Bourdieu's theory of field, art, symbolic system, social practices, regulation of everyday life.

СПЕЦИФИКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Е.А. Кротков¹⁾, Д.К. Манохин²⁾

¹⁾ Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;
e-mail: krotkov@bsu.edu.ru

²⁾ Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;

В статье рассматривается специфика филологического познания в контексте его полипарадигмальности, анализируется содержание понятия парадигмы филологического исследования; артикулируются концептуальные и методологические ориентации филологических наук.

Ключевые слова: филологический дискурс, парадигмы филологического исследования, концептуальные и методологические ориентации.

В современном литературоведении (филологии) существует множество различных течений и школ, которые, как правило, вступают в скрытую либо явную конфронтацию. Появляются новые методологические подходы, которые далеко не всегда вытесняют старые и придают ситуации еще большую остроту. В этой связи становится актуальной задача осмысления отличительных особенностей литературоведческого типа научного исследования и причин его полипарадигмальности; разработки классификации теоретико-методологических подходов и др. Обозначенные проблемы не разрешимы категориальными средствами филологических наук, так как имеют все признаки философско-методологической проблематики.

В данном контексте являются необходимыми прояснение специфики литературоведческого познания на полипарадигмальной стадии его эволюции и экспликация теоретико-методологических оснований парадигмального анализа филологического дискурса.

Ниже представлены *результаты* исследования, проводившегося по следующим направлениям:

1. Анализ содержания понятия парадигмы литературоведческого исследования; разработка на этой основе парадигмального подхода к пониманию специфики филологического познания.

2. Артикуляция концептуальных и методологических ориентаций современного литературоведения и создание предварительной классификации исследовательских парадигм; прояснение посредством этого проблемы полипарадигмальности литературоведческого познания.

1. Понятие парадигмы литературоведческого исследования

Понятие парадигмы научного исследования получило широкий резонанс в области философии науки после выхода в свет книги Т. Куна «Структура научных революций» [см. 2]. Однако впечатляющее разнообразие способов употребления указанного понятия в тексте американского методолога и историка науки привело к дефинитивным проблемам и вызвало множество критических замечаний со стороны философов и ученых.

Это подвигло Куна на экспликацию понятия парадигмы, что он и сделал посредством введения термина «дисциплинарная матрица», перечень компонентов которой включает символические обобщения, квазиметафизические предписания, ценности и конкретные образцы решения задач. Названные компоненты у Куна оказываются принятыми в рамках того или иного научного сообщества и задают способ видения объекта исследования.

Проведенный анализ различных определений понятия парадигмы, существующих в философии науки, позволяет сделать вывод, что все они достаточно успешно функционируют в рамках философского дискурса. Но при этом исследователи, использующие те или иные дефиниции, не учитывают всей сложности куновского подхода и сталкиваются со следующими трудностями: а) парадигма определяется как однокомпонентное образование, что приводит к упрощенному взгляду на специфику и механизм естественнонаучного или гуманитарного познания; б) парадигма понимается как многокомпонентное образование, но при этом далеко не всегда отмечаются отличительные признаки компонентов парадигмы, что создает проблемы их выделения и объединения в единое целое; в) даже при указании на многокомпонентный характер содержания понятия парадигмы существует тенденция к выделению главного и второстепенного компонентов, а также исключению какой-либо из составных частей парадигмы, выделенной Куном; г) в ходе разработки названного понятия отсутствует замечание о необходимости экспликации компонентов парадигмы с учетом специфики тех научных дисциплин, которые должны стать объектом парадигмального анализа.

Данная ситуация инициируется замечаниями самого Куна относительно широкого и узкого пониманий парадигмы, что наводит на мысль о двух возможных трактовках его содержания – как многокомпонентного и как однокомпонентного образования. Основное затруднение состоит в том, что Кун одновременно следует пониманию парадигмы как «образца» и рассматривает ее как некое многокомпонентное образование. Слово «парадигма» ведет происхождение от древнегреческого *paradeigma* – пример, образец, и свое наиболее легитимное научное употребление получило в лингвистике, где оно обозначает совокупность грамматических элементов, образующих единое правило. Однако концептуальное основание этого термина в дискурсе современной теоретической лингвистики сводится не столько к понятию образца, сколько к понятию особого объединения единиц, существующего за счет наличия у каждой парадигмы определенного числа позиций и семантической характеристики каждой позиции [см. 3]. Иными словами, парадигма – это многокомпонентное образование, но при этом необходимо не просто обозначить ее составляющие, но и охарактеризовать их специфику. Именно по такому пути и пошла философия и методология теоретической лингвистики, достигнув предельной четкости определения парадигмы.

В итоге мы приходим к следующим выводам: 1) парадигма – это *многокомпонентное* образование; 2) список компонентов парадигмы может как совпадать с куновским, так и дополняться и варьироваться в зависимости от специфики той или иной области науки; 3) при изменении или варьировании состава парадигмы ее компоненты в любом случае должны комплексно представить основные установки исследования, особенности его предметной области и методологии; 4) каждый компонент должен получить дефинитивную разработку; 5) при конкретном анализе компоненты могут получать различную степень значимости, но в самом определении деление на главные и второстепенные составляющие не должно быть исходной предпосылкой.

Исходя из этих и полученных ранее результатов, мы попытаемся раскрыть содержание понятия парадигмы литературоведческого исследования. Наше определение ориентировано на перечень компонентов (и их отличительных признаков), предложенный Т. Куном, в котором значатся символические обобщения, метафизические части парадигм, ценности и общепризнанные образцы. В контексте высказываний Куна правомерно говорить еще об одном компоненте – методологии названного исследования. Присутствие следующего компонента – круга основных проблем – основано на том обстоятельстве, что в филологических науках проблема может послужить отправной точкой как для формирования парадигмы, так и нового метода, а метод, в свою очередь, может способствовать переработке теории. Данные компоненты мы размещаем в такой последовательности: от компонентов онтологического характера (и их оценки) к компонентам методологического, а от них – к практическому решению проблем. Эти три

«блока» в своей совокупности и взаимосвязи и обуславливают принятие нами определения парадигмы как образования, включающего все ранее перечисленные компоненты. Рассмотрим их подробнее.

«Символические обобщения». В литературоведческом исследовании такие обобщения имеют место, когда в парадигму вводятся концептуальные элементы семиологии и структурной лингвистики. Филологи, избегающие формализации, обходятся, как правило, тем, что вводят новые понятия и описывают существующую между ними систему взаимосвязей. Это дает возможность другим исследователям прибегнуть к буквенным символам, заменяющим термины, а затем путем использования минимального набора математических символов построить схему, использование которой может быть уподоблено закону теории. Наиболее редким случаем является использование сложных математических формул, что оказывается эффективным лишь при условии глубочайшей компетентности исследователя. Само по себе употребление тех или иных элементов формализации или же отказ от них еще не может служить средством демаркации парадигм литературоведения.

«Метафизические части парадигм» – это концептуальные модели, задающие способ существования объекта исследования. В филологии предпочтение отдается концептуальным моделям метафорического типа. На их основе создаются специфические типы анализа (анализ уподобляется блужданию по лабиринту, нанесению следов и т.п.), хотя при этом используются строгие научные процедуры (включая и терминологические). Однако употребление различных способов формализации и в то же время использование метафор в качестве средства научного познания и их продуцирование расширяют критерии оценки результатов научной деятельности.

«Ценности», точнее, ценностные ориентации, влияющие на выбор направления исследования и средств для преодоления когнитивных проблем. Речь идет об отношении к следующим характеристикам теории: точность, непротиворечивость, область приложения, простота и плодотворность. Ценностные суждения подобного рода весьма распространены в литературоведении. Существует расхождение между учеными: а) принимающими эти критерии (каждый из критериев может получать как лидирующее положение, так и второстепенное, возможно различное их понимание, критическая работа с ними); б) предлагающими свой набор критериев, характерных для филологических, а не естественных наук; в) работающими в какой-либо эзотерической области со своими особыми критериями (хотя такие случаи редки). Но помимо отношения к указанным критериям, в филологии важны ценностные суждения по поводу полезности научного труда для общества, эстетической привлекательности теории. В области филологических наук оказываются в центре внимания и моральные, национально-религиозные ценности. Все это служит как синергии, так и конфликту между различными исследовательскими парадигмами.

«Круг проблем». В области литературоведения присутствуют как «головоломки», определяемые уже существующей парадигмой, так и фундаментальные проблемы, способствующие ее экспликации и развитию. Первые решаются при помощи наличествующих в рамках той или иной парадигмы стандартных методов и типов анализа, и имеют, в целом, репродуктивный характер. Специфика вторых состоит в том, что они не могут быть быстро и окончательно решены. Более того, фундаментальные проблемы способствуют неограниченной пролиферации исследовательских парадигм и с возникновением каждого нового теоретико-методологического подхода приобретают дополнительные коннотации. Эти коннотации, в свою очередь, имплицитно подразумевают подпроблемы, каждая из которых может войти в круг проблем только что сформированной парадигмы.

«Методология». Этот компонент представляет собой совокупность правил, методов, средств и приемов исследования. Он обусловлен теорией и проблемами, требующими разрешения, хотя и сам при дальнейшей разработке влияет на них. В области филологии особенно важны метод (метод герменевтического круга, метод деконструк-

ции) и средство решения проблем (терминологический компонент исследовательского дискурса). При анализе методологии необходим учет высказываний самого исследователя, репрезентирующих его отношение к факту наличия/отсутствия, заимствования/создания метода.

«Исследовательские образцы». В литературоведении ситуация такова: существуют определенные схемы (шаблоны) анализа текста, указывающие на последовательность практической деятельности и состоящие из перечня того, что необходимо подвергнуть рассмотрению. Эти схемы не являются конкретным решением какой-либо проблемы, а, скорее, педагогическими рекомендациями, инспирируемыми либо парадигмой в целом, либо таким ее компонентом как исследовательские образцы. Подобные образцы нельзя найти в учебнике или приобрести их в качестве практического навыка. Они репрезентированы в научных монографиях, статьях и способны оказать воздействие (вплоть до присоединения к парадигме) не только на студентов, но и на ученых. Специфика анализируемых образцов заключается в том, что в них нередко содержатся новые категории и пересматриваются основные теоретические обобщения. Рефлексия над устоявшимися теоретико-методологическими постулатами в ходе конкретного анализа является распространенной среди литературоведов процедурой.

Что касается способа видения (интерпретации), то в литературоведении он является следствием усвоения всей совокупности ранее перечисленных компонентов: формирование того или иного «видения» текста является их наиболее ярким отличительным признаком.

Специфика научного сообщества в современном литературоведении (филологии) состоит в том, что ранее существовавшие отдельно дисциплины соединяются им в одно целое, а дифференциация проходит как между отдельными школами, так и между отдельными учеными, создавшими свою уникальную теорию.

Таким образом, компоненты парадигмы литературоведческого исследования номинально являются теми же, что и в естественнонаучном, но имеют при этом специфические коннотации. В целом мы понимаем парадигму филологического дискурса как принятое определенным научным сообществом многокомпонентное образование, задающее способ интерпретации объекта исследования и содержащее символические обобщения (схемы), концептуальные модели художественного текста, ценностные ориентации, методологию, круг проблем и конкретные образцы их решения.

Несколько замечаний методологического характера. Первое касается компонентов парадигмы филологического исследования, которые детерминируются особенностями литературоведения и задают правила/предписания (метод) парадигмального анализа. В конкретных случаях символические обобщения и ценностные ориентации не обязательно должны выделяться эксплицитным образом. Символические обобщения не эквивалентны (в строгом смысле) закону теории в естественных науках и, скорее, могут вводиться в концептуальном плане как одно из онтологических допущений, а в операциональном аспекте – как методологический компонент. То же верно и в отношении ценностных ориентаций, которые, как правило, проясняются в ходе аналитики той или иной методологической концепции. Второе замечание связано с необходимостью дополнения компонентного состава парадигмы аналитикой установочного звена, суть которого состоит в признании зависимости теоретико-методологических оснований литературоведения от иных дисциплинарных матриц. Далее (в разделе 2) будут представлены результаты экспликации установочного компонента филологического познания.

2. Концептуальные и методологические ориентации литературоведения

Литературоведение находится в сложном взаимодействии с философией, лингвистикой и естествознанием. Особенно отчетливо это взаимодействие проявляется при парадигмальном анализе филологического дискурса. Одним из критериев различения его парадигм становятся концептуальные и методологические ориентации ученых, формирующиеся в виде установок и предпосылок научного исследования: целей рабо-

ты, особых характеристик предметной области, необходимости создания и разработки тех или иных методов. В роли ориентиров выступают, как правило, та или иная философская теория, идеалы и нормы лингвистики и естественных наук, уже устоявшиеся филологические школы. Исходя из этого перечня, можно выделить три типа возникновения и развития литературоведческих парадигм.

Первый тип представляет собой ориентацию на какую-либо философскую теорию, из которой заимствуется некая онтологическая модель, подвергающаяся переосмыслению посредством включения ее в универсальную для всей филологии систему «автор-текст-читатель». Здесь можно выделить следующие филологические парадигмы – герменевтику и деконструктивизм.

Тип литературоведческого познания, маркированный ориентацией на философский дискурс как на некий концептуальный и методологический идеал, характеризуется тем, что имеет прочные теоретические позиции и едва ли может быть в ближайшее время «списан со счетов», поскольку фундирован следующими авторитетными философскими принципами: неполноты понимания; использования лексико-синтаксических ресурсов исследуемого феномена для конституирования критического дискурса; невозможности создания непротиворечивой интерпретации текста. Данные принципы способствуют перманентной эволюции парадигмы. Этот несомненный позитив дополняется фактом взаимной критики герменевтики и деконструктивизма. Со стороны деконструкции она состоит в указании на фиктивный характер феномена понимания и невозможность существования аутентичной интерпретации, согласованной с интенцией автора произведения. Филологи герменевтической парадигмы полемизируют с деконструктивистами по поводу субъективности подхода последних и стремления десемантизировать текст путем экстраполяции противоречивости фрагмента текста на его синтаксис. При этом участники дискуссии, используя способы аргументации и терминологический аппарат противника, имплицитным образом переосмысливают положения той парадигмы, которую они сами исповедуют. Это приводит к появлению новых направлений исследования, которые могут быть выявлены как в ходе повторной рефлексии над собственными высказываниями, так и посредством критики со стороны оппонентов. Все это наводит на мысль о продуктивности сосуществования различных исследовательских парадигм.

Основу второго типа возникновения и развития филологического познания составляет ориентация на концептуальный и методологический идеал естественных наук и теоретической лингвистики. К этому типу относится такое научное направление, как структурализм. При этом необходимо сразу же отметить, что структурализм не транслировал механически методы естествознания на свой объект исследования. Скорее он рассматривал естественные науки в качестве образца, на основе которого можно создать и обосновать *универсальный* для всех гуманитарных наук метод и теорию. Соответствие этому образцу было достигнуто в области лингвистики (Ф. де Соссюр) путем построения структурной модели естественного языка. Затем эта модель была экстраполирована литературоведами на свой объект исследования – художественный текст.

Специфика данного типа развития филологического познания заключается в следующем. Структурализм изначально претендовал на универсальность своих положений. Не отказался он от них и в дальнейшем, что привело к его кризису и возникновению постструктурализма, который, в свою очередь, объединил в себе и философию, и науку, и искусство, утратив таким образом отчетливые критерии их демаркации. Однако главной особенностью является то, что пришедшая на смену структурализму парадигма не критиковала его за отказ от идеалов научной рациональности. Скорее, одновременное стремление структурализма к научной строгости и к построению абсолютно завершенной спекулятивной системы при параллельном отказе от учета конститутивных элементов художественного текста позволили постструктуралистам заявить о взаимосвязи, и даже тождественности, западноевропейской метафизики и научной ра-

циональности, что и явилось одним из посылов создания проекта их критики. Специфика этой критики состояла в отказе от любых проявлений фундаментализма и в установке на ничем не ограниченную пролиферацию теоретико-методологических подходов. В силу этого, концептуальные и методологические ориентации постструктурализма довольно размыты, и в роли ориентира выступают различные научные дисциплины. Главное, чтобы в результате симбиоза положений этих дисциплин возникла «спекулятивная» теория, не скрывающая своей «спекулятивности» и не претендующая на окончательность и общезначимость выводов.

Ранее сказанное делает достаточно обоснованным вывод о том, что в случае структурализма и постструктурализма имеет место смена парадигм в ходе своеобразной научной революции. Однако постструктурализм сохраняет и переосмысливает некоторые из основных теоретических допущений структурализма – «смерть субъекта», семиотический характер культуры и т.п., а Р. Барт и Ц. Тодоров, безболезненно обратившиеся в постструктурализм, продолжают пользоваться структуралистскими, по своей сути, методами. По всей видимости, это связано с тем, что далеко не все структуралисты рассматривали свой проект как самодостаточный. В частности, тексты Р.Барта [см. 1] и Ю. М. Лотмана [см. 4] свидетельствуют о понимании структуралистского подхода как первоначальной ступени – освоении языка/кода, за которой последует исследование гетерогенности и полисистемности художественных текстов, учет их специфической прагматики.

Таким образом, ориентация на концептуальный и методологический идеал естественных наук, впервые реализованный в области теоретической лингвистики, и одновременное наличие философских обертонов обусловили возможность «революционного» развития филологической парадигмы. Однако эта революция, с одной стороны, несет в себе специфически преобразованные куновские смыслы, поскольку речь идет о взглядах, изначально определявшихся критикой структурализма как неометафизической теории (Делез), а, с другой стороны, органично включает имманентно присущие отдельным структуралистам интенции (Барт, Лотман, Тодоров).

Третий тип возникновения и развития филологического познания представляет собой ориентацию на концептуальные модели и методологию уже существующих филологических парадигм, которые рассматриваются литературоведами в качестве базовых. Его суть заключается в конкретизации тех или иных базовых парадигм, совершающейся путем уточнения и усложнения универсальной схемы «автор-текст-читатель» и связанных с ней концептуальных установок, а также путем комбинаторики при создании методологии анализа текста. К этому типу относятся рецептивная эстетика и нарратология.

Специфика этого типа филологического познания заключается в том, что парадигмы рецептивной эстетики и нарратологии, выполняя критическую функцию по отношению к базовым литературоведческим школам и в то же время служа средством преодоления конфликтов между ними, взаимодополняют друг друга по принципу внешней/внутритекстовой прагматики. Это способствует разрушению позиции, разделяющей мнение о несоизмеримости различных филологических школ, и утверждению подхода, учитывающего все многообразие тех элементов теории и методологии конкурирующих парадигм, которые создают возможность непротиворечивой интерпретации художественного текста.

Некоторые выводы, проясняющие причины полипарадигмального характера современного литературоведения. В зависимости от той или иной концептуальной и методологической ориентации, формирующейся в виде установочного звена парадигмы, продуцируются различные типы развития филологического познания. Экспликация этих типов объясняет несостоятельность обвинения в непродуктивности филологических школ по причине того, что их парадигмы способны к перманентной саморефлексии. Это касается всех исследованных нами направлений: герменевтики, деконструктивизма, постструктурализма, а также рецептивной эстетики и нарратологии, так как последние возникают и развиваются в результате комбинаторики конститутивных элемен-

тов ранее указанных школ. И только отказ структурализма от пересмотра собственной методологии в свете наличия новых фактов, имплицированных, по сути, самим методологическим подходом, привел к необходимости специфического вида научно-дисциплинарной революции. Но даже в этом случае структурализм не исчезает бесследно, но сохраняет в видоизмененной форме свои теоретико-методологические компоненты в других исследовательских парадигмах, и прежде всего, в постструктурализме.

Далее, экспликация установочного звена филологического познания позволяет прояснить особенности взаимодействия существующих в современном литературоведении исследовательских подходов. Взаимодействие строится по следующим принципам: взаимной критики и сопутствующей ей самодеконструкции (герменевтика и деконструкция); неограниченной пролиферации и конфликтного полилога концепций – следствия научной революции, носившей антиметафизический характер (смена структурализма постструктурализмом); взаимодополнительности (рецептивная эстетика и нарратология).

Также следует отметить одну важную особенность установочного звена филологического познания, проясненную в ходе парадигмального анализа: концептуальные и методологические ориентации, формирующиеся в виде установок исследовательского подхода, имеют производный характер, что объясняется следующими обстоятельствами. Установочные звенья ранее исследованных парадигм обусловлены прямой или опосредованной связью с философией. В отношении герменевтики и деконструктивизма эта связь представляется непосредственной и очевидной. Структурализм связан с философией негативным образом – через элиминацию философских импликаций в рамках своей теории, построенной по образцу естественных наук и теоретической лингвистики. Однако этот отказ от философского типа познания, вписывающий структурализм в позитивистскую перспективу, сам, по сути, является философским постулатом, что усиливается фактом трансформации структуралистской парадигмы в догматический тип спекулятивной философии. Появившийся вследствие этого постструктурализм априори определяет себя как симбиоз философии, науки и литературы, обращая при этом внимание на необходимость учета их взаимной критики. Рецептивная эстетика и нарратология представляют собой еще одну степень опосредования. Они связаны с философией посредством заимствованных элементов теоретико-методологических установок базовых парадигм.

Современная философия, в свою очередь, отмечена лингвоцентрической ориентацией и пристальным вниманием к проблемам и специфике литературного творчества. Эта ситуация осложняется тем, что в авангардной художественной литературе широко представлен элемент критического переосмысления философского и научного дискурсов.

Однако при наличии подобной «диалектической» картины соотношение философии, филологии и литературы все еще остается не проясненным, т.е. предстает в качестве проблемы, и эта проблема имплицитно предполагает возможность различных способов организации установочного звена парадигмы филологического исследования. В свете ранее сказанного, мы будем называть это установочное звено философскими основаниями литературоведческой парадигмы.

Рассмотренная проблема связана с другой, которая также следует из анализа установочного звена и определяет специфику филологического познания. Филологи манифестируют свое понимание научного статуса литературоведения в зависимости от того или иного философского видения этого статуса. Первый тип (герменевтика и деконструктивизм) характеризуется пониманием литературоведения как специфической дисциплины, руководствующейся иными, нежели принято в естественнонаучном дискурсе, критериями научности. Второй тип отмечен согласием с общепринятой трактовкой научной рациональности при параллельном постулировании универсальности метода исследования (структурализм); репрезентацией филологического дискурса как некоего гетерогенного образования, синтезирующего элементы научного, философского и

художественного дискурсов (постструктурализм). Третий тип (рецептивная эстетика и нарратология) также характеризуется ориентацией на традиционные идеалы и нормы научного дискурса, но ограничивает релевантность результатов филологического исследования пределами строго фиксированной предметной области. Таким образом, научный статус литературоведения не является очевидным априори, но предстает в качестве одной из фундаментальных проблем науки о литературе.

Еще одна проблема актуализируется в связи с тем, что все рассмотренные ранее филологические парадигмы представляют собой (в методологическом аспекте) различные модели/способы интерпретации художественного текста. При этом каждая парадигма настаивает на том, что именно ее способ интерпретации является наиболее адекватным природе изучаемого объекта и соответствует целям и задачам «подлинного» литературоведческого исследования. Первый тип развития филологического познания характеризуется историко-контекстуальной (герменевтика) и метаиронической (деконструктивизм) моделями истолкования; второй – структурным объяснением (структурализм) и полисемантической интерпретацией (постструктурализм); третий (рецептивная эстетика и нарратология) – акцентом на коммуникативной составляющей интерпретативного процесса с учетом элементов моделей истолкования ранее отмеченных парадигм. В контексте подобной ситуации возникает необходимость прояснения проблемы интерпретации художественного текста. Ее суть, может быть эксплицирована посредством следующих вопросов: каковы условия существования возможности интерпретации (в том числе, множественной) художественного текста и каковы критерий релевантности того или иного истолкования?

Постановка проблем соотношения философии, филологии и литературы, научного статуса литературоведения, интерпретации художественного текста позволяет конструктивно обсуждать выявленные в процессе парадигмального анализа филологического дискурса особенности установочного звена литературоведческого исследования – особенно, в определенной степени объясняющие полипарадигмальный характер современной науки о литературе. Необходимость прояснения этих проблем побуждает к дальнейшему изучению специфики филологического познания, его теоретико-методологических оснований. Аналитика фундаментальных проблем филологии может стать одним из самых перспективных направлений философии и методологии литературоведения.

Список литературы

1. Барт Р. Основы семиологии // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г. К. Косиков. – М., 2000. – С. 247-310.
2. Кун Т. Структура научных революций. – М., 2003.
3. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / Под ред. Ю. С. Степанова. – М., 1995. – С. 144-238.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М., 1970.

SPECIFICS OF PHILOLOGICAL COGNITION

Е.А. Krotkov¹⁾, D.K. Manokhin²⁾

¹⁾ Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308600, Russia;
e-mail: krotkov@bsu.edu.ru

²⁾ Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308600, Russia

The paper surveys the specifics of philological cognition in the expanse of its poliparadigmacy, it analyses the content of notion ‘paradigm of the philological research’, it articulates conceptual and methodological orientations of philological sciences.

Key words: philological discourse, paradigmes of philological research, conceptual and methodological orientations.

УДК 316.74

ОБРАЗОВАНИЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

К.Ю. Королёва

Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;
e-mail: korolyova@bsu.edu.ru

Меняющиеся условия социальной реальности выдвигают новые требования к методологии исследований.

Эвристические преимущества применения системного подхода к проблемам образования заключаются в возможности совмещения макро- и микросоциальных измерений социального института образования, а именно, в рассмотрении субъектов образования, структурных и институциональных элементов, образовательных процессов, ресурсов как интегрированной целостности. Системный анализ позволяет учитывать широкий спектр взаимоотношений и взаимозависимостей между внутренними элементами системы образования и внешними факторами, формирующими образовательное пространство, раскрывать действие механизмов компенсации, которые активизируются в условиях нестабильности социума, трансформации институциональной и социально-стратификационной структур общества. Применение системного подхода так же позволяет учитывать влияние внутренних факторов системы образования, которым соответствует микро уровню социальных процессов, индивидуальных когнитивных процессов, коммуникации, идентичности взаимодействующих субъектов.

Ключевые слова: образование, системный подход, социокультурная детерминация

Образование является одним из важнейших факторов, определяющих прогрессивное поступательное развитие общества. Обеспечивая процессы подготовки квалифицированных кадров, социальный институт образования формирует условия для поддержания и распространения научно-технического прогресса, интенсификации технологий, развития экономики.

В современных условиях ускорения и глобализации социальных и экономических процессов, универсализации культуры, постоянного нарастания интенсивности потоков обмена информацией, увеличения роли знания практически во всех сферах человеческой деятельности, образование становится институтом, обеспечивающим конкурентоспособность и независимость государства в мире. Это обуславливает неиссякающий интерес к проблемам социального института образования со стороны социально-гуманитарных наук.

Пройдя долгий путь развития, образование образца конца XX – начала XXI века представляет собой сложную социокультурную систему, обладающую многоуровневой дифференцированной структурой внутренних и внешних социальных, экономических, нормативно-правовых взаимосвязей и взаимоотношений. Сохраняя в качестве номинальной функции социализацию личности, система образования вынуждена выживать в жесткой конкурентной борьбе с множеством институтов, участвующих в процессе социализации и формирующих информационное поле – среду функционирования образования.

На протяжении последних тридцати лет многие страны мира, в том числе и Россия, осуществляют попытки реформировать системы образования. Исходные условия преобразований существенно отличаются, однако в направлениях планируемых изменений прослеживаются общие тенденции, а именно:

- принятие ряда экономических и правовых мер с целью расширения доступа к высшему образованию для широких масс населения;
- создание условий для формирования системы непрерывного образования на протяжении всей жизни (материально-технических, информационных, методологических и т.д.);
- усиление многообразия предлагаемых форм организации учебного процесса и методик обучения с целью повышения эффективности, ориентация на личность обучаемого и его потребности, формирование партнерских отношений между педагогом и учащимся.

Российские реалии реформирования имеют свою специфику, которая обусловлена как особенностями пройденного исторического пути, так и происходящими в стране экономическими и социальными преобразованиями. Трансформация институциональной и стратификационной структуры современного российского общества естественным образом сказывается на функционировании системы высшего образования. Поэтому анализ нынешнего состояния и перспектив развития образования требует учета влияния ряда объективных факторов – социальных, культурных, экономических, организационно-управленческих, а также субъективных факторов, связанных с изменением жизненной ситуации индивида: плюрализацией социальных ценностей, ростом неопределенности социальных отношений, связей, утратой чувства безопасности, обезличиванием социальных практик.

Меняющиеся условия социальной реальности выдвигают новые требования к методологии исследований. На примере научных публикаций последних лет можно наблюдать, как модифицируются научные подходы к пониманию феномена образования и направления исследований образовательных процессов в социально-гуманитарных науках, в частности, в педагогике, психологии, экономике и социологии.

В социальной философии и теоретической социологии классические макросоциологические теории, выстроенные по принципу генерализации, игнорирования деталей, конкурируют с качественными подходами, акцентирующими внимание на неповторимости изучаемых феноменов, контекстуальной и ситуативной обусловленности социальных фактов и явлений, избегании каких бы то ни было обобщений, устремлении к спецификационному анализу. Все чаще находят применение междисциплинарные подходы, позволяющие использовать опыт и наработки смежных отраслей знания.

В тоже время в социологических теориях среднего уровня, к которым относится социология образования, недостаточная теоретическая разработанность проблем компенсируется обильным использованием иллюстративного материала на основе эмпирических данных. Так, изучая проблемы образования, в отсутствие генерализирующих концепций социологи концентрируются на узких прикладных исследованиях, сосредотачиваясь на изучении отдельных феноменов и процессов, описании частных случаев, решении конкретных практических задач, не уделяя внимания важности построения теоретических обобщений. Безусловно, от этого страдают как уровень проводимых эмпирических исследований, так и социологическая теория, поскольку по отдельности ни разрозненные данные прикладных исследований, ни «оторванные от реальности» макросоциологические теории не всегда могут внести значимый вклад в понимание сущности проблем образования.

В ракурсе вышеизложенного проблема формирования интегральной социологической концепции образования, которая позволила бы систематизировать имеющиеся теоретические и практические исследования, остается достаточно острой.

Традиционно применяемые для анализа социального института образования структурно-функциональный, институциональный, конфликтологический подходы оставляют за пределами внимания проблемы взаимосвязи структурных компонентов и функций, реализуемых в рамках института образования, соотношение субъективного и объективного в образовательных процессах.

Эвристические преимущества применения системного подхода к проблемам образования заключаются в возможности совмещения макро- и микросоциальных измерений социального института образования, а именно, в рассмотрении субъектов образования, структурных и институциональных элементов, образовательных процессов, ресурсов как интегрированной целостности. Системный анализ позволяет учитывать широкий спектр взаимоотношений и взаимозависимостей между внутренними элементами системы образования и внешними факторами, формирующими образовательное пространство, раскрывать действие механизмов компенсации, которые активизируются в условиях нестабильности социума, трансформации институциональной и социально-стратификационной структур общества. Применение системного подхода так же позволяет учитывать влияние внутренних факторов системы образования, которым соответствует микро уровню социальных процессов, индивидуальных когнитивных процессов, коммуникации, идентичности взаимодействующих субъектов.

В качестве дополнительного аргумента в пользу актуальности обозначенной проблемы можно отметить, что в социологической литературе недостаточно представлен теоретико-методологический анализ механизмов трансформации социального института образования как системы.

В данной статье предпринята попытка раскрыть специфику и особенности функционирования адаптационных механизмов социального института образования как системы в контексте современных социокультурных изменений на основе как существующих в социологии теоретических подходов, так и применения междисциплинарных концепций.

Влияние культурных факторов среды на образование, особенности функционирования системы, многообразие моделей достаточно широко представлено в культурологической, исторической, педагогической, социологической литературе (А.С. Ахиезер, А.Я. Гуревич, И.С. Кон, Ю.М. Лотман, С.Л. Рубинштейн, А.А. Пелипенко, В.С. Степин, А.Я. Флиер, И.Г. Яковенко и др.).

Чтобы обосновать нелинейный характер социокультурной детерминации функционирования системы образования необходимо и саму культуру рассматривать сквозь призму системного подхода. В традиции парсоновской теории культура является органической средой функционирования общества – структурного измерения социального пространства и личности – субъекта носителя социальных отношений и связей, целью которой выступает интеграция всех социальных сфер. Разрабатывая системную модель общества, Т. Парсонс закрепил за культурой функции сохранения формы и снятия напряженности [1].

Развивая эту идею, сторонник системно кибернетического подхода немецкий ученый В. Бюль рассматривает культуру как способ – инструмент, обеспечивающий функциональную интеграцию разноуровневых элементов социальной организации. Отличительной чертой уникальной системы культуры является отсутствие единого жесткого контролирующего центра равновесия. Подвергаясь воздействиям среды, культура способна переходить с одного уровня на другой, ограничителями флуктуаций системы культуры служат ресурсы – их общий объем. Для адаптационной реакции культурной системы характерно отсутствие ярко выраженных целей. Миссия (предназначение) культуры состоит именно в самом процессе адаптации социума к осуществляемым как внутри него, так и за его рамками изменениями. Высокие адаптивные способности культуры обеспечиваются отсутствием иерархии и четких связей между элементами культуры [2].

Культура – это «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [3]. Зачастую образование трактуется как вторичный по отношению к культуре феномен – производное, частное, подчиненное явление, «в норме представляющее как бы краткое ее изложение, ее выжимку» [4]. Но и сама культура может быть рассмотрена как вторичный феномен, продукт деятельности субъекта культуры – человека, а точнее человеческого сознания. Развитие и формирование личности как полноценного члена общества происходит под контролем системы образования. Система образования реализует культурогенезные функции через развитие сознания субъекта. В свою очередь, образование как социальная подсистема всегда оказывается вписанной в определенную систему культуры. Культура является одновременно и органической средой и продуктом жизнедеятельности человека.

Рассмотрение особенностей взаимодействия личности, образования и культуры существенно затрудняет тот факт, что каждый из данных компонентов, в зависимости от угла зрения, может быть охарактеризован и как элемент внешней и как элемент внутренней среды системы образования.

Чтобы избежать этой двойственности, можно анализировать функциональные связи элементов в измерениях, которые позволят дистанцироваться от попытки описать завершённую статичную иерархическую модель: временном, структурном (преломление процессов на уровне внутренней структуры каждого из элементов) и деятельностном (с точки зрения целей функционирования, результатов активности каждого из элементов).

Обменные процессы системы образования со социокультурной средой можно в целом охарактеризовать как антропогенные нелинейные взаимодействия, целью которых выступает адаптация – поддержание равновесия социальной системы посредством изучения объективных условий действительности и оказании активного ответного воздействия на них через изменение внутренней структуры либо преобразование окружающей среды. Тесные связи элементов культуры и образования делают возможной экстраполяцию культурологических моделей для изучения динамики флуктуаций образовательной системы под влиянием социокультурных факторов.

Модель, предложенная В.С. Степиным, ориентирована на описание процессов генезиса культуры. В ней учитывается тот факт, что «программы деятельности, поведения и общения, представленные разнообразием культурных феноменов, имеют сложную иерархическую организацию» [5]. Для характеристики состояния культуры в каждый данный текущий момент времени выделяются три морфологических уровня, отражающих хронологический порядок их становления: реликтовый – сформированный традиционными программами деятельности, актуальный – воспроизводящий сегодняшнюю деятельность и тип общества, и потенциальный – образующий программы, генерированные за счет внутреннего оперирования знаковыми системами, цель которых – будущая активность, формирование предпосылок для последующих социальных и культурных изменений.

Механизм обеспечения воспроизводства и развития культуры в системе образования можно описать следующим образом. Гибкость и адаптивность системы образования обеспечиваются единовременным отражением в ее элементах и способах трансляции всех трех компонентов культуры – реликтового, актуального и потенциального. Индивид становится социальным субъектом в процессе усвоения надбиологических программ деятельности, социального наследования. Трансформация общества всегда связана с продуцированием новых ценностей и жизненных смыслов. Источником изменений является человек, поскольку внутренняя многослойная структура личности способна обеспечить не только воспроизводство действующих моделей социальной активности, но и продуцирование новых объектов социальной, институциональной, симво-

лической природы. «Включаясь в деятельность, благодаря усвоению этих программ человек способен изобретать новые образцы, нормы, идеи, верования, которые могут соответствовать социальным потребностям. В этом случае, они подключаются к культуре и начинают программировать деятельность других людей. Индивидуальный опыт превращается в социальный, и в культуре появляются новые состояния и феномены, закрепляющие этот опыт. Любые изменения возникают только благодаря творческой активности личности» [6].

Традиционные компоненты культуры обеспечивают устойчивость системы и социальное наследование, актуальные для данного этапа развития компоненты культуры будут являться традиционными с точки зрения последующих состояний социума, в то время как потенциальный компонент в случае возрастания адекватности новым социокультурным условиям займет место актуального.

Во временном измерении эволюция (трансформация) системы образования может рассматриваться по аналогичной схеме. На каждом историческом этапе элементы системы образования содержат в себе традиционные, актуальные и потенциальные компоненты. На уровне субъектов образования можно говорить о том, что есть носители систем ценностей, моделей взаимодействия, когнитивных систем, соответствующих данным компонентам культуры. На уровне транслируемой информации – можно говорить о наличии определенных «пластов» опыта каждому, из которых присущи свои функции: традиционным – сохранение и поддержание стабильности системы, актуальным – текущая адаптация, потенциальным – «выращивание» продуцирование инноваций. Флуктуации системы образования происходят через усиление и ослабление влияния данных компонентов в данный момент времени. Например, доминирование традиционного компонента в образовании может привести к эффекту «отставания», спровоцировать возникновение кризисной ситуации, разрешение которой потребует уравнивания путем усиления потенциального компонента.

Выбор путей выхода из кризисных ситуаций лежит «на плечах» субъектов образования. Так творческие способности, стремление к саморазвитию, повышение эффективности собственной деятельности будут способствовать разрешению проблемы путем внедрения новых идей, ценностей, практик. Если же личностный, культурный, образовательный потенциал не позволяет генерировать адекватные новым условиям решения – идет возврат к традиционным идеям, ценностям, установкам, ранее доказавшим свою состоятельность. Суммирование данных противоположно направленных сил создает в результате актуальный компонент системы, соответствующий как реальным условиям, так и степени (уровню) развития субъектов.

Иная модель – попытка описать весь спектр социокультурных факторов, влияющих на функционирование системы образования, была предложена А.А. Овсянниковым. Он представляет системную когнитивную модель взаимодействия образования и общества. «Система образования – это социальный институт, исполняющий функции по накоплению и передаче новым поколениям людей образцов поведения, знаний, умений, навыков, традиций» [7]. Анализировать механизмы и эффективность деятельности системы образования предлагается через совокупность каналов обмена ресурсами, институциональными элементами с другими социальными институтами и подсистемами. По сути, обрисованная схема представляет собой совокупность основной части структурных, организационных, институциональных элементов системы образования.

Согласно концепции А.А. Овсянникова, как система, образование взаимодействует с социальными институтами государства, культуры, семьи, экономики, науки, образования, политики, религии, а также элементами актуальной среды, к которым он относит мировую систему (цивилизации, рынки), природу, этнический потенциал. Взаимодействие описывается через систему «входов» и «выходов» целеполагающих давлений. Выделяются пять групп давления на систему образования: 1) давление потребите-

лей (госзаказ, рыночный механизм спроса, индивидуальные потребности и стратегии, условия доступа к образовательным ресурсам); 2) давление актуальной среды (совокупность ресурсов, институциональная среда, особенности текущих условий жизнедеятельности); 3) давление директивных органов власти (к ним А.А. Овсянников относит законы, указы, политические установки и финансовые ресурсы), 4) давление органов управления образованием (директивы, ресурсы, контроль, информация), 5) давление педагогической студенческой и научной корпораций [8].

Необходимо отметить, что выписанные А.А. Овсянниковым по каждому из блоков давления элементы актуальной среды с точки зрения социологической методологии слабо детерминированы, и происходит смешение понятий разного уровня теоретического обобщения, отсутствуют четкая дифференциация функциональных взаимосвязей. Но есть в представленной системе и безусловный плюс, который поможет в раскрытии проблемы корреляции между наличными условиями жизнедеятельности, потребностью общества в социокультурном развитии и наличествующими моделями, механизмами функционирования образовательной системы. Такой положительной чертой является то, что обозначен наиболее широкий спектр продуктов обмена образования как системы и социума как совокупности взаимосвязанных, взаимозависимых, взаимодействующих подсистем: экономической, политической, культурной, а также прописан механизм изменения – адаптации системы образования.

В процессе функционирования система образования испытывает множественные целеполагающие давления со стороны внешнего окружения: среды, потребителей, директивных органов власти, органов управления образованием, и внутренних элементов системы, представленных педагогической, научной и студенческой корпорациями. Ответной реакцией на данные давления – целеполагания, являются пассивные (приспособленческие) и активные (программные, направленные на разрешение проблемных ситуаций) воздействия на данную среду, которые представлены в виде производства, продвижения услуг и продуктов системы образования, воздействий на систему управления и структуры образования, лоббировании корпоративных интересов, формировании и поддержании внутренней регулятивной системы, включающей в себя ролевые и мотивационные структуры, стандарты селекции, правила доступа и распределения ресурсов, посильное участие в решении проблем актуальной среды.

Эффективность системы образования оценивается по конечным продуктам – обратным реакциям системы на оказываемые давления. В направленности и степени влияния образования на образующие актуальную среду институты реализуется «социостроительная» задача системы образования – главная задача по созданию и воспроизводству социальных структур, институционального комплекса [9].

Необходимо принимать во внимание тот факт, что образование – открытая система, которая функционирует, вступая в разнообразные отношения с другими социальными подсистемами. Часть возникающих связей и взаимоотношений закрепляется путем институционализации, приобретает организационно-структурные формы, часть взаимосвязей существуют в форме неформализованных практик, моделей взаимодействия, создавая «люфты», необходимые для флуктуации системы под воздействием внешних воздействий и поддержания ее равновесности. В случае накопления изменений как внутри самой системы образования (трансформации структурных элементов, изменения субъектов образования и т.п.) так и интенсификации воздействия внешних условий, внутреннее разнообразие институциональных, морфологических элементов системы образования будет способствовать стабилизации ситуации через динамичную адаптацию к новым требованиям среды, обеспечивая тем самым дальнейшее развитие.

Главная сложность описания системы образования состоит в том, что любой из элементов внутренней структуры социального института образования как системы либо внешней среды, представленной образовательным пространством, может быть рассмотрен и как необходимый для функционирования ресурс, и как объект, на который

направлена активность, и как конечный продукт деятельности данной системы. Например, на субъект – субъектном уровне образовательной системы ученики и учителя могут быть рассмотрены в качестве внутренних, необходимых для осуществления деятельности человеческих ресурсов, носителей определенных социальных отношений, капиталов, ценностно-нормативных систем. В тоже время, они являются потребителями, заказчиками образовательных услуг и прочих продуктов деятельности системы образования, выступая субъектами уже иных – экономических отношений, и в данном измерении выступают проводниками внешних по отношению к системе образования воздействий среды. И, наконец, в качестве социализированной личности, квалифицированного специалиста, сформированных трудовых ресурсов (производительных сил, человеческих капиталов) субъекты образования – ученики и учителя являются результатом деятельности системы образования.

Аналогичную тенденцию можно проследить на уровне институциональном, где сложно четко функционально разграничить и дифференцировать взаимосвязи и взаимодействия социальных субъектов по определенным «полям».

Политические институты, в частности, государство в качестве «заказчика» формирует определенную политику в сфере образования, посредством правовых механизмов (законодательной деятельности, стандартизации, сертификации, аттестации и так далее) лоббирует собственные интересы, в целях обеспечения суверенитета, экономической безопасности, и осуществляет функции контроля. В процессе обучения происходит социальное воспитание личности, система образования способствует репродукции ценностно-нормативных представлений и посредством формирования систем культурной компетентности оказывает влияние на всю институциональную систему общества.

Экономические институты, с одной стороны, на организационном уровне обеспечивают функционирование системы образования. От степени развития и особенностей функционирования экономической системы зависит материально-техническое, информационное обеспечение образовательного процесса. С другой стороны, система образования закладывает фундамент экономической деятельности – через воспроизводство трудовых, информационных ресурсов, технологий, трансляцию и внедрение достижений в области науки. На институциональном уровне образование обеспечивает воспроизводство моделей экономического поведения, традиционных форм хозяйствования, оказывает влияние на формирование мотивационной системы.

Если брать уровень метасистемы культуры, то общий объем информации о достижениях человечества в области науки, искусства, технологии, предопределяет как текущие условия функционирования системы образования, так и перспективы ее последующей трансформации, динамику и направленность изменений. С другой стороны, сама система представлений о моделях социальной активности, информация о человеческой деятельности, знания являются продуктами системы образования.

Данная особенность системы делает проектирование «статичной» модели образования нецелесообразной и невозможной. Образование соответствует большинству признаков систем, выделяемых как в рамках общей теории систем, так и сторонниками системного подхода в социологической теории. К этим признакам относятся возможность реконструкции объекта посредством дифференциации на «систему» и «среду», целостность, внутренняя структура, эмерджентность, составляющих ее элементов, целеполагание, наличие механизмов саморегуляции и адаптации (оптимизации), устойчивость системы.

Использование системного подхода позволяет конкретизировать объект исследования – образование, функционально отделить его от среды, разделить сферы компетенции с другими социальными подсистемами, определить сферы функциональной эквивалентности (совпадение функций системы образования с другими социальными системами, например – функция структурирования социального пространства выпол-

няется также экономической подсистемой, функция воспитания и социализации – семьей и так далее), выделить наиболее жесткие, устойчивые связи, обеспечивающие стабильное функционирование и самореферентность системы (способность к самовозобновлению); проводить анализ как статического, так и динамического состояния системы образования, рассматривать механизмы адаптации в условиях трансформации социального пространства, выявлять внутренние и внешние источники развития, изменения роли и функций образования.

В тоже время, говоря о социальных системах различных уровней, нельзя описывать их как замкнутые, закрытые и статичные образования. Многообразие, полифункциональность, внутренняя гетерогенность элементов социокультурной реальности, обеспечивающих целостность системы образования, не позволяют выписать и структурировать существующие между ними взаимосвязи по степени значимости с точки зрения поддержания устойчивости системы.

Для адекватного описания системы образования целесообразно выделить следующие уровни функционирования: личность – как субъект носитель социальных отношений, система образования – как универсальный механизм социального воспроизводства и культура как социальная среда человеческой жизнедеятельности, и рассматривать особенности реализации образовательных функций и акцентировать внимание на специфике преломления процессов на каждом из этих уровней.

Подобно другим подсистемам, образование взаимодействует, интенсивно обмениваясь информационными, материальными, человеческими ресурсами, культурными и институциональными объектами с социальной средой. Для поддержания стабильности любой открытой системе требуется наличие эффективных механизмов адаптации к воздействиям среды, изменениям внешних условий. Являясь когнитивной по своей природе системой, образование воспринимает, интерпретирует и отражает в направленности и качестве внутренней структурной трансформации, то есть в своих изменениях, во-первых, динамику и направленность процессов, происходящих в обществе, а, во-вторых, изменения происходящие на уровне индивидуальной, личностной экзистенции социокультурной действительности.

Личность, система образования и культура тесно взаимосвязаны и поэтому изменяются синхронно, являясь коэволюционирующими системами. Причем данные процессы находят выражение не только в воспроизводстве актуальных условий действительности, но и в аккумуляции всей совокупности знаний о среде – природе, культуре, социальных отношениях. Это позволяет осуществлять выбор стратегии, поведения в условиях нестабильности, прогнозировать и проектировать будущую активность, адаптироваться на каждом из уровней – как на уровне индивида, так и самой системы образования, и уровне социокультурной системы как целого. Когнитивные способности социальных систем личности, образования, культуры, позволяют им путем увеличения внутренней разнородности выстраивать гибкие механизмы взаимодействия, согласования, координации.

Открытость внешним воздействиям системы образования формирует широкое поле взаимодействия, на котором пересекаются интересы, цели общества и личности. Исполняя роль своеобразного буфера, система образования создает разнообразные механизмы – методики, технологии, формы организации учебного процесса, его содержательного наполнения, которые способны удовлетворить текущие и проективные личностные потребности субъектов образования – преподавателя и ученика.

Изменение социокультурных условий создает предпосылку для изменений содержания и формы организации процессов образования. Реализация социокультурных детерминант в функционировании образования как социальной системы состоит в том, что любая действующая модель образования обусловлена генетическими потребностями общества в необходимости реализации функции социального воспроизводства через развитие личности как субъекта образования.

Ключевой (базовый) системообразующий процесс образования – коммуникация с целью трансляции социокультурного опыта. Влияние социокультурных детерминант на систему образования осуществляется в рамках данного процесса, поскольку именно им обусловлено и ему соподчинено все многообразие отношений, структурно-функциональных связей между элементами, субъектами системы образования.

Элементы культуры формируют необходимую для функционирования системы образования символическую среду, которая, с одной стороны, позволяет упорядочивать внутреннюю структуру, регламентировать отношения и связи между субъектами образования, с другой активизирует деятельность системы образования, направленную на изменение, трансформацию, преобразование данных элементов культуры. Язык является основой коммуникации и конструирования, способом обмениваться информацией, выстраивать отношения понимания при оценке действий, событий. Безусловно, невербальные средства несут значительный поток информации, но язык как особая символическая система позволяет аккумулировать и транслировать индивидуальный опыт переживания, обнажать мотивы, создавать резервы для последующей познавательной активности как на уровне субъектов образования, так и способствовать наращиванию потенциала развития самой образовательной системы. В процессе обучения развиваются способности к интерпретации явлений окружающего мира в широком смысле слова: не просто формирование представлений о значениях, стоящих за определенными символами, действиями, событиями на основе интеллектуально–познавательной деятельности, но и развитие ценностного отношения к ним, посредством усвоения социального опыта.

В данном ракурсе сама система образования образует поле взаимодействия культуры и индивида, конечной целью которого выступает гармоничное развитие и совершенствование социального потенциала, культурной компетенции личности. Направленность, характер взаимодействия субъектов детерминируется как рядом объективных факторов представленных элементами культурной среды, такими как определенные системы знаний, представления о нормах и правилах, смыслах и ценностях, добродетелях существующих в обществе, так и субъективных факторов, характеризующих степень индивидуального развития субъектов образовательного процесса – преподавателя и ученика.

Существующие качественные (уровень социальной и профессиональной компетенции, объем знаний, опыт анализа и применения информации, моральные и этические качества) и количественные (количество лет, потраченных на обучение, опыт работы в определенной сфере, закреплённая в сертификатах оценка уровня подготовленности) различия в объеме культурного опыта, которым обладают субъекты, создают открытую ситуацию взаимодействия, направленность которого будет определяться представлениями об идеальных целях и результатах данного процесса каждого из субъектов. Для ученика высшей школы они будут сконцентрированы вокруг реализации его образовательного потенциала – цели его развития, уровня развития способностей к самопознанию и самообучению, мотивации, представлений о текущих и перспективных задачах деятельности. Для преподавателя – наравне с представлениями о должном результате процесса обучения, ключевых направлениях освоения информации, будут присутствовать, так же представления об оптимальных способах реализации данной цели: методах обучения, методологии и технологиях обработки информации для получения знаний, развития идей. В конечном счете, объектом взаимодействия субъектов образования является именно идея, образец, модель, ценность, которую необходимо освоить в процессе обучения/воспитания, точнее развитие способностей к вычленению данных «зерен» из общего потока информации.

Сформированное под влиянием социокультурных факторов, определенным образом организованное и структурированное образовательное пространство задает направленность, вариативность форм деятельности, отношений между субъектами. Педагог и психолог П. Рейманн писал, что «учение не должно отделяться от ситуативного

контекста, то есть ситуация, в которой учишься, оказывает сильное влияние на результат получения знания» [10]. Элементы культуры, будучи органично включенными в систему образования, программируют, активно воздействуют как на саму систему образования путем ее качественного изменения, так и на субъектов образовательной деятельности через формирование механизмов селекции, контроля.

Социальная значимость образования в культуре, определяемая доминирующей ценностно-нормативной системой общества, варьируется исторически. Любая система образования складывается под влиянием социокультурных условий, и призвана, не только быть механизмом подготовки и отбора индивидов для оптимальной организации, реализации и управления общественными процессами, но и механизмом социокультурной адаптации для индивида посредством удовлетворения потребностей личности в познании и развитии, через обеспечение надлежащих условий для раскрытия потенциала. Реагируя на внешние воздействия, система образования формирует многообразную, разнородную систему согласования социальных и индивидуальных потребностей, мобилизует разнонаправленные усилия для достижения единой цели – социокультурного воспроизводства социума. Внешними показателями данной активности выступает поступательное совершенствование методов коммуникации и базирующихся на их основе технологий обучения, распространение и закрепление методик, ориентированных на личность обучаемого, особенности его жизненной ситуации (развитие «диалоговых», интерактивных методик обучения, расширение сферы дополнительного профессионального образования без отрыва от трудовой деятельности, нацеленного на развитие навыков самостоятельного получения знаний и так далее), постепенный переход от элитарного к массовому высшему профессиональному образованию, и в настоящее время акцент на развитии навыков самообразования, для совершенствования подготовки и успешной ресоциализации в течение всей жизни.

Взаимное влияние социальных подсистем, изменение условий деятельности обеспечивало на разных этапах развития общества преобладание в системе образования разных моделей обучения. Действующие модели отражали функциональную целесообразность системы. Так, например, в эпоху античности в Греции в Платоновской академии была сформирована модель образования, в которой гармонично реализовывались функции социального «гражданского» воспитания, научного познания и разностороннего развития личности.

Модель образования древнего Рима отвечала актуальным требованиям формирования правового государства. Основной круг дисциплин был сконцентрирован вокруг подготовки управленческих кадров, неслучайно наибольшее развитие получили правовые дисциплины и риторика.

Возникшая в средние века в Европе система высшего образования, также своим становлением была призвана разрешить ряд важнейших проблем эпохи, среди которых можно отметить формирование новых моделей экономического поведения и подготовку квалифицированных специалистов для осуществления функций управления, реализации правовых гарантий интересов экономических слоев ремесленников и бюргеров [11].

Современное состояние условий жизнедеятельности и динамика социальных процессов выдвигают ряд требований к системе образования в плане поиска новых организационно-управленческих форм, качественного пересмотра содержательного наполнения образовательного процесса. Проблема культурной сообразности системы образования встала наиболее остро на рубеже XX – XXI веков.

Интенсивные процессы модернизации и информатизации затронули практически все сферы общественной жизни. Трансформация экономической системы сопровождается становлением новых соответствующих ей социальных отношений и институтов, наблюдается ускорение темпа и рост интенсивности социальных процессов. Философы, социологи, экономисты заговорили о кризисе индустриальной культуры (цивилизации, социума) и зарождении новой постиндустриальной, информационной куль-

туры (Д. Белл, Дж. Гвишиани, О. Тоффлер, Г. Шиллер, М. Кастельс, Э. Гидденс, Ю. Хабермас, У. Бек, Ж. Бодрийяр и др.), и увязали этот кризис с возрастанием роли знаний, изменением способов трансляции и применения информации – теоретическое знание начинает играть ключевую роль в экономической, политической сферах.

Возникают качественно новые отношения между экономическими структурами наукой и технологией: кодификация теоретического знания, научно-исследовательская деятельность, внедрение технологических новаций выступают залогом развития и процветания общества. В сложившихся условиях система образования принимает новые вызовы, связанные с изменением ее роли в процессах социальной адаптации людей.

Культура как система макроуровня содержит в себе информационные структуры (состоящие из разнообразных символов, кодов), которые обеспечивают процессы воспроизводства, управления, саморегуляции, стабилизации социума. Поскольку образование выполняет функции посредника коммуникации, трансляции и поддержания многослойной системы культурных символов и норм, структурные и институциональные элементы системы образования должны соответствовать морфологическим и эпистемическим параметрам культуры, выступающей по отношению к образованию в качестве среды или мета-структуры, одной из подсистем которой является система образования. Доступность информации в современном мире создала иллюзию доступности знания, сделала процесс обучения более формализованным. Система образования не успевает адаптироваться. Информационно-технические средства и средства массовой коммуникации, позволяющие в мгновение получить необходимую информацию, доминируют (лидируют) в процессе социализации и формировании взаимосвязей личности с окружающим миром.

В случае, когда компоненты системы образования (структурные, институциональные) не соответствуют либо противоречат действующим ценностям и нормам культуры, имеет место кризис – нарушение баланса между условиями действия систем, ресурсами, необходимыми для поддержания стабильности. Потенциально данная ситуация нестабильности имеет два выхода.

Первый исход состоит в следующем. Поскольку система образования выполняет функцию культурного изменения, которая заключается в генерация новых идей и знаний, технологий, воспроизводстве и обеспечении поступательного развития нормативно-ценностной структуры общества, накопление опыта (в широком смысле слова) может дать толчок развитию: эволюции (постепенному количественному изменению – росту инновационных моментов, который приводит к переходу в качественно новое состояние – развитию) или трансформации (качественному перерождению структурных элементов, с последующим изменением внутренних и внешних взаимосвязей и зависимостей) действующей системы. Тогда изменения в сфере образования и функционально связанной с ней сфере науки могут послужить «первыми ласточками» более глубоких и кардинальных социальных и культурных изменений (здесь разводятся социальные как изменения социально-стратификационной структуры, социально – экономических, социально – политических отношений, а культурные понимаются как изменения нормативно-символической среды – основы институциональной системы общества).

Второй исход связан с проблемой соответствия системы образования накапливающимся изменениям в других сферах общественной жизни. Выступая посредником в коммуникативных процессах между обществом и личностью, система образования должна отражать актуальную ценностно-нормативную структуру, с тем, чтобы помочь индивиду моделировать, направлять свою активность, формировать цели своей жизнедеятельности. Если транслируемая информация носит «устаревший», «традиционный» – не соответствующий новым условиям жизнедеятельности и народившимся социальным практикам – характер, то система образования может блокировать поступательное развитие, служить своеобразным ингибитором культурно-эволюционных процессов.

В настоящее время система образования не способна удовлетворить потребности социума в трансляции новых ценностных ориентиров. «Пальму первенства» в данном направлении перехватили средства массовой коммуникации – динамизм процессов передачи, объемы обмена информацией, развитие технических средств, доступные формы кодировки и представления информации, ценностный плюрализм, свойственный современным СМК, в гораздо большей степени соответствует новому содержанию культуры, нежели консервативные модели, представленные образовательными системами. Даже в плане оказания индивиду помощи в преодолении функциональной неграмотности (т.е. нехватки опыта и знаний, необходимых для успешного осуществления повседневной деятельности, например такой, как умение ориентироваться на местности, голосовать, обращаться за различными видами помощи в государственные службы и т.д.), средства массовой коммуникации оставили систему образования далеко позади.

Можно наблюдать попытки системы адаптироваться. В последнее время в высшей школе появляется множество новых форм организации учебного процесса, связанных, прежде всего, с отдалением системы высшего профессионального образования от государства. Во всем мире наблюдается тенденция к усилению автономии учебных заведений, как в экономическом плане, так и в вопросах кадровой политики, содержательного наполнения программ. Растет количество альтернативных (классическим) образовательных учреждений и организаций – всевозможных институтов, академий, университетов, развиваются направления специализированных международных образовательных программ, предоставляющих более гибкие условия получения образования, закладывающие основы для получения непрерывного образования на протяжении всей жизни, а также способствующие интенсификации профессиональной мобильности населения – программы профессиональной переподготовки, MBA и так далее.

В традиционных учебных заведениях поощряется внедрение «авторских», инновационных, экспериментальных программ и методик обучения, все более активно используются в образовании технические средства обучения (оргтехника, компьютерные сети, проекторы), позволяющие использовать современные информационные технологии (прежде всего – программные средства) для решения учебных задач.

Все эти изменения имеют своей целью создание целостной системы знания, которая сформировала бы новую, адекватную социокультурным условиям рациональность, мировоззрение нового типа, обеспечивающее реализацию социально-ориентирующей функции в динамично изменяющихся жизненных ситуациях. Но это лишь одно из проявлений попытки системы образования адаптироваться, определить направления последующей трансформации, заложить основы новой модели образовательного пространства, чуткой к изменениям социокультурных условий.

Другим индикатором кризиса адекватности системы образования социокультурным условиям может выступать отсутствие четких приоритетов, ориентиров в направлении дальнейшего развития функциональных взаимосвязей системы образования и других подсистем и социальных институтов, в частности экономики, государства, идеологии. Путем увеличения содержательного и структурного многообразия система образования не только пытается приспособиться, но и усилить собственное влияние на ход и направленность трансформационных процессов в обществе. Например, изменения организационных форм учебного процесса, с одной стороны, нацелены на устранение коммуникационных барьеров между преподавателями и обучаемыми, а с другой, призваны увеличить ликвидность приобретаемых человеческих капиталов в условиях глобализации, то есть увеличить потенциальные возможности для социальной мобильности не только для отдельных индивидов, но различных профессиональных групп, и посредством этого расширить сферу влияния образования как системы на другие подсистемы общества.

В конце XX века многие страны мира осуществляли попытки реформировать системы высшего профессионального образования по сходным направлениям: расширение доступа к высшему образованию, формирование системы непрерывного образования на протяжении всей жизни, усиление многообразия предлагаемых форм организации учебного процесса и методик обучения, ориентация на личность обучаемого и его потребности, формирование партнерских отношений между педагогом и учащимся.

В российской и зарубежной периодической, научной печати встречаются дискуссии относительно наиболее острой проблемы системы высшего профессионального образования на современном этапе – проблемы сокращения периода амортизации знаний (устаревания) и их ликвидности. И разрешение данного вопроса лежит за пределами технического оснащения учебного процесса и экономических проблем, стоящих перед учебными заведениями. Ключ к проблеме содержится в рассмотрении целостной интегральной модели социальной системы образования в контексте культуры.

Исходя из предложенной выше модели «личность – образование – культура», с учетом описанных моделей взаимной адаптации систем, можно увидеть выход из сложившейся кризисной ситуации в сохранении целостности образования как социальной системы через расширение возможностей осуществления выбора для субъектов образования, за счет увеличения многообразия внутренней структуры – расширения спектра образовательных услуг, развитие методик ориентированных, прежде всего, на овладение методами познания, развитие коммуникативных навыков, а также привитию ценностей и моделей поведения, способствующих формированию адекватной требованиям среды мотивации у субъектов образовательной системы (здесь в основном речь идет об обучаемых, поскольку именно изменение объема, структуры, качественной составляющей его культурной компетенции является целью образовательного процесса).

Такая направленность учебного процесса, даже в динамично меняющихся современных условиях, способна повысить эффективность функционирования системы образования. Мотивация личной самореализации в совокупности с навыками самообразования и исследования позволят специалистам с высшим образованием более эффективно проходить этапы ресоциализации и адаптироваться в новых обстоятельствах.

Основные задачи преподавателя в высшей школе будут формироваться вокруг адаптации массива информации к интересам, целям, устремлениям учащихся, через поиск новых форм коммуникации, учитывающих многообразие как факторов социокультурной среды, так и проявлений внутренней многослойной структуры личности, которая, безусловно, оказывает влияние на избрание образовательной стратегии, а, следовательно, и на эффективность протекания адаптационных процессов.

Список литературы:

1. См. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем// Американская социологическая мысль. – М.: Изд-во МГУ, 1994, С. 448-464.
2. См. Рой О.М. Исследование социально-экономических и политических процессов. – СПб.: Питер, 2004. С. 75-77.
3. Степин В.С. Культура// Новейший философский словарь. – Мн.: Изд. В.М. Саун, 1998, С. 344.
4. Марру А.И. История воспитания в античности (Греция) – М.: Греко-латинский каб. Ю.А. Шичалина (пер с фр.), 1998, С.11.
5. Степин В.С. Культура// Новейший философский словарь. – Мн.: Изд. В.М. Саун, 1998, С. 345.
6. Там же, С.346.
7. Овсянников А.А. Система образования в России и образование России// Мир России, 1999. – № 3. – С. 76.
8. Там же, С. 79.
9. Там же, С. 76-86.
10. Цит. по Шван Г. Информационный банк или формирование граждан? Будущее университета // Университетское управление, 2001. – №2 (17). – С. 69-78.
11. Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. – М., 1994. – С. 201.

EDUCATION IN SOCIAL AND CULTURAL EXPANSE: SYSTEM APPROACH

K.Y. Korolyova

Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308600, Russia;
e-mail: korolyova@bsu.edu.ru

The article is devoted to the theoretical analysis of education in cultural expanse.

Changing conditions of social reality put requests for new methodological approaches to social research. Traditionally social institution of education is considered in the frameworks of structural functionalism, human capital and conflict theories. Implementation of system approach provides better possibilities for combining macro and micro structural dimensions in educational institution research, to be exact, for considering subjects of education, structural and institutional elements, educational processes, resources as an integral entirety. Besides system methodology gives an advantage to take into account the wide range of exterior factors that organize educational space, and it also helps to reveal an impact of the compensation mechanisms that become active in circumstances of social instability, and also of stratification and institutional structures transformational processes.

Key words: education, system approach, sociocultural determination

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ПОСТОЯНСТВО РОМАНТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА А.С. ПУШКИНА

В.В. Липич¹⁾, Т.И. Липич²⁾

¹⁾ Белгородский государственный университет, 308023, г. Белгород, ул. Студенческая, 12;
e-mail: Lipich@bsu.edu.ru

²⁾ Белгородский государственный университет, 308008, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;
e-mail: Lipich@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются вопросы философско-эстетического и художественного мировоззрения А.С. Пушкина, прослеживается динамика и хронологическая «разметка» траектории романтической эволюции поэта.

Ключевые слова: эстетическая и философская система романтизма, художественный метод, поэтика, «истинный» и «ложный» романтизм.

Предлагаемая статья затрагивает одну из частных, до конца не решённых, но постоянно решаемых проблем отечественного и зарубежного пушкиноведения, перманентно возникающей на страницах научной филолого-философской периодики, и посвящена вычерчиванию хронологического эскиза эстетической досягаемости и философского постижения А.С. Пушкиным того беспредельного художественного потенциала, который был сосредоточен в романтическом методе творчества.

На сегодняшний день в современном пушкиноведении все еще остается открытым и достаточно дискуссионным вопрос, касающийся хронологических параметров пушкинского романтизма, особенно «верхних» его границ. «Верхняя» граница пушкинского романтизма, – компетентно заявляет А.А. Смирнов, – остается неопределенной, вне четкой временной локализации» [1] (в процессе наших рассуждений мы еще обратимся к цитируемой констатации ученого). По сложившейся в филологической науке многолетней традиции исследователи упорно и, скорее всего по неизбежной инерции литературоведческой мысли, выделяют в творчестве А.С. Пушкина два качественно различных периода – романтический и реалистический, каждый из которых имеет свою внутреннюю логику и динамику развития, свой строгий «хронометраж», а ватерлинией такой дифференциации декларативно провозглашается 1825 год, после известных событий которого, якобы начинается другой, «новый» Пушкин, «Пушкин-реалист». Эта, в свое время широко растиражированная и впоследствии ставшая общим местом в отечественном пушкиноведении исследовательская установка, надолго определила ведущий принцип и методологию анализа художественного наследия поэта в нашем литературоведении. Кроме того, в научных работах конкретно и целенаправленно посвященных вопросам пушкинского романтизма, опять-же традиционно, отмечаются три хронологически последовательных фазы его эволюционирования: лицейская, петербургская и «южная», завершившаяся в 1824 году. И все. Получается, что дальше разговор о Пушкине как поэте, исповедующем романтизм, можно и не продолжать, потому что романтизм, как «детская болезнь» взрослеющего реализма, Александром Сергеевичем как бы преодолен и бесповоротно забыт.

В качестве исследовательского компромисса и с мизерной долей вероятности допустим, что это так. Но в таком случае, вполне естественно, возникает множество логически закономерных и резонных вопросов: а как же тогда быть, к примеру, с «Полтавой», «Медным всадником», «Русалкой», «Дубровским», «Пиковой дамой», «Маленькими трагедиями», «Песнями западных славян», «Египетскими ночами», лирикой 30-х гг.? По ка-

кому «ведомству» возможно отнести эти произведения? Где здесь проходит «золотое сечение» между реализмом и романтизмом? Насколько абсолютен и непогрешим, получивший в отечественном литературоведении повсеместную прописку «прокрустов» алгоритм писательского продвижения и роста, согласно которому, все ведущие русские писатели XIX века, так или иначе, но закономерно и чуть ли не синхронно и сообща, преодолевают в своем творчестве романтизм как нечто незрелое, художественно неполноценное, кратковременное и «стройными рядами» приходят к «сборному пункту» под названием «реализм»?

Перечень подобных вопросов можно было бы легко продолжить и при конкретной необходимости подать более дифференцированно. Неоднократно сталкиваясь с похожими и трафаретно дублирующими друг друга в своих начальных установках и итоговых выводах концепциями, всякий раз невольно ловишь себя на мысли, что ряд исследователей ничтоже сумняшеся подменяют явления творческо-иррациональные логическими понятиями и силлогизмами. Такую идентичность научных точек зрения менее всего можно объяснить общим авторским упущением или недосмотром. Здесь, скорее, прослеживается иная симптоматика, и «срабатывает» другой – субъективистский фактор: с одной стороны, к сожалению, все еще сохраняющаяся стереотипность, методологическая подневольность социологизированного, идеологически запрограммированного мышления, а, с другой – определенная исследовательская «оглядка» и робость перед канонизированным авторитетом предшествующих литературоведческих позиций и мнений.

Между тем заметим, что изначально настроенная на романтизм лира Пушкина – «материя» тонкая, трепетная, но в то же время достаточно устойчивая в своей традиции. Ее нельзя легким движением исследовательской мысли волонтаристски перестроить и мгновенно перевести в «режим» реализма. Она требует к себе более деликатного отношения и не допускает интеллектуального «форсажа», не приемлет логизированного прессинга «методологии», исключает концептуально ангажированные и угодливые метаморфозы.

Вызывает немалое внутреннее сопротивление и другой методологический «перегиб» – пресловутый «реализмоцентризм» исследовательских позиций отдельных авторов, писавших о художественно-эстетической эволюции Пушкина и в различной степени затрагивавших вопросы пушкинского романтизма. С нашей точки зрения, такой подход к проблеме значительно сужает содержательный диапазон и неоправданно укорачивает, так сказать, «век» пушкинского романтизма, а также категорично «выпрямляет» и непозволительно упрощенно делит все творчество поэта на две подчеркнуто разграниченные половины: романтическую и реалистическую.

Принципиально не разделяя такую, с позволения сказать, «дифференциацию» и вполне ответственно не соглашаясь с ней, мы, в свою очередь, склонны выделить в художественной эволюции романтизма Пушкина четыре динамических этапа, из которых первые два – лицейский и петербургский – являются своего рода предромантическими в калейдоскопическом контексте индивидуального романтического творчества поэта, третий – период южной ссылки – расцвет и апогей юношеского овладения поэтом этим художественным методом и четвертый, который в свою очередь, состоит из двух взаимопроникающих стадий, приходящихся, соответственно, на 1825 – 1829 гг. и 1830 – 1836 гг. – период так называемого «истинного романтизма», как выразился сам Пушкин, то есть романтизма зрелого, эстетически «обогащенного», достигшего своего качественно нового уровня. В итоге, с позиции такого взгляда на проблему, выстраивается своеобразная логическая, художественная целостность и творческо-биографическая монолитность: романтический метод, обладая сквозным, всепроникающим характером, окончательно не изживается и бесследно не исчезает из творческого арсенала поэта и после 1824 года, а продолжает и в последующие годы быть стабильно востребованным, начиная при этом постепенно «прирастать» и органично синтезироваться с зарождающимися реали-

стическими тенденциями в мировоззрении, художественном мышлении, поэтической практике Пушкина. Востребованность и «дозирование» романтических элементов постигалось поэтическим инстинктом гения и осуществлялось поэтом на основе творческой интуиции, интуитивно-художественных видений, исходя из конкретных писательских задач, веяний времени, исторических условий. Как справедливо отмечает Б.В. Томашевский, «приблизительно с этой эпохи начинается... внутренняя эволюция Пушкина, в которой он преодолевает уже не внешние традиции, а свои же собственные, перерастает свое собственное творчество» [2]. Завершался период поэтической рецепции созданного до Пушкина и начинался период осмысления созданного уже непосредственно им самим.

Отдельные ученые склонны утверждать, что определенные эстетические открытия и достижения романтизма как бы автоматически погашались и «отрицались» развитием нарождавшихся реалистических тенденций. Так Г.А. Гуковский, в частности, писал, что «реализм – это отрицание романтизма, причем вовсе не синтез...» [3]. Признаться, без оговорок такой однозначный вывод принимать не хочется. При всем нашем уважении к присущему работам Г.А. Гуковского исследовательскому блеску и мастерству, мы полагаем, что романтико-реалистическая диалектика все же гораздо сложнее и вряд ли может быть сведена лишь к формальному, метафизическому «отрицанию». Думается, что логику пушкинского перехода от романтизма к реализму нельзя рассматривать как моментальный творческий скачок. Это – процесс, причем взаимовозвратный, духовно напряженный, достаточно протяженный во времени, имеющий свою объективную поступательность развития, которую невозможно искусственно динамизировать. Зарождавшиеся тенденции реализма по мере своего утверждения и художественного освоения действительности определенное время продолжали оставаться во власти эстетической гравитации романтизма. Нам представляется, что в подобного рода «отрицании» сказывается чрезмерная приверженность ученого к формально-логическому, а не диалектико-логическому пониманию сути проблемы, а это, в свою очередь, исключает возможность рассматривать вопрос о соотношении романтизма и реализма во всей его фактической сложности.

Романтизм, будучи новым этапом освоения и обобщения мирового культурного опыта предшествующих эпох, безусловно, дал мощный импульс развитию реализма, однако сам он не был повержен и поглощен своим «детищем». Традиции романтизма в форме определенной, эстетически суверенной «константы» продолжали активно функционировать в историко-литературном процессе эпохи, при этом симультанно, многолико-причудливым образом участвуя и в процессе формирования художественно-эстетической системы реализма, которая складывалась постепенно, без крутой ломки. Игнорирование же этого четко просматриваемого акта неформального эволюционного посредничества ведет к утрате диалектической преемственности. В столь тесном взаимодействии двух эстетических начал не было исторического противоречия, так как романтико-реалистическая двуплановость художественного метода писателя являлась специфической особенностью пушкинской литературной эпохи. Деятнадцатый век хорошо знает и достаточно красноречиво иллюстрирует эту «одновременность исторического» – плотное наслаивание разнотравчатых художественных направлений, течений, школ и школок, когда бытие каждого из субъектов социокультурного процесса прочно сопряжено и взаимообусловлено присутствием другого.

В этой связи достаточно спорным и шатким, с нашей точки зрения, выглядит безудержное в своей настойчивости и безоглядности энергичное стремление некоторых истолкователей разделить, мимоходом словоохотливо оговорив отдельные нюансы, романтический и реалистический типы художественного мышления и миропонимания «китайской стеной» принципиальной несовместимости. Мы склонны считать, что такой путь исследования недиалектичен, прежде всего потому, что он противоречит как объективным тенденциям, историческим фактам, так и истинной сущности реалистическо-

го и романтического искусства. Для самого Пушкина зарождавшийся реализм был, скорее, «преемником-оппонентом», нежели антагонистом романтизма. Поэтому мы глубоко убеждены в том, что усилия исследовательской мысли должны быть направлены не на принципиальное отграничение и противопоставление романтизма и реализма (как «низшего» и «высшего», «неполноценного» и «совершенного»), а сосредоточены на выявлении их многогранной, обоюдно влияющей специфики.

Пушкинская концепция «истинного романтизма» весьма слабо изучена как в теоретическом, так и в историко-литературном плане. Эта проблема в разное время и в различной степени затрагивалась рядом ученых (В.Ф. Асмус, И.В. Сергиевский, Б.С. Мейлах, Л.Я. Гинзбург, Л.И. Вольперт, А.М. Гуревич, Л.Н. Киселева, А.А. Смирнов и др.), но обсуждалась она, как правило, в самом общем виде. обстоятельной монографической разработанности и освещенности в нашей филологической науке этот аспект не получил, уклончиво замалчивался исследователями, обходился стороной и особо не прижился в арсенале активно изучаемых проблем отечественного литературоведения. «Истинный романтизм» как закономерная поступательная стадия творческого созревания Пушкина на пути его продвижения к реализму не всегда и не в должной (необходимой) мере рассматривался литературоведами и в диалектической взаимосвязи с другими, смежными этапами художественной эволюции поэта, а если и рассматривался, то опять же – как растворившийся в них «рудимент». И, думается, что зря. Тут нет самоочевидности, а незаслуженное невнимание к этой неотъемлемой стадии эстетического роста и мировоззренческого самоопределения поэта, ее недооценка чреваты недопустимым выхолащиванием и скрадыванием реальной сложности историко-литературного процесса, а это, в свою очередь, ведет к неоправданному оскудению спектра художественно-эстетических исканий Пушкина и сужению исследовательских плацдармов писательского творчества.

Смысл борьбы Пушкина за «истинный романтизм» раскрылся в формуле «поэт действительности» (И. Киреевский). С этого времени из его произведений уходит антитеза «поэта» и «толпы», «божественного глагола» и человеческого в художнике. Но открывающиеся ему глубины внутреннего мира и власть бессознательного в нем не поддавались, по мнению Пушкина, чисто рациональному истолкованию. Здесь продолжала ощущаться близость к мироощущению, отразившемуся в романтическом двоемирии. В этом отношении романтизм оставался тем духовным фундаментом, из которого выросло настоящее, воплощающееся в реалистическом творчестве, поэтому не из чувства ложной благодарности Пушкин говорил о себе в 1827 году: «Я гимны прежние пою...» («Арион»). Поэт имел неоспоримое право на такое заявление.

Традиционно теория «истинного романтизма» рассматривается специалистами как «антиромантическая» и в своих определяющих чертах «реалистическая по сути».

С нашей точки зрения, такое суждение носит преимущественно внешний, формальный характер и верно лишь в первом приближении. При дальнейшем углублении в стержневую сущность вопроса кажущаяся простота и легкость констатаций исчезают. Исходя из этого, мы предлагаем взглянуть на проблему «истинного романтизма» под другим углом зрения, как бы изнутри, и расставить исследовательские акценты иначе: не рассеивать научные поиски и усилия в широкоформатной художественной антиномии «романтизм – реализм», а сосредоточить их в более локальной антиномической плоскости – «романтизм истинный – романтизм ложный», нисколько при этом не сужая возможности для аналитического маневрирования. Такой своеобразный художественный «анклав» многообразным образом может быть научно привлекателен для исследователей. Он, как нам мыслится, таит в себе заманчивую изыскательскую перспективу и ждет своего специального рассмотрения. Важно при этом, чтобы исходный исследовательский импульс проистекал, прежде всего, из неоднородности и противоречивости самого романтизма, его внутреннего стремления к собственному художественному саморазвитию и совершенствованию. Интегрированность исследовательских устремле-

ний имеет под собой резонные основания: в любых научных изысканиях умение отделить «зерна от плевел», «истинное» от «ложного» имеет принципиальное значение. Пушкинская теория «истинного романтизма» как раз и противопоставлялась поэтом «ложности» не только литературной практики, но и литературной теории романтиков.

В хорошо известных Пушкину крупнейших теоретических трудах по эстетике романтизма, принадлежащих m-me де Сталь («О Германии»), А. Шлегелю («Чтения о драматической литературе»), Дидро, Лессингу, «любомудрам», поэт находил много близких для себя идей. Некоторые ведущие положения этих работ подвергались Пушкиным индивидуальной переработке и философско-эстетическому переосмыслению, становясь впоследствии основополагающим материалом для построения поэтом собственной романтической теории. Но в то же время, глубоко усвоив и переработав все лучшие достижения своих предшественников и современников, Пушкин достаточно остро ощущал и значительные расхождения своей романтической эстетики от уже известной ему эстетики романтиков, что, в свою очередь, порождало и определенное несогласие, и критическое отношение поэта к манифестируемым постулатам. В декларируемых рассуждениях романтиков Пушкин улавливал лишь подступы, намеки на концептуально аргументированную теорию, лишь попытки ее создания, но безоговорочной и непреложной истины, к сожалению, не находил. Более того, Пушкин в целом не принимал ни одной романтико-философской теории, в чем сам поэт как-то признавался: «Я в литературе скептик... все ее секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суеверно поработать литературную совесть?» [4]. Это высказывание поэта, содержащее скрытую критику романтического «сектанства», по сути – его романтическое кредо, романтическая декларация свободы творческого самовыражения творящего субъекта. Для Пушкина-художника было противоестественным оказаться в творчестве узким и зашоренным «сектантом», наглухо «офлаженным» директивными установками корпоративных литературных «междусобойчиков», возникавших спонтанно, зачастую по случаю временного совпадения определенных интересов их кулуарно настроенных членов. Пушкин, с одной стороны, признавал художественные достоинства, «выгоду» трудов своих предшественников и современников, а с другой – видел противоречивость, спорность, «невыгоду», а отсюда, как следствие, – ущербность и уязвимость пропагандируемых ими эстетических позиций. Поэтому совершенно неудивительно, что ни одно из определений романтизма, которое было предложено философами, писателями, критиками того времени (В. Жуковский, П. Вяземский, О. Сомов, К. Рылеев, В. Кюхельбекер, Ф. Глинка, братья Н. и Кс. Полевые, Н. Надеждин, А. Бестужев, «любомудры» и др.), поэта не удовлетворяло. Так, в письме поэта к А.А. Бестужеву, 30 ноября 1825 г. (сразу же после завершения трагедии «Борис Годунов») Пушкин, в частности, писал: «Я написал трагедию и ею очень доволен; но страшно в свет выдать – робкий вкус наш не стерпит истинного романтизма. Под романтизмом у нас разумеют Ламартина. Сколько я ни читал о романтизме, все не то...» (XIII, 244-245).

В другом письме, к издателю «Московского вестника», Пушкин характеризует «Бориса Годунова» как «трагедию истинно романтическую» (XI, 67), и это вполне объяснимо. Такая характеристика была продиктована острым желанием поэта, прежде всего, отмежеваться от тех произведений, в которых он видел проявления псевдоромантизма, дилетантскую стилизацию под романтизм и эпигонскую пародию на него. Правда, отдельные исследователи усмотрели в этих словах Пушкина иной смысл и с какой-то смятенной торопливостью и удивительной легкостью поспешили взаимоотождествить «истинный романтизм» с критическим реализмом. Факт столь разительной натяжки в свое время филологически зорко был подмечен Л.Я. Гинзбург: «Пушкину, – пишет исследовательница, – исправляют терминологию, утверждая, что под романтизмом он подразумевал совсем не романтизм, а реализм...» [5]. Основанием для такого прямолинейного синонимического отождествления двух художественных понятий, по мнению

авторов вышеуказанного умозаключения, являются, содержащиеся в этом же письме, слова поэта о его стремлении к «верному изображению лиц, времени, развитию исторических характеров и событий» (XI, 67).

Однако справедливости ради следует заметить, что все это не чуждо романтизму как таковому, ему нельзя отказать в правдивом воспроизведении переживаний, отрывая от реальной действительности. «...Ведь Пушкин и его современники, – продолжает справедливо развивать свою мысль Л.Я. Гинзбург, – именно в романтизм вкладывали понятия историзма, народности, истинности и раскрепощенной литературной формы» [6]. С этим суждением можно только согласиться. Действительно, разве литература романтизма не создавала исторически правдоподобных, героически сконцентрированных, исключительных характеров, колоритные примеры которых можно без особого труда обнаружить в творчестве самого Пушкина («Кавказский пленник», «Цыганы») и других писателей-романтиков (Байрон, Шиллер, Бестужев-Марлинский, Лермонтов и др.)? Более того, из того исторического факта, что термин «реализм» при жизни Пушкина еще не успел бесповоротно утвердиться и закрепиться в активном и широком литературоведческом употреблении вовсе не следует, что поэт якобы просто «не нашел» более точного словесного эквивалента для его обозначения и продолжал с юношеской запальчивостью упорствовать на своем писательском «патенте» – «истинный романтизм» – как на непреходящей, единственно уместной и возможной формуле.

В этом же письме Пушкин, продолжая свои размышления о романтизме, с горьким разочарованием сетовал: «...Внимательнее рассматривая критические статьи, помещаемые в журналах, я начал подозревать, что я жестоко обманулся, думая, что в нашей словесности обнаружилось стремление к романтическому преобразованию. Я увидел, что под общим словом романтизма разумеют произведения, носящие печать уныния или мечтательности» (XI, 67).

Романтизм был для Пушкина настолько особым, возвышенно-одухотворенным художественным явлением, что он даже мысли не допускал об эпигонской его дискредитации. Напротив, поэт всячески оберегал романтическое искусство от графоманских посягательств, стремился освободить от фальши, вычурной словесной эквилибристики, всего того, что искажало, извращало подлинную сущность романтизма. «...Читая мелкие стихотворения, величаемые романтическими, – писал он издателю «Московского вестника», – я в них не видел и следов искреннего и свободного хода романтической поэзии, но жеманство лжеклассицизма французского» (XI, 67).

Из этих слов Пушкина следует, что, в его разумении, романтизму (подлинному, а не поддельному!) совершенно не свойственны, чужды жеманство, поэтическая скованность, жесткая нормативность, что истинно романтическую поэзию, прежде всего, отличает «искренний, свободный ход», огромный созидательный потенциал, завораживающая эмоциональная аура, уникальная обновляющая сила.

Для развенчания идей ложного романтизма приложил немало усилий В.Г. Белинский. Отделение «истинного романтизма» от «псевдоромантизма», «мнимого романтизма» имело для критика принципиальное значение. В своих критических разборах и анализах современной отечественной и зарубежной литературы Белинский предельно конкретно, с эстетической щепитильностью обозначил отличительные признаки «ложного романтизма», которые, по мнению критика, заключаются в «приторной сентиментальности, пошлом резонерстве, мелодраматических эффектах», [7] в «размашистости в языке и чувствах», «вычурности фраз», «риторических завитушках» и «рифмованных побрякушках» (V, 298). Объектом критических инвектив и претензий Белинского была проза Н. Полевого, поэзия В. Бенедиктова, Н. Кукольника, которые, с точки зрения критика, графомански перерабатывая прежние (причем, чужие!) романтические достижения, без зазрения совести компрометировали своим творчеством «целое направление» (романтизм. – В. Л.).

Взгляды на романтизм у Пушкина и Белинского созвучны в своих концептуальных принципах и положениях. При всей многочисленности высказываний Пушкина о романтизме, которые встречаются в критических работах, заметках, переписке поэта, они не являются разрозненными и противоречивыми. Наоборот, концепт его эстетической теории отличается внутренним единством и стройностью, свидетельствуя о том, что у Пушкина существовала собственная глубоко продуманная, сбалансированная эстетическая позиция, базирующаяся на его философско-историческом и художественном мировоззрении. Неслучайно, скажем, Пушкин не соглашался с теми, кто «под романтизмом разумел Ламартина», так как не считал французского поэта представителем истинно романтического направления.

Белинский, в свою очередь, был полностью солидарен с Пушкиным, когда писал о «французском отчаянном романтизме» и «водяных «медитациях» Ламартина» (VI, 157), то есть в историческом плане мы ощущаем прямую перекличку, схожесть позиций критика и поэта.

Действительными же творцами «истинного романтизма» Пушкин считал «Шекспира, Данте, Мильтона, Гете в «Фаусте», Мольера в «Тартюфе» (XI, 61). В творчестве этих великих писателей, по мнению Пушкина, «есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный, объемлет творческой мыслию» (XI, 61), что, исходя из пушкинских эстетических установок и требований, является важнейшим критерием и отличительной чертой поэзии «истинного романтизма».

Искренне радуясь созданию «истинно романтической трагедии» и не находя в отечественной и зарубежной критике точного, адекватного этому определению («сколько я ни читал о романтизме, все не то»), Пушкин в последующие годы неоднократно и терпеливо растолковывает, что значит это – «не то».

Будучи ограниченными рамками данной статьи, в качестве иллюстративного примера приведем только лишь некоторые из высказываний поэта в ракурсе обсуждаемой темы.

«Французские критики имеют свое понятие о романтизме. Они относят к нему все произведения, носящие на себе печать уныния или мечтательности. Иные даже называют романтизмом неологизм и ошибки грамматические» (XII, 179).

«Сбивчивым понятием о сем предмете обязаны мы французским журналистам, которые обыкновенно относят к романтизму все, что им кажется означенным печатью мечтательности и германского идеологизма или основанным на предрассудках и преданиях простонародных...» И тут же выносит лаконичный вердикт: «определение самое неточное» (XI, 36).

«У нас журналисты бранятся именем романтик, как старушки бранят повес франмасонами и волтерианцами – не имея понятия ни о Вольтере, ни о франмасонстве» (XII, 178).

Вновь возвращаясь к пушкинской формуле «истинного романтизма», мы твердо убеждены в том, что она абсолютно точна и самодостаточна. «Истинный романтизм» – это романтизм, а не «стыдливый реализм» (Гуковский), но романтизм особого, переходного состояния, проявляющийся пока как внутренняя тенденция, отражающая потенциальную готовность литературы к качественным переменам. Это романтизм, с одной стороны, постепенно преодолевающий прежнюю сложившуюся концепцию мира и человека, сложившийся тип художественного освоения действительности (романтический), а с другой – одновременно, зачастую интуитивно, осваивающий и разрабатывающий новую концепцию мира и человека, формирующий новый тип художественного освоения действительности – реалистический. При этом универсальность «истинного романтизма» как переходной и объективно необходимой художественной структуры на пути к утверждению пушкинской эстетики реализма, с нашей точки зрения, заключается, во-первых, в его необычайной динамичности и легко прослеживаемой разомкнутости в смежные этапы пушкинского творчества, а, во-вторых, в том, что «опровер-

гаемое» и «создаваемое» им, находятся в непосредственном и равнонеобходимом «диалоге-полюсике» (скрытом или явном – другой вопрос). Сложность «истинного романтизма» как романтизма особого, переходного-рубежного качества, мы думаем, состоит в том, что многое из того, что обреталось поэтом интуитивно, домысливалось и переоценивалось, становясь позднее осознанным творческим принципом, проявляется пока лишь как симптом, грядущий эстетический прорыв, диалектически переплетающийся с ностальгией и тяготением к прежней традиции, преодолеваемой только впоследствии, да и то не без «остаточных» признаков. И совершенно права Л.И. Вольперт, когда отмечает, что «в восприятии Пушкина... романтизм – одновременно синоним и новаторства, и устаревания, что нашло отражение в самом термине «истинный романтизм» [8].

Современным же исследователям, мы считаем, надо деликатнее, с большим тщанием относиться к сугубо авторским определениям. Не утяжелять их собственными «стандартами» понимания, произвольными толкованиями, пытаясь извлечь из них не свойственный им смысл. Умозрительная исследовательская «самодеятельность» зачастую приводит к грубым искажениям мысли писателя. Поспешная и безапелляционная констатация, как правило, порождает массу недоуменных вопросов.

Скажем, о каких типологически устойчивых признаках, сложившихся принципах, закрепленных традициях критического реализма идет речь в русской литературе второй половины 20-х – начала 30-х гг. XIX в.? Произведения каких авторов отечественной литературы этих лет можно бескомпромиссно привести в качестве примера победоносно-парадного шествия реалистической флоры и аннексированных у романтизма художественных плацдармов? Пушкинские «Повести Белкина», «Дубровский», «Капитанская дочка»? Или, может быть, прозаические дебюты молодого Гоголя?

Конечно, чрезвычайно велико, в подобных случаях, исследовательское искушение сказать утвердительное «да», не нарушив этим подтверждением стройности концепции и «подтянув» тем самым отдельные литературные явления к заранее выработанной схеме, – «реалистическому эталону». Но если мы действительно стремимся в кропотливых исследовательских поисках хотя бы немного приблизиться к диалектически точному, объективному рассмотрению историко-литературного процесса, то должны в своих научных утверждениях и выводах быть академически скрупулезны и беспристрастны. Самоочевидно, что в упомянутых выше произведениях позиции романтизма еще достаточно устойчивы, а приметы – легко узнаваемы. В этот период в русской литературе реализм только начинает предметно оформляться в качестве будущей доминирующей художественно-эстетической системы. О поэтологической же полнокровности, четко опредмеченной понятийной конкретности, константных признаках реализма как целостно сформировавшейся эстетической системы, его позиционном приоритете в литературном процессе того времени, говорить, как нам кажется, еще преждевременно, тогда как романтизм переживает свой грандиозный расцвет («любимудры», Бестужев-Марлинский, Баратынский, Лермонтов и др.).

Со второй половины 1820-х гг. отечественная литература вступила в период интенсивного расцвета романтизма, причем нового философского качества, основанного на эстетических системах Шеллинга, Фихте, Гегеля. Пушкин, безусловно, не мыслил себя в стороне от философских исканий современников, поэтому его сознание, естественно, не избежало этой подвижки передовой общеевропейской мысли. Главное, разумеется, заключалось не в формальном знакомстве писателя с новыми философскими открытиями времени, а в том, как данные идеи претворялись и преображались художественно, приобретая характер мировоззренческого ориентира. Нельзя не заметить, что с конца 1820-х до середины 1830-х гг. в творческой практике Пушкина происходит усиление романтических тенденций, которые усложняют формирующуюся реалистическую эстетику писателя добавлением именно романтических мотивировок и традиций, т.е. внешнего и бесповоротного разрыва с романтизмом у Пушкина не происходит. И поэтому, говоря о «долголетии» пушкинского романтизма, мы считаем чрезвычайно

важным подчеркнуть то обстоятельство, что романтические традиции, не являясь внутренне и хронологически замкнутыми, не прерываются и не исчезают в творчестве поэта и после 1825 г. Они фактически разомкнуты в 30-е годы. Существовая параллельно и вмещаясь с набирающими силу и утверждающимися в творческом сознании и поэтической практике Пушкина принципами реализма, традиции романтизма практически охватывают все творчество поэта. Поднимаясь на новый уровень художественного мышления, Пушкин не «отсекает» бесценный романтический опыт предшествующих лет и не «сжигает мосты» в романтизм, а сохраняет романтическое постоянство до последних месяцев своего творчества. И как справедливо отмечает Ф.З. Канунова, «именно в 30-е гг., поднявшись на новый уровень историзма, но, оставаясь верным «прежним гимнам», Пушкин возвращается вновь и вновь к острейшим проблемам романтизма, решая их сейчас по-новому, в ракурсе новой эпохи» [9]. Романтические традиции не отбрасывались поэтом, а привлекались и перерабатывались с позиций эволюционирующих эстетических представлений, они ассимилировались сообразно обновляющимся мировоззренческим идеалам, тенденциям, ценностям времени, не утратив при этом своей первоначальной специфики. Исходя из этого, нам представляется уместным настоятельно подчеркнуть и тот симптоматичнейший, крайне принципиальный момент, что вне романтических тенденций и без учета романтических традиций нельзя понять и крупнейших, концептуально значимых произведений поэта конца 20-х–30-х гг.: «Евгения Онегина», «Полтаву», «Маленьких трагедий», «Повестей Белкина», «Дубровского», «Капитанской дочки», «Медного всадника», «Пиковой дамы», «Египетских ночей», «Песен западных славян» и др., в которых «удельный вес» романтизма зримо ощутим.

Мы считаем, что нет аргументированных оснований подвергать сомнению факт бесспорного наличия романтического компонента в этих произведениях: в них подняты романтические темы, звучат романтические мотивы, которые то пародируются, то воспроизводятся всерьез, то обсуждаются. Во всяком случае, романтизм спаян здесь с побеждающими реалистическими чертами, поэтому реализм А.С. Пушкина нельзя представить себе без явного романтического присутствия.

Кроме того, один из определяющих признаков реализма – историческая и социальная детерминированность – не носит у Пушкина жесткого характера, как это будет впоследствии, в творчестве русских классиков-реалистов второй половины XIX века. Существенно ограничен и критический пафос, столь свойственный реализму последующего времени. Отмеченная у Пушкина универсальность – системный признак творчества, стиля, поэтики, тогда как поздний реализм обращен к конкретно-историческому и только через него – к бытийному, онтологическому.

А в том достоверном литературоведческом факте, на который указывает А.А. Смирнов, отмечая, что «верхняя» граница пушкинского романтизма» до сих пор не имеет хронологической очерченности и предельности, на наш взгляд, нет ничего неожиданного и случайного. Не преследуя цель самонадеянно удивить высококлассных мастеров литературоведческого дела экстравагантным пассажем, мы полагаем, что констатируемое состояние проблемы, как раз-таки закономерно. Не потому ли эта «граница» до сих пор четко не определена исследователями, что ее и невозможно реально (а не виртуально!) обозначить и хронологически оконкретить? Самый факт невозможности безапелляционной демаркации заключается, как нам кажется, не столько в теоретической недостаточности, обусловленной тем, что ученые-де еще не разработали для решения этого «размытого» вопроса универсального теоретико-методологического подхода и сверхточной исследовательской «оптики», сколько в другом – данная невозможность носит *объективный* характер. Так называемая, «граница» мыслима, подразумеваема. Теоретически. В принципе. Она как искомый результат в логической устремленности рефлектирующей мысли итогово состояться и материализоваться *как бы должна быть*, не может не быть! Такова привычка нашего мышления. Но практически – ее нет. Во всяком случае, бесспорной. Всё и вся единодушно примиряющей. И *постоянно* ускользаемая «граница» пушкинского романтизма неуловима прежде всего потому, что эфемерна.

Прогнозируя вероятность возможных возражений и резких несогласий с таким, как может показаться, «бескрылым» и лишенным изыскательского оптимизма статейным резюме, заблаговременно оговоримся, дабы заведомо исключить ряд предполагаемых недоразумений и кривотолков: безусловно, научная одержимость, целеустремленность, творческая самоотдача – ценные и заслуживающие всяческого уважения качества истинного ученого. Это трюизм, который не оспаривается. Однако, в бесконечных и неустанных исследовательских попытках, «в поисках обрести точность, – как взвешенно и мудро предостерегает Д.С. Лихачев, – нельзя стремиться к точности как таковой и крайне опасно требовать от материала такой степени точности, которой в нем нет и не может быть по самой его природе. Точность нужна в той мере, в какой она допускается природой материала» [10]. Думается, что исследовательская зыбкость и отсутствие общего литературоведческого «знаменателя» в утопическом стремлении филологов-аналитиков установить «верхнюю» границу пушкинского романтизма – один из тех «тяжелых случаев» филологии, хроническая «нерешаемость» которого обусловлена именно специфической «природой материала». Комментировать же каким-то образом дополнительно это принципиально уместное и ценное предостережение высокоавторитетного специалиста, досконально осведомленного в предмете высказывания, мы считаем излишне – методологическая точность и аксиоматичность позиции безупречны. Тут, как нам кажется, нечего добавить или возразить.

Когда филологи-аналитики говорят о «границе» (любой!), то обычно это слово употребляют в конкретном смысловом окружении: «граница», как правило, отделяет, размежевывает понятия и явления. Однако, когда речь идет о «границе» между романтизмом и реализмом, применительно к эстетической системе А.С. Пушкина, то правильнее, как мы считаем, было бы говорить о «границе» не разделяющей и размежевывающей, а о границе *соединяющей*, «границе» не в виде незатоптанной «контрольно-следовой полосы», фиксирующей любое, так сказать, «несанкционированное» проникновение и посягательство на «чужую» художественную территорию, а о некоем «общем» эстетическом пространстве, которое в равной степени и всецело доступно поэтическим стремлениям творящего субъекта.

Таким образом, подытоживая наше исходное методологическое понимание сути рассматриваемой проблемы и эскизно «вычерчивая» художественную траекторию романтической эволюции Пушкина, мы полагаем, что, начиная со второй половины 1820-х гг., она развивается не в виде геометрически прямолинейного векторного луча, восходящего от романтизма к реализму, а скорее, спиралеобразно. Более того, в какие-то моменты поэтапного эволюционного соподвижения романтический и реалистический векторы совпадали, взаимонакладывались и, эстетически питая друг друга, являли собой художественную «гармонию контрастов» (Н.К. Гей). Перманентно удаляясь от романтизма и неуклонно возвращаясь к нему вновь, Пушкин проявил удивительную писательскую тактичность – удержался от циничного фарса и карикатурного профанирования романтизма, хотя определенному пересмотру его традиций, их переоценке и реалистической интерпретации поэт подвергал многие общепринятые, исходно-установочные романтические модели, стереотипы, формы, образы. Такая врожденная творческая «дипломатичность» во многом предопределила масштабность пушкинских поэтических горизонтов и универсальность его художественной системы, описать которую в рамках строго канонического разграничения «реализма» и «романтизма», с нашей точки зрения, не представляется возможным.

Универсальность, весьма многообразно проявившая себя в творческой программе и художественной практике Пушкина-романтика, является отличительной и основополагающей особенностью творческого мышления поэта в целом.

Многогранной и универсальной была сама творческая личность Пушкина – не только гениального писателя, поэта, но и блестящего филолога, реформатора русского литературного языка, глубокого историка, художника. Поэтому совершенно закономерно, что и творческий метод (как способ художественного освоения мира), стремя-

щийся объять самые разнообразные и противоречивые явления жизни действительной и столь же многообразно отобразить их, является универсальным.

Стремление Пушкина к «универсальному» охвату действительности нашло определенное отражение, с одной стороны, в декларации и реализации поэтом в собственной творческой практике предельного разнообразия (вследствие многоликой неисчерпаемости самой жизни) тем и предметов изображения, а, с другой – в попытке сделать предмет своего творчества в равной степени как идеальную, так и реальную сферы жизни, не отдавая при этом творческого предпочтения ни «серьезному», ни «смешному».

И в заключении хотелось бы отметить, что разноречивость подхода к этой теоретической проблеме, её спорные моменты говорят о том, что она находится не на уровне подведения итогов, а на уровне, так сказать, рабочих концепций. Относительно единой теории романтизма нет, но есть ряд довольно разнообразных тенденций в его толковании. Такая их пестрота связана, вероятно, не только со сложностью проблемы, но и с тем, что не было сколько-нибудь выраженной преемственности в её теоретическом изучении. Теоретические истоки проблемы или до конца не осознавались, или понимались преимущественно неверно. Именно в силу разноликости критериев они пока несводимы воедино, хотя в них есть определённая перекличка примет романтизма.

И последнее: мы считаем, что в разрешении проблем эволюции пушкинского романтизма следует особенно тщательно поверять теоретические построения конкретным историко-литературным материалом, пренебрежение которым является, пожалуй, основной причиной просчётов в этой области.

Список литературы

1. Смирнов А.А. Границы пушкинского романтизма / А.А. Смирнов // Пушкин и мировая культура. Международная пушкинская конференция. – Материалы. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – С. 12.
2. Томашевский Б.В. Пушкин: современные проблемы историко-литературного изучения / Б.В. Томашевский – Л.: Прибой, 1925. – С. 81.
3. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики / Г.А. Гуковский – М.: Интрада. – С. 5.
4. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. / А.С. Пушкин – М.: Воскресенье, 1996. – Т. XI. – С. 66.
5. Гинзбург Л.Я. О старом и новом: Статьи и очерки / Л.Я. Гинзбург – Л., 1982. – С. 100.
6. Там же. – С. 100.
7. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. / В.Г. Белинский – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. VI. – С. 157.
8. Вольперт Л.И. Понятие «истинного романтизма» у Пушкина и Стендаля / Л.И. Вольперт // Болдинские чтения. – Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1982. – С. 147 – 155.
9. Какнунова Ф.З. Еще раз о соотношении романтизма и реализма / Ф.З. Какнунова // Проблемы метода и жанра. – Сб. ст. – Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1991. – С. 11.
10. Лихачев Д.С. О точности литературоведения / Д.С. Лихачев // Литературные направления и стили. – М., 1976. – С. 15.

ART AND AESTHETIC CONSTANCY OF ROMANTIC CONCEPT OF A.S. PUSHKIN

V.V.Lipich¹⁾, T.I.Lipich²⁾

¹⁾ Belgorod State University, Studencheskaya st., 12, Belgorod, 308600, Russia;

²⁾ Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308600, Russia;
e-mail: Lipich@bsu.edu.ru

The paper deals with questions of philosophical, aesthetic and artistic Pushkin's world outlook, also the dynamics and chronological trajectory of romantic evolution of the poet is observed.

Key words: aesthetic and philosophical system of romantism, art method, poetics, "true" and "false" romantism.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВ ПОЛА И ЛЮБВИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ XIX – XXI СТОЛЕТИЙ

А.М. Страхов

Белгородский государственный университет. 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 79;
e-mail: strakhov@bsu.edu.ru

В статье рассматривается эволюция образов пола и любви в русской культуре последних столетий. Традиционно-нормативные версии образов пола и любви трансформируются в маргинальные (русский модерн). В русском постмодерне приходят деструктивные образы. В современной отечественной культуре наблюдается смешение традиционных, маргинальных и деструктивных образов пола и любви.

Ключевые слова: эволюция, образ, культура, пол, любовь.

Трансформация отечественной культуры на протяжении последних трех столетий выразилась и в эволюции важнейшей культурной составляющей – половой культуры (здесь и далее речь идет о культуре государствообразующего этноса, которой, конечно, российская культура с ее пестрой этноконфессиональной палитрой отнюдь не ограничивается). О сколько-нибудь заметной эволюции образов пола и любви в России уместно говорить начиная с позапрошлого века, когда в традиционной российской культуре начинают проследиваться модернистские тенденции.

Традиционные образы пола и любви, представленные прежде всего в русском Православии, определялись патриархальной общественной моделью, отводящей женщине с позиций «богатырского идеала» в общественной и семейной жизни подчиненную роль. «С богатырской точки зрения женщина – существо слабое не только физически, но и нравственно и умственно», – отмечает И.Е. Забелин [1]. Взаимоотношения полов строго регламентировались нормами морали и права. Браки заключались не столько по любви (хотя любовь воспевалась и ценилась, что следует, в частности, из многочисленных русских народных сказок), сколько по воле родителей, причем решающее значение придавалось экономическим факторам. «Стерпится – слюбится», считало большинство русских людей; И.С. Тургенев, например, не исключал возможности супружеского счастья при домостроевском варианте заключения брачного союза, о чем он пишет в «Первой любви» и в «Отцах и детях». В целом в русском обществе, особенно в духовном и в самом многочисленном крестьянском сословиях присутствовали уважительное отношение к институту брака, освящаемому таинством венчания, и уверенность в нерасторжимости брачных уз: А.П. Чехов среди причин, по которым жены следовали за своими мужьями, ссылаемыми на Сахалин, выделяет и «крепкое убеждение, что разлучить мужа и жену может один только бог» [2]. Практиковался двойной стандарт в половой морали: в отличие от мужчин для женщин обязательным являлось сохранение до вступления в брак физиологического целомудрия. (В «Прапорщике армейском» А.И. Куприна развратная Кэт жалуется подруге, что не замужем, почему не может себе позволить связи с понравившемся ей армейским офицером, человеком не ее круга, но свежим, здоровым и страстным). Мужские измены осуждались формально, женские нередко жестоко наказывались, о чем свидетельствует история России и русская художественная литература, в частности, М. Горький в «Выводе». «Я знал, что за измену у нас, в Заволжье, женщин обнажают, мажут дегтем, осыпают куриными перьями и так водят по улице. Знал, что иногда затейливые мужья или свекры в летнее время мажут “изменницу” патокой и привязывают к дереву на съедение насекомым. Слышал, что изредка изменниц, связанных, сажают на муравьиные кучи...», – пишет он [3].

Женская сексуальность игнорировалась, матери-одиночки и гражданские браки морально осуждались. Проститутки презирали и жалели. В целом для русской половой культуры был присущ приоритет брака над чувством и духовного над сексуальным, было свойственно развитое чувство стыда, причем постыдной считалась сексуальная сфера, которая допускалась как неизбежное средство производства детей и в которой все отклонения от господствующей морали объявлялись извращениями. Разумеется, сурово преследовалась однополая любовь.

Однако, идеализировать половую мораль русского народа, как это склонен делать, например, в книге «Русская цивилизация» О.А. Платонов, не следует – имели место многочисленные отступления от норм. В русском национальном самосознании («русской душе») причудливо сочетались звериное и святое (С.А. Аскольдов), святость и свинство, звериное и ангельское (Н.А. Бердяев), в сфере взаимоотношения полов преломляемые как аскетические настроения и распущенность, разврат. И русская художественная литература демонстрирует амбивалентность образов литературных персонажей, определяемую обозначенной оппозицией святого и звериного, святости и страстности (на что обращает внимание С.М. Климова).

По мере перехода от традиционной культуры к модерну традиционнo-нормативные версии образов пола и любви сменяются на маргинальные. Маргинальные тенденции в образах пола и любви прослеживаются уже в XIX столетии, приобретая новые импульсы в условиях советского тоталитаризма, отличающегося, однако, частичным возвратом к традиционнo-нормативным версиям. Наблюдается рационализация взаимоотношения полов, на что обращает внимание, например, А.П. Чехов – «Соловьи, розы, лунные ночи, душистые записочки, романсы... Все это ушло далеко, далеко... Шептаться в темных аллеях, страдать, жаждать первого поцелуя и проч. теперь так же несвоевременно, как одеваться в латы и похищать сабинянок», – пишет он [4]. В разных вариантах провозглашается равенство полов, в том числе как в идеале абсолютное равенство, что было характерно для носителей лево-радикальных убеждений. Так, А.А. Богданов описывает ситуацию на Марсе, где в условиях победившего социализма мужчины и женщины не только носят одинаковую одежду, но и тела их все меньше искажаются «двумя несходными направлениями», свойственными эксплуататорскому обществу, разделяющему социальные функции полов: «...мужское и женское сложение сходны в большей мере, чем у большинства земных племен: сравнительно широкие плечи женщин, не так резко благодаря некоторой полноте выступающая мускулатура мужчин и их менее узкий таз сглаживают разницу» [5]. Н.Г. Чернышевский выступил категорическим противником унижающей, по его мнению, женщину мужской галантности. Культ любви и прекрасной незнакомки, провозглашенный авторами Серебряного века, оказался в унаследовавшем взгляды Чернышевского советском обществе невостребованным. Э.И. Квининг требовал отказа от женских «чар», способных «очаровать, победить и покорить иногда очень стойких революционеров» [6], а С.Н. Смидович отмечала: «Новый тип женщины выковывается на наших социалистических фабриках и заводах. Там можно наблюдать, правда, медленный, но многообещающий рост женщин будущего, красота которых ничего общего не имеет с вечно женственной красотой, воспетой поэтами старого времени» [7].

В русской философской мысли второй половины XIX – начала XX вв. имеет место отступление от традиционнo-нормативной версии образов пола и любви. Так, Н.Ф. Федоров, доводя пренебрежение физиологической стороной взаимоотношения полов до абсурда, подменяет деторождение воскрешением, В.В. Розанов, наоборот, возводит половую любовь и деторождение в культ. Тот же Розанов обрушивается на традиционные представления о моральном законе и норме. Вполне в русле современных представлений он отмечает: «“Развратом” называется, когда совершающееся у двоих переходит в зрение или слышание не участвующего третьего; и есть (кажется) “разврат” для этого третьего, и есть разврат его (любопытство развращенного)» [8]. Философ делает

вывод, что развратных действий нет, есть лишь развратные разговоры, зрелища, литература, картинки, т.е. все, что выходит за пределы интимного взаимоотношения двоих. Область половой жизни, убежден Розанов, «индивидуализирована», хотя в ней и присутствует душа, она биологическая, а не моральная или «анти-“моральная”», у каждого она своя, другая. «Моральный закон, – пишет Розанов, – неправо вторгнувшись в не свою область, расслоил совокупления на “нормальные”, т.е. ожидаемые, и “не нормальные”, т.е. “не желаемые”, причем эти не желаемые не желаются теми, которые их не желают, и в высшей степени желаются теми, которые их желают и в таком случае исполняют» [9]. Аналогичные мысли высказывал и Н.А. Бердяев: «Научно невозможно провести такую резкую границу между “нормальным” и “естественным” в поле и “ненормальным” и “противоестественным”. Эта граница проводилась не естественным положением вещей, а обычной социальной моралью, в которой всегда так много условного» [10]. Но в отличие от Розанова Бердяев задумывается о принципиальной аномальности самого полового акта.

Социальные потрясения 1917 г. ознаменовались такой переоценкой прежних ценностей в сфере взаимоотношения полов, что можно констатировать: социальную революцию сопровождала революция сексуальная. Объективной основой либерализации половой морали и кризиса семейно-брачных отношений выступила гражданская война, что отмечают Н.К. Крупская и Борис Пильняк. Крупская (не без удовлетворения) пишет: «Война больше, чем что другое, расшатала те устои, на которых покоились старые семейные отношения» [11]. Оба автора свидетельствуют, Крупская в публицистической, Пильняк в художественной форме, как женщины, чтобы доставить продовольствие голодающей семье, были вынуждены рассчитывать с красноармейцами из заградительных отрядов телом. Объявились провозвестники свободной любви типа А.М. Коллонтай с ее призывами дороги крылатому Эросу и критикой старого брака с позиций свободной «любви пчел трудовых», большую популярность приобрела пресловутая теория «стакана воды». Любовь уступает место в молодежной среде встречами на месяц, на неделю, на ночь. Не остается места для галантности. В рассказе П.С. Романова «Суд над пионером» председатель пионерского суда упрекает «сына честного слесаря», уличенного в ухаживании над пионеркой: «Если она тебе нужна была для физического сношения, ты мог честно, по-товарищески заявить ей об этом, а не развращать поднимаем платочков, и мешки вместо нее не носить» [12]. Иной была позиция властей, которые восприняли свойственный отечественной интеллигенции аскетизм, на словах, правда, отрицаемый. При И.В. Сталине с первой русской сексуальной революцией покончили.

В СССР провозглашались ценности прочной и построенной на взаимной любви семьи, вновь нормы морали и права стали вторгаться в частную интимную жизнь. По-прежнему преследовалась однополая любовь. Однако, чему способствовала демографическая ситуация, мать-одиночка поддерживается общественным мнением и государством. В целом наблюдалось смешение традиционно-нормативных версий образов пола и любви с маргинальными, но уже в 60-е гг. начинается, параллельно с западной, вторая русская сексуальная революция, точнее, первый ее этап, проходящий латентно и вялотекущее, затрагивающий преимущественно молодежные слои городского населения, но готовящий почву для второго этапа, развернувшегося с крахом тоталитарного строя и совпавшего уже с российским постмодерном. В результате первого этапа происходит ресексуализация женщины, обязательность сохранения физиологической девственности сменяется безразличием к женскому добрачному сексуальному опыту, приоритет брака над чувством заменяется приоритетом чувства над браком, любовь допускается и вне и без брака. Приходит понимание (официозом не разделяемое – наблюдается все большее расхождение принципов «коммунистической морали» и реальных общественных процессов), что интимная сфера взаимоотношения полов не подлежит нормативной регламентации. Проституция властью игнорируется, а общественное мнение проституток уже не презирает и жалеет, а ненавидит и даже завидует.

Если русская литература позапрошлого и начала прошлого столетия о любви, пусть трагической, постоянно речь вела, то авторы, отражающие и выражающие сексуальную революцию, любви фактически не показывают. Любовь в ходе второй русской сексуальной революции девальвируется, а маргинальные образы пола и любви сменяются деструктивными. В 80-е гг. XX в. уже новое «младое племя развелось», представительниц которых описывает Виктор Ерофеев. «Зимой они носят свитерки на голое тело и разнообразные джинсики, под которыми вы ничего не найдете, кроме узеньких трусиков, которые они ежедневно меняют, и почти ежедневно моют голову, и мило пахнут туалетной водой, ненавидят колготки и даже в морозы норвят в шерстяных носочках, н о р м а л ь н о относятся к мату и к Набокову, в работе прежде всего ценят свободное расписание, не очень любят танцевать, зато хорошо пожрать – это любят, и еще любят сказать, показывая на мужика: “Я его трахнула”», – пишет он [13].

К свободе в том, что прежде находилось под гласным и негласным запретом, Россия «дорвалась» в 90-е гг. прошлого века, что ознаменовало второй этап второй сексуальной революции. Эротика, как и в советское время, в постсоветской России продолжали путать с порнографией (граница между ними, конечно, достаточно условна), но если в доперестроечном СССР едва ли не все попытки осветить сексуальную сферу в искусстве объявлялись порнографией, то ныне под видом эротики стала протаскиваться порнография. Уже не любовь, а секс служит предметом многочисленных обсуждений на многих телеканалах («Секс с Анфисой Чеховой» на ТНТ; «Сексуальная революция» на ТДК; «Азбука секса» на МузТВ), ушел в прошлое идеализированный образ русской женщины, взамен пришла космополитическая «секс-бомба», вооруженная знаниями из «Энциклопедии обольщения». Сексуальность эксплуатируется рядом тоталитарных религиозных сект, широко представлена в современной рекламе, в том числе в рекламе сексуальных услуг. С «коммерческим сексом» в России сложилась ситуация «ни мира, ни войны». С одной стороны, проституция не легализуется, с другой – имеет место фактическое в ее отношении попустительство: коммерческий секс в России безопасен в отношении закона и правоохранительных органов! Необходимо безотлагательное и ответственное решение: либо проституцию разрешить и тем самым хотя бы часть последней вывести из тени, обеспечив правовую защиту, санитарный контроль и налоговые поступления, либо запретить с соответствующим ужесточением остающегося пока беспомощным законодательства.

Постмодернистские образы пола и любви сохраняют преемственность с рядом модернистских представлений, обладая при этом спецификой. Равенство полов оборачивается поворотом индустрии секса к женщине. Все чаще появляются отцы-одиночки. Широко практикуются сожительства без взаимных обязательств. Открыто демонстрируются прежние «извращения», сохранение физиологической девственности становится постыдным. В искусстве представлены нецензурная лексика и натурализм, когда как самоцель, когда как средство. Усложняются биоэтические аспекты взаимоотношения полов. Девальвация любви, которой уже не живут, а занимаются, оборачивается не только деперсонификацией полового партнера, но и грозит полным исчезновением последнего в результате грядущей сексуально-технической революции – «резиновая кукла» уступает место принципиально новым технологиям, когда виртуальный «киберсекс» удовлетворит все самые причудливые фантазии клиента, превратив антропологический кризис в антропологическую катастрофу, возможно, необратимую.

Тем не менее специфика российского модерна оставляет место осторожному оптимизму. В свое время отечественный модерн проявил сочетание модернистских и традиционных установок, постмодерн – не исключение. И здесь смешение традиционнo-нормативных, маргинальных и деструктивных образов пола и любви, что позволяет И.В. Кондакову отметить «мозачное “панно”» современной русской культуры. «По сравнению с русской культурой классического периода (XIX в.) отечественная культу-

ра XX в. представляет собой интертекст исключительной сложности. Возникший к концу XX в. небывалый по своей противоречивости и драматизму “синтез” всех предшествующих культурных тенденций – классических и неклассических, созидательных и разрушительных, тоталитарных и антитоталитарных, поверхностных и глубинных, – объединенных в одно конвергентно-дивергентное целое (фактически – *псевдосинтез*) как итог, кульминация культурно-исторического развития в XX в.», – пишет он [14]. Более того, в настоящее время заметно усиливается влияние Русской Православной Церкви как носителя традиционно-нормативных версий образов пола и любви, а последние несмотря на все революционные изменения, продолжали играть существенную роль в российском обществе. Не случайно, в отличие от толерантного Запада (где наметились «контрреволюционные» процессы, что тоже не может не обнадеживать) значительная часть россиян довольно бурно реагируют на демонстративную активность сексуальных меньшинств, вплоть до физических воздействий (в частности, погромов гей-клубов). Показательна статья А. Горбачева «Откуда растут “голубые” ноги» [см. 15], в которой автор в иронических, а порой саркастических тонах объясняет половую свободу Запада историческим рабством, отсутствующим в отечественном прошлом. Природа однополой любви показана специалистами, клеймить гомосексуализм как извращение и третировать представителей сексуальных меньшинств, конечно, не гоже, но и провоцировать «традиционалов» гей-парадами и прочими публичными акциями «воинствующему гомосексуализму», наверно, тоже не стоит. Интимная сфера не нуждается в широкой огласке, это касается и доступности эротических и порнографических материалов, и рекламы «коммерческого секса». Шансы для реабилитации любви в человечестве и в России есть. И не важно, как этот этап во взаимоотношении полов называть – постнеклассический, контрреволюционный, мультикультуралистский, биархатный или постпостмодернистский – в сочетании и взаимовлиянии традиций и новаций возродится любовь, без которой человечество, по словам В.В. Розанова, «рассыпалось бы холодным и ненужным мусором» [16].

Список литературы

1. Забелин, И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях./И.Е. Забелин.//Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях. – Смоленск: Русич,2002, С.282.
2. Чехов, А.П. Остров Сахалин./А.П. Чехов. Собр. соч. в 12 т. Т.10.- М.: ГИХЛ,1963, С.271.
3. Горький, М. «Вывод»./М. Горький. Собр. соч. в 18 т. Т.1. – М.: ГИХЛ,1960, С.187.
4. Чехов, А.П. Брак через 10-15 лет./А.П. Чехов. Указ. соч. Т.3,1961, С.336.
5. Богданов, А.А. Красная звезда (роман-утопия)/А.А. Богданов. Вопросы социализма: Работы разных лет. – М.: Политиздат,1990, С.149.
6. Квиринг, Э.И. Жены и быт./Э.И. Квиринг.//Партийная этика: (Документы и материалы дискуссии 20-х годов. – М.: Политиздат,1989, С.364.
7. Смидович, С.Н. О «давидсоновщине»./С.Н. Смидович.//Там же, С.393-394.
8. Розанов, В.В. Мимолетное. 1915 год./В.В. Розанов. Мимолетное. – М.: Республика,1994, С. 232.
9. Розанов, В.В. Люди лунного света./В.В. Розанов. Уединенное. – М.: Правда,1990, С.30.
10. Бердяев, Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека./Н.А. Бердяев. Философия творчества, культуры и искусства в 2 т. Т.1. – М.: Искусство,1994, С.189.
11. Крупская, Н.К. Война и деторождение./Н.К. Крупская. Педагогич. соч. в 10 т. Т.6. – М.: АПН,1959, С.7.
12. Романов, П.С. Суд над пионером./П.С. Романов. Избранные произведения. – М.: Худож. литература,1988, С.250.
13. Ерофеев, Виктор. Девушка и смерть./Виктор Ерофеев. Жизнь с идиотом. Рассказы молодого человека. – М.: Зебра Е,2002, С.85-86.
14. Кодаков, И.В. Цивилизационные трансформации. Введение./И.В. Кодаков.//Современные трансформации российской культуры (Россия на перекрестке культур). – М.: Наука,2005, С.10.
15. Горбачев, А. Откуда растут «голубые» ноги./А. Горбачев.//Дуэль. – 2006. – № 29[477], С.5.
16. Розанов, В.В. Кроткий демонизм./В.В. Розанов. Религия и культура. – М.: Правда, 1990, С.203.

EVOLUTION OF IMAGES OF SEX AND LOVE IN RUSSIAN CULTURE OF XIX – XXI CENTURIES

A.M. Strakhov

Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308600, Russia;
e-mail: strakhov@bsu.edu.ru

The article examines evolution of images of sex and love in Russian culture of last centuries. Traditional-normative versions of images of sex and love transfer into marginal (Russian modern). Destructive images are taking place in Russian post-modern. The mixture of traditional, marginal and destructive images of sex and love is observed in the our culture of modernity.

Key words: evolution, image, culture, sex, love.

УДК 364.08

РЕСУРСНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МУНИЦИПАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ СИСТЕМОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТСТВА

Н.В. Лазуренко, М.Е. Поленова, Е.С. Сазонова

Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;
e-mail: lazurenko@bsu.edu.ru

Эффективность муниципального управления системой социальной защиты детства во многом определяется знаниями и умениями муниципальных служащих и работников социальных служб. В статье последовательно рассмотрены технологии повышения качественного потенциала кадровых ресурсов системы социальной защиты детства: информационный ресурс и овладение информационными технологиями, коммуникативный ресурс, интеллектуальный ресурс. Описаны методы и результаты социологического исследования в сфере управления социальной защитой детства.

Ключевые слова: муниципальное управление, социальная защита детства, кадровый ресурс, знания, информация, технологии.

Социально-экономические преобразования, происходящие в России, привели к радикальным переменам в жизнедеятельности общества, к трансформации социальной системы и разрыву многих социальных связей. Негативные последствия, прежде всего, сказались на наиболее слабых слоях населения, и в первую очередь на детях. Они оказались наименее защищенной и наиболее страдающей группой населения. А от состояния и качественных характеристик детства зависят характеристики не только сегодняшнего, но и будущего населения, его социально-демографическая структура и социально-психологические особенности. В детском возрасте закладывается фундамент личности, формируются ее основные качества: физическое и психическое здоровье, культурный, нравственный и интеллектуальный потенциал. Успешное становление ребенка как личности определит не только его включение в общественную жизнь, нахождение своей ниши, но, в конечном счете, способствует прогрессивному развитию общества в целом.

Осознание и понимание такой роли детства определяет огромную ответственность государства и семьи при решении социально-экономических проблем, требующих максимального учета интересов детей. Именно поэтому так важно создать благоприятную среду обитания, нормальные условия жизни и развития каждого ребенка – будущего гражданина. К сожалению, современное состояние российского общества не только не способствует разрешению проблемы дезадаптации детей и подростков, но, наоборот, обостряет ее.

Политика, призванная обеспечивать всемерную защиту детства, отличается с начала XXI века непоследовательностью и ущербностью в законодательном регулировании основных, базовых прав и законных интересов несовершеннолетних и гарантий их реализации.

Так, в рамках проводимой в 2002 – 2004 годах реформы федеративных отношений и местного самоуправления федеральным законом от 22.08.2004 № 122-ФЗ внесены кардинальные изменения в основы законодательного регулирования правового ста-

туса ребенка в России, закрепленного в основополагающих федеральных законах: «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», «Об образовании», «О занятости населения в Российской Федерации» и др. Внесенными в них поправками серьезно ухудшено правовое положение несовершеннолетних практически во всех сферах их жизнедеятельности (образования, здравоохранения, трудоустройства, культуры, отдыха, досуга, обеспечения жильем и пр.).

Социально-экономические и политические изменения в российском обществе сопровождались перемещением центра тяжести по управлению социальной защиты населения с общефедерального на региональный и субрегиональный уровень.

В условиях ухода государства от решения на федеральном уровне наиболее острых проблем охраны детства вопросы социальной защиты детей рассматриваются и решаются фрагментарно и по остаточному, а не приоритетному принципу. Острота, масштабность и значимость проблемы детства явно недооцениваются.

Острота проблемы усиливается и тем, что в значительной мере разрушена социальная инфраструктура детства, нарушены устойчивые управленческие институциональные связи, а это серьезно затрудняет объединение усилий всех государственных и общественных структур, призванных осуществлять социальную защиту ребенка. Поэтому большое значение приобретает использование новых методов и социальных технологий в деятельности управленческих структур.

Кроме финансового и экономического показателя (целевые программы) важное значение для совершенствования управления системы социальной защиты имеет кадровый ресурс, организованный так, чтобы система социальной защиты не только обладала способностью к саморазвитию, но и самонастраиванию к изменяющимся внешним условиям и приобретала способность к самоуправлению.

Мы полагаем, что это во многом зависит от знаний и умений муниципальных служащих и работников социальных служб, от использования ими ресурсных технологий: информационных, коммуникативных, интеллектуальных, кадровых, организационных, социально-технологических [1].

Понятие *информационный ресурс* является сравнительно новым. Оно не имеет полноформатного легального определения на уровне федерального законодательства. Ранее оно закреплялось в ст.2 федерального закона от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», где определялось: «информационные ресурсы – отдельные документы и отдельные массивы документов, документы и массивы документов в информационных системах (библиотеках, архивах, фондах, банках данных, других информационных системах)».

В настоящее время данный закон утратил силу в связи с принятием федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», в котором определение понятия «информационные ресурсы» дается лишь косвенно, и только применительно к государственным информационным ресурсам. В п.9 ст.14 говорится: «Информация, содержащаяся в государственных информационных системах, а также иные имеющиеся в распоряжении государственных органов сведения и документы являются государственными информационными ресурсами».

Понятие информационного ресурса тесным образом связано с таким фундаментальными понятиями, как «знания» и «информация». В настоящее время принято различать следующие основные виды знаний: *понятийные знания*, которые раскрывают смысл понятий и терминов, используемых в той или иной сфере человеческой деятельности; *конструктивные знания*, позволяющие понять конструкцию (т.е. устройство) тех или иных объектов природы и общества, а также принципы их функционирования; *процедурные (алгоритмические) знания*, определяющие порядок действий для достижения определенных целей или же рациональной реализации тех или иных процессов; *фактографические знания*, представляющие собой некоторые факты, справедливость которых установлена теоретическим или экспериментальным путем.

Соглашаясь с К.К. Колиным, будем считать, что информационные ресурсы – это знания, подготовленные для целесообразного социального использования [2,99].

Другими словами, в понятие «информационные ресурсы общества» в данном случае предлагается не включать ту часть общественных знаний, которая еще не отделена от их живых носителей – членов данного общества и характеризуется уровнем образования, воспитания и профессиональной квалификации людей.

При определении цели муниципального управления важен объем информации, ее новизна, ценность, полнота и т.д. Чем она объективней и своевременней, тем значительней она для процесса управления. Информация является предметом управленческого труда, средством обоснования управленческих решений, без которых невозможно воздействие органов власти на управляемый объект и их взаимодействие. Следовательно, информация – основополагающая база процесса управления. Источники сбора информации могут быть самыми разнообразными: от средств массовой информации до проведения специальных социологических исследований.

Овладение новыми информационными технологиями сглаживает интеллектуальное неравенство, создает относительно одинаковые информационные возможности.

Информационное обеспечение муниципального управления в современных условиях невозможно без использования современных информационных технологий, программных средств, баз данных и систем управления ими. Применение информационных технологий и систем в сфере социальной защиты детей поможет решать следующие задачи: создание баз данных по половозрастному составу населения, призывному возрасту, занятости подростков, социально незащищенным группам; повышение на этой основе качества работы с населением, сокращение очередей при получении справок, выписок; автоматизированное формирование и выведение на печать различных форм учета и отчетности о составе населения, формирование списков жителей по специальным запросам органов государственной власти и местного самоуправления; ведение автоматизированного учета доходов семей для начисления социальных льгот и субсидий; ведение лицевых счетов персонифицированного учета социальных льгот и социальных выплат отдельным категориям граждан.

С информационными технологиями тесно связаны *коммуникативные* технологии.

Органы местного самоуправления как субъекты управления определяют, разрабатывают и обеспечивают реализацию политики местного жизнеобеспечения и развития; население подчиняется решению властей, встраивается в систему определенных отношений, как кто к ней относится, реагирует и влияет (или не влияет).

Обратная связь – это оформленная реакция населения на проводимую политику, действия или бездействие органа власти доведенная до его (органа власти) сведения.

Развитие механизмов прямой и обратной связи необходимо также и для осуществления полноценного общественного контроля.

В развитом механизме прямой связи (от властных структур к народу) должны быть заинтересованы сами граждане, чтобы быть «в курсе всех дел» своей территории (ведь, в конечном счете, все это прямо или косвенно касается каждого гражданина лично). Если население информировано, то оно адекватно воспринимает политику администрации муниципальных образований, все ее управленческие решения и способы их реализации; понимает, что чиновники занимаются «делом», кроме того, просто видят «куда уходят деньги налогоплательщиков». Причем, в адекватном восприятии политики администрации населением заинтересованы и сами органы власти [3,140].

Так называемая обратная связь (от населения к власти) позволяет населению информировать власть о своих проблемах, проблемах территории, реагировать на действия властей, давать оценку их деятельности и предлагать свои пути решений. Такая связь необходима властным органам для более точной оценки потребностей и настроений населения, разработки и принятия более адекватных местной территории и населению управленческих решений, полной и успешной их реализации на практи-

ке. Хорошо налаженная обратная связь позволяет также вовремя скорректировать политику уже в процессе ее реализации. Кроме того, этот механизм позволяет снизить уровень социального напряжения, избежать многих конфликтов между властью и населением, так как взаимопонимание и взаимоуважение в этом случае находятся на более высоком уровне.

Механизм прямой и обратной связи между органами власти и населением может осуществляться посредством: письменных обращений населения в органы местного самоуправления; личного приема населения во властных структурах; организации широкомасштабных встреч представителей власти с населением; проведения референдумов, социологических опросов по вопросам развития муниципального образования; периодической отчетности органов власти о проделанном и задуманном через СМИ; пропаганды гражданской активности, возможности участия каждого в управлении муниципалитетом, регионом, государством и др.

В работе по информированию населения главная роль принадлежит средствам массовой информации, которые в большей степени, чем другие источники, способны получать достоверную информацию и доносить ее до населения.

Информация служит своего рода «сырьем» для производства *знания* [4, 54]. Знание, в свою очередь, становится фундаментальной основой организации любого процесса.

Успешность коммуникации управленцев и специалистов социальных служб во многом зависит от уровня профессиональных знаний. Здесь мы можем говорить об *интеллектуальных ресурсах*.

Территориальная политика переподготовки и повышения квалификации работников – это целенаправленная научно обоснованная деятельность специально определенных образовательных учреждений по повышению уровня профессиональной подготовки кадров управления для решения широкого круга задач комплексного социально-экономического развития территории (муниципального образования). Мы полагаем, что при разработке интеллектуальных технологий необходимо руководствоваться следующими основными принципами: принцип профессионализма, принцип целенаправленности, принцип непрерывности дополнительного профессионального образования, принципы системности и комплексности, принцип эффективности.

В целях изучения эффективности управления системой социальной защиты детства на уровне муниципального образования нами было проведено социологическое исследование, связанное с анализом использования ресурсных технологий муниципальными служащими и специалистами социальных служб.

Для проведения исследования были использованы методы сравнительного, системного, и структурно-функционального анализа, а также типологизация эмпирических данных.

Сбор первичной социологической информации осуществлялся посредством: анкетного опроса муниципальных служащих (опрошено 23 человека); анкетного опроса работников органов социальной защиты населения города Белгорода, социальных педагогов и социальных работников (опрошено 37 человек); анкетного опроса старшекурсников Белгородского госуниверситета, обучающихся по специальностям «Социальная работа», «Социальная педагогика», «Государственное и муниципальное управление» (опрошено 150 человек); анкетного опроса жителей города, имеющих детей (опрошено 600 человек). Опрос проводился в 2005 году.

Выборочная совокупность определялась посредством гнездовой и квотной выборки. В качестве квотных критериев выборки использовались признаки пола, возраста, образования, семейного положения (для жителей города, имеющих детей); факультета, специальности, пола (для старшекурсников учебных заведений, обучающихся по специальности «Социальная работа», «Государственное и муниципальное управление», «Социальная педагогика»); возраста, образования, профиля образования, стажа работы (для муниципальных служащих и работников органов социальной защиты населения г. Белгорода).

Анкетный опрос семей, имеющих детей, проводился в форме массового анкетирования семей, проживающих на территории г. Белгорода. В предлагаемой анкете можно выделить шесть блоков вопросов, представляющих интерес для выявления уровня организации социальной защиты населения в условиях среднего города: оценка уровня позитивных / негативных факторов социальной защиты; роль и влияние муниципальных органов власти и управления на социальную политику; наиболее актуальные проблемы в жизнедеятельности местного сообщества; уровень информированности жителей города по проблемам социальной защиты детства.

В данную анкету изначально не включались вопросы экспертного характера, требующие определенной квалификационной подготовки, специфической информации и управленческого опыта. Также в тексте анкеты были размещены вопросы оценочного характера. Это, в свою очередь, позволило получить более широкий спектр ответов, характеризующих состояние социальной защиты детства в Белгороде.

Анкетный опрос муниципальных служащих и работников органов социальной защиты населения г. Белгорода предусматривал систему вопросов для данной профессиональной группы, которые позволяют выявить следующее: оценку степени воздействия муниципальных и государственных органов власти и управления на организацию социальной защиты детства на территории города; условия и составляющие повышения уровня социальной защищенности детства города; механизмы и процедуры управленческой диагностики социальных проблем; уровень профессиональной подготовки в области социального управления.

Отдельные вопросы, предлагаемые для профессионалов, совпадают с вопросами массовых анкет и анкет старшекурсников. Это позволяет получить сравнительную статистическую информацию о ранговом значении определенных проблем для социальной вертикали *управленцы – будущие управленцы – управляемые*.

Анкетный опрос старшекурсников высших учебных заведений г. Белгорода нацелен на получение информации о проблемах и перспективах самой молодой опрашиваемой группы респондентов. Результаты анкетирования студентов старших курсов высшего учебного заведения позволяют определить глубину и осознанность выбранной профессии, желания / нежелания участия в решении социальных проблем города, желания / нежелания заниматься в будущем социальными проблемами, связанными с детьми. Кроме того, анкета позволяет выяснить степень подготовленности и информированности старшекурсников по изучаемой проблеме.

В нашем исследовании мы задавали вопросы, касающиеся понятийных, конструктивных, процедурных и фактографических знаний, самооценки своего профессионализма всем группам респондентов. Для того чтобы предложить наиболее адекватную технологию овладения информационным ресурсом, нам показалось необходимым обратить внимание на способность и заинтересованность респондентов перерабатывать полученную информацию о положении детей в муниципальном образовании.

Ответы на вопрос: «Из каких источников Вы получаете информацию о социальных проблемах города?», показали, что в основном муниципальные служащие, специалисты и студенты информацию о социальных проблемах города получают из местных СМИ и из собственных наблюдений, а население города из местных СМИ и коллег по работе (таблица 1).

Таблица 1

Источники получения информации о социальных проблемах города

	муниц. служба	специалисты	студенты	население
местные СМИ	58,8%	62,5%	69,0%	56,0%
родные и друзья	11,8%	9,4%	17,7%	22,0%
коллеги по работе	29,4%	34,4%	-	32,3%
собственные наблюдения	64,7%	59,4%	29,2%	29,7%
аналитические исследования	23,5%	12,5%	8,8%	-

Окончание табл. 1

сведения городского отдела статистики	-	3,1%	10,6%	4,3%
личные беседы и встречи с жителями города	11,8%	9,4%	10,6%	9,7%
от однокурсников	-	-	11,5%	-
из лекций и практики	-	-	15,0%	-
всего (из 200%)	200%	190,7%	172,4%	154%

Специалистам социальных служб был задан вопрос: «Достаточна ли, по Вашему мнению, информированность населения о деятельности социальных служб, занимающихся проблемами детей?». Ответы на него распределились следующим образом: да – 6,1%, скорее да, чем нет – 33,3%, нет – 27,3%, скорее нет, чем да – 30,3%, затруднились ответить – 3,0% респондентов. Превалирует ответ «нет» – 57,6%, против 39,4%, ответивших положительно. Ответ на этот вопрос, как показало исследование, зависит от стажа работы специалистов: чем больше стаж работы, тем большее количество экспертов считают, что информированность населения о деятельности социальных служб, которые занимаются проблемами детей, недостаточна (при этом мы имеем высокий коэффициент корреляции – 0,85). Более наглядно результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Информированность населения о деятельности социальных служб, занимающихся проблемой детей

Массовый опрос		Ваш стаж работы				всего
		менее года	менее 5 лет	от 5 до 10 лет	свыше 10 лет	
достаточна ли информированность населения о деятельности социальных служб, занимающихся проблемами детей	да		3,0%		6,1%	6,1%
	скорее да, чем нет		6,1%	9,1%	33,3%	33,3%
	нет	3,0%	3,0%	6,1%	27,3%	27,3%
	скорее нет, чем да		3,0%	12,1%	30,3%	30,3%
	затр. ответ			3,0%	3,0%	3,0%

Таким образом, мы можем сделать вывод о недостаточной информированности жителей города о деятельности социальных служб, которые занимаются проблемами детей.

Мы выяснили, какими же знаниями обладают муниципальные служащие, занимающиеся проблемой детей, специалисты и будущие специалисты и управленцы – студенты специальности «социальная работа», «социальная педагогика» и «государственное и муниципальное управление».

При ответе на вопрос: «В какой из ниже перечисленных сфер Вы имеете наибольшие познания?», мы получили следующие результаты: как муниципальные служащие (76,4%), так и студенты (72,8%) наибольшими знаниями обладают в области организации местного самоуправления в городе, и знают в общих чертах отечественный опыт местного самоуправления в России (58,8% муниципальных служащих и 42,5% студентов), организацию местного самоуправления в РФ (47,1% и 38,1% соответственно), методы социальной диагностики и социальные технологии управления (41,2% и 32,7% соответственно). Наименьшие познания у респондентов наблюдаются в области зарубежного опыта местного самоуправления (не знают – 58,8% управленцев и 64,6% студентов).

Среди специалистов социальных служб вопросы организации социальной защиты знают в общих чертах 87,8% респондентов, знают слабо 3% респондентов; методы работы с детьми – 75,8% и 3% соответственно; нормативно-правовую базу социальной защиты детства – 78,8% и 3%; организацию социальной защиты в городе 87,8% и 3%; методы социальной диагностики и социальные технологии 48,5% знают и знают в общих чертах, 27,3% знают слабо, а 6,1% не знают вообще.

Наибольшие познания в области организации социальной защиты (72,8%), нормативно-правовую базу социальной защиты детства (81,4%), методы социальной диагностики и социальные технологии (44,4%), организацию социальной защиты в городе (75%) имеют специалисты с высшим и незаконченным высшим образованием. В то же время методы работы с детьми лучше знают специалисты с высшим и средним профессиональным образованием (всего в нашем исследовании участвовало 24,2% специалистов, имеющих среднее профессиональное образование, из них 18,5% знают методы работы с детьми, т.е. 76,4% или абсолютное большинство данной профессиональной группы). Это объясняется большим стажем работы: около 50% опрошенных нами специалистов со средним профессиональным образованием имеют стаж работы более 10 лет, а еще 24% – от 5 до 10 лет.

Анализ показывает, что, чем больше стаж работы, тем больше процентов специалистов имеют профессиональные знания в той или иной области. В области организации социальной защиты ответы распределились так: от 3% работающих менее года до 30,3% работающих более 10 лет, (еще 18,2% знают этот вопрос в общих чертах); в знании методов работы с детьми, нормативно-правовой базы, касающейся социальной защиты детства, в вопросах организации социальной защиты в городе мы усматриваем ту же тенденцию – чем больше стаж работы, тем больший процент респондентов отвечают положительно.

Еще одна тенденция: профессиональные знания определяют курсы повышения квалификации или дополнительное образование. По всем вопросам процент положительных ответов респондентов, проходивших курсы повышения квалификации или имеющих дополнительное образование в процентном отношении выше и колеблется от 22,2%, ответивших «да», против 3,7%, ответивших «нет» на вопрос о методах социальной диагностики и социальных технологиях, до 40,7% против 18,5% на вопрос о методах работы с детьми.

Наше исследование выявило, что большинство муниципальных служащих испытывают потребность в пополнении своих знаний об управлении социальным развитием (58,8%), еще 29,4% испытывают потребность в знаниях по отдельным вопросам, и лишь 11,8% не испытывают такой потребности.

Все управленцы и 78,8% специалистов считают себя достаточно квалифицированными специалистами при решении проблем, связанных с детьми. При этом свой профессионализм 70,6% муниципальных служащих оценивают средне, только 17,6% оценивают высоко, а 5,9% низко. Что касается специалистов, то они тоже средне оценивают профессионализм муниципальных служащих (72,7%), 18,2% – высоко и лишь 3% – низко.

Эффективность муниципального управления во многом зависит от кадрового обеспечения. Мы выявили, что смена кадров в данной группе профессий происходит достаточно часто: 58,8% положительных ответов у управленцев и 36,4% у специалистов социальных служб при ответе на поставленный вопрос.

С одной стороны, смена кадров при правильной кадровой политики в городе, не представляет угрозу для муниципальной организации, так как она приводит к привлечению более квалифицированных кадров со стороны, но, с другой стороны, специалистов в данной области, которые соответствовали бы современным требованиям не хватает.

Еще одна проблема: вновь пришедший сотрудник, привлеченный со стороны, имеет более или менее продолжительный период адаптации к конкретным условиям работы. Кроме того, отсутствует преемственность знаний. Мы можем говорить, что

частая смена кадров в современных условиях влияет негативно. Выходом в данной ситуации может быть: повышение квалификации, обмен опытом и повышение заработной платы.

Муниципальное сообщество представляет собой целостную систему, которая включает в себя целый ряд подсистем, элементы которой носят не только вероятностный, но и взаимно детерминированный характер. В этой связи фундаментальное значение принадлежит информационно-аналитическому обеспечению организации социальной защиты населения городов, в том числе организации социальной защиты детей. Принципиально важным является постановка и организация своевременной *диагностики, оценки и прогнозирования* социальных процессов на уровне города. В нашем исследовании на вопрос «Осуществляется ли в Вашем городе диагностика и прогнозирование социальных процессов?» ответы респондентов выстроились следующим образом: муниципальные служащие ответили утвердительно в 41,2% случаев, студенты только в 32,7% случаев, «от случая к случаю» 35,3% и 34,5% соответственно, «нет» – 11,8% и 9,7%. При этом мы имеем достаточно высокий процент затруднившихся ответить – 11,8% и 23% соответственно. Как считает С.Н. Жирякова [5,98], в данном вопросе со стороны муниципальных служащих часто осуществляется подмена понятий «диагностика и прогнозирование» традиционными для данной профессиональной группы рабочими инструментариями – «перспективные планы, программы», «анализ развития» и т.д.

Это косвенно может подтверждаться и тем, что при ответе на вопрос «Если в Вашем городе осуществляется прогнозирование социальных процессов, то на что оно опирается?» только 29,4% муниципальных служащих и 22,1% студентов выбрали ответ «на аналитическую, статистическую информацию», следующую позицию заняло предложение «на отдельные факты» – 29,4% и 11,5% соответственно, позиции «результаты социологических исследований» (11,8% и 11,5%) и «на отчетную информацию различных ведомств» (11,8% и 10,6%) набрали приблизительно одинаковый результат, а вот ответ «на выводы отдельных специалистов, экспертов» не был упомянут управленцами вообще, а студенты выбрали его в 1,8% случаев. Вышеизложенные результаты позволяют усомниться в регулярности социальной диагностики и прогнозирования, осуществляемых на научной основе.

Косвенно это может подтверждаться ответами экспертов на вопрос о постановке правильного диагноза в их профессиональной деятельности (таблица 3).

Таблица 3

Частота постановки правильного диагноза в профессиональной деятельности.

Постановка правильного диагноза	муниципальные служащие		специалисты	
	да	не всегда	да	не всегда
управленческой проблеме	29,4%	52,9%	нет вопроса	нет вопроса
проблеме ребенка	нет вопроса	нет вопроса	57,6%	24,2%
ресурсному обеспечению вашей деятельности	26,5%	55,8%	30,3%	51,5%
поведению сотрудников	55,8%	23,5%	54,5%	27,3%
собственной деятельности	64,7%	17,6%	51,5%	30,3%
выборе методов работы с детьми	нет вопроса	нет вопроса	51,5%	30,3%
затрудняюсь ответить	17,7%		18,2%	

Интересен тот факт, что в тех сферах, где требуются системно-аналитические приемы в деятельности (объективизация управленческой ситуации и ее ресурсное обеспечение) большинство респондентов отметили, что это им удастся не всегда. В то же время значительно чаще осуществляется положительная диагностика по тем направлениям, где, как правило, преобладают индивидуально-личностные характеристики и опыт общения с людьми (анализ поведения сотрудников, собственной деятельности). Положительным является то, что большинство специалистов могут выявить социальную проблему ребенка и поставить правильный диагноз при выборе методов работы с детьми.

Диагностика социальной защиты детства должна предусматривать глубокий всесторонний анализ:

- общего социально-правового и экономического состояния социальной защищенности детей, обоснование целей и задач перспективного развития социальной защиты населения в городе, ее организации и методического обеспечения;
- стратификационный анализ групп детей с учетом местных показателей минимального потребительского бюджета и выявление детей, нуждающихся в социальной защите;
- динамики имущественного статуса различных групп семей с детьми, их жилищного и социально-бытового обеспечения и перспективных мер социальной защиты;
- разработку мер по целевому рacionированию снабжения наименее защищенных семей с детьми; состояния и перспектив развития социально-культурного обслуживания и обеспечения малообеспеченных семей с детьми (здравоохранение, образование, культурно-досуговая сфера);
- состояния и перспектив развития социально-защитной инфраструктуры в разных районах города;
- развития и совершенствования управленческих структур, научно-информационного и кадрового обеспечения системы социальной защиты муниципального образования; состояния и перспектив развития ресурсного обеспечения социальной защиты детства, источников и механизмов финансирования дополнительной помощи малообеспеченным семьям с детьми, ассигнования на социальные программы.

Данный анализ позволит диагностировать социально-экономическую ситуацию в муниципалитете, обозначить приоритетные направления в деятельности органов управления, придать социальной защите научный и системный характер и представить ее как систему, включающую:

- определенный порядок взаимодействия органов и учреждений, межведомственную взаимосвязь, последовательные и обоснованные действия всех учреждений, направленных на социальную защиту детства;
- определенную структуру организационной деятельности, подчиненную общим целям, задачам и функциям;
- единое, целенаправленное финансово-экономическое и материально-техническое обеспечение;
- сформированную нормативно-правовую законодательную базу; многоуровневое научно-методическое и кадровое обеспечение.

Одна из важных задач социологического анализа процессов социальной защиты и обслуживания семьи и детей заключается в оценке складывающейся в городе социальной ситуации, выявлении *потребностей* в социальном обслуживании и анализе его эффективности с учетом запросов местного сообщества.

Распределение ответов муниципальных служащих и специалистов, работающих с детьми, на вопрос о путях принятия управленческих решений является свидетельством о доминирующих подходах к решению социальных проблем и задач (таблица 4).

Таблица 4

Пути принятия управленческих решений

	муниципальные служащие			специалисты		
	Часто	Иногда	Никогда	Часто	Иногда	Никогда
на основе оценки и анализа управленческой ситуации	58,8%	23,5%	-	66,7%	24,2%	-
на основе коллективного обсуждения ситуации путем проб и ошибок	41,2%	35,3%	11,8%	18, %2	57,6%	12,1%
на примере прошлых удачных решений	41,2%	41,2%	-	36,4%	51,5%	3,0%

Окончание табл. 4

на основе консультаций с экспертами	29,4%	52,9%	-	36,4%	39,4%	12,1%
на примере чужого удачного опыта	11,8%	58,8%	11,8%	18,2%	54,5%	15,2%
на основе предварительной коллективной аналитической проработки ситуации с коллегами	58,8%	23,5%	5,9%	42,4%	45,5%	6,1%
на основе собственной интуиции.	35,3%	35,3%	5,9%	27,3%	42,4%	18,2%
затрудняюсь ответить	5,9%			6,1%		

Из таблицы можно увидеть, что при принятии решений индивидуализировано-опытные и экспертно-аналитические пути решения разделились приблизительно поровну. При этом при постановке управленческих задач 58,8% муниципальных служащих и 60,6% специалистов, работающих с детьми, пользуются специальными методами и процедурами. 23,5% и 18,2% соответственно не пользуются, а полагаются на собственный опыт, 5,9% и 9,1% соответственно, не знакомы с этими методами.

Основными причинами, которые затрудняют постановку правильного управленческого диагноза, были указаны следующие: недостаток фактической информации (80,0% муниципальных служащих и 45,5% специалистов); субъективное, одностороннее представление фактов (40% и 33,3% соответственно); дефицит времени (40% и 24,2% соответственно); незаинтересованность вышестоящего руководства в правильном диагнозе (26,7% и 18,2%); недостаток опыта (20% и 9,1%); недостаток специальных знаний (6,7% и 27,3%); ничего не мешает – ответило 21,2% специалистов. Положительно, что никто не выбрал ответы «нежелание создавать для себя дополнительные проблемы» и «непроизвольная склонность выдавать желаемое за действительность». Обращает внимание на себя тот факт, что незначительное количество респондентов указали на недостаток специальных знаний, хотя такие отрасли управленческого знания как зарубежный опыт местного самоуправления и методы социальной диагностики и социальные технологии управления отмечены как поверхностные. И еще одно наблюдение: управленцы, у которых, казалось бы, в руках достаточно ресурсов, на первое место ставят недостаток фактической информации.

Результаты нашего исследования показали, что большинству экспертов в своей деятельности приходилось сталкиваться с трудностями при постановке и аудировании управленческих задач – 52,9% муниципальных служащих и 54,5% специалистов, и только 11,8% муниципальных служащих и 6,1% специалистов никогда не испытывали трудностей. При этом муниципальные служащие в своей работе назвали основной проблемой – материальную, психологическую (по 41,2%), недостаточную разработанность нормативно-правовой базы (35,3%) и недостаточное финансирование (23,5%). На отсутствие проблем не указал никто.

Тревожным остается тот факт, что в последнее время у управленцев не появилось больше возможностей для принятия самостоятельных решений, творчества и инициативы в реализации интересов детей. Более подробно результаты опроса можно увидеть в табл. 5.

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос
«Появилось ли у Вас в последнее время больше возможностей для:»**

	муниц. служащие		специалисты соц. служб	
	да	нет	да	нет
принятия самостоятельных решений	35,3%	41,2%	30,3%	33,3%

Окончание табл. 5

творчества и инициативы	29,4%	23,5%	28,6%	71,4%
реализации интересов детей	11,8%	41,2%	28,6%	71,4%
затрудняюсь ответить	23,5%		36,4%	
всего	100%		100%	

Принимая те или иные управленческие решения, большинство муниципальных служащих ориентируются на интересы дела, а большинство специалистов на интересы горожан. Более подробно результаты опроса можно видеть в таблице 6.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Принимая те или иные решения, на что Вы, прежде всего, ориентируетесь?»

	муниц. Служащие	специалисты
на интересы дела	64,7%	39,4%
на свои функциональные обязанности	52,9%	45,5%
на требования вышестоящих руководителей	41,2%	27,3%
на интересы горожан (детей)	11,8%	54,5%
на собственные интересы	11,8%	15,2%
всего (из 200%)	182,4%	181,9%

Негативная тенденция проявляется в том, что всего 11,8% муниципальных управленцев ориентируются на интересы горожан и столько же – на собственные интересы. В этой связи интересно проследить всегда ли удастся управленцам учитывать интересы горожан (детей) при принятии управленческих решений (таблица 7.)

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Всегда ли удастся управленцам учитывать интересы горожан (детей) при принятии управленческих решений?»

	муниц. Служащие	специалисты
да	5,9%	9,15
нет, не всегда	76,5%	81,8%
нет	5,9%	3,0%
затрудняюсь ответить	5,9%	6,1%

Корреляционный анализ показал, что управленцы, ориентирующиеся при принятии управленческих решений на собственные интересы в 12,5% (наибольший процент по данной группе ответов) случаев не всегда учитывают интересы горожан.

При этом результаты собственной работы, а это является положительной тенденцией, видят 52,9% муниципальных служащих и 69,7% специалистов.

Важно определить, как респонденты видят решение наиболее острых социальных проблем в городе (таблица 8). Эксперты считают, что главное – это наведение порядка в стране в целом, студенты с ними не совсем согласны, они считают, что решить проблемы будет возможно через проведение более активной социальной политики на уровне региона, используя собственные финансово-экономические ресурсы (это же ставят на второе место управленцы). Специалисты на второе место поставили изменение самой технологии управления (управленцы этот ответ поставили на третье место). Студенты на второе место ставят улучшение информирования жителей города о соци-

альных проблемах и содействия повышению самостоятельности граждан в решении социальных проблем. Неожиданным стал ответ о том, что решить социальные проблемы города поможет введение жесткого контроля за источниками получения доходов состоятельных слоев граждан (третье место у экспертов).

Таблица 8

Мероприятия, способствующие решению наиболее острых социальных проблем в городе (несколько вариантов ответов)

	муниц. служащие	специалисты	студенты
улучшение информирования жителей города о социальных проблемах и содействия повышению самостоятельности граждан в решении социальных проблем	17,6	24,2	47,8
изменения самой технологии управления (диагностирование социальных проблем, процедуры, организационное и ресурсное обеспечение)	17,6	36,4	38,1
наведения порядка в стране в целом	70,6	51,5	40,7
проведение более активной социальной политики на уровне региона, используя собственные финансово-экономические ресурсы	47,1	27,3	55,8
осуществление более целенаправленной политики поощрения предпринимательской инициативы (введение щадящей шкалы налогообложения в части уплаты местных налогов и сборов для хозяйствующих субъектов, участвующих в социальном партнерстве)	11,8	6,1	28,3
введение жесткого контроля за источниками получения доходов состоятельных слоев граждан	17,6	33,3	17,7
к сожалению, сделать ничего невозможно	5,9		2,7
реформирование системы на всех уровнях			0,9
затрудняюсь ответить			0,9

Чтобы создать эффективную систему социальной помощи детству, важно объединить усилия всех ведомств, организаций, учреждений, занятых работой с детьми [6]. Пока, по нашему мнению, ни на государственном, ни на региональном уровне системы нет, а есть, говоря словами А.А. Северного и Б.Л. Альтшулера, всего лишь «пестрый набор слабосвязанных между собой организаций и учреждений», а концептуальным фактором в проявлении системного подхода в современной ситуации российского детства должна стать защита прав ребенка [7]. При этом важно подчеркнуть, что речь идет не о защите прав в узко юридическом аспекте, а о *широко понимаемой защите прав ребенка* на адекватное его природным задаткам развитие и реализацию природных способностей, на адаптацию микросоциума к потребностям ребенка с его конкретными психофизиологическими, этническими и культурными особенностями, а это, в свою очередь можно решить при помощи хорошо подготовленных, профессиональных кадров, способных оперативно решать социальные проблемы.

Любая концепция социальной защиты будет существовать лишь номинально, если не будет разработана и создана соответствующая ее требованиям организационная структура управления. Если на региональном уровне управленческая деятельность системой социальных служб включает в себя, в первую очередь, концептуально-теоретические, нормативно-правовые, финансово-организационные и надзорные органы, то на муниципальном уровне происходит конкретная реализация социальной политики, масштабных федеральных программ и проектов, развертывание системы социальных служб, непосредственное предоставление социальных услуг населению.

Список литературы

1. Юдин П.А. Социальные ресурсы местного самоуправления // Социальное обслуживание населения (материалы международного научно-практического симпозиума). – Белгород: Новомосковск, 1997.
2. Колин К.К. Социальная информатика. – М.: Академический Проект, 2003.
3. Зотов Б.Б., Макашева З.М. Муниципальное управление. – М., 2003.
4. Климов С.М. Интеллектуальные ресурсы организации. – СПб.: ИВЭСЭП «Знание», 2000.
5. Жирякова С.Н. Организация социальной защиты населения в малом городе: дис... канд. социол. наук: 22.00.08. – Белгород, 2003.
6. Олиференко Л.Я., Шульга Т.И., Дементьева И.Ф. Социально-педагогическая поддержка детства. Муниципальная система. – М.: Издательский центр «Академия», 2002.
7. Северный А.Л., Альтшулер Б.Л. О системе защиты детства и семьи // Социальное и душевное здоровье ребенка и семьи: защита, помощь, возвращение в жизнь: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 22-25 сент.1998 г.). – М.,1998.

RESOURCE TECHNOLOGIES IN MUNICIPAL MANAGEMENT OF THE SYSTEM OF SOCIAL DEFENSE OF CHILDHOOD

N.V. Lazurenko, M.E. Polenova, E.S. Sazonova

Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308600, Russia;
e-mail: lazurenko@bsu.edu.ru

Efficiency of municipal management of the system of social defense of childhood is mainly determined by knowledge and skills of municipal staff of social organizations. The paper deals with the analysis of technologies for optimization of quality potential of the personnel resources of the system of social defense of childhood: informational resource and skills in informational technologies, communicative resource, intellectual resource. The methods and results of the sociological survey in the system of management of social defense of childhood are given.

Key words: municipal management, social defense of childhood, personnel resource, knowledge, information, technologies.

ПРОБЛЕМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРОЕКТНО-ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ

И.Э. Надуткина¹⁾, В.П. Римский²⁾

¹⁾Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: nadutkina@bsu.edu.ru

²⁾Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;
e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru

Изложена определенная позиция по формированию и разработке инновационной политики региона, роли в этом процессе Правительства региона. На основе анализа ситуации выделены основные направления возможной поддержки инновационных процессов со стороны региональных властей. Определены стратегические направления инновационной политики. Предложена к рассмотрению вариативная модель инновационного развития региона. Сделан вывод о том, что для реализации стратегии инновационного развития Белгородской области целесообразно формирование базы данных инновационных проектов, накапливающей опыт инновационной деятельности.

Ключевые слова: инновация, проект, регион, деятельность.

Существует два фундаментальных вопроса, которые должны быть определены при разработке инновационной политики региона.

Во-первых, определение роли Правительства региона в процессе привлечения инвестиций в инновационную сферу: создание благоприятных законодательных, организационных и информационных условий для привлечения частных инвестиций, или непосредственное участие в инвестировании и финансировании посредством предоставления займов, дотаций, долевого участия в предприятиях, или сочетание этих функций.

Во-вторых, может ли Правительство региона поступиться экономической целесообразностью в выборе своей инновационной политики для достижения социального эффекта. Планомерная работа по решению данных вопросов может послужить основными ориентирами в формировании инновационной политики и выборе механизмов ее реализации в условиях региона.

При выполнении соответствующих работ должен возникнуть документ, достаточно точно и открыто представляющий региональную инновационную политику, а также механизмы, которые Правительство считает наиболее действенными и планирует применять. Сам по себе этот документ уже внесет свой вклад в формирование инновационного имиджа региона. Важно помнить, что размышляя над новыми нестандартными инструментами привлечения инвестиций в инновационную сферу, Правительство должно в полной мере основываться на нескольких основных постулатах, таких как:

- безусловное знание своего региона, его ресурсов, преимуществ и недостатков,
- наличие обоснованной и финансово целесообразной инновационной политики,
- знание и успешное использование стандартных инструментов и механизмов привлечения инвестиций в инновационную сферу.

Отметим, что необходимо учитывать, что мощность стратегии по предоставлению инвесторам специальных поддерживающих программ, как правило, обратно пропорциональна привлекательности региона или страны как места вложения «мобильных» капиталов[1]. Так при использовании налоговых программ одним из самых распространенных видов поддерживающих программ является гарантия низких ставок по налогообложению компаний. В дополнение к тому, что это для региона в целом повышает вероятность инвестиций, конкретные секторы и отрасли экономики или географические районы могут предоставить налоговые льготы с дифференцированной ставкой, что еще больше повысит вероятность инвестиций для них внутри одного и того же региона.

Законодательная основа не должна служить барьером для финансирования инноваций, если это не решено административными органами. Законы по регистрации, запутанные процедуры налогообложения, сложности при открытии банковских счетов или другие законы, ухудшающе действующие на бизнес – все это может стать препятствием для финансирования инноваций. С другой стороны, законодательная база может помочь защитить интересы региона в определенных сферах.

Анализ ситуации убедительно показывает, что регион имеет возможность, используя свой административный ресурс оказывать поддержку предприятиям и организациям в привлечении различных источников финансирования. Основные направления возможной поддержки инновационных процессов со стороны региональных властей могут быть оказаны по следующим направлениям:

- принципиально важным является инициативность Правительства региона в выдвижении предложений по формированию программ и привлечению финансовых вложений из федерального бюджета, например, посредством лоббирования участия региона в федеральных программах с использованием государственного инвестирования. В данном направлении особое значение имеет информированность соответствующих департаментов субъекта РФ о проводящихся и готовящихся федеральных программах, детальное знание структур бюджета и объемов финансирования отдельных статей бюджета.

- необходимо отметить, что разработка перечня целевых программ региона, должна иметь первостепенное значение для развития региона, в том числе и финансирование этих программ из регионального бюджета. Перечню целевых программ должна предшествовать разработка комплексных планов, прогнозов и программ социально-экономического развития региона, где будут рассмотрены приоритеты развития.

- региональные внешние заимствования (выпуск облигаций, займов и других ценных бумаг) позволят привлекать кредитные ресурсы для финансирования инновационных проектов региона. Использование внешних заимствований требует обеспечения прозрачности бюджета и мер по формированию доверия к займам и облигациям региона.

При активизации выполнения работ по оптимизации государственного регулирования инновационных процессов в регионе важное значение приобретает разработка организационной схемы управления процессом привлечения финансовых средств в инновационную сферу региона.

В данном случае особую роль играет создание органа, ответственного за привлечение финансовых ресурсов в инновационную сферу региона.

Ответственность за привлечение финансовых средств в инновационную сферу должна возлагаться на один орган власти. Если политика и финансы, в рамках которых действует этот орган, обычно вырабатываются на более высоком административном уровне, то конкретная стратегия которой он следует (то есть предполагаемые программы поддержки, масштаб маркетинговых исследований и пр.), вырабатываются им, как правило, самостоятельно. Он только сообщает в ведомство, под руководством которого работает, о целях тех или иных действий и их результатах.

Постоянное финансирование данного органа зависит в некоторой степени от его успеха в достижении тех или иных поставленных целей. На решения, которые принимаются в рамках полномочий этого органа, не могут вообще оказывать влияния какие бы то ни было другие административные органы.

С точки зрения властей, наделение соответствующими полномочиями единственного органа очень важно. Благодаря этому соблюдается последовательность действий и более целенаправленный подход к привлечению капиталов. В таком органе должны работать специально обученные люди, которые четко понимают нужды региона.

Особое место в оптимизации инновационных процессов приобретает политика каждого отдельно взятого региона. Определенные тенденции в данной сфере выявлены и в Белгородской области.

Сформированные направления концепции инновационного развития Белгородской области направлены на достижение главной цели, заявленной губернатором области Е.С. Савченко – «повышение качества жизни населения». Для этого необходимо формирование такой социально-экономической модели Белгородской области, которая бы обладала долгосрочным потенциалом динамичного развития, повышения конкурентоспособности области, и эффективного обновления производственных фондов на основе передовых и высоких технологий, была бы инновационно-восприимчивой, работающей на удовлетворение социальных и духовно-культурных потребностей населения.

Анализ ситуации убедительно показывает, что необходимо проводить следующую последовательность в действиях и учитывать следующие обстоятельства:

– во-первых, в целях повышения эффективности функционирования на территории области предприятий и организаций всех форм собственности необходимо внедрение в производство современных технологий, использование накопленного потенциала и создание новых научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, осуществление государственной поддержки научных и конструкторских кадров. Наиболее общими экономическими целями для большинства предприятий, связанных с развитием и внедрением технологических инноваций, являются: расширение ассортимента продукции, замена снятой с производства устаревшей продукции и оборудования, улучшение качества продукции, сохранение и расширение традиционных рынков сбыта, создание новых рынков сбыта. Актуальными для данного круга предприятий остаются следующие проблемы: приобретение машин и оборудования, исследование и разработка новых продуктов питания, производственное проектирование;

– во-вторых, в условиях сложной экономической ситуации проблема финансирования инновационных проектов является для предприятий основной. Кредиты могут быть дополнительным толчком к развитию инновационной деятельности предприятий. Однако для большинства предприятий их неустойчивое финансовое положение не способствует получению кредитов. Длительные сроки окупаемости отдельных инновационных проектов также являются препятствием для инновационной деятельности. Из производственных факторов главным для предприятий является недостаток возможностей для кооперирования с другими предприятиями и научными организациями и невосприимчивость организаций к нововведениям.

Учитывая вышеназванные тенденции необходимо создать атмосферу активного внедрения в практику области предлагаемых готовых инновационных предложений, при этом формировать такую модель социально-экономического развития Белгородской области, которая включала бы следующие задачи:

- осуществление государственной поддержки эффективного функционирования товаропроизводителей всех форм собственности, действующих на территории области с целью достижения стабилизации финансово-хозяйственной деятельности и роста объемов производства, создания рабочих мест, повышения качества жизни населения;
- поддержка приоритетных направлений развития промышленных предприятий, организаций, учреждений, участвующих в выполнении инновационных программ;
- обеспечение предприятий агропромышленного комплекса области конкурентоспособной, качественной высокопроизводительной сельскохозяйственной техникой и инновационными технологиями производства сельскохозяйственной продукции;
- применение экономических и финансовых механизмов и стимулов, способствующих развитию предприятий всех форм собственности, ориентированных на разработку и внедрение инновационных технологий.

Для реализации стратегии инновационного развития Белгородской области целесообразно формирование базы данных инновационных проектов, накапливающей опыт инновационной деятельности.

Стратегическим направлением инновационной политики должны стать:

- формирование и защита рынка научно-технической продукции;

- осуществление точечного финансирования инновационных проектов на конкурсной основе;
- развитие межрегионального сотрудничества и международного обмена наукоемкими технологиями и продуктами;
- информационное обеспечение инновационного развития;
- реализация кадровой политики в области инноваций и наукоемких технологий, способствующей формированию инновационно-восприимчивого персонала;
- формирование инновационной инфраструктуры как материально-технической основы непрерывного инновационного процесса.

Работа по созданию концептуальных основ дает основание предложить следующую модель инновационного развития региона:

Во-первых, определение целей и задач региона для стимулирования инновационного развития.

Важнейший этап, на котором формируются главные направления развития региона, четко формируются цели и конкретизируются задачи, определяются сроки и ответственные за их реализацию.

Цели выражают не какие-то нереализуемые безосновательные надежды, а то, чего действительно можно достичь. Они должны являться:

- конкретными;
- измеримыми, то есть выраженными таким образом, чтобы результаты по их достижению (положительные или отрицательные) можно было бы измерить;
- достижимыми, то есть иметь реальную возможность для достижения в пределах согласованного периода времени и выделенных ресурсов;
- обеспеченными ресурсами, чтобы гарантировать успех, – ресурсами как финансовыми, так и человеческими, а также необходимым оборудованием;
- ограниченными по времени, то есть иметь конкретный период времени, в течение которого ожидается их достижение.

Предлагаемые формулировки целей:

Цель: создание специального органа по привлечению финансовых средств в инновационное развитие региона. Необходимо предоставить создаваемой структуре соответствующее помещение, средства связи и необходимую поддержку. Провести необходимое обучение, включая обучение по руководству программой и написанию предложений.

Функции данного органа:

1. Специальный орган по привлечению финансовых средств готовит общую стратегию и программу работы и передает ее Правительству области на согласование и утверждение эти стратегия и программа станут основой бизнес-плана, они должны быть конкретными. Необходимо составить их сметы и просчитать другие требуемые ресурсы.

2. Орган займется составлением базы данных инновационных технологий по региону.

3. Собрать данные фондов поддержки инновационных технологий как российских, так и зарубежных.

4. Работая в тесном сотрудничестве с различными Департаментами Правительства и директорами крупнейших предприятий региона, орган должен подготовить аналитический документ, который передается для согласования и утверждения в Правительство. В документе отражаются следующие ключевые вопросы:

- стартовый потенциал для создания и развития инновационных технологий различных отраслей промышленности, которые могут обслуживать как российский, так и зарубежный рынки;
- определение и выделение этих отраслей промышленности и подсекторов, с тем, чтобы постоянно уделять им внимание в работе органа;

- потенциальная роль и преимущество участия партнеров-инвесторов в создании и развитии соответствующих секторов экономики;
- инфраструктура и среда, требуемые для привлечения финансовых средств в развитие инновационной сферы региона;
- объективная оценка существующих предприятий, которым необходимы средства для развития существующих или внедрения новых технологий;
- составление списка приоритетных предприятий, выделение главных десяти из них, которым в течении первого года орган будет оказывать помощь.

5. Исследование проводимых мероприятий по привлечению денежных средств на уровне государства. Подготовка договора о сотрудничестве между органом и соответствующими областными и федеральными структурами, в котором необходимо определить методы, посредством которых данное сотрудничество будет осуществляться.

6. Подготовка варианта «плана стимулирования и привлечения финансовых средств в инновационную сферу» и сопутствующих материалов – для передачи на согласование и утверждение Правительством области.

7. Она является самой важной, поскольку прямо связана с главной задачей, для выполнения которой был создан специализированный орган, что определяет результаты финансирования инноваций:

- финансирование инновационных технологий стратегически важных предприятий региона;
- оказание помощи стратегически важным предприятиям в развитии деловых связей, как значимых моментов для финансирования инновационных технологий.

Во-вторых, определение потребности региона в инвестициях в инновационную сферу.

Оценка емкости и потенциала отраслей и районов для привлечения инвестиций. В итоге вырабатывается отдельный документ, содержащий экономические расчеты потребности инновационной сферы региона в инвестициях и определение типов требуемых инвестиций[2], также определяются основные параметры эффективного инновационного развития и определяющие их показатели.

В-третьих, мониторинг рынков инновационных ресурсов.

Требуется постоянный мониторинг рынков инновационных ресурсов для оценки возникающих тенденций и возможностей, интересующих предприятия региона. Необходимо провести большой объем аналитической работы. Знание и хорошая ориентация на рынке национальных и международных инновационных ресурсов позволит повысить эффективность инновационных процессов в регионе.

В-четвертых, региональная инновационная политика и инвестиции.

Инновационная политика должна определить принципиальный подход региона к привлечению инвестиций: создание условий для инвестирования инновационной сферы региона или активные действия Правительства по привлечению инвестиций на конкретные инновационные проекты либо сочетание этих подходов.

В-пятых, законодательная политика в отношении инвестиций в инновационную сферу.

В-шестых, разработка мер поддержки предприятий и организаций в привлечении инвестиций в инновационную сферу.

Региональные власти имеют возможность использовать административный ресурс для поддержки предприятий и организаций, заинтересованных в получении инвестиций в инновационные технологии. Поддержка может быть организационной, финансовой, информационной и юридической.

В-седьмых, разработка политики в отношении традиционных инвестиционных источников (бюджетные инвестиции, кредиты и займы, прямые инвестиции).

В-восьмых, разработка PR-кампаний по привлечению инвестиций в инновационное развитие региона.

Требуется детальная проработка такого важного в рамках концепции вопроса как, привлечение инвестиций в инновационную сферу региона с использованием механизма выхода инвесторов из предприятий региона, то есть предоставление, таким образом, гарантий инвесторам в том, что они, безусловно, сохранят свои капиталы и у них не возникнет никаких организационных или юридических трудностей в реинвестировании средств.

Принципиальным моментом для инвестора является готовность и заинтересованность местных организаций и предприятий вкладывать свои ресурсы и нести риск вместе с инвестором. В настоящий момент в России менее 1% инновационных проектов высокого риска профинансировано методом размещения акций, в США эта цифра составляет 98%[3].

Самым важным является то, что существующие инвесторы – это лучшие рекомендации для будущих инвесторов. Поэтому так важно осуществлять политику поддержания контактов с инвесторами после осуществления инвестиций. Таким образом, роль инвесторов, уже укрепивших свои позиции и прочно обосновавшихся на региональном рынке, чрезвычайно важна по следующим причинам: они – источник будущих инвестиций; они могут привлечь новых потенциальных инвесторов. В этой связи выполнение обязательств перед инвесторами со стороны органов управления, в том числе по предоставлению налоговых льгот, безусловно, является одним из главных составляющих деятельности.

Проведенный анализ показал, что есть определенные факторы, которые в целом продолжают сдерживать развитие инновационных процессов в регионе, к ним можно отнести три группы проблем:

Во-первых, организационные проблемы (регистрация, юридическое оформление, налаживание отношений с местными органами власти).

Во-вторых, материально-финансовые проблемы (формирование капитала для обеспечения функционирования предприятия, налаживание связей с поставщиками и сбыт продукции).

В-третьих, материально-технические проблемы (помещение, оборудование, персонал, безопасность).

Несовершенство системы налогообложения, административные барьеры на пути развития инновационной сферы, неразвитость механизмов финансово-кредитной поддержки и страхования рисков инновационных предприятий, отсутствие механизмов самофинансирования (кредитные союзы, общества взаимного страхования), нестабильность бюджетного финансирования инновационных процессов в регионе – это – то, что в целом сдерживает данный процесс, с одной стороны. С другой стороны, зная указанные недостатки, становится возможным грамотное вмешательство в организацию соответствующих проводимых работ в направлении преодоления указанных сложностей.

Учитывая сложившиеся тенденции, для стимулирования проектно-инновационной деятельности в регионе, на наш взгляд целесообразно выстраивать стратегические направления поддержки инновационных процессов в Белгородской области по следующим направлениям:

1. разработка мер поддержки предприятий и организаций в привлечении инвестиций в инновационную сферу;
2. инициирование и реализация конкретных инновационных проектов;
3. создание инновационных фондов, призванных выделять средства на соответствующие разработки;
4. расширение спектра банковских услуг, развитие таких видов кредитования как лизинг, проектное кредитование;
5. расширение практики использования скидок с налога на прибыль в размере вложений в новое оборудование и строительство;
6. освобождение от налога на прибыль получаемой от использования запатентованных изобретений в собственном производстве и от продажи лицензий (в течение трех лет);

7. формирование инновационной инфраструктуры как материально-технической основы инновационного процесса.

Отдельно отметим, что в настоящее время в регионе формируется новая структура организаций инновационной сферы и инновационная инфраструктура, функция которой – реализация условий воспроизводства инновационной деятельности.

Инфраструктура – самостоятельная сфера экономики. Особенность отраслей инфраструктуры в том, что они производят не материально-производственную продукцию, а услуги.

Инновационная инфраструктура – это комплекс организационно-экономических институтов, непосредственно обеспечивающих условия для реализации инновационных процессов хозяйствующими субъектами (в том числе специализированными инновационными организациями) на основе принципов экономической эффективности как национальной экономики в целом, так и ее экономических субъектов.

Инфраструктура инновационной деятельности включает следующие функциональные сферы: транспорт и связь; информатика и телекоммуникации; кредитно-финансовую сферу; фондовый рынок; компании и фирмы, оказывающие услуги специального характера[4].

В основу развития инновационной инфраструктуры заложено создание в области Центра инновационных технологий при Правительстве Белгородской области осуществляющего не только финансирование, но и оказывающего методическую помощь в оценке эффективности инновационного проекта, выбора партнеров для его реализации

Отдельного внимания требует вопрос о формировании технопарков. Технопарки могут быть сформированы на базе ведущих вузов области (БелГУ, БелГТУ им. В.Г. Шухова, БГСХА), научно-исследовательских институтов, опытных заводов (Энегомаш) или инновационных малых предприятий (ОАО Втормет, ТОО Георесурсы).

Среди основных задач, которые должны решать технопарки можно назвать: экспертизу и отбор инновационных проектов и программ, направленных на создание и внедрение новой техники и наукоемких технологий; оценку риска, сопряженного с реализацией проекта; помощь в проведении научно-исследовательских разработок и внедрении их результатов в сфере производства; предоставление малым инновационным фирмам производственных мощностей; оказание юридической, организационной, маркетинговой и финансовой помощи и поддержки.

При долевым финансировании исследований и разработок федеральных целевых программ и областных научно-технических программ, особое внимание необходимо уделить усилению конкурентных начал при отборе проектов и использованию контрактной системы как основного организационного механизма их выполнения.

Ускоренное развитие инновационного предпринимательства, наиболее восприимчивого к требованиям рынка.

Частный бизнес часто помогает превратить идею в реальность. Крупные корпорации и фирмы, как правило, располагают финансовыми и прочими ресурсами, системой маркетинга для успешной коммерциализации нового продукта.

Оптимизация финансирования и стимулирования инновационных процессов в части региональной компетенции.

Рассматривая особенности протекания инновационных процессов в Белгородской области можно отметить малую роль стимулирования инновационной деятельности со стороны государства. В структуре внутренних затрат на исследования и разработки доминирующую роль играют средства бюджета и организаций предпринимательского сектора.

Система финансирования инновационной деятельности со стороны государства в Белгородской области в настоящее время не сформирована. Например, Центр интеллектуальной собственности при БелГУ, целью которого является интеграция всех заинтересованных структур, специалистов, хозяйствующих субъектов области для активизи-

зации патентно-лицензионной работы, повышения эффективности обеспечения правовой охраны и коммерческого использования, а также развития рынка объектов интеллектуальной собственности на территории Белгородской области существует на основе самофинансирования. При этом для качественного улучшения состояния обслуживания рынка интеллектуальной собственности в Белгородской области и реализации перспективной модели развития рынка интеллектуальной собственности необходимы значительные финансовые вложения со стороны государства.

Сегодня инвестиции в интеллектуальную собственность стали рентабельны и выходят на первый план в мире, поэтому проблема защиты объектов интеллектуальной собственности становится все более актуальной.

В Белгородской области разработан план действий по развитию рынка индивидуальной собственности, при БелГУ сформирован «Инновационно – технологический центр», в состав которого вошли центр интеллектуальной собственности, центр трансфера технологий, технопарк, сервисные и образовательные структуры, работа которых поможет сократить путь от идеи до готового инновационного продукта. В области действует бизнес-инкубатор, основная задача которого – развитие малого и среднего бизнеса. Предпринимаются попытки создания условий для реализации научных открытий, создания высокотехнологичных предприятий, оказывается всесторонняя поддержка частных предпринимателей в финансировании, в реализации своих проектов, оказании правовой помощи.

Привлекая опыт европейских государств можно отметить использование одинаковых подходов к привлечению инвестиций в инновационную деятельность. В самом общем виде эти подходы можно подразделить на три, хотя и взаимосвязанные, но отдельные направления:

- повышение инвестиционной привлекательности региона путем улучшения общей экономической среды;
- маркетинговые исследования региона как местности для осуществления инвестиций в инновационную деятельность, оказание потенциальным инвесторам информационной, консультационной и других видов помощи;
- осуществление специальных программ по поддержке инвестиций в инновационную деятельность.

Таким образом, необходимо отметить следующее, хотя общие подходы одинаковы, частные стратегии должны вырабатываться с учетом конкретных нужд региона в инвестициях в инновационное развитие и нужд самого инвестора, которого хотят привлечь в регион. Для разработчиков стратегии составляет большую проблему найти оптимальное соответствие между потребностями региона в инновационном развитии и ожиданиями инвестора. Следовательно, проблема заключается в четком определении нужд и потребностей инвестора и осознании приоритетов. Затем на базе этих приоритетов необходимо создать стратегию, благодаря которой потребности будут удовлетворены.

В целом, подводя определенные итоги, отметим, что в рамках стимулирования проектно-инновационной деятельности и государство, и правительства регионов, в нынешних условиях, проводят работу по созданию системы финансовых и организационных рычагов, позволяющих стабилизировать экономические процессы в производстве, обеспечивая получение доходов предпринимателями при реализации инновационных продуктов, предлагая новые благоприятные условия для наращивания всех видов предпринимательской деятельности и в производственной, и социальной сферах. Особое место в оптимизации инновационных процессов приобретает политика каждого отдельно взятого региона. Такое понимание стимулирования предпринимательской проектно-инновационной деятельности отражает реалии, свойственные переходному периоду. Определенные тенденции в данной сфере выявлены и в Белгородской области. Сформированные направления концепции инновационного развития Белгородской области направлены на достижение главной цели – «повышение качества жизни населе-

ния». Активно продолжается работа по формированию социально-экономической модели, которая бы обладала долгосрочным потенциалом динамичного развития, была бы инновационно-восприимчивой, работающей на удовлетворение социальных и духовно-культурных потребностей населения.

Список литературы

1. Кокурин, Д.И. Инновации в России: институциональный анализ (проблемы собственности, рынка и налогового стимулирования) / Д.И. Кокурин, В.М. Шепелев. – М.: ИНИЦ Роспатента, 2002. – С. 118.
2. Муниципальная собственность и инвестиции. – М.: ФГНУ РНЦ ГМУ, 2003. – С. 256.
3. Р.Р. Манукян, В.В. Жуковский. Муниципальная собственность и инвестиции. М.: ФГНУ РНЦГМУ, 2003, С.274.
4. Муниципальная собственность и инвестиции. – М.: ФГНУ РНЦ ГМУ, 2003. – С. 259.

THE PROBLEMS OF STIMULATION OF INNOVATION PROJECT ACTIVITY IN REGION

I.E. Nadutkina¹⁾, V.P. Rimskiy²⁾

¹⁾Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia;
e-mail: Nadutkina@bsu.edu.ru

²⁾Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308600, Russia;
e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru

The paper is giving the definite position on forming and working out the region innovation policy. It describes the region Government's role in this process. The basic directions of possible support of innovation processes from the side of region authorities are giving. The strategic directions of innovation policy are determined. The paper is proposing the variation model of region innovation development.

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИННОВАЦИОННОГО КОНФЛИКТА В ВУЗЕ

В.Б. Тарабаева

Белгородский государственный университет, 308015, ул. Победы, 85;
e-mail: tarabaeva@bsu.edu.ru

Изложена концепция конфликта инновационного развития в вузе. Проанализированы существующие в социологии точки зрения на конфликт. Проблема конфликта инновационного развития рассмотрена с точки зрения синергетического подхода. Показано, что инновационное развитие невозможно без преодоления сопротивления среды, т.е. не проходит бесконфликтно. Установлено, что конфликт инновационного развития в вузе имеет модернизационный потенциал и может способствовать быстрейшему внедрению инноваций в деятельность вуза.

Ключевые слова: конфликт инновационного развития, синергетический подход, неустойчивость, самоорганизация, системообразующий фактор, управление.

Введение

В настоящее время для России особенно актуальными являются процессы модернизации высшего образования в соответствии с потребностями и рынка труда, а также в целях интеграции отечественного образования в мировое образовательное и экономическое пространство.

Достижение этих целей требует как изменения общей концепции высшего профессионального образования, так и технологий управления высшем профессиональным образованием. Успешное решение этих задач в значительной мере обусловлено степенью включения всех участников образовательной деятельности в инновационные процессы.

Однако практика показывает, что зачастую, при внедрении инноваций в вузах возникает проблема сопротивления изменениям, возникают конфликты, которые можно определить как конфликты инновационного развития.

Теоретический анализ

Конфликт инновационного развития в вузе представляет собой взаимодействие участников инновационного процесса, при котором они руководствуются противоположными ценностями, имеют взаимоисключающие представления о содержании, форме и целях инновационного развития и противодействуют друг другу в ходе разработки и внедрения новшеств в учебный, научный и воспитательный процесс.

В социологии существуют две противоположные точки зрения на конфликт. Представители одной из них считают конфликт нежелательным явлением. По их мнению, в своей основе конфликт не присущ системе и возникает тогда, когда активизируются силы, которые стремятся создать нестабильность в данной системе. С помощью механизма гомеостаза система возвращается в стабильное состояние.

Первоначальные попытки социологов создать общую социологическую теорию основывались на равновесных моделях общества, на представлениях об относительно стабильной и интегрированной природе его устройства. Эта позиция, получившая название функционализма была сформулирована В. Спенсером, затем Э. Дюркгеймом и продолжает находить своих последователей и сегодня.

«Равновесная модель» исходит из предположения о функциональном единстве, т.е. гармоничном соответствии и внутренней согласованности различных частей социальной системы. При этом социальный конфликт рассматривается как некая патология в существовании социальных систем.

Подобной точки зрения, в частности, придерживался Т. Парсонс, для которого конфликт деструктивен, дисфункционален и разрушителен.

Другая научная традиция рассматривает конфликт как необходимый компонент социальных отношений. «Для реального мира необходимо пересечение различных взглядов, конфликтов, изменений. Именно конфликт и изменения дают свободу людям, без них свобода невозможна» [1; 142-147].

Такая же точка зрения присутствует в трудах Аристотеля, Гоббса, Гегеля, Вебера, Маркса, Козера.

Разделяя эту точку зрения, мы считаем конфликт инновационного развития явлением закономерным, имеющим модернизационный потенциал.

Рассмотрим данный конфликт с точки зрения синергетического подхода.

В последнее время было опубликовано несколько работ, авторы которых рассматривали инновационное развитие и его противоречивость, конфликтность с точки зрения синергетической методологии. Это работы Казаковой Н.В., «Управление инновационной деятельностью университетских комплексов Российской Федерации (теория и методология)»; Кобзевой Н.М. «Управление внутрифирменными отношениями в условиях инновационных конфликтов»; Василенко Я.А., Мельниковой Н.С. «Образование в синергетическом контексте» и др. [2; 191-196].

Мы, в свою очередь, так же считаем необходимым применить синергетический подход в своем исследовании.

Фундаментальный принцип синергетики, описывающий поведение сложных систем – это периодическое чередование стадий эволюции и инволюции, развертывания и свертывания, взрыва активности, схождения к центру, интеграции и расхождения, дезинтеграции, хотя бы частичного распада. Т. е. система существует в колебательном режиме, позволяющем замедлять процессы и восстанавливать общий темп развития подструктур внутри сложной структуры.

Существует два режима существования системы: LS режим – режим с обострением и противоположный HS режим – режим «охлаждения», «растекания от центра», «синхронизации процессов». LS режим приводит к интенсификации всех процессов в системе, бурному развитию нового, концентрации ресурсов. HS режим сопровождается уходом в прошлое, «возобновлением старых следов, традиций» [3; 75-77].

Следуя данной модели – период инновационного развития вуза можно отнести к развитию в LS режиме, режиме с обострением.

Но «сложные организации вблизи момента максимального развития, «момента обострения» становятся неустойчивыми к малым возмущениям, флуктуациям на микроуровне» [3; 17].

Отсюда можно сделать вывод, что конфликты являющиеся проявлением неустойчивости, неизбежны. Но здесь же можно говорить не только о необходимости и закономерности возникновения конфликтов, но и об их опасности, т. к. неустойчивость системы к малым возмущениям в ситуации конфликта может привести к рассогласованию темпов развития различных подструктур внутри сложной структуры и к ее распаду.

С другой стороны «в состоянии неустойчивости научной среды малые изменения могут привести к становлению нового научного и культурного образца. Через неустойчивость осуществляется связь уровня индивидуального творчества и открытий на нем с уровнем научного сообщества и научными инновациями» [3; 272]. Такая научная среда рождает научные инновации. Получается, что неустойчивость может быть как большой опасностью, так и большим благом для системы.

Ведь именно благодаря неустойчивости возможно инновационное развитие.

«Именно в состоянии неустойчивости открытой нелинейной среды малые флуктуации, случайности приводят к становлению новой макроскопической картины бытия. Вблизи момента обострения или вблизи бифуркации сказывается хаос на нижележащих уровнях бытия (для научного сообщества – разнообразие идей на уровне индивидов –

творцов). Среда, находящаяся в состоянии неустойчивости, может с нелинейной положительной обратной связью, т. е. многократно, усилить эти малые возмущения, флуктуации и развернуть их в виде нового упорядоченного макросостояния» [3; 272].

Каждая инновация, каждое открытие невозможны без преодоления сопротивления среды, т. е. не проходят бесконфликтно. «Каждый вторгающийся в мир науки ученый испытывает парадигмальное инерционное давление, давление уже заполненных «когнитивных ниш», причем заполненных, далеко не совершенными знаниями и культурой мышления». Чтобы «встроиться» в науку и культуру, ученый должен резонансно возбудить, угадать скрытые тенденции развития науки, созревшие в ее недрах, но еще не вербализованные идеи и модели. Если же он не попадает точно в резонанс (а это обычно и имеет место), то он вынужден постепенно, асимптотически, приближаться к выведению на поверхность этих неявных тенденций и идей. А здесь уже играют роль время, терпение и упорство ученого, его направленные усилия, [3] (рис. 1).

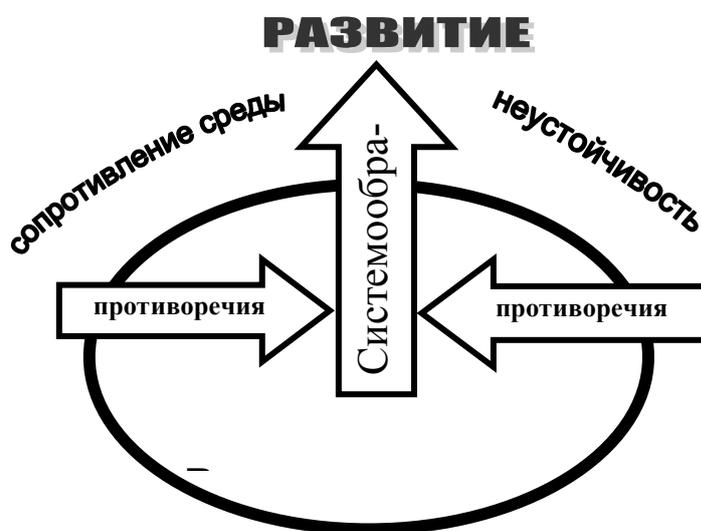

Рис 1. Инновационное развитие вуза с точки зрения синергетической методологии

Таким образом, без конфликта, без разрешения противоречия невозможно возникновение ничего нового. Противоречивость – залог развития системы. «Противоречивость системы вытекает из ее системообразующего фактора – стремления к устойчивости, так как ее осуществление возможно только при взаимодействии двух примерно равных и противоположно направленных сил, каковыми и являются взаимодействие притяжения и отталкивания на уровне метасистемы – существования материи в целом. А стремление к разрешению противоречия, т. е. системообразующий фактор, является источником развития системы. Следовательно, автоколебания появляются с возникновением системы и являются формой, механизмом, как существования, так и ее развития» [4; 271].

Возникает вопрос, в каком случае в состоянии неустойчивости конфликта можно не только избежать распада системы, но и способствовать ее быстрому инновационному развитию?

В работе С. Тулмина [4; 265] очень точно на наш взгляд, описан механизм самоорганизации науки: «Новое понятие, теория или, например стратегия становятся эффективной «возможностью» научной дисциплины только тогда, когда они серьезно воспринимаются влиятельными представителями профессии, и полностью «устанавливаются» только в том случае, если получают свое позитивное подтверждение». С. Тулмин подчеркивает также, что лучшим аргументом в пользу придания идеи «профессионального веса» является то, что она сформулирована и представлена вниманию влиятельной «референтной группы» своевременно и надлежащим образом» [4; 272]. Он от-

мечает, что какой бы момент процесса концептуальной изменчивости мы не изучали, мы всегда обнаруживаем, что внутренние и внешние факторы воздействуют на него совместно, подобно двум самостоятельно действующим фильтрам. И когда внешние и внутренние потребности, стоящие за этими факторами, совпадают, то это в наибольшей степени благоприятствует данной интеллектуальной инициативе. С. Тулмин отводит решающую роль в развитии науки интеллектуальным факторам, т. е. внутренним, что также предполагает механизм саморазвития науки и наличие внутреннего саморазвивающегося, а, значит, и универсального критерия развития. Он пишет: «Таким образом, интеллектуальные соображения фокусируют ту теоретическую деятельность, которую социальные стимулы делают возможной [4; 222]. Данная точка зрения согласуется с мнением Н.В. Поддубного» [5]. В его концепции самоорганизации наиболее референтный элемент системы – это ее ядро. Наиболее эффективная связь между уровнями системы осуществляется через ядерные элементы этих уровней или целого и части. Он ссылается на указанные С. Тулминым два условия: 1) для сохранения новой идеи необходима ее поддержка авторитетами, т. е. референтной группой ученых, 2) необходимо совпадение интеллектуального авторитета идеи с личным авторитетом ученого и с авторитетом организации, в которой работает ученый; и отмечает, что указанные условия позволяют сохраниться идее, так как происходит синхронизация усилий взаимодействующих сторон, физический смысл которой – наименьшая затрата энергии. «При этом условии система приобретает наибольшую устойчивость, что и проявляется в данном случае в сохранении новации» [5; 149-150].

О трудном, конфликтогенном процессе внедрения новшеств в науке пишет и Т. Кун, который в 1962 году впервые сформулировал новую концепцию развития науки и научного знания, сделавшую настоящий переворот во всей философии науки. «Нормальная наука, например, часто подавляет фундаментальные новшества, потому что они неизбежно разрушают ее основную установку» [6]. Поэтому Т. Кун рассматривает единственный на его взгляд способ смены парадигмы – способ научных революций. Действительно, в социальных системах изменить состояние неорганизованной среды, подняв его до более высокого уровня организации, можно двумя способами [7]. Первый – мощное вмешательство нового системообразующего фактора, типа революций. Однако подобное воздействие на всю среду требует наличия огромных ресурсов. Второй способ – нарушение состояния равновесия в локальных участках неорганизованной среды, внесение в них порядка и организованности, что приведет к уменьшению энтропии. В результате хаос структурируется, в неорганизованной среде появляются некоторые упорядоченные элементы с устойчивым состоянием, поддающимся прогнозированию. В дальнейшем, развиваясь, повышая степень своей организованности, они будут все более активно воздействовать на окружающую их неорганизованную среду в направлении уменьшения степени ее деструктивности. Таким образом, преобразование хаотической системы в организованную происходит постепенно и как бы изнутри, путем укрепления «островков стабильности в океане хаоса». Это способ более длительный, чем первый, но требует меньшего количества ресурсов, направляемых точечными вливаниями в уже структурированные элементы, и в силу своей постепенности и меньшего давления череват меньшими эффектами отторжения, нежели мощное силовое воздействие. Подобным «островком стабильности», упорядоченным элементом в неорганизованной среде в рамках региона может быть учебно-научно-инновационный комплекс (УНИК), в который преобразуется современный вуз. Эта возможность подкреплена его внутренними свойствами.

Во-первых, как уже было показано ранее, среди всех секторов российской науки именно высшая школа сумела в наибольшей степени сохранить свой научный и инновационный потенциал, который может явиться базой активизации инновационной деятельности в регионе и в стране в целом. Во-вторых, УНИК, сосредотачивает в своих рамках все стадии инновационного процесса, включая его инфраструктурное обеспечение и подготовку специалистов, что позволяет ему быть относительно независимым от внешней среды в плане обеспечения этапов инновационного процесса необходимыми

ресурсами – кадровыми, научными и т. д. В-третьих, УНИК производит не один, а три разноплановых вида инновационной продукции – материальную, информационную и специалистов. Это позволяет воздействовать на все аспекты жизни региона – на материальное производство посредством новых материальных продуктов и технологий, на информационную среду региона, на управление и организацию производства и жизни в целом, на культурные ценности и менталитет через новый тип высококвалифицированных специалистов. В итоге деятельность УНИК позволяет сформировать реального субъекта социально-экономических процессов в регионе, способного к сознательной деятельности и достижению реальных результатов. Таким образом, УНИК реально может стать системообразующим компонентом региональной инновационной системы.

Таким образом, по мнению Могилевского В.Д. [7] возможно два способа внедрения инноваций – первый, через смену ядра, путем революции – наиболее быстрый, но и наиболее травматический, конфликтный способ, чреватый многими проблемами. Второй – через нарушение состояния равновесия в локальных участках неорганизованной среды, внесения в них порядка и организованности. Но это не значит, что конфликт при втором способе исключается, ведь нарушение состояния равновесия пусть не в ядре, а на периферии, также приводит к неустойчивости, а значит и к возникновению конфликта.

В связи с этим возникает вопрос о классификации конфликтов в зависимости от того, на каком уровне системы они произошли.

Известно, что любая система иерархизирована, ее можно условно разделить на ядро и периферию.

Конфликт, произошедший в системе на уровне ядра можно назвать глобальным конфликтом, т. к. он неизбежно распространится на все другие уровни системы. Изменения, возникшие в результате разрешения данного конфликта, произойдут не только в ядре, но и во всей системе, ведь ядро содержит информацию о системе в целом.

В системе вуза ядром является его руководство, ректорат. Конфликт в руководстве вуза обязательно затронет все его структурные подразделения: факультеты, кафедры, а те изменения, которые произойдут в результате того или иного исхода конфликта коснутся так же всех нижележащих уровней.

Если же конфликт происходит в одном из периферийных элементов системы, его можно условно назвать локальным, т. к. возможность его перехода на другие уровни системы незначительна.

Чтобы затронуть ядро системы, периферийных конфликтов должно быть много и они должны иметь однородные причины и быть когерентны, т. е. согласованы.

Конфликт инновационного развития является открытой системой. Для его существования необходимы ресурсы и информация, которая поступает к его участникам как из самой организации, в данном случае вуза, так и из внешней среды. Кроме того, каждый из участников конфликта имеет достаточно степеней свободы для индивидуального самовыражения в конфликте.

Нелинейность является фундаментальной характеристикой открытых систем и предполагает непрерывность выбора альтернатив ее развития [8]. Конфликт, как открытая система, обязательно многомерен, что порождает потребность в разработке таких методов, которые бы показывали различные варианты его развития.

Открытость, диссипативность систем конфликта выражается в том, что он обменивается энергией и информацией с внешней средой. Наличие или отсутствие информации о нововведении влияет на развитие социальной напряженности, и, следовательно, на динамику конфликтов инновационного развития. Так, если имеющаяся информация о нем или ресурсы минимальны, то возможность возникновения конфликта очень мала.

Напротив, если конфликт инновационного развития получает дополнительный приток энергии из внешней среды, то он будет разгораться с еще большей силой.

Понятие самоорганизации выражает способность инновационных конфликтов к упорядочиванию своей внутренней структуры.

Это возможно при наличии большого числа участников конфликта, причем их поведение должно быть когерентным. Когерентность есть согласованное протекание во

времени конфликтного взаимодействия сотрудников вуза, которое либо ослабляет социальную напряженность, либо усиливает ее.

Кроме того, любой конфликт в своем развитии подходит к точке бифуркации, в которой его участники оказываются перед выбором возможных вариантов его развития. В данной точке конфликт инновационного развития находится в неравновесном состоянии, где малейшие флуктуации (случайные обстоятельства) могут кардинально изменить направление дальнейшего развития конфликта, т. к. именно в ней можно с помощью минимальных усилий повернуть развитие конфликта в конструктивное русло, т. к. в этой точке система достигает максимальной неустойчивости.

Рассмотрим так же понятие «аттрактор» применительно к конфликту инновационного развития. Аттрактор означает устойчивое состояние системы, которое как бы «притягивает» к себе все множество «траекторий» системы, определяемых различными начальными условиями. Если система (в данном случае конфликт) попадает в среду аттрактора, то она неизбежно эволюционирует к этому устойчивому состоянию.

Если в качестве аттрактора выступает новое инновационное качество вуза, то безусловно, попадая в среду аттрактора, конфликт разрешится конструктивно, победой прогрессивных, модернизационных сил.

Говоря о развитии конфликта, необходимо не забывать и об объемной нелинейной положительной обратной связи – механизме самоподстегивающего развертывания процессов, действующем в каждой точке открытой нелинейной среды; механизме ускоренного саморазвития, нарастания процессов по всему пространству среды. Этот механизм лежит в основе режимов с обострением. В связи с этим нужно помнить, что конфликт может мгновенно вырасти по типу «снежного кома», если применить неверную технологию его разрешения. Для успешного построения технологии разрешения конфликтов в процессе управления инновационными изменениями необходимо первоначально построить фазовый портрет конфликта – последовательность возможных состояний системы в фазовом пространстве, образующую более или менее сложную «траекторию» эволюции системы.

Говоря о специфике возникновения конфликтов инновационного развития в учреждениях высшего профессионального образования необходимо отметить, что в вузе как в единой системе при внедрении инноваций, сталкиваются структуры разного возраста – структуры, находящиеся на разных этапах эволюции, на разных стадиях приближения к моменту обострения, что обуславливает неизбежность возникновения конфликта. Так, жесткая, очень старая, структура однопрофильных факультетов и кафедр, приходит в столкновение с новыми, только формирующимися полипрофильными подразделениями, лабораториями, кафедрами, факультетами. Такое же столкновение можно увидеть и в том, что старые, давно сформированные стимулы к инновациям входят в соприкосновение с новыми, подчас противоречащими им.

Еще один симптом подтверждает положение о столкновении структур разного возраста. Изначально вузы, в особенности университеты, формировались на принципах фундаментальности образования. В современных вузах принцип фундаментальности образования все более потесняется новым – необходимостью углубления специальной подготовки. Это неизбежно приводит к инновационному конфликту.

Мы уже упоминали понятие ядра системы. Ядро выполняет роль посредника во взаимодействии остальных элементов среды. Это управляющий элемент, главное место концентрации информации системы, в котором в сжатом виде записана история развития системы, ее сущность. Ядро есть диалектический синтез противоположностей – целого и части и содержит в себе общее этих противоположностей, поэтому ядро системы является потенциально тождественным элементам системы. Понятие «ядро» мы будем рассматривать в двух аспектах. В первом, уже упомянутом аспекте ядро выступало как структурный элемент (в этом аспекте ядром является руководство вуза).

Но конфликт как таковой представляет собой тоже систему. И в этой системе так же имеются ядро и периферия.

Ядром конфликта является его главная идея. И это второй аспект рассмотрения нами понятия ядра.

Положение о ядре системы очень важно для разработки технологии разрешения конфликтов инновационного развития, ибо только воздействуя на ядро системы, можно в принципе разрешить конфликт. На это потребуются гораздо меньше усилий, чем при множественных воздействиях на среду ядра, причем, даже очень большие усилия при разрешении конфликтов инновационного развития, примененные на периферии, могут не привести к положительному результату. Ведь ядро останется неизменным!

При разрешении конфликтов инновационного развития в вузе необходимо обратить внимание на управление вузом. С синергетической точки зрения управление – это разнообразные по формам и по «жесткости» способы связей уровней, обеспечивающие нормальное функционирование и развитие системы. На разных уровнях управления происходит чередование жестко детерминированного и вероятностно-статистического способов управления. Насильственное поддержание одного из способов управления, препятствование его изменению на противоположный, неизбежно повлечет развитие и углубление конфликта.

Заключение

Управление обусловлено наличием в системе цели, т. е. поведение системы целесообразно, целенаправленно. Поэтому, если в качестве цели выступает инновационное развитие, (а источник преобразования системы или ее функций лежит обычно в самой системе), то конфликты, возникающие в ходе этого развития, будут способствовать процессу самоорганизации, разрушая старые устоявшиеся консервативные традиции и давая начало формированию новых, прогрессивных свойств системы.

Список литературы

1. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта//Социологические исследования, 1994. – №5.
2. Василенко Л.А. Образование в синергетическом контексте//Перспективы синергетики в XXI веке/Л.А. Василенко, Н.С. Мельникова. Сборник материалов Международной научной конференции. – Белгород, 2003.
3. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. – СПб.: Алтейя, 2002
4. Тулмин С. Человеческое понимание. – М.: 1984.
5. Поддубный Н.В. Наука как саморазвивающаяся система знаний. Белгород: Политерра, 2003
6. Кун Т. Структура научных революций. – М.: ООО Изд-во АСТ, 2002, – 608 с.
7. Могилевский В.Д. Методология систем. – М.: Наука, 1999. – 251 с.
8. Котельников Т.А. Теоретическая и прикладная синергетика. Белгород: Крестьянское дело, 2000. – 162с.

THE MODERNIZING POTENTIAL OF THE CONFLICT OF INNOVATIONAL DEVELOPMENT IN THE HIGH SCHOOL

V.B. Tarabaeva

Belgorod State University, Pobedy St., 85, Belgorod, 308015, Russia;
e-mail: tarabaeva@bsu.edu.ru

The problem of the conflict of innovational development in the high school is described. The analyses of different points of view to the problem of conflict in given. The synergetic approach is used to describe the conflicts of innovational development. It is established that the innovational development can't exist without contradictions and conflicts. It is shown that the conflict of innovational development has the modernizing potential in the high school.

Key words: conflict of innovation development; synergetic approach, non-stationary self-organization; the system-managing factor; management.

СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ЛОКАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТКЛОНЕНИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Г.А. Борисов¹⁾, Г.М. Тарасенко²⁾

¹⁾Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: Borisov@mail.ru

²⁾Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: g-tarassenko@mail.ru

Вхождение России в рыночную экономику, создание гражданского, демократического общества сопровождается значительной эскалацией социальных отклонений. Наиболее разрушительное воздействие они оказывают на молодежь. Эмпирический материал, используемый в настоящей статье, получен в ходе социологического исследования, проведенного среди молодежи малых городов Белгородской области. Авторы предлагают комплекс мероприятий по ограничению социальных отклонений.

Ключевые слова: отклоняющееся поведение, преступность, алкоголизм, наркомания, проституция, суицид, социальное управление.

Введение

Российская социальная традиция богата разнообразием приемов, методов и средств открытого подавления, или напротив регламентации определенных социальных пороков (разрешение проституции в Российской Империи с 1843 г. вплоть февральской революции 1917 г. или отпуск легких наркотиков из аптечных пунктов по рецептам врачей в СССР до 1937 г.).

В целом, общество находилось и продолжает пребывать в постоянном поиске наиболее эффективных механизмов социального контроля в отношении социальных отклонений.

Все из апробированных государственных моделей так и не смогли полностью искоренить базисных причин воспроизводства социальных пороков в российском обществе. Не случайно в настоящее время существует насущная потребность в разработке эффективных и сбалансированных механизмов социального контроля в отношении наиболее деструктивных форм девиантного поведения среди молодежи, особенно в условиях малых городов России, имеющих существенные институциональные особенности и специфические условия социального взаимодействия.

Методы исследования. Экспериментальная часть

Как показали результаты проведенного нами исследования среди молодежи малых городов Белгородской области, основополагающей причиной распространения девиации в среде молодых людей малых городов Белгородской области является кризис ценностных ориентаций молодежи, порожденный экономическими трансформациями и дестабилизацией общественной жизни. Своеобразный ценностный вакуум в сознании молодых людей особенно наглядно проявляется в том, что большинство из них считает свою жизнь бесполезной, ненужной другим (50,6%), бесперспективной (54,8%), бесцельной (68,7%), неинтересной (61,3%), разобщенной (68,7%).

По оценке самих молодых людей, доминирующими факторами поведения молодежи в современных условиях являются следующие: зависть (76,3%), агрессивность (73,1%); жажда острых ощущений (69,4%); конфликты с родителями (59,2); избыток свободного времени и его плохая организация (57,5%); насилие в самой молодежной среде (55,6%).

Эта ранжировка существенно расходится с теми представлениями, по которым девиантность поведения молодежи вызывается главным образом бедностью, плохими примерами, конфликтами с учителями и т.п.

Параллельно с опросом молодежи малых городов было проведено анкетирование экспертов из числа специалистов, проживающих в данных населенных пунктах (сотрудников ОВД – специалистов отделов профилактики преступлений и правонарушений несовершеннолетних, школьных социальных педагогов и психологов). Всего было опрошено 120 человек, из них сотрудников ОВД – 22 человека, социальных педагогов, психологов системы общего, начального, среднего и высшего профессионального образования – 78 человек, специалистов территориальных управлений (отделов) по делам молодежи – 20 человек.

Анализ ответов экспертов обращает внимание на следующие тенденции. На первые места в плане детерминации девиантного поведения среди молодежи опрошенные эксперты ставят экономические факторы: бедность, имущественную и социальную дифференциацию. Между тем, негативные последствия общественных деформаций более существенны, чем влияние на поведение подростков низкого материального уровня жизни. На экономические правонарушения их чаще толкает не бедность сама по себе. Определенную роль играет действие механизма относительной депривации, т.е. ощущение ущемленности своего материального положения по сравнению с положением других.

Значительную роль в воспроизводстве социальных отклонений в молодежной среде, по мнению экспертов (более 84%), играет общий моральный кризис в российском обществе. В целом, произошло не только изменение иерархии жизненных потребностей, но и деятельности социальных институтов, которые должны эти потребности формировать и обуславливать интересы членов общества, их нормативные установки и образцы социальной деятельности.

Наряду с этими процессами социологические исследования в нашей стране и за рубежом показали, что в процессе реформирования произошли изменения ценностей: уважение к таким ценностям, как «дисциплина», «послушание», «выполнение долга», «подчинение», «скромность», «самообладание», «бескорыстие», «самоотверженность», «покладистость» значительно ослабло и, напротив, к таким ценностям как «свобода» (от авторитетов), «признание» (личности), «автономия» (отдельного человека), «удовлетворение эмоциональных потребностей», «самореализация», «раскованность», «самостоятельность» и «личная неприкосновенность» возросло [1, с. 112].

В непосредственной связи с девальвацией ценностей, выраженных понятием долга и одобрения существующего порядка, и возрастанием значения ценностей, относящихся к самореализации, находится утрата доверия к государству, недовольство практически всеми институтами политико-административной сферы современного российского общества.

Примечательно, что значительное большинство экспертов (87%) считают, что ситуация с девиантностью в молодежной среде малых городов будет ухудшаться, тогда как только 9% экспертов надеются на улучшение ситуации в этой сфере, 4% опрошенных затруднились ответить на этот вопрос.

Результаты исследования

Полученный результат всего комплексного исследования определяется, на наш взгляд, следующими объективными условиями.

1) Правовой незащищенностью (несоблюдение со стороны государственных органов прав населения может выступать питательной почвой для возникновения ответной реакции – закононепослушания).

2) Неясностью будущего, отсутствием перспектив для определенной части молодежи (образование не гарантирует не только построения успешной карьеры, но и получения рабочего места, при этом, становясь платным, оно уже сейчас для многих из слабо защищенных категорий населения оказывается недоступным).

3) Девальвация моральных ценностей (честный труд не гарантирует материального благополучия, а пример преуспевающих девиантов, их безнаказанность, подталкивают к несоблюдению и нарушению закона. Размывание нормативных установок способствует росту нравственного нигилизма среди молодежи).

4) Отсутствие рационально организованного досуга (отсутствие авторитетных массовых молодежных организаций, незанятость и социальная незащищенность молодых людей имеют следствием прогрессирование различных видов девиаций, выполняющих в значительной степени компенсаторную функцию. В данном случае девиация выступает в качестве средства ухода от проблем реальной действительности.

Таким образом, можно сделать следующее логическое заключение: отсутствие стабильности и перспективы, дороговизна жизни, безработица, лишаящая людей заработка, способствуют обнищанию населения, росту не только социальной апатии как взрослого, так и подрастающего поколения, но и недовольства, агрессивности, стремлению решать свои материально-финансовые проблемы противоправными способами.

Молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет стали относительно активнее включаться в незаконную деятельность. Их доля среди осужденных за правонарушения выросла с 21% до 26% между 1990 г. и 1998 г., и что более тревожно, доля в серьезных преступлениях увеличилась с 22% до 29% [2].

Причина этому очевидна: молодые люди в большинстве своем – относительно бедные, т.к. они либо не работают, либо более низко оплачиваются в легальном секторе экономики, нежели их взрослые коллеги. Конкретные условия, стадии, местные особенности формирования и деятельности подростковых криминальных групп были предметом многочисленных исследований отечественных и зарубежных специалистов [3, p. 113-134].

Самое опасное сегодня – не столько масштабность поведенческих отклонений, сколько отношение к ним самой молодежи. «Запретные плоды» воспринимаются как необходимая ступень на пути к мужественности, силе, как возможность продемонстрировать свою независимость и самостоятельность, доказать внешнее принятие общегрупповых моделей поведения. Подобное отношение на протяжении последних лет было характерной чертой подростковой социализации. Но сегодня оно превращается в ценностную модель поведения, стандарт, от принятия которого во многом зависит социальное самочувствие молодого человека.

Условно этот феномен можно обозначить как обратную трансформацию ценностей – замену привычных ценностных понятий на прямо противоположные, что осложняет, и без того непростую и противоречивую, социальную картину российской действительности.

Молодежные девиации выступают уже не только как показатель дезадаптированности молодого поколения, но и как индикатор дезорганизации общества в целом, ценностного раскола социального пространства.

В ответах экспертов довольно низкие ранговые оценки в плане противодействия наиболее деструктивным проявлениям асоциального поведения молодежи отводятся таким социальным институтам как образовательные учреждения (7 ранговое место) и средства массовой информации (9 ранговое место).

Безусловно, в настоящее время профилактический потенциал учебных заведений и местных средств массовой информации используется недостаточно и не эффективно.

Под резкую критику сегодня попадает вся система воспитания, которая отторгается и молодежью. Это значит, что школа перестала играть важнейшую социализаторскую роль. «Школа остается учреждением, отторгающим от себя детей и не способным в силу этого выполнить свои воспитательные функции», – констатируется в одном из немногих документов, где была предпринята попытка зафиксировать насущные проблемы и наметить пути развития российской системы образования. И здесь же: «воспитание в процессе обучения лишь декларируется» [4, с. 13].

Проблема современного образования сегодня кроется в том, что в периоды социальных модернизаций оно оказывается не в состоянии отразить свои основания и избрать адекватную линию своего движения. Идя традиционными путями, оно оказывается не в силах вписаться в новые социальные процессы, теряя свое значение и становясь ненужным. Пытаясь соответствовать новым общественным реалиям, оно бросается в новации, которые не в состоянии осмыслить с позиций их значения для социума. Результат получается еще хуже – оно становится социально-опасным.

Большинство образовательных новаций, имея авторство в педагогике, не обремененной социальной грамотой, плохо соотносится с базисными общественными процессами. А усугубляет эту ситуацию недостаточная изученность последних и невыработанность правил адаптации предлагаемых в образовании шагов и решений к имеющимся общественным характеристикам. Поэтому лучшие побуждения в образовании оказываются либо нереализуемыми, либо необеспеченными, либо оборачиваются совершенно неожиданными и чаще негативными последствиями.

Кризис межпоколенных коммуникаций и невозможность предшествующего поколения влиять на управление социальным поведением и социальными установками молодежи сильно поколебали общественные позиции прежних моделей и представлений о смысле, назначении и механизмах образования. Образование уже не только не в состоянии объять собой все пространство социализации, оно часто оказывается не в состоянии противостоять влиянию «семьи» и «улицы» (то есть, процессам стихийной социализации).

Она реагирует на ситуацию ухудшения условий ее жизни и угрозы ее существованию не только переориентацией своего поведения, избирая иные, чем раньше, нормы и ценности, но даже иногда вообще неприятием любых форм «социальности» и социализации. Если эта проблема зайдет далеко, то совершенно бессмысленными будут попытки улучшить положение дел по имеющимся и традиционным ценностным параметрам.

Проблем и трудностей в этот процесс добавляют и своеобразные процессы, то исподволь, то прямо разрушающие семью как основной субъект социализации. Урбанизация и умирание сел, уменьшение числа живых человеческих связей и их возрастающая социальная формализация, перемалывание традиционных коллективных укладов современными неосмысленными социально-политическими и управленческими «инновациями» уничтожают позитивное социализующее влияние среды.

Многие социальные отклонения зарождаются в процессе социализации или вызваны недостатками семейного воспитания. Занятость родителей, малодетность, замена моральных ценностей материальными способствуют развитию девиантных наклонностей и поступков.

Экспертный опрос был нацелен, в том числе, и на выявление потенциала активизации работы по противодействию различным проявлениям социальных отклонений в молодежной среде малых городов. Среди приоритетных направлений можно выделить следующие системообразующие.

1. Организационно-управленческое.

Организационно-управленческое обеспечение предполагает преодоление межведомственной разобщенности и нескоординированности воспитательно-профилактической деятельности различных социальных институтов, учреждений и ведомств и создание полномочных органов государственной и муниципальной власти, ведающих проблемами противодействия социальным отклонениям в молодежной среде, включающих в свой штат профессионально подготовленных юристов, социальных работников, психологов, медиков, способных осуществлять весь комплекс мер социальной помощи нуждающимся категориям.

В то же время эксперты всех исследуемых малых городов в своих ответах на вопрос о наличии на их территориях единого координирующего органами, занимающегося организацией противодействия социальным отклонениям среди молодежи, высвети-

ли довольно неоднозначную картину. В исследуемых территориях обнаруживается преобладание отрицательных ответов в отношении существования единого координирующего органа по организации работы различных ведомств и структур в плане противодействия социальным отклонениям в молодежной среде. Так, в Валуйках 75% опрошенных экспертов либо отрицают существование такого органа, либо не знают о его существовании; в Губкине – 62%, в Шебекино – 68%.

2. Кадровое обеспечение.

Довольно важной составляющей организации эффективной работы по противодействию социальным отклонениям среди молодежи малых городов является кадровое обеспечение повседневной профилактической работы. Общим недостатком организации социально-педагогической работы с молодежью является нехватка в соответствующих структурах (учебные заведения, отделы по делам молодежи, социальные службы) мужчин, при абсолютном преобладании женского персонала.

Не смотря на то, что подавляющее большинство (97%) опрошенных экспертов имеют высшее образование, тем не менее, только 3% указали на то, что они хорошо знакомы с отечественным и зарубежным опытом по противодействию социальным отклонениям среди молодежи, еще 22% ответили, что знакомы, но недостаточно хорошо, 75% ответили, что не знакомы.

Свои же познания в области профилактики социальным отклонениям среди молодежи эксперты пополняют преимущественно из следующих источников (по частоте упоминаний): коллеги по работе – 43 чел., личные наблюдения – 37 чел., региональные и федеральные средства массовой информации – 16 чел., местные средства массовой информации – 13 чел., государственная и ведомственная статистика – 11 чел. Таким образом, у опрошенных экспертов преобладают исключительно субъективные источники информации о девиантном поведении молодежи.

Ситуация усугубляется еще одним обстоятельством. Результаты экспертного опроса позволяют сделать вывод об отсутствии системы повышения квалификации для социальных работников, педагогической общественности по проблемам асоциальных проявлений в молодежной среде. Около 92% респондентов высказались отрицательно по поводу проводившихся за последние 3 года семинаров по данной проблематике.

3. Информационно-аналитическое обеспечение.

Информационно-аналитическое обеспечение работы по противодействию социальным отклонениям среди молодежи малых городов – явно недооцененный участок работы заинтересованных структур.

Безусловно, в том или ином виде проблематика девиантного поведения среди молодежи получает отражение в местных средствах массовой информации. С этим утверждение согласились 95% опрошенных экспертов. Частота публикаций на эту проблематику в местных СМИ, по мнению опрошенных специалистов, выглядит следующим образом: один раз в неделю – 12%, один раз в месяц – 56%, один раз в полугодие – 32%.

В то же время ответы экспертов позволяют сделать вывод об определенной односторонности в освещении местными средствами массовой информации асоциального поведения молодежи. Так, подавляющее большинство экспертов (94%) во всех малых городах указали на преобладание в местных печатных изданиях обзоров деятельности ОВД (видимо, речь идет о т.н. «криминальных сводках»). Такие формы массовой информации как аналитические статьи (1,2%), полемические заметки (2,2%), письма читателей (1,7%), круглые столы (0,9%) занимают весьма скромное место.

4. Профилактические мероприятия.

Безусловно, каждое из проявлений социальных отклонений среди молодежи требует исключительно дифференцированного подхода, набора специфических форм, методов и приемов профилактической работы.

Так, формирование и эффективная реализация алкогольной политики требуют от государства, прежде всего, четкого изложения своей официальной позиции в отношении массового потребления алкоголя.

Без научно обоснованной концепции не могут быть четко сформулированы основные цели алкогольной политики, правильно определены пути и средства их достижения, а без этого оказываются малоэффективными практически все действия по предотвращению пьянства, наркомании, проституции среди молодежи малых городов.

В целях создания благоприятного социального микроклимата в малых городах серьезное внимание должно быть уделено профилактике суицида. В соответствии с приказом Минздрава РФ от 06.05.1998 г. № 148 «О специализированной помощи лицам с кризисными состояниями и суицидальным поведением» в России должны функционировать такие суицидологические службы, как «телефон доверия», кабинет социально-психологической помощи, отделение кризисных состояний. Эти службы предназначены для оказания специализированной стационарной и амбулаторно-консультативной помощи суицидентам.

Учитывая высокую степень актуальности проблемы суицидального поведения в малых городах Белгородской области, следует отметить необходимость принятия следующих мер.

Организация комплексной системы лечебно-профилактической помощи суицидентам на территории региона – учреждение новых специализированных структур и объединение действующих психопрофилактических служб и программ под управлением координирующего органа – комплексного медико-психологического кризисного Центра, задачами которого являются: проведение мониторинга ситуации в различных территориальных образованиях, организация и проведение научных исследований; организационно-методическое обеспечение и разработка образовательных программ; психокоррекционная и психотерапевтическая деятельность; социальная терапия и социальное вмешательство в трудных жизненных ситуациях.

Систематизация статистических данных, разработка и запуск системы регионального мониторинга, учитывающего не только количественные (число суицидов и парасуицидов), но и качественные показатели (образ жизни, интересы, микросоциум суицидента и т.д.).

Разработка для управленческого персонала, специалистов на основании полученных исследований аргументированных программ и рекомендаций по снижению социально-экономических потерь вследствие суицидальной активности населения.

Заключение

Анализ повседневной управленческой практики, результаты проведенного социологического исследования позволяют выявить определенный потенциал и направления совершенствования работы заинтересованных структур по локализации ареала распространения социальных отклонений в молодежной среде малых городов.

В целом, только консолидированные усилия региональных властных структур и общественности смогут выступить заслоном на пути распространения социальных отклонений в молодежной среде малых городов.

Список литературы

1. См.: Девиантное поведение в России: проблемы и перспективы исследования. Материалы сессии Академии социальных наук. М., 1994; Этнос. Нация. Общество. Этнологический словарь. М., 1996. С. 112.
2. См.: Российский статистический ежегодник / Госкомстат России. М., 1999.
3. См.: Салагаев А. Л., Максудов Р. Р. Подросток в городе: проблемы социализации. Казань, 1988; Салагаев А. Л. Молодежные субкультуры. Казань, 1997; Sullivan T. Juvenile prostitution: A critical perspective // *Deviance and the family*. N.Y.; L., 1988. P. 113-134.
4. Бодалев А.А., Малькова З.А., Новикова Л.И. Концепция воспитания учащейся молодежи. Ротапринт. М., 1994. С.13.

SOCIAL-ADMINISTRATIVE TECHNOLOGIES OF LOCALIZATION OF PUBLIC DEVIATIONS IN YOUTH ENVIRONMENT OF SMALL CITIES

G.A. Borisov¹⁾, G.M. Tarasenko²⁾

¹⁾Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia;
e-mail: Borisov@mail.ru

²⁾Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia;
e-mail: g-tarasenko@mail.ru

The entry of Russia in market economy, creation of a civil, democratic society is accompanied by significant escalation of social deviations. The most destructive influence they render on youth. The empirical material used in present clause, is received during the sociological research which has been carried out among youth of small cities of the Belgorod area. The authors offer a complex of measures on restriction of social deviations.

Keywords: deviating behaviour, criminality, alcoholism, narcotism, prostitution, suicide, social management.

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИННОВАЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Г.А. Борисов¹⁾, С.А. Шовгенья²⁾

¹⁾Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: Borisov@bsu.edu.ru

²⁾Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: nadutkina@bsu.edu.ru

Изложена определенная позиция по определению специфики управленческой работы инновационных организаций. Развитие организаций происходит путем освоения разнообразных инноваций, в постоянной борьбе со всем консервативным. Проведенный анализ показал, что четкая политика в области разработки инновации в организациях задает направление сбора информации и выработке предложений, что в свою очередь приводит к поиску возможностей и создает мотивацию для групп разработчиков. Для придания инновационным процессам организаций направленного характера необходима разработка инновационной политики организации.

Ключевые слова: управленческая деятельность, организация, инновация.

Организации объективно обладают различной восприимчивостью к инновациям. Подчас то, что использовалось, и было известно для одних организаций, при внедрении в другие является новым делом и может привести к немалым трудностям. Инновационный потенциал организации существенно зависит от параметров организационных структур менеджмента, профессионально-квалификационного состава, промышленно-производственного персонала, внешних и внутренних условий хозяйствования и других факторов.

Отметим, что развитие организаций происходит путем освоения разнообразных инноваций. Сами инновации могут затрагивать все сферы деятельности организации. Инновационными являются любые технические, организационные, экономические, управленческие изменения, отличные от существующего сложившегося порядка действий производимых в организации. Причем, проводимые достаточно серьезные инновации в одной сфере деятельности организации, влекут за собой практически незамедлительно изменения в сопряженных участках, что как правило приводит к общей перестройке организационных структур менеджмента.

С одной стороны, инновационные процессы происходящие в организации находятся в постоянном противоречии со всем консервативным, направленным на сохранение существующего положения и порядка работы организации, с другой, нацелены на определенные изменения в пределах заявленной стратегии развития организации и значит сопряжены со значительным повышением технико-экономической эффективности деятельности организации.

При проведении инновационных изменений организации подвергаются определенному риску. Степень риска при различных инновационных мероприятиях неоднородна. Менее рисковыми считаются те мероприятия, которые связаны с частичной модернизацией оборудования и технологии производства, обновлением выпускаемой продукции, снижением издержек производства и материальной заинтересованности членов трудовых коллективов в результатах своего труда. По сути дела указанные риски являются обязательными условиями постоянного повышения эффективности организации.

Внедрение в организациях принципиально новых фундаментальных разработок из области науки и техники, а также новых организационно-экономических, управленческих решений по экспертным оценкам значительно увеличивает степень инновационного риска.

Общие тенденции определяются следующим образом, позитивное влияние на инновационный потенциал организаций оказывает децентрализация в принятии решений, низкий уровень формализации и регламентации управленческих работ, способность организационных структур менеджмента гибко перестраиваться в соответствии с изменениями задач и условий деятельности. Данная деятельность носит творческий характер, она плохо сочетается с жесткой регламентацией работ и централизацией принятия решений, болезненно трудно вписать ее в формализованные организационные структуры менеджмента.

Потенциал организаций ориентированный на инновационную деятельность может предопределяться разнообразием и степенью производственно технологического единства входящих в их состав производственных единиц. Складывающаяся зависимость в данном процессе такова: инновационный потенциал тем выше, чем более активную роль играют организации в воспроизводственном процессе, и чем больше степень интеграции их основных производств. Последовательно проводимая политика внедрения нового экономического механизма управления даст возможность организациям выйти за рамки производственной стадии воспроизводственного цикла. Организации получают возможность активно участвовать в формировании стратегии развития, возможность концентрировать значительные усилия и средства на обновлении производственного парка оборудования, а также разработке и освоении новой техники, наиболее полном удовлетворении запросов потребителей товаров и услуг.

В практике управления инновационными процессами необходимо уделять отдельное внимание стимулированию инноваций. Здесь важная роль в процессе реализации стратегии технического развития организации играют способности стимулов воздействовать на поведение участников инновационного процесса. В конечном счете, интерес организации определяет повышение активности коллектива организации, в свою очередь его заинтересованность в ускорении инноваций и их практической реализации. Управленческий ресурс закладывается в главный принцип стимулирования, когда размер материального поощрения участников инноваций зависит от планируемого размера прибыли и от внедрения конкретной инновации.

Для придания инновационным процессам организаций направленного характера необходима разработка инновационной политики организации. Осуществление инновационной политики в целом определяет необходимость выполнения следующего алгоритма действий:

1. Разработки планов и программ инновационной деятельности;
2. Наблюдения за ходом разработки инновации и ее внедрением;
3. Рассмотрения проектов разработки инноваций;
4. Проведения единой инновационной политики;
5. Координации инновационной деятельности в функциональных и производственных подразделениях;
6. Обеспечения финансовыми и материально-техническими ресурсами;
7. Обеспечения разработки инновации квалифицированными кадрами;
8. Создания временных целевых групп для комплексного решения инновационных проблем (от замысла до внедрения инновации).

Четкая политика в области разработки инновации задает направление сбору информации и выработке предложений, что приводит к настойчивому поиску возможностей и создает мотивацию для групп разработчиков.

Многие авторы исследовательских работ отмечают, что сложившаяся в 1980 –е гг. система менеджмента процессом инноваций предполагает: создание центральных служб для координации инновационной деятельности; выделение целевых проектных групп или центров по разработке инноваций; образование венчурных подразделений и специальных фондов стимулирования инновационной деятельности; организацию консультационной помощи в области инноваций.

Результативность любого вида инноваций прежде всего определяется уровнем квалификации персонала. Необходимо проводить постоянную работу по реализации кадровых мероприятий по обеспечению выполнения задач инновационной организа-

ции. В рамках поставленных инновационных задач отбирать таких ученых инженеров, которые в наибольшей степени способны выдвигать новые идеи и работать в новых направлениях науки и технологии без постоянного контроля инновационных менеджеров. Инициатива, природная любознательность – это как минимум те качества, которые можно назвать факторами успешной работы специалиста. Такой специалист должен иметь соответствующее образование, интеллектуальные способности выше средних, быть профессионалом в своей области знаний, уметь использовать свои знания, умения, навыки для достижения намеченных результатов.

При назначении специалиста на должность в конкретной организации определяется уровень его деятельности. Это важно как для выполнения работ программы, так и для поддержания оптимального социально-психологического климата организации, что особенно важно, если это инновационная организация. Особенности работы персонала инновационной организации включают необходимость подстраиваться под небольшие ежегодные изменения портфеля заказов, что связано, как правило, либо с расширением сферы деятельности организации, либо при прекращении некоторых крупных работ или программ.

Все перечисленное дает возможность обоснованно говорить о специфике управленческой работы инновационных организаций и необходимости проведения развития потенциала инновационных организаций для дальнейшего расширения и углубления инновационных процессов имеющих достаточную степень актуальности в развитии страны.

Проводимый анализ инновационных процессов показывает, что потребность в инновациях в большинстве случаев зарождается в самой организации. Организация как потребитель сама осуществляет необходимые разработки для удовлетворения собственных потребностей в совершенствовании организации производства и повышения технического его уровня. Инновации стимулируются увеличением спроса на продукцию, ростом объема продаж, особое место в указанном процессе можно отвести вопросам возможного повышения цен на отдельные виды ресурсов.

Высокое качество при выполнении программ может быть обеспечено только при поддержании в организациях самых высоких стандартов инновационной деятельности. Менеджмент организации должен быть направлен на создание обстановки, мотивирующей достижение максимальных результатов каждым. Для этого каждый специалист должен работать в таком коллективе специалистов, у которых он может учиться. Менеджеры инновационных подразделений организации должны предоставлять возможность специалистам демонстрировать свой потенциал, им следует предоставлять возможности участвовать в совещаниях, конференциях самого высокого уровня, чтобы понимать стратегические цели своей работы и правильно оценивать ее качество.

SPECIFICITY OF ADMINISTRATIVE WORK OF INNOVATION ORGANIZATIONS

G.A. Borisov¹⁾, S.A. Shovgenya²⁾

¹⁾Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia;
e-mail: Borisov@bsu.edu.ru

²⁾Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia;
e-mail: Nadutkina@bsu.edu.ru

The paper is giving the definite position on determine the specificity of administrative work of innovation organizations. The organizations' development is going by the mastering of multifarious innovations, with permanent struggle against the conservative elements. The analysis shows that the efficient policy in the area of working out the organizations' innovation gives the direction for information collection and for proposals forming. It brings to a search of opportunities and creates a motivation for makers' groups.

УДК 342.415

**ПАРЛАМЕНТАРИЗМ КАК РЕЖИМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ**

Г.А. Борисов

Белгородский государственный университет, 308015, ул. Победы, 85;
e-mail: Borisov@bsu.edu.ru

В статье предлагается общетеоретическая интерпретация парламентаризма как государственно-правового режима осуществления государственной власти. Формулируются и комментируются показатели (компоненты) парламентаризма сквозь призму перспектив становления этого демократического института политической и правовой жизни России.

Ключевые слова: парламент, парламентаризм, государство, народное представительство, депутат, закон, конституционализм, государственная власть.

I

Преобразования в государственно-правовой жизни России на рубеже XX-XXI веков знаменуются восприятием институтов и форм, апробированных мировой положительной практикой государственного строительства. Среди них конституционное государство, система разделения властей, права человека, парламент и парламентские обсуждения, в процессе которых кристаллизуются важные государственные решения. Внимание исследователей в последние годы привлекает политико-правовое явление “парламентаризм” с точки зрения индивидуализации научных представлений. Интерес этот связывается с радикальным переустройством законодательных органов и систем народного представительства в общем контексте реформирования институтов власти и режима её осуществления.

Актуализация проблемы просматривается особенно сейчас в связи с предпринятием все новых инициатив по изменению законодательства и самой Конституции Российской Федерации для продления полномочий действующего Президента РФ и готовностью Федерального Собрания подстроить конституционные сроки, либо даже заменить форму государственного правления, ориентируясь на личные качества главы государства. Есть повод и основание, поэтому говорить о медленной трансформации правового режима осуществления государственной власти в сторону деформации, которые при углублении неблагоприятных тенденций могут обернуться институциональными изменениями. Последние при слабости парламентских и конституционных традиций в России приведут к институциональным и нормативно-правовым рассогласованиям, что не может не сказаться с отрицательной стороны на стабильности и устойчивости государственной организации, состоянии конституционной и обычной законности.

Между тем для России сейчас первоочередными являются задачи преодоления издержек переходного общества и государства – предпринятия мер по модернизации

экономики, осуществлению социальных программ и на этой основе подведение под государство экономической базы и социальной опоры. Необходимо также углубление реформ законодательства, судебной-правовой, административной, успешное противостояние таким неблагоприятным тенденциям, как бюрократизация, коррупционность, организованная преступность, наркотизация и др. Иными словами, это формирование гражданского общества и социально-демократического государства на базе политической и правовой системности. Одним из центральных, консолидирующих общество факторов дальнейшей стабилизации и общества, и государственной жизни является наращивание парламентских традиций, становление режима парламентаризма. Важным это становится не только для России, но и для всех государств социально-демократической ориентации. Весьма ценным, поэтому является опыт становления парламентаризма в других странах.

II

Термин и само явление «парламентаризм» не является новым в теории и практике функционирования представительных учреждений за рубежом и в России. Это продукт семи-восьми вековой истории становления, развития европейской государственности, чаще всего не принимаемый отечественной теорией и практикой отечественного государственного строительства.

Еще К. Маркс, подчеркивая классовый характер буржуазной демократии и парламентаризма определял его существо в праве угнетенных классов один раз в несколько лет решать, какой представитель имущих классов будет «представлять и подавлять» (*ver – und zertreten*) народ в парламенте» [1]. Термин присутствует в юридических исследованиях в дореволюционное время [2].

В современной юридической литературе возобладает институциональный срез представлений о парламентаризме, в том числе в связи с системой разделения властей (В. А. Шеховцев), обособлением парламентского права (Н. А. Богданова), парламентского процессуального в составе конституционного процессуального права (М. С. Саликов) [3]. Имеют место деятельностные характеристики парламентаризма, в том числе связанные с функционированием системы народного представительства, порядком взаимодействия представительных и исполнительных структур власти [4]. Заслуживает внимания оценка парламентаризма как принципа, отражающего господствующую тенденцию (закономерность) развития демократического государства, [5] а также как режима солидарности между правительством и представительными органами [6].

Принимая во внимание приведенные и возможные другие характеристики парламентаризма, следует обратить внимание на «разброс» позиций при естественном тяготении исследуемого явления к отрасли и науке конституционного права. Вместе с тем, многоплановость соответствующей научной категории (общеполитические, общеметодологические, а также отраслевые грани представлений), во-первых, создает условия для ее общетеоретического исследования как явления государственно-правовой жизни, претендующего на свое собственное место в системе других явлений современной демократической государственности. Во-вторых, такой подход обуславливает рассмотрение парламентаризма в ряду с такими однопорядковыми явлениями, как конституционализм, законность. В-третьих, парламентаризм, конституционализм, законность становятся компонентами более общего явления государственно-правовой жизни демократического режима осуществления власти в государстве [7], реализации властных полномочий институтами законодательной, исполнительной, судебной ветвей власти. Но если демократический режим как целостный компонент формы современного государства правильно характеризуется как политический режим осуществления высшей власти, то парламентаризм, конституционализм и др. – это государственно-правовые грани, стороны проявления демократического режима.

III

Парламентаризму при этом свойственны свои собственные показатели, которые создают основания для индивидуализации этого явления, занимающего свое собственное место в государственно-правовой жизни современного общества. Эта сторона не получила еще должного внимания в практике в силу молодости данного института и его незавершенности, а в плоскости научных исследований – недостаточной проработанности. Важной здесь становится аналитическая работа – исследование парламентаризма по компонентам.

1. Парламентаризм – это, прежде всего, социально-политический срез государственно-правовой жизни, в котором реализуется политический плюрализм, соответственно, многопартийная система. Они прямо связывают режим парламентаризма с общеполитическим и правовым демократическим режимом осуществления государственной власти, в котором обеспечивается приоритет личностных начал над всеми другими интересами и ценностями, реализация основных прав и свобод человека и гражданина, просматриваются другие показатели демократического политического и государственно-правового режима. В социально-политическом компоненте парламентаризма закладываются и преломляются в сфере государственно-правовой жизни другие его компоненты, которые в конечном счёте определяют степень напряжённости (режим) власти, осуществляемой в условиях демократии.

2. Парламентаризм характеризуется наличием институционального компонента, представительного учреждения, формируемого избирателями страны на основе свободных выборов. Достижение в этой части состоит в том, что парламент является постоянно действующим, активно функционирующим, имеющим юридическое оформление и правовой статус законодательной власти. Весомая роль парламента, – как правильно подчеркивает С. А. Авакьян, – состоит в принятии законов, участии в формировании и реализации государственной политики, формировании ряда государственных органов и назначении высших должностных лиц, выполнении функций парламентского контроля [8].

Парламентаризм в связи с такими оценками предполагает достаточно весомую роль парламента в системе других конституционных органов, прежде всего ветвей власти. Однако это вовсе не означает утверждения, с одной стороны, реального верховенства парламента как главного условия наличия режима парламентаризма[9]; с другой – «растворение» парламента среди других конституционных органов, даже возобладание исполнительных структур власти над парламентом. Значительную роль парламент играет уже в силу того, что он принимает законы, обладающие верховенством среди всех других нормативных правовых актов. Это всегда дает о себе знать как тенденция.

Вместе с тем, такой тенденции противостоят другие, в частности, бюрократизации исполнительных структур власти, милитаризации государственного аппарата, доминирования в системе власти одной партии и др., т. е. тенденция возобладания режима министриализма[10]. Это становится возможным в условиях, когда представительный орган государства не отражает реального соотношения сил в обществе, а само государство не базируется на надежных основаниях и институтах гражданского общества. Олигархическая экономика, бюрократизация, коррупционность, возобладание государственных начал, с одной стороны; с другой – неспособность населения к самоидентификации, отсутствие политической системности и гражданской инициативы, партикуляризм и др. лишает государство надежного фундамента устойчивости и энергии поддержки населения страны, консолидированного институтами гражданского общества. Поиск такого рода связей осуществляют институты власти, но, снова иницируя перемены «сверху», бюрократическим путем, даже если имеют место многопартийность, такие институты, как общественная палата и др.

В этих условиях, когда происходит сложный процесс формирования самосознания и кристаллизации интересов социальных слоев и групп населения, трудно рассчи-

тывать на форсирование перемен. Страна переживает последствия длительного отчуждения населения от собственности, власти гражданской инициативы. Это непосредственно сказывается на состоянии, качестве формируемых институтов власти, особенно парламента.

3. Институциональный срез парламентаризма дополняется наличием особого правового статуса депутатов парламента и порядком взаимоотношения депутатов и избирателей. Действующая Конституция РФ исходит из отсутствия императивного мандата. Отсутствует и право отзыва, не оправдавшего доверия избирателей депутата государственной Думы, общефедерального парламентского учреждения.

Отсутствие императивного мандата понимается как несвязанность депутата обязательствами перед своими избирателями, неподотчетность перед ними. Это не означает умаления значения наказов избирателей, их информирования о деятельности избранного в Государственную Думу депутата на регулярных встречах. Но главной задачей народных избранников становится осознание потребностей развития общества, уравнивание интересов социальных слоев и групп населения всей страны, выстраивание на этой основе законотворческой политики и деятельности. Депутат ответственен не столько перед избирателями округа, сколько перед всем народом, страной. Реализуется такая ответственность в ходе очередных избирательных кампаний. Это с одной стороны. С другой – ответственности депутата корреспондирует публично-правовая электоральная ответственность. Она складывается как результат принятого избирателями решения об оказанном доверии кандидату в депутаты, либо о предпочтении политической программы одной из партий, участвующих в избирательной кампании. Реализуется электоральная ответственность в связи с отсутствием права отзыва депутата, не оправдавшего доверия избирателей и понуждением избирателя взвешенно относиться к выбору кандидата в депутаты.

Конечно, существуют определенный порядок привлечения к ответственности депутатов парламента, даже в условиях их неприкосновенности. Но речь здесь о наличии или отсутствии публично-правовой ответственности депутатов и избирателей. Для депутата она реализуется в отказе в доверии на очередных выборах в парламента. Электоральная ответственность складывается как непоколебимость конституционного срока избрания депутата. Уязвимой поэтому представляется позиция о возможностях различных подходов к отсутствию или наличию императивного мандата, наличию или отсутствию права отзыва не оправдавших доверия избирателей депутатов. Вопросы эти не следует относить к сфере нравственности [11], они имеют важное публично-правовое значение и свидетельствуют о наличии или отсутствии режима парламентаризма. В частности, утверждение святости конституционных сроков, их приоритетное значение по отношению даже к негативным результатам деятельности депутата, демонстрирует большую политико-правовую ценность конституционной законности по сравнению с интересом и благом отзыва депутата, не оправдывающего доверия избирателей. Вопрос о свободном или императивном мандате и наличии или отсутствии права отзыва депутата является существенным, если не одним из важнейших показателей парламентаризма.

4. Режим парламентаризма нуждается в надежном правовом обеспечении. Первым шагом на пути его утверждения становится формирование конституционного государства и системы разделения властей. С одной стороны здесь всегда присутствует юридическая модель формы государственного правления, изначальная заданность которой не дает возможности для маневра, приспособления, встраивания заданных институтов власти ради конъюнктурных соображений и личностных особенностей. Велико поэтому значение не соблазниться ради временной выгоды продления срока избрания действующего Президента РФ, жертвуя конституционной стабильностью и незыблемостью институтов власти. С другой стороны «условия длительной нормативной ориентации» [12] для законодательной, исполнительной и судебной властей, система юридических ограничений и правовых пределов деятельности не может стать препят-

ствием для восприимчивости институтов власти к абсолютным общечеловеческим ценностям, к постоянному наработыванию предрасположенности поддерживать сплоченность общества, обеспечивать качество оказываемых обществу публичных услуг [13]. Главным здесь становится всемерное осуществление основных прав и свобод человека и гражданина, полнокровная реализация социальной функции государства. Это становится продуктивным не только в смысле поддержки незащищенных слоев населения, а тогда, когда раскрепощается инициатива и энергия людей [14], обеспечивается достижение согласия и равновесия в обществе.

5. Для конституционного государства и режима парламентаризма свойственна законность как такой принцип конституционного строя, который представляет универсальное требование к правовой системе, связанное с реальным выражением Права в законодательстве, а также действиями всех субъектов права в режиме точного и единообразного соблюдения, исполнения и применения норм права для обеспечения правовой урегулированности социальных связей. Во многом это зависит от места и весомости полномочий законодательной власти, обеспечивающей конституционность принимаемых законов, верховенство Конституции и законодательных актов по отношению к системе подзаконных нормативных правовых актов. Значительность места и роли парламента в законотворческой деятельности усиливается механизмом обеспечения качества этой работы усилиями Конституционного Суда РФ и других подразделений судебной власти, другими возможностями нормоконтроля.

6. Парламентаризм- это способность и готовность населения страны к самоидентификации на базе ценностей политической и правовой культуры, реализация возможностей формировать институты гражданского общества, автономные по отношению к государству. Общество в этих условия не только формирует свои интересы но и становится ориентированным на конструктивное взаимодействие с государством, т.е. становится государственно мыслящим, а государство – открытым для конструктивных инициатив и активности общества [15]. Велика роль в этом процессе парламентских учреждений призванных улавливать движения и инициативы, вызревающие в обществе и тем самым преодолевать отчуждение государства от общества, и наоборот. Следует такие взаимодействия превращать в устойчивые традиции отечественного народного представительства – составной компонент режима парламентаризма.

IV

В переходном обществе и государстве в России трудно говорить об устойчивости парламентских традиций, завершенности характеристик режима парламентаризма. Не преодолены пока глубокие деформации в сферах экономической, социально-политической жизни, в психологии людей, в политическом и правовом сознании в целом.

Во-первых, олигархическая экономика, ориентированная в основном на сырьевые отрасли, породила и воспроизводит раскол общества при недопустимых для демократического устройства различиях в доходах. Социальная структура общества в этих условиях не складывается в приемлемом для цивилизованного демократического государства варианте, поскольку нет предпосылок для формирования среднего класса, способного стать социальной опорой власти. Во-вторых, само государство не способствует решению главной задачи модернизации страны, приданию социальной направленности экономики, консолидации общества, перекладывая на плечи населения издержки экономической политики (чёрный вторник, дефолт и др.) В-третьих, бюрократическое государство медленно и трудно переходит от бескомпромиссности при решении социальных, в их числе национальных, конфессиональных, профессиональных и других проблем, к социальному согласию, партнёрству, сотрудничеству, приведению общества к равновесию. В-четвёртых, тяжело входят в практику такие демократические институты, как права человека, разделение властей, подконтрольность чиновника, независимость судей. Блага демократии часто оборачиваются грязными избирательными технологиями коррупционностью, разрушением законности.

Тем не менее, есть устойчивая тенденция становления режима парламентаризма в социально-политическом, институциональном, нормативно-юридическом, интеллектуальном и поведенческом срезам. Она, хотя и медленно, но входит в жизнь общества, тем более что других вариантов продвижения к процессу российского общества – нет.

Список литературы

1. Маркс, К., Энгельс, Ф. – Соч., т. 17, с. 344.
2. См. напр. Залесский, В. Ф. Парламентаризм и его оценка на Западе / В. Ф. Залесский – М., 1909; Соколов, К. Н. Парламентаризм: опыт правовой теории парламентского строя / К. Н. Соколов. – СПб, 1912 и др.
3. См., Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт / Под ред. проф. С. А. Авакьяна. – Изд. Моск. ун-та, 2003. – 475 с.
4. См., напр., Астафичев П. А. Народное представительство и парламентаризм: конституционные проблемы. – Орел, 2004. – с. 79 – 105.
5. См.: Чиркин В. Е. Государственное управление – М., 2001. – С. 185.
6. См.: Котляревский С. А. Сущность парламентаризма. – М., 1913, – С. 15.
7. Правильно пишет И. В. Котелевская о том, что понятие «парламентаризм» ближе к понятию политического режима. – См. И. В. Котелевская. Современный парламент // Государство и право. – 1997. – № 3. – С. 5.
8. См.: Конституционное право. Энциклопедический словарь / Отв. ред. С. А. Авакьян. – М., 2001, с. 418.
9. См.: Баглай М. В., Туманова В. А. Малая энциклопедия конституционного права – М., 1998. – С. 300; Онишко Н. В. Парламентаризм как конституционно-правовой институт // Журнал российского права. – № 4, 2003. – С. 38.
10. Онишко Н. В. Парламентаризм как конституционно-правовой институт // Журнал российского права. – № 4. – 2003. – С. 38.
11. См.: Астафичев, П. А. Народное представительство и парламентаризм: конституционные проблемы, с. 59
12. См. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М.- 2001.- с. 55-57.
13. Правильно отмечается, что оптимальные формы разделения и взаимодействия властей в России еще не устоялись. См. Бородин С.В., Кудрявцев В.Н., О разделии и взаимодействии властей в России// Государство и право. 2002. № 5. с. 13.
14. См. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство// Государство и право. 2002. № 2. с. 14.
15. См. Открытое государство: политико-правовое видение // Государство и право. 2003. № 5. С. 60.

PARLIAMENTARIZM AS A REGIME OF GOVERNMENTAL POWER

G.A. Borisov

Belgorod State University, Pobedy St., 85, Belgorod, 308015, Russia;
e-mail: Borisov@bsu.edu.ru

The paper presents general theoretical interpretation of parliamentarism as a legal regime of governmental power. The paper formulates and comments on parliamentarism indicators (components) through the prospects of development of this democratic institution of Russian political and legal life.

Key words: parliament, parliamentarism, state, representation of the people, deputy, parliamentary, law, constitutionalism, institute of power.

**ПРАВО ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЕВРАЗИЙСТВА,
ИЛИ КУДА НАПРАВЛЕН ВЕКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО ВЫБОРА
РОССИИ, УКРАИНЫ И БЕЛОРУССИИ**

В.Е. Рубаник

Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78

В статье рассматриваются некоторые аспекты места и роли института права частной собственности в институциональной системе евразийской концепции развития восточнославянских обществ России, Украины и Белоруссии на современном этапе государственно-правового строительства и его влияния на формирование поливариантности форм собственности в российском, украинском и белорусском обществе.

Ключевые слова: право собственности, институт права собственности, частная собственность, правовое регулирование отношений собственности.

На всем протяжении многовековой истории восточного славянства никогда, наверное, так остро не стоял вопрос о роли и месте России, Украины и Белоруссии в мировой цивилизации, как это имеет место сейчас, когда после распада Союза ССР они оказались буквально на распутье. Общественная и научная мысль – и не только отечественная, но и зарубежная – будучи взволнованными независимостью и традиционной непредсказуемостью исторического выбора большинства постсоветских республик, пребывают в напряженном поиске.

В рамках данной статьи вследствие ее ограниченности не рассматриваются многие из ряда юридических и экономических аспектов проблемы [1; 2; 3] – в данном случае нас интересует вопрос определения места частной собственности в системе общественных отношений в России, Украине и Белоруссии, в самореализации человеческой личности, в ее самодостаточности, попытка обозначить следствия наличия у индивида частной собственности и ее отсутствия, выявить, какое по своим обобщающим критериям и характеристикам общество формируется в случае, когда оно состоит из людей, большинство которых лишено собственности.

В качестве постановочного хотелось бы выделить и вопрос о причинах, приведших российское и украинское общество к состоянию разбитого корыта, поскольку они непосредственно вытекают из отношений собственности, сложившихся в наших странах. Иначе говоря, тезисно хотелось бы дать несколько штрихов к анализу общественных функций частной собственности, которыми изначально определялся и определяется статус человека в обществе, результаты ее жизнедеятельности, а, в конечном счете, – то, кем он становится благодаря наличию у него собственности или вследствие отсутствия ее: субъектом то ли же объектом общественных отношений.

В научной и публицистической литературе по сей день время от времени проскальзывает мысль, сформулированная еще А.И. Герценом: «Я не сожалею о двадцати поколениях немцев, потраченных на то, чтобы сделать возможным Гете, и радуюсь, что псковский оброк дал возможность воспитать Пушкина. Природа безжалостна, она мать и мачеха вместе; она ничего не имеет против того, что две трети ее произведений идут на питание одной трети, лишь бы они развивались. Когда не могут все хорошо жить, пусть живет немного, пусть живет один – за счет других, лишь бы кому-нибудь было бы хорошо и широко» [4, С.55-56].

Относительно проблемы исторического выбора современных России, Украины и Белоруссии современная наука выделяет несколько основных позиций: во-первых, ак-

центрируется внимание на том, что формирование древнерусского государства издревле происходило под влиянием Европы и принятия христианства, – т.е., как части европейской цивилизации; во-вторых, в средние века славяно-русская государственность формировалась частично под влиянием Золотой Орды (по типу восточной деспотии), частично – под западноевропейскими (литовско-польскими) влияниями; вследствие этого, в-третьих, ни государственно-правовое, ни общественно-политическое развитие России, Украины и Белоруссии не является в своей эволюции тождественным ни Западу, ни Востоку, а в большей мере оно отвечает идеологии евразийства.

Еще Л. Морган достаточно убедительно показал, что род представляет собой установление, общее для всех народов, – вплоть до их вступления в эпоху цивилизации, а то даже и позже. В принципе, в общем и целом, общественная организация у всех народов является более или менее идентичной, и хотя, конечно, определенные расхождения имеют место, но все же они не настолько важны, чтобы признавать их принципиальными. Другими словами, представляется возможным утверждать, что история – явление достаточно типологическое; поэтому говорить о том, что какая-то отдельно взятая страна может существовать и развиваться сама по себе, – т.е. об исключительности ее пути развития, – будет, очевидно, не совсем верным.

В культурно-цивилизационном плане человечество едино; по определению К.Ясперса, «единство человечества находит свое отчетливое выражение в том несомненном факте, что повсеместно на Земле обнаруживается близость религиозных представлений, форм мышления, орудий и форм общественной жизни. Сходство людей при всем их различии очень велико» [5, С.257], а нация является лишь промежуточным, переходным звеном в развитии этносов по направлению к наднациональному, планетарному единству.

Одним из главных оснований для постановки вопроса об исключительности исторического пути России, Украины и Белоруссии в научной мысли послужили принципиальные отличия славянской традиции урегулирования отношений поземельной собственности от западной: и в России, и в Украине, и в Белоруссии (в разных, правда, масштабах) вплоть до октябрьского переворота 1917 г. сохранялось общинное землепользование крестьян, которое самым непосредственным образом сказывалось и на помещичьем землевладении.

Анализируя проблему земельной собственности в России, Л.В. Милов исходил в первую очередь из факта значительных расхождений в климатогеографических условиях Запада и Востока: более благоприятный климат Западной Европы позволил крестьянским хозяйствам индивидуализироваться и упрочиться уже на заре цивилизации. Сельская община как форма производственного сотрудничества коллектива индивидов очень быстро трансформировалась там в социальную организацию земельных собственников-земледельцев. Вследствие этого сформировался такой тип государственности, который был призван регулировать взаимоотношения социальных групп общества и осуществлять представительные функции извне страны, нисколько не вмешиваясь в хозяйственно-экономические дела своего населения. Таким образом, центр тяготения в развитии западного государства сосредоточился «внизу», в крестьянском хозяйстве, в деле горожанина-ремесленника или купца. Отсюда и возникают и общественное богатство, и разнообразие форм индивидуальной деятельности, и бурное развитие культуры, искусства, и сравнительно раннее развитие науки [6, С.39-67].

На Востоке же Европы климатические условия были намного суровыми, из-за чего поодиночке осваивать земельные угодья для создания своего хозяйства крестьянам было не всегда по силам. Это обстоятельство чрезвычайно отрицательно сказалось на зарождении и развитии индивидуального крестьянского хозяйства у восточных славян. Но было ли оно решающим «тормозом» в его развитии на основе частнособственнических рыночных отношений, которые единственно и обеспечивают нормальное существование и развитие экономики?

С другой стороны – и раннефеодальному, и средневековому, и более позднему государству нужен был народ-воин – легкий на подъем, готовый по первому же призыву тронуться с места, идти в поход, на войну, не будучи привязанным к земле владельцем. Как оказалось, одно дело – руководить голытьбой, и совсем другое – хозяином, твердо стоящим на собственных ногах и поглощенным заботами не о каких-то там далеких завоевательных походах, а, в первую очередь, – своим собственным хозяйством.

Преодолевая подобные собственнические устремления, государство создало и упрочило условную форму феодального землевладения, резко усиливающую политико-экономическую роль бюрократии. Как следствие, господствующий класс дворян оказался в прямой зависимости от государя, точнее, – от его окружения, от той центральной власти, которая наделяла дворянина именем «за службу» и «для службы».

Почему же государству довелось (и удалось!) вести себя настолько бесцеремонно даже и в отношении своего господствующего класса? Как представляется, усиление роли государства объективно вело к формированию параллельно с господствующим классом еще одного господствующего класса как класса, фактически управляющего государством, – многочисленной бюрократии, включившей в себя и часть дворянства. Бюрократия усиливалась тем, что сословная корпоративность дворянства была еще довольно слабой, из-за чего расколоть ее не было задачей тяжелой.

С другой стороны, господствующее положение бюрократии препятствовало изменениям, эволюционному развитию самого государства, поскольку бюрократия стремилась оторвать страну от мировой (и, в первую очередь – европейской) цивилизации, особенно после того, как в странах Западной Европы прошла волна антифеодальных революций. Тогда же, когда бюрократия пыталась ликвидировать отставание страны, догнать передовые западные страны в экономическом отношении, она это старалась сделать путем усовершенствования техники и технологии производства – и только, не понимая того, что это отставание является по сути вторичным, а первичным, и главным выступает отставание в развитии социальном (задержка с отменой крепостного права в России; отмена его с ограничением крестьян в праве на частную собственность, с изъятием у них значительной части земель («отрезки») в пользу помещиков; оставление нетронутой феодальной собственности; сохранение общинного землепользования; укрепление и развитие государственной собственности в промышленности и т.д.). Поэтому очевидным, видимо, будет то, что в основе российского, украинского и белорусского технического и технологического отставания лежит, в первую очередь, отставание социальное; фундаментом же последнего выступают неурегулированные надлежащим образом отношения собственности, которые не позволяют сформировать сословную основу общества – крепкий, стойкий и многочисленный средний класс владельцев, который не был создан ни реформами 1860-х гг., ни последующими, – вплоть до сего дня, – преобразованиями восточнославянского общества.

Фундаментальной основой человеческого бытия, бесспорно, выступает экономика [7, С.122] законы развития которой являются универсальными: повсюду экономическая жизнь любого общества организована на началах соединения частной и общественной собственности. Относительно разных стран все различия, на наш взгляд, могут быть сведены к простым расхождениям в пропорциях соотношения частной и общественной собственности. При этом вторая составляющая, которая, как правило, в большинстве случаев становилась государственной, оказываясь затем в полнейшем распоряжении государственной бюрократии.

В условиях Запада удалось найти лучшее соотношение частной и общественной собственности: там буржуазные революции последовательно решали свои задачи по ликвидации монополии феодалов на собственность и утверждению принципа рассредоточения собственности в народе как еще в процессе общественного переворота, так и позже – во второй половине XX ст., пройдя этапы первоначального накопления и монополизации. В результате всего этого сегодня на Западе сформировался «демос» –

мощный средний класс владельцев, выступающий устойчивой социальной базой демократического устройства западного общества.

Характерным выступает и то, что в общественных отношениях на Западе давно установился приоритет личности, и именно это приоритетное развитие личности обеспечило Западу нынешний его статус. Запад раньше отыскал универсальный для всей планеты путь развития, что фактически послужило предпосылкой колонизации им других частей света. И хотя эта колонизация происходила на этапах позднефеодального и раннекапиталистического общественного развития, со всеми теми негуманными следствиями, что вытекали отсюда, тем не менее, во-первых, колонизированные Западом народы тем самым приобщались к цивилизации; во-вторых, в меру гуманизации человечества они освобождались от колониального гнета и с помощью бывших метрополий находили возможность развиваться соответственно общим историческим законам – скажем, пример из истории взаимоотношений Великобритании и Индии и результаты последующего постколониального социально-экономического и политико-правового развития последней свидетельствуют в этом плане сами за себя.

В условиях же Востока государство с самого начала имело значительную власть надо всем обществом. Со временем бюрократией эта власть постепенно была доведена до отождествления ею себя с обществом, следствием чего стал лозунг: «интересы государства (якобы общества) – превыше всего!» Поэтому и российское государство, строго придерживаясь лишь собственных интересов, признавая принцип частной собственности только для незначительной части общества, к началу XX ст. сформировало почти полностью лишенный собственности народ-наемник в составе крестьян-полупролетариев (две трети которых составляла полная беднота) и пролетариев.

Отмена крепостного права, последующие революционные события, строительство «социализма» в одной отдельно взятой стране, «перестройка» и постсоветские реформы 1990-х гг. свидетельствуют о том, что и Россия, и Украина, и Белоруссия в своем развитии при всех отклонениях от мировых стандартов, с опозданием, тяжело, но все же идут в общецивилизационном направлении: к формированию гражданского общества с рыночной экономикой, при доминировании в ней частной собственности. Эта тенденция, пробиваясь сквозь все сети, отбрасывает навязанную государством, канувшим в Лету, теорию и практику «исключительности» российско-украинско-белорусского пути развития.

Предыдущие и нынешние достижения Запада во многом выступают для нас тем ориентиром, к которому следует стремиться, – однако определившееся стремление «европеизировать» Россию, Украину и Белоруссию не может достичь своей цели «европейским» же путем – такая возможность давно уже утрачена, поскольку этап первоначального накопления капитала в наших странах, не пройденный при более благоприятных условиях начала XX ст., является абсолютно непреодолимым в начале XXI ст. Вследствие этого возвратиться в общемировое цивилизационное русло развития Россия, Украина и Белоруссия могут как бы с «другого конца». Цивилизуясь, Запад развивал частную собственность во всех ее ипостасях, содействуя тому, чтобы частными собственниками становились как можно больше людей, расширяя их ряды поднятием благосостояния пролетариев физического и умственного труда. И мы тоже будем вынуждены создавать общество частных собственников, наделяя граждан собственностью, разгосударствляя экономику, индивидуализируя национальное богатство, – и так будет непременно, несмотря на сегодняшнее разграбление государственной собственности чиновниками и криминальными структурами.

При всем расхождении Востока и Запада социально-экономическая структура их обществ является тождественной и развиваются они, в конечном счете, в одном и том же направлении, поскольку все расхождения между ними в сущностном отношении можно свести к одному количественному параметру – к разным пропорциям социально-экономических структур с соответствующими естественными причинами отстава-

ния или опережения в социально-экономическом развитии. Тенденция к сближению, точнее – к подтягиванию отстающих до уровня передовых в истории проявлялась всегда, сейчас же она становится доминирующей в политике и практике все большего числа народов [8, С.32-33]. Несмотря на то, что «догоняющая модернизация» в целом потерпела неудачу, – и это признается сейчас почти всеми ведущими учеными мира [9, С.187-188] – она, тем не менее, не может стать непреодолимым препятствием для отсталых народов в их стремлении догнать передовые страны. Не будь так, любое «волевое» вмешательство в ход истории в той или иной стране повело бы последнюю в совсем другом, отличающемся от мирового развития направлении, причем бесповоротно. На практике же такое отклонение ведет лишь к временному торможению развития, к отставанию той или другой страны или какого-то региона от мировых стандартов. А потом, так или иначе, действие общих законов (тенденций) развития берет свое, и общество возвращается (или же стремится возвратиться) на путь, которым следуют передовые, высокоразвитые страны. Именно так происходит сейчас и в России, и в Украине, и в Белоруссии.

Большевизмом традиции российской государственности были доведены до абсурда [10, С.12], вследствие чего страна оказалась вытесненной на обочину мировой цивилизации. В то же время следует отметить, что, начиная еще с Московского государства XVI ст. и Российского государства последующих столетий, налицо было и стремление не отделяться от Запада. Иностранцы писатели, бывавшие в России, наблюдали «широкие претензии стать наравне с другими, даже выше многих других, отмечали желание вписаться в число потомков Августа и пристать к семье христианско-европейских государств, при первой же возможности завязать с ними сношения, создать общие интересы ...» [11, С.129].

Анализ через призму отношений собственности показывает, что экономический уклад всех стран основывается на частной собственности граждан и государственной собственности. Расхождение между Западом и Востоком – в доминировании второй над первой на Востоке, и наоборот – на Западе; следствием этого и явилось отставание Востока (включая Россию, Украину и Белоруссию) от Запада. Особой «исключительности» российско- украинско-белорусского пути, особой цивилизации, как это стараются доказать некоторые ура-патриоты, в общепринятом значении понятия «цивилизация» тоже, как представляется, нет, – наличествует лишь некая попытка отклониться от общего вектора развития мировой цивилизации, которая и удается (т.е., удается «отстать»), чтобы потом попытаться хотя бы догнать. В итоге мы снова рискуем быть вытесненными на обочину мировой цивилизации.

Исторически процесс обретения человеком свободы непосредственно связан с развитием материального богатства, с движением права собственности на средства производства в обществе. Класс или социальный слой, сумевшие сохранить свою собственность от перехода ее к другому классу (социальному слою) или же овладевшие ею тем или иным путем, становились (оставались) свободными; были свободными и люди, его составлявшие. Но значит ли это, что если «так было», то иначе и не могло быть, и не должно было быть? Правил ли миром корыстный интерес правящих классов, которые, удовлетворяя свои интересы с излишествами, подавляли творческие начала в подвластном им большинстве обществ, и тем делали историю такой, какой она и стала? Если могло быть лишь так, как было, то объективный процесс движения собственности должен был бы вести к многократной ее монополизации: рабовладельческой, феодальной, капиталистической (государственно-капиталистической), – с тем, чтобы на последнем этапе, подведя человечество к грани всеобщей катастрофы (социальной и экологической), развернуть в обратном направлении – к по возможности более широкому рассредоточению собственности в народе, и тем самым спасти человечество от гибели.

На рубеже XIX-XX ст. российский капитализм стремительно набирал обороты, но поскольку этот рост капитализма достигался через ухудшение социально-

экономического положения подавляющего большинства народа, то последующие анти-собственнические проекты большевиков очень легко накладывались на российскую действительность. Российское общество давно было больным и «беременным» – революцией, бунтами, восстаниями. Неполных тринадцать лет начала XX ст. дали три революции, последняя из которых имела катастрофические последствия.

Возможно ли достичь некоего «социального иммунитета» сегодня? И если возможно, то как? По нашему мнению, такой «социальный иммунитет» состоит в правильном решении проблемы собственности. Если обратиться к пониманию богатства Марксом – пониманию богатства как самостоятельной силы, то нельзя не заметить, что именно в этом понимании и содержится ключ к разгадке принципа классово-пролетарского подхода марксизма к объяснению прошлого, настоящего и будущего человеческого общества. Богатство, по мнению Маркса, может вообще существовать только благодаря принудительному труду – рабству, или опосредствованно принудительному труду – наемному труду [12, С.281]. Это утверждение классика марксизма построено на констатации реалий его времени, а также истории, – и потому верно.

Итак, богатство как самостоятельная сила имеет место благодаря принудительному труду в обеих его формах, – если оно является достоянием отдельных частных лиц, и его лишено большинство народа. Значит, для того, чтобы богатство не стало самостоятельной силой и не формировалось принудительным трудом, т.е., чтобы последнего вообще не было, следует богатство сделать достоянием всех, и тогда все трудоспособные индивиды будут трудиться на объектах своей собственности, оформленной в том или другом виде. Наемный работник в чистом виде (полностью не имеющий собственности) устраняется, чем устраняется и принуждение к труду. Принуждение же к труду лежит в основе всех других форм насилия над человеком, а насилие, как известно, вызывает соответствующую реакцию: отсюда – бесконечный процесс в жизни человечества, основанный на насилии над всем и вся. Часть человечества (страны Запада) во второй половине XX ст. нашла замену принуждению к труду, заключающуюся в рассредоточении собственности в народе.

Поэтому возможным представляется констатировать, что сама по себе частная собственность – ни хороша, ни плоха: все зависит от того, на каких началах она существует и действует. Как и любое другое явление, она несет в себе и положительную, и отрицательную стороны: тем, у кого она есть, она дает возможность ощущать свою самодостаточность, противостоять деспотизму власти. Отрицательная ее сторона вытекает из того, что и до сих пор собственность наличествует далеко не у всех людей. И тот, у кого ее нет, оказываются лишенными самостоятельности, неспособными противостоять вторжению других в свою личную жизнь. Отсюда следует, что главной целью регулирования частнособственнических отношений должно стать превращение всех людей в собственников и недопущение разорения одних как способа обогащения других.

Наличествующих выдающихся успехов Запад добился, прежде всего, развивая личность, утверждая индивидуализм, прошедший в своем развитии два этапа. На этапе первоначального накопления капитала индивидуализм привел к обогащению немногих и разорению большинства. Этап монополистического капитализма принес человечеству две мировые империалистические войны и едва не установил господства тоталитарных режимов. На современном этапе развития капитализма индивидуализм для все большего числа людей начал реализовываться через относительную демократизацию капитала, и ныне в развитых странах Запада собственниками средств производства в различных формах выступают до двух третей общества [13, С.78-82; 14, С.106-115].

Ныне и Россия, и Украина, и Белоруссия судорожными усилиями пытаются продвинуться дальше по пути реформ, избирая то один, то другой, то третий рецепты модернизации и реформирования общественных отношений. Как отмечал В.Бодров, «в начале рыночных преобразований (1992-1995 гг.) в концептуальном определении стратегии трансформационных процессов властвовали представления и оценки междуна-

родных финансовых организаций. Сегодня наблюдается определенный теоретический переворот. Становится более критичным отношение не только к социальным и экономическим последствиям мероприятий, направленных на быструю стабилизацию и приватизацию, но и к их теоретическому фундаменту – неоклассике, которой предъявлено обвинение в ограниченности и утопизме. ... Трансформация экономических систем означает, прежде всего, установление новых правил игры, соответственно которым сначала изменяются лишь «экстернальные учреждения» (законы и т.п.). Тем не менее, успех экономических трансформаций в значительной мере зависит от того, удалось ли изменить «интернальные» учреждения (ценности, установки, обычаи)» [15, С.78].

Из всех этих рецептов одни являются более, другие – менее приемлемыми для современных российско-украинско-белорусских реалий, могут применяться как в своей совокупности, так и в отдельности, отбирая лучшее из каждого, однако при этом не представляется возможным согласиться лишь с одной, предлагаемой некоторыми авторами точкой зрения, соответственно которой исключение в социально-экономическом прогрессе составляет не Восток, т.е., не Россия, Украина и Белоруссия, а Запад, процветавший на большей части пути своего развития. Поэтому думается, что сегодняшняя наша низкая способность к бизнесу – следствие многовекового, доведенного большевиками до абсурда, отрицания принципа частной собственности для большинства народа, и надо только удивляться тому, что у нас еще остаются люди, отвечающие требованиям универсального закона жизни человечества, – люди, склонные и способные к предпринимательству. Хотелось бы верить, что число их резко возрастет, когда мы действительно встанем на путь превращения всех граждан в реальных собственников национального достояния, поскольку иным путем создания среднего класса будет лишь криминальный, избежать которого хотелось бы больше всего. Поэтому наиглавнейшей в процессе реформирования отношений собственности в России, Украине и Белоруссии, на наш взгляд, выступала, выступает и будет выступать проблема отыскания того баланса между собственностью частной и государственной, который удовлетворит интересы по возможности большей части общества, и тем самым удержит его от социальных неурядиц.

Список литературы

1. Рубаник В.Е., Домашенко М.В. Собственность и право собственности: Очерки по истории, философии, теории и практике регулирования отношений собственности в Украине. – Харьков: Факт, 2002. – 550с.
2. Рубаник В.Е. Институт права собственности в Украине: проблемы зарождения, становления и развития. – Харьков: Легас, 2002. – 352с.
3. Рубаник В.Е. Собственность в истории российской и украинской систем права: общее и особенное (Отношения собственности в восточнославянской традиции правового регулирования: историко-правовое исследование). – Харьков: Консум, 2004. – 520с.
4. Герцен А.И. С того берега // Собр. соч.: В 30 т. – Т.6. – М.: Госиздат, 1955.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. / Пер. с нем. – 2-е изд. – М.: Республика, 1994.
6. Милов Л.В. Общее и особенное российского феодализма // История СССР. – 1989. – № 2. .
7. Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Наука, 1987.
8. Суперфин Л.Г. Осознание общецивилизационного сдвига и проблемы выработки новой парадигмы в социально-экономической мысли Запада. – М.: ИЭ РАН, 1992.
9. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. – М.: Новости, 1992.
10. Тен В. Собственность как она есть: Почему демократические революции заканчиваются диктатурами? – Малоярославец, 1993.
11. Ключевский В.О. Сказания иноземцев о Московском государстве. – М.: Прометей, 1991.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т.46. – Ч.1.
13. Супян В.Б. Собственность работников на американских предприятиях // США: экономика, политика, идеология. – 1991. – № 5.
14. Тарасова Н.Н. США: акционерная собственность трудящихся // Полис: Политические исследования. – 1991. – № 2.
15. Бодров В. Державне регулювання трансформаційних процесів в економіці: інституціональний підхід // Вісник Української Академії державного управління при Президентові України. – 2002. – №3.

**PRIVATE PROPERTY RIGHT
IN THE INSTITUTIONAL SYSTEM OF EURASIANISM OR WHERE
THE VECTOR OF HISTORICAL CHOICE
OF RUSSIA, UKRAINE AND BYELORUSSIA IS DIRECTED**

V.E. Rubanyk

Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia;

The article deals with some aspects of the place and role of the private property right institution in the institutional system of the Eurasian concept on the development of East Slavonic societies in Russia, Ukraine and Byelorussia at the present stage of state legal construction and its influence on the formation of polyvariation of property categories in Russian, Ukrainian and Byelorussian societies.

Key words: property right, property right institution, private property, legal regulation of property relations.

УЧАСТНИКИ ПРАВОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА СУБЪЕКТОВ РФ

В.Н. Самсонов¹⁾, Е.В. Самсонова²⁾

¹⁾ Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;

²⁾ Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;

Авторы статьи значительно расширили и углубили теоретические знания о системе, понятии и признаках участников правотворческого процесса субъектов РФ.

Ключевые слова: правотворческий процесс, участник правотворческого процесса, принимать закон, опубликовывать закон.

Правотворческий процесс субъектов РФ, как и иные виды юридического процесса, характеризует свой круг участников, обладающих определенными правами, и несущих, установленные законом обязанности.

В связи с этим теория государства и права призвана раскрыть их систему, сформулировать и обосновать понятие и те признаки, которые присущи участникам правотворческого процесса субъектов РФ.

Определить систему участников правотворческого процесса субъектов РФ достаточно сложно. Дело в том, что эта система существенно и объективно отличается от системы участников других видов юридического процесса, причем это отличие имеет качественные и количественные характеристики.

Качественные характеристики связаны и вытекают из назначения правотворческой деятельности субъектов РФ, которая заключается в подготовке и принятии на основе Конституции РФ, учредительных актов субъектов РФ и законов соответствующей правовой нормы. К созданию этой нормы вольно или невольно стремятся все участники правотворческих отношений субъектов РФ. Интересы участников других видов юридического процесса находятся в другой плоскости. Так, в гражданском и арбитражном процессе интересы их участников связаны с удовлетворением их личных частных интересов. Отсюда закономерно деление названных участников на истцов и ответчиков. В правотворческом процессе субъектов РФ ситуация с определением его участников иная. Все они, как уже отмечалось, стремятся к одной цели – созданию правового закона. Для достижения этой цели в каждом субъекте РФ в порядке установленном Конституцией РФ и учредительными актами субъектов РФ созданы специальные правотворческие лица, которые наделены законом определенным объемом правотворческих полномочий. Это, например, народ (население) субъекта РФ, их законодательные (представительные) органы государственной власти, соответствующие звенья исполнительной государственной власти и органы местного самоуправления.

Каждый участник правотворческого процесса субъектов РФ имеет свое наименование и характеризуется внешней обособленностью, наделен правотворческими правами и обязанностями, благодаря чему способен реально участвовать в правотворческих отношениях. Он выступает во вне в виде единого лица, способен в соответствии со своими правотворческими правами и обязанностями вырабатывать, выражать и осуществлять определенную волю как участник конкретных правотворческих отношений.

Участник правотворческого процесса субъектов РФ отличается от участника правотворческого отношения. Если участник правотворческого процесса субъектов РФ – это лицо, организация, обладающая правосубъектностью, потенциальной способностью вступать в правотворческие отношения, то субъекты этих отношений реально в них участвуют.

Количественные отличия предопределяются качественными. Они как бы взаимодействуют и дополняют друг друга. Речь идет о том, что определить исчерпывающий перечень участников правотворческого процесса в действующем законодательстве практически невозможно. Это граждане, их объединения, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, лица, осуществляющие, контроль над качеством правотворческой деятельности субъектов РФ и т. д., т. е. можно говорить о некой множественности, неопределенности и неоднородности участников правотворческого процесса субъектов РФ.

Это обуславливает целесообразность рассмотрения круга этих участников с позиций системного подхода, позволяющего определить не только отдельные элементы той или иной системы, но и связи между ними, характеризующие организацию взаимодействия различных элементов в процессе их правотворческой деятельности. Данный подход помогает выявить закономерности развития и недостатки существующей системы участников правотворческого процесса субъектов РФ, найти оптимальные законодательные пути ее совершенствования.

Для того, чтобы осветить систему участников правотворческого процесса, необходимо определить тот фактор, который объединяет эту систему и рассмотреть вопрос о классификации этих участников.

Целостность рассматриваемой системы обеспечивается общими задачами, к достижению которых стремятся все участники правотворческого процесса (создание правового закона, издание юридической нормы в соответствии с Конституцией РФ и т. д.). Эти задачи являются главным фактором, подчеркивающим их единство и взаимосвязь. Несмотря на многогранность и различия в правовом статусе, все участники правотворческого процесса субъектов РФ вносят определенный вклад в определение и уяснение ценностей естественного права и формулировании этих ценностей в юридических нормах. Такой главный юридический фактор, который придает целостность участникам правотворческого процесса субъектов РФ и свидетельствует об их единстве и взаимосвязи друг с другом.

В юридической литературе субъекты правотворчества разделены на две группы: участвующие в нем в силу нормативно закрепленных полномочий и участвующие в процессе в силу законодательного наделения их только правотворческой инициативой [1, с.12]. Предложенное деление участников правотворческого процесса субъектов РФ весьма условно, так как правотворческая инициатива есть не что иное, как одна из разновидностей правотворческих полномочий. Кроме того, предложенная классификация не раскрывает все виды участников правотворческого процесса субъектов РФ и не вносит ясность в их наименование. На наш взгляд, участников правотворческого процесса субъектов РФ целесообразно подразделить исходя из той роли, которую они играют в этом процессе.

Данный классификационный критерий успешно применяется в гражданском, уголовном и других видах юридического процесса. Однако в характеристике участников правотворческого процесса он отражает особенности их правового статуса.

Исходя из названного критерия все участники правотворческого процесса делятся на четыре большие группы:

- правотворческие лица субъектов РФ (народ (население) субъектов РФ, законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ и т. д.);
- участники, оказывающие содействие правотворческим лицам субъектов РФ (избирательные комиссии, разработчики проектов законов, эксперты и т. д.);
- лица, осуществляющие нормоконтроль и привлекающие к правотворческой ответственности (Президент РФ, Министерство юстиции РФ, конституционные (уставные суды) субъектов РФ и т. д.);
- лица, отстаивающие свои или чужие правотворческие интересы (групп граждан, иницирующих принятие проекта закона, общественные объединения, депутаты, лоббирующие принятие нужного им или третьим лицам закона и т. д.).

Каждая группа участников правотворческого процесса субъектов РФ состоит из различных их видов. Например, правотворческие лица субъектов РФ исходя из своего наименования делятся на народ (население) субъекта РФ, законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ, органы (должностные лица) исполнительной государственной власти субъектов РФ, органы (должностные лица) муниципальной власти, администрации организаций. Участники, оказывающие содействие правотворческим лицам субъектов РФ, классифицируются исходя из организационной связи, которая существует между ними и правотворческими лицами субъектов РФ, на две группы – организационно зависимые от них (например, комитеты и комиссии законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ) и осуществляющие свои правотворческие полномочия в силу юридической обязанности, сформулированной в законе или договоре (избирательные комиссии, эксперты, переводчики и т. д.)

Таким образом, участники правотворческого процесса субъектов РФ – это совокупность правотворческих лиц, лиц, оказывающих содействие в издании закона, лиц, осуществляющих нормоконтроль и привлекающих к правотворческой ответственности, лиц, отстаивающих свои или чужие правотворческие интересы. Единство названных видов участников обусловлено, как уже отмечалось, наличием той общей цели, к достижению которой они стремятся, а деление на рассмотренные виды той непосредственной ролью, которую они играют в этом процессе.

Формулирование понятия участника правотворческого процесса субъектов РФ – сложная и многоуровневая проблема. Ее решение связано, во-первых, с обоснованием общего понятия участника правотворческого процесса субъекта РФ, во-вторых, понятия их отдельных видов, например, «правотворческое лицо», в-третьих, понятия конкретного участника правотворческого отношения.

Исходными в понимании участника правотворческого процесса субъектов РФ являются положения теории государства и права, раскрывающие понятие субъекта права. С точки зрения ученых-теоретиков субъект права – лицо или организация, за которой признано законом особое юридическое свойство (качество) правосубъектности, дающее возможность участвовать в различных правоотношениях с другими лицами и организациями [2, с.373]. Исходя из сказанного, мы полагаем, что «участник правотворческого процесса субъектов РФ» – это то лицо и организация, которое наделено законом правотворческой правосубъектностью, дающей им юридическую возможность участвовать в правотворческих отношениях. В данном понятии сформулированы основные качества участника правотворческого процесса, выраженные категорией «правотворческая правосубъектность».

Понятие отдельных видов участников правотворческого процесса субъектов РФ, а также конкретных его лиц формулируется с одной стороны, на основе и в соответствии с общим, сформулированным нами понятием «участник правотворческого процесса субъектов РФ», с другой оно призвано подчеркнуть их юридические особенности (наименование, ту роль, которую они играют в издании правового закона и т. д.).

Отдельные понятия участников правотворческого процесса субъектов РФ сформулированы и закреплены в законе, а некоторые существуют в форме научных конструкций. Однако значительное число участников правотворческого процесса еще не имеет ни законодательного, ни научного определения. Речь идет, например, о правотворческих лицах субъектов РФ, лицах которые содействуют изданию закона, лицах осуществляющих нормоконтроль, лицах, привлекающих к ответственности, лицах, отстаивающих свои или чужие правотворческие интересы. Формулирование понятия этих и других участников правотворческого процесса субъектов РФ исключительно важная задача юридической науки. Мы не ставим цель сформулировать все эти понятия в данной работе, наша цель скромнее. Она состоит в постановке самой проблемы, привлечению к ней внимания ученых-юристов и практиков. В тоже время, проделанная нами работа позволяет предложить определение правотворческого лица субъекта РФ.

Правотворческое лицо субъекта РФ – это народ (население) субъекта РФ, а также те органы и должностные лица, которым предоставлено законом право издавать на основе Конституции РФ, учредительных актов субъектов РФ и законов юридические нормы. Под участниками, осуществляющими содействие в издании закона, целесообразно понимать всех тех, кто на основании закона, правового акта или договора обязан выполнить ту или иную обеспечительную правотворческую работу.

Таким образом, участники правотворческого процесса субъектов РФ характеризуются множеством своих понятий. Ведущее место среди них принадлежит понятию «участник правотворческого процесса субъектов РФ». Все иные понятия формулируются с учетом названного определения и раскрывает специфику правотворческого статуса отдельных видов этих участников.

Основной признак участника правотворческого процесса субъектов РФ выражается в его правотворческой правосубъектности. Эта правотворческая категория также как и правосубъектность вообще состоит из правоспособности, дееспособности и правового статуса (2, 373). Однако названные свойства наполняются особым правотворческим содержанием и потому целесообразно именовать их правотворческая правоспособность, правотворческая дееспособность и правотворческий статус.

Правотворческая правоспособность участника правотворческого процесса субъектов РФ – вид общей правоспособности. Последняя представляет собой, урегулированную законодательством и гарантированную государством возможность конкретного субъекта права вступать в правоотношения. Исходя из этого под правотворческой правоспособностью участников правотворческого процесса субъектов РФ будем понимать их возможность приобретать соответствующие правотворческие права и обязанности, а также совершать предусмотренные законом правотворческие действия и принимать правотворческие решения. Иными словами, правотворческая правоспособность служит условием возникновения реальных правотворческих отношений, предпосылкой приобретения участниками этих отношений конкретных правотворческих прав и обязанностей.

Реализация прав и обязанностей субъекта правотворческого отношения обеспечивается наступлением правотворческих юридических фактов, образующих сами правотворческие отношения. Кроме того, правотворческая правоспособность создает возможность применения к правотворческим лицам субъектов РФ, предусмотренных законом правотворческих санкций.

Правотворческие отношения возникают тогда, когда их участники имеют правотворческую правоспособность, т. е. обладают необходимым объемом прав и обязанностей, создающих основу для их вступления в эти отношения. Каждый участник правотворческих отношений, наделенный законом конкретными правотворческими правами и обязанностями, может рассматриваться в качестве субъекта права.

Специфика юридических норм, регулирующих правотворческие отношения участников правотворческого процесса субъектов РФ, накладывает свой отпечаток на содержание правотворческой правоспособности. Изменения законодательства о правотворческом процессе субъектов РФ также вносят коррективы в сущность этой правоспособности. Например, правотворческая правоспособность гражданина значительно отличается от правотворческой правоспособности законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ.

Вместе с тем, реализацию правотворческой правоспособности участников правотворческого процесса субъектов РФ невозможно представить без их волеизъявления. Проявленная воля того или иного участника по исполнению принадлежащих ему правотворческих прав и обязанностей способствует наполнению их правотворческой правосубъектности юридическим содержанием. Таким образом, правотворческая правоспособность – это потенциальная возможность участника правотворческого процесса субъектов РФ воспользоваться установленными для него правотворческими правами, а также исполнить обязанности, осуществить свою правотворческую компетенцию.

С практической точки зрения правоспособность субъекта правотворческого отношения создает лишь предпосылки для реализации его правотворческого статуса. Иначе говоря, правоспособность характеризует участника правотворческого процесса субъектов РФ как лицо, которое может воспользоваться при наличии соответствующих условий конкретными правотворческими правами, и на которое можно в действительности наложить обязанности (запреты, ограничения), а также привлечь к юридической ответственности.

Правотворческая дееспособность имеет «активное творческое» начало, позволяющее осуществлять нормативно-установленную правотворческую правоспособность участника правотворческого процесса субъектов РФ, т. е. использовать принадлежащие ему правотворческие права и выполнить его правотворческие обязанности, правотворческие полномочия подготавливать и принимать соответствующий закон.

Правотворческая дееспособность предполагает способность участника правотворческого процесса субъектов РФ осуществлять свои правотворческие действия на основе и в соответствии с законом, совершать их своевременно и эффективно. Она состоит из таких элементов как способность участника правотворческого процесса субъекта РФ самостоятельно реализовывать принадлежащие ему правотворческие полномочия, осуществлять установленную законом правотворческую компетенцию, регулировать различные виды общественных отношений, облекать юридические нормы в соответствующие формы, определять круг лиц, на которые они распространяются и т. д.

У разных участников правотворческого процесса субъектов РФ правотворческая дееспособность возникает по-разному. Главным условием ее возникновения является характер прав, обязанностей и полномочий участника. Законодательство закрепляет сам факт наличия и объем правотворческой дееспособности участников правотворческого процесса в зависимости от различных критериев. К ним относятся, например, сроки подготовки и издания нормативного правового акта, правовые акты и договоры, которые требуют от участника правотворческого процесса субъектов РФ совершить те или иные правотворческие действия, должностное полномочие (издать юридическую норму могут только уполномоченные законом участники – правотворческие лица субъектов РФ).

Правовой статус участников правотворческого процесса субъектов РФ. Для того чтобы дать научно-обоснованное понятие статуса участника правотворческого процесса субъектов РФ следует обратиться к исследованиям теории государства и права, раскрывающим понятие «правовой статус субъекта права». Среди множества его определений наиболее предпочтительным и научно обоснованным является, на наш взгляд, мнение тех ученых, которое понимают под этим статусом признанную Конституцией и законом совокупность неотчуждаемых прав и обязанностей человека, а также полномочий государственных органов и должностных лиц, непосредственно закрепленных за тем или иным субъектом права (2, 374). Данное понятие является исходным для формулирования понятия правотворческого статуса участников правотворческого процесса субъектов РФ. Однако в этом понятии должна быть отражена и специфика этих участников, наличие у них особых правотворческих целей и задач, их множественность, разнообразие ролей и т. д.

Исходя из сказанного, под правовым статусом участника правотворческого процесса будем понимать установленную законом совокупность их правотворческих прав, правотворческих обязанностей, правотворческих полномочий и предметов ведения, реализация которых направлена на издание правового закона, а также полномочий, связанных с осуществлением нормоконтроля и привлечением правотворческих органов и должностных лиц к юридической ответственности.

Правовой статус участников правотворческого процесса субъектов РФ разнообразен и подразделяется также как и правовой статус вообще на различные виды. Исходя из того, кому он адресован, этот статус делится на общий статус и специальный статус.

Общий статус – это совокупность тех правотворческих полномочий, которые предоставлены законом каждому участнику правотворческого процесса субъектов РФ. Они содержатся в Конституции РФ, учредительных актах субъектов РФ, законах субъектов РФ о правотворчестве. Однако их количество невелико. К общим правам участников правотворческого процесса следует отнести их право на получение в установленном законом порядке информации и документов, необходимых им для выполнения стоящих перед ними задач.

Сегодня мы стоим на пороге нового общества – информационного [3, с.24]. В таком обществе одним из его направлений становится качественное и всестороннее обеспечение информацией всех тех, кто участвует в подготовке и издании закона. Однако получить на практике информацию необходимую для решения задач, стоящих перед участниками правотворческого процесса субъектов РФ непросто. Дело в том, что в нынешнем законодательстве крайне мало юридических норм, регулирующих те отношения, которые складываются между этими участниками и теми лицами, которые являются собственниками или владельцами информации. В целях преодоления этого законодательного пробела, на наш взгляд, необходимо выделить в Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации» [4] самостоятельный раздел «Информационное обеспечение субъектов правотворческого процесса» и решить в нем ключевые информационные вопросы, связанные с правовым регулированием.

К общим обязанностям участников правотворческого процесса субъектов РФ можно отнести:

- соблюдение Конституции РФ и законов;
- исполнение правовых актов, принятых правотворческими органами (должностными лицами), а также иными участниками, наделенными законом властными полномочиями в правотворческой сфере субъектов РФ (избирательные комиссии, органы, осуществляющие нормоконтроль, правотворческие органы (должностные лица), применяющие правотворческие санкции и т. д.);
- добросовестное исполнение правотворческих обязанностей.

Специальный статус – этот тот статус, который предоставлен законом отдельным видам, а также конкретным участникам правотворческого процесса субъектов РФ.

Правовой статус отдельных видов участников правотворческого процесса включает в себя те правотворческие полномочия, которые адресованы их определенной совокупности. Так, все правотворческие лица субъектов РФ наделены законом правом издавать юридические нормы. Лица, оказывающие воздействие в издании этих норм, обязаны оказывать это содействие (разрабатывать проекты законов, давать экспертные заключения и т.д.).

Наиболее проблемным статусом является статус правотворческих лиц субъектов РФ. Эти лица (народ субъекта РФ, его законодательные (представительные) органы и органы исполнительной государственной власти, органы местного самоуправления, администрации учреждений, организаций), как уже отмечалось, наделены законом правом издавать юридические нормы. В связи с этим возникает вопрос об объеме и содержании их правотворческого статуса. Освещение этого вопроса – одна из центральных задач теории государства и права, которая нуждается в самостоятельном научном исследовании. В этой связи затронем лишь некоторые проблемные аспекты правотворческого статуса правотворческих лиц субъектов РФ, непосредственно связанные с характеристикой их правотворческой подведомственности и их правотворческих полномочий.

Правотворческая подведомственность правотворческих лиц субъектов РФ – это исходный элемент их правового статуса, тот круг общественных отношений, которые в соответствии с Конституцией РФ и законом, регулируются субъектами РФ. Анализ законодательства о правотворческой подведомственности субъектов РФ позволил сделать следующие выводы:

– в действующем законодательстве она, как правило, обозначается двумя терминами: «предметы ведения» (этот термин используется, например, в ст. 72 Конституции РФ) и предмет правового регулирования (данное наименование применяется в законах субъектов РФ о правотворчестве);

– Конституция РФ подразделила эту подведомственность на находящуюся в совместном ведении РФ и ее субъектов РФ и правотворческую подведомственность субъектов РФ.

Предметы совместного ведения РФ и ее субъектов – это те общественные отношения, регулирование которых отнесено Конституцией РФ и законами к компетенции, как Федерации, так и ее субъектов. Круг этих общественных отношений в самом общем виде сформулирован и закреплен в ст. 72 Конституции РФ. Руководствуясь положениями этой статьи каждый субъект РФ вправе совместно с Федерацией регулировать весь спектр отношений, установленных в названной статье Конституции РФ. К этим отношениям она относит, например, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также защиту прав национальных меньшинств. Эти отношения урегулированы законами субъектов РФ об их референдумах, избирательными кодексами и т. д. Вместе с тем, защита прав и свобод человека и гражданина, а также защита прав национальных меньшинств – это единственный вид отношений, который относится Конституцией РФ и законами к исключительным предметам ведения Федерации (ст. 2 и 69 Конституции РФ) и одновременно к предметам совместного ведения РФ и ее субъектов. Здесь требуется вдумчивая и кропотливая работа, связанная с разграничением исключительных полномочий РФ и совместных полномочий Федерации и ее субъектов. Касаясь этого непростого вопроса, отметим, что при его решении не следует отождествлять регулирование прав и свобод человека и гражданина с их защитой. Регулирование прав и свобод человека и гражданина – это предмет исключительного ведения Федерации, а их защита обеспечивается и Федерацией и субъектами Федерации.

В соответствии с ч. 2 ст. 76 Конституции РФ по предметам совместного ведения Федерации и ее субъектов последние издадут не только законы, но и иные нормативные правовые акты. Все они издаются в соответствии с федеральным законодательством. Когда субъект РФ опережает федерального законодателя, издавая нормативный правовой акт первым, вопрос о соответствии его федеральному закону может встать после издания соответствующего федерального закона. Например, в субъектах РФ действуют свои законы о системе органов государственной власти. Вопросы ее построения регулируются субъектами РФ разнопланово и потому внесение изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [5] каждый раз порождает отдельные противоречия между ним и законами субъектов РФ, регулирующими организацию их власти. Однако их устранение не может осуществляться механически. Если правовое регулирование властеотношений осуществлено субъектом Федерации в соответствии с основами конституционного строя, возможно признание правоты этого, а не федерального правового регулирования.

Предметы ведения субъектов РФ. Это те отношения, круг которых определен статьей 73 Конституции РФ. Эта норма установила остаточный принцип определения предметов ведения субъектов РФ. В ней сказано: «Вне предметов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой власти» [6]. Обладание субъектом Федерации такой властью означает его самостоятельность в правовом регулировании своих предметов ведения и правотворческих полномочий.

Правотворческая подведомственность субъектов РФ делится на общую (совместную) и индивидуальную (исключительную). Общая (совместная) правотворческая подведомственность – это те общественные отношения, которые регулируются различ-

ными правотворческими лицами субъектов РФ. Подавляющее число отношений могут одновременно регулироваться законодательными (представительными) органами и органами исполнительной государственной власти субъектов РФ, а также органами местного самоуправления.

На практике немало случаев, когда подзаконное регулирование опережает законодательное. В принципе такая ситуация не является противоправной. Вместе с тем при определении круга вопросов, по которым издаются и законы, и подзаконные акты, следует руководствоваться целым рядом требований, сформулированных и закрепленных в Конституции РФ и законах о правотворчестве субъектов РФ о приоритете закона. На практике это положение означает следующее – законом должны быть урегулированы основные вопросы. Если такой вопрос ранее был урегулирован подзаконным нормативом правовым актом государственного правления, то последний должен быть отменен либо приведен в соответствие с изданным законом.

Индивидуальная (исключительная) правотворческая подведомственность – это те общественные отношения, регулирование которых закон отнес к ведению определенного (конкретного) правотворческого лица. Так, Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» отнес к исключительному ведению законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, например, право принимать устав субъекта РФ и поправки к нему, утверждать бюджет субъекта РФ и отчет о его исполнении.

В заключение отметим, что необходимо продолжить работу по освещению правового статуса участников правотворческого процесса субъектов РФ, создать, в конечном счете, целостную научно-обоснованную концепцию этого статуса.

Список литературы

1. Каменская Е. В. Региональное правотворчество в Российской Федерации (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Каменская. – Саратов, 2005. – 21 с.
2. Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / Под общ. ред. академика РАН, д. ю. н., проф. В. С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2004. – С. 373.
3. Чубукова С. Г., Элькин В. Д. Основы правовой информатики (юридические и математические вопросы информатики): Учебное пособие / Под ред. М. М. Рассолова. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2004. – 252 с.
4. Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» с изменениями, внесенными Федеральным законом от 10 января 2003 г. №15-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 8. – Ст. 609; (2003. – № 2. – Ст. 167).
5. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 23. 12. 2004 г.) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» : // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.
6. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. – М.: ЦИК РФ, 2003. – С.1.

PARTICIPANTS OF REGIONAL LEGISLATIVE PROCEDURE

V.N. Samsonov ¹⁾, E.V. Samsonova ²⁾

¹⁾ Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia;

²⁾ Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia

Authors of the paper considerably enlarged theoretical knowledge in such fields of regional legislative procedure as its system, the concept and signs of its participants.

Key words: legislative procedure, participant of the legislative procedure, pass the law, promulgate the law.

ЭВОЛЮЦИЯ ФУНКЦИЙ КОНСУЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII-НАЧАЛЕ XX ВВ.

Е.В. Сафронова

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 399770, г.Елец, ул. Коммунаров, 28;
e-mail: safronova@yelets.lipetsk.ru

Статья посвящена исследованию отечественного дореволюционного законодательства о функциях консульских учреждений России. Главной особенностью деятельности консулов была многофункциональность. Возникнув как институт правовой защиты торговли и мореплавания, консульская служба по мере расширения и углубления международного общения усложняла свои задачи. Существенной особенностью организации консульской службы Российской империи была система двойного подчинения консулов (ведомствам иностранных и экономических дел). Среди многообразия консульских функций выделялись две основные – обеспечение прав и интересов российских подданных за границей, а также развитие и укрепление торгово-экономических связей России с иностранными государствами.

Ключевые слова: консульские функции, консульская юрисдикция, коммерц-коллегия, коллегия иностранных дел, министерство иностранных дел, министерство финансов, министерство торговли и промышленности, консульский устав.

Проблему определения консульских функций нельзя назвать малоизученной. В отечественной дореволюционной историографии анализ консульских функций давался практически во всех общих работах по международному праву, а также в специальных исследованиях по консульскому. Отечественные исследователи, выявляя консульские функции, исходили, прежде всего, из анализа сложившихся в международном праве обычных и договорных норм.

Отечественное же законодательство, при определении консульских функций, анализировалось мало, а их историческое развитие вообще не рассматривалось. В связи с этим исследование функций, выполнявшихся российскими консулами, и задач, которые ставило перед ними государство, позволяет определить не только особенности становления консульской службы России, но и основные направления внешней политики в разные периоды истории.

Первые российские консульства создавались с целью развития внешнеторговых связей России. В регламенте коммерц-коллегии от 3 марта 1719 г. говорилось, что коллегия должна «прилежную корреспонденцию содержать ... с консулами и с агентами, пребывающими при чужестранных Дворах», и от них получать сведения о том, «как в других государствах и землях российские и чужестранные товары в цене поднимаются и низятыся, такожде как пошлины в чужестранных делах возвышаются и убавляются, какие трактаты о коммерции между чужестранными державами поставлены и какие о морском хождении, купечестве и каперстве и прочих регламенты выданы бывают» (ст. 23) [1]. Данная статья определила одно из обязательных положений, которое позднее стало входить практически во все инструкции, даваемые коммерц-коллегией первым консулам. Однако в период правления Петра I консулам, аккредитованным в различные европейские государства, поручался не только сбор необходимых правительству сведений об иностранных торговых рынках, но и прямо коммерческие операции по продаже казенных товаров и покупке иностранных. Петр видел в консулах, прежде всего, государственных заграничных торговых комиссионеров. В инструкции русскому консулу в Бордо поручику Алексееву говорилось о необходимости продавать казенные товары, «усматривая в цене к лучшему нашему интересу» (ст. 2) [2]. В дополнении к ней, составленной на основе вопросов Алексеева, уточнялось, что допускается продажа

товаров по местным ценам, а «что не продается за деньги, менять на вино» (ст.2-3) [3, 4]. Подобные требования содержались и в инструкции российскому консулу, назначенному в Кадикс. «Товары, которые будут по вашим ведомостям присылаться, – говорилось в назначении, – ... продавать на тамошние деньги и слитки серебряные и золотые, а чего не можно, то менять на товары» (ст. 3) [5]. Консулы далеко не всегда являлись специалистами в области торгового дела, поэтому правительство для успешного выполнения государственных поручений посылало вместе с ними купцов. Например, при назначении Алексеева консулом во Францию в помощь ему были посланы два молодых купца, получивших образование в Голландии. При первом русском консуле в Кадиксе состоял купец Семянников. Ему было поручено производство всех торговых операций.

Создание консульской сети исключительно для государственных интересов являлось существенной особенностью консульского института России в первой четверти XVIII века. Идеи об учреждении консульств в странах Европы с целью развития частной торговли еще не высказывались, так как русские купцы не открыли для себя европейские рынки. В связи с этим и обязанность охраны русских подданных была сформулирована в первых консульских инструкциях весьма неопределенно. В инструкции, составленной лично Петром I российскому консулу в Испании Я.Евреину, этому посвящена всего одна статья общего характера – «всех наших подданных торговых людей, которые там будут, во всяких случаях охранять» [3, л.2].

Несмотря на развитие преимущественно государственной торговли, правительство Петра I рассчитывало, что учреждение консульств и развитие государственной торговли будут стимулировать частную. В 1724 г., отправив консула в Испанию, Петр пытался «собрать компанию из торговых людей» и отправить «для коммерции с тамошними купцами». «Наши люди, – писал он в указе об учреждении торговой компании, – ни во что сами не пойдут, ежели приневолены не будут, того ради коммерц-коллегии для сей новости дирекцию над сим и управление должно иметь как мать над дитя тем во всем, пока в совершенно придет» [6]. С целью оказания помощи частному бизнесу Петр I планировал и обеспечение купцов за государственный счет «кораблями и матросами от Адмиралтейства» [6]. Реализовать намеченные планы не получилось. Первые три корабля, загруженные на 2/3 частными товарами, были отправлены, но организовать постоянную торговлю не удалось.

В отличие от западных государств, куда русские купцы ездили неохотно, азиатский Восток выглядел для них издавна более привлекательно. Здесь главным предметом сношений было обеспечение безопасности русской торговли на Востоке. Поэтому охрана русских подданных и судебнo-административная власть над ними являлись основной функцией консулов в восточных странах. Но стабильные консульские отношения с восточными странами стали устанавливаться только с последней четверти XVIII века.

Деятельность же Петра I, направленная на развитие активной внешней торговли России с европейскими государствами, успехом не увенчалась. При господствовавшем в русских правительственных кругах взгляде на государственный интерес как на интерес казны консульский институт представлялся ненужным дорогостоящим предприятием. Успеха в коммерческих делах консулы приносили мало. На запрос Сената в 1725 г., имеется ли польза от содержания консульств во Франции и Бордо, коммерц-коллегия ответила не сразу. Собрав информацию, она выразила мнение, что «ежели соизволено будет купечество продолжать», то необходимо назначать консулами людей, знакомых с торговлею. К 1727 г. коммерц-коллегия, наконец, пришла к окончательному выводу, что содержание консулов во Франции и в Испании никакой пользы государству не приносит, так как многие посланные туда казенные и купеческие товары проданы с убытком. Таким образом, при решении вопроса о пользе содержания консульств в Бордо и Кадиксе коммерц-коллегия принимала постановление, основываясь исключительно на интересах государственной торговли. Высказываясь против содержания консулов

во Франции и Испании, коллегия сделала оговорку, что их можно было бы оставить «для партикулярного купечества», но только если «кто из российских купцов пожелает туда из своей охоты, а не по принуждению торг производить» [7]. Частную торговлю активизировать не удалось, и указом от 20 сентября 1727 г. было объявлено, что «консулам в Гишпании и во Франции не быть, и для того их оттуда отозвать» [8].

Таким образом, в первой четверти XVIII в., ставшей периодом зарождения консульского института России, главным направлением консульской деятельности явилось содействие развитию русской торговли, прежде всего государственной. Но акцент на конкретной работе торгового комиссионера сужал значимость консульской службы и не способствовал ее упрочению в рассматриваемый период. Однако, несмотря на то, что консульские учреждения России принесли незначительную коммерческую выгоду от торговли государственными товарами, они сыграли важную роль в торгово-экономическом осведомлении. Сообщая сведения о научных достижениях на Западе и новости из области технических знаний, набирая мастеров для русских фабрик и мануфактур, присылая правительству обстоятельные донесения о политическом строе и государственных учреждениях западноевропейских государств, консульства знакомили Россию с европейской культурой и способствовали развитию торгово-экономических связей между народами.

После смерти Петра I консульский институт перестает развиваться. Вопрос о его восстановлении был поднят в период правления Анны Иоановны и Елизаветы Петровны. Реальных назначений, как уже отмечалось, было мало. Но обсуждение проблемы заставило правящие круги России по-новому взглянуть на значение консульской службы. В 1735-1760 гг. проектируемые коммерц-коллегией консульские функции были значительно расширены. По-прежнему главным оставались интересы государственной торговли, но теперь они понимались гораздо шире. Консулу поручалось следить за всем, что может способствовать ее развитию. В его обязанности входило сообщение сведений и отчетов о торговле на местном рынке (предметах торга, понижении и повышении цен, качестве товаров, местном экспорте и импорте, денежном курсе, ввозных пошлинах и др.), указание мер, необходимых для стимулирования российской торговли, а также исследование местного законодательства в данной сфере и международных договоров, заключаемых страной пребывания с иностранными государствами [9]. Кроме того, в консульских инструкциях этого периода появляются функции, которые имели к торговле лишь косвенное отношение: 1) выдача паспортов русским купцам, отъезжающим из места резиденции агентства или консульства и 2) судебная юрисдикция в месте пребывания консульства, ограниченная торговыми спорами [7, с. 37-41].

Реальное возрождение консульской службы России пришлось на правление Екатерины II, к концу царствования которой число консульских постов было увеличено до 60. Именно в это время началась реализация консульских обязанностей, сформулированных в предшествующий период.

Консульские функции по-прежнему определялись инструкциями, даваемыми консулам коммерц-коллегией и коллегией иностранных дел. Перечень консульских обязанностей в инструкциях коммерц-коллегии был значительно расширен, и, кроме того, стала наблюдаться унификация их содержания. Ведущий специалист в области консульского права проф. О. Эйхельман отмечал, что консульские инструкции второй половины XVIII в. однообразны и «списываются с одного и того же образца» [10].

По мнению В.А. Уляницкого, общий формуляр, лежавший в основе всех консульских инструкций того периода, был составлен И.Ф. Бранденбургом, изъявившим занять пост консула в Испании. Какой западноевропейский образец был положен в его основу предложений Бранденбурга, установить не удалось. Известно лишь, что комиссия о коммерции, рассмотрев и одобрив его, представила на утверждение императрице [10, с. 192].

По материалам, найденным нами в фонде коммерц-коллегии Российского архива древних актов, можно заключить, что не только Бранденбург представил комиссии о коммерции вариант консульской инструкции. В 1765 г. русским консулом в г. Гельсингере (Дания) Д. Гофманом в комиссию была прислана копия инструкции датскому консулу в Лондоне, содержание которой в целом соответствовало предложениям Бранденбурга [11]. Вероятно, уже в данный период комиссия о коммерции занялась унификацией содержания консульских инструкций. Ее деятельность была одобрена Екатериной II, и большинство инструкций российским консулам во второй половине XVIII в. стали составляться по единому образцу. Тексты многих из них содержатся в многотомном труде М.Чулкова, написанном еще во времена правления Екатерины II [12]. Их анализ позволяет выявить основные направления деятельности российских консулов в рассматриваемый период.

Важнейшей консульской функцией, в соответствии с общим формуляром и большинством последовавших инструкций, осталось содействие развитию торговли. Однако обязанности государственного торгового комиссионера исчезли из сферы деятельности консула. Практически во всех консульских инструкциях содержалось требование оказания помощи русскому купечеству и охраны интересов российской торговли. При этом деятельность консула в данном направлении регламентировалась более детально. Вполне типичной инструкцией из коммерц-коллегии генеральному консулу России в Лондоне предписывалось «больше всего стараться, сколько от трудов зависеть будет, коммерцию российскую с Великобританией на твердом основании установить» [13]. В его обязанности входило: наблюдать за английским торговым рынком, сообщать о переменах в нем, которые могли нанести ущерб интересам русской торговли, следить за доброкачественностью привозимых русскими купцами товаров, а также за тем, чтобы запрещенные к вывозу товары не попадали на английский рынок, присылать информацию о развитии английской промышленности и осуществлять контроль за соблюдением трактатов (ст.6-9).

Другим важным и новым направлением консульской деятельности стало наблюдение за честью русского флага и оказание содействия частному и военному российскому мореплаванию. В этой сфере консул был обязан информировать русских шкиперов, экипаж и пассажиров корабля о местных законах и обычаях; заботиться о больных и погребении умерших; оказывать содействие возвращению беглых матросов; помогать экипажу русских судов в случае кораблекрушения (ст.2-3, 10-16).

В инструкциях этого периода уточнялось и право консула на судебную юрисдикцию в спорах между российскими подданными, «ежели дело не касается до криминальных дел», а также между матросами и шкиперами русских судов. Большинство инструкций устанавливало принцип обязательного обращения русских подданных за границей в случае взаимных споров за решением либо в консульский, либо в отечественный суд. «Им запрещается, – говорилось в ст. 4 инструкции консулу в Лондоне, – приносить жалобу чужестранному правительству». Консул должен был решить спор, «как законы или обыкновения потребуют» [13, с.10]. Организация консульского суда, порядок судопроизводства, возможность подачи апелляции на решения консула инструкции не определяли.

Существенной чертой этого периода стало увеличение числа консульских инструкций из коллегии иностранных дел. Как уже отмечалось, в последней четверти XIX в. распространилась практика назначения консулов коллегией иностранных дел без консультаций с коммерц-коллегией. Большинство инструкций коллегии иностранных дел также составлялись по единому образцу и касались консульских прав и привилегий, защиты российских подданных и их интересов, а также присылки донесений по политическим и экономическим вопросам. Политическая направленность консульской деятельности проявилась, прежде всего, в Османской империи.

Период правления Екатерины II стал временем установления консульских отношений с Османской империей. Особое внимание России было обращено на Европейскую Турцию, где Россия преследовала, прежде всего, политические интересы. В связи с этим, кроме особенностей консульской службы в восточных странах (право на более широкую консульскую юрисдикцию), здесь в функциях консулов стала появляться политическая направленность. Так, в инструкции коллегии иностранных дел консулу в Крыму говорилось, что главная его обязанность должна «состоять в точных обо всем разведываниях» (ст. 3) [14]. Подобные требования содержались и в инструкции генеральному консулу России в Молдавии, Валахии и Бесарабии. Ему надлежало «помимо донесений о делах торговых, находясь в областях Оттоманской Порты, ближе к российским границам, лежащих ... неусыпно наблюдать за всем, что там происходит, а в особенности разведывать о движениях турецких войск, и о починке крепостей и всяких других к войне относящихся приготовлениях и обо всем немедленно и точно доносить» [15]. При этом подобные инструкции консулам надлежало «хранить в крайней тайности» [16]. Политическая направленность консульской деятельности России в Европейской Турции сохранялась и в XIX веке.

Итак, во второй половине XVIII в. с расширением консульских отношений России функции консулов становились все более определенными. Несмотря на персональный характер консульских инструкций, их содержание постепенно унифицировалось. Они составлялись по единой форме и ставили перед консулами одинаковые по характеру задачи.

Общая регламентация консульской деятельности связана с принятием первого консульского устава 1820 года, где консульские функции получили развернутое определение.

Главной обязанностью консула стало обеспечение соблюдения «прав и выгод Российского народа вообще по торговле и мореплаванию» (ст. 1) [17]. Важнейшей функцией консула являлось оказание покровительства подданным России, которые могли оказаться в месте его резиденции. Консул должен был следить за отношениями между купцами, оказывать им помощь в «случаях несчастья, заступления в случаях происшествия и во всех обстоятельствах помогать им советами и другими услугами, покровительствовать, защищать их самих, суда их, собственность, права и свободу» (ст. 16). Российским консулам было предоставлено право регистрации актов гражданского состояния. Они могли выдавать свидетельства о рождении, о бракосочетании, о смерти российским подданным, находившимся в их консульском округе (ст. 9). Консул имел право и на юрисдикцию в отношении подданных России, которая в странах Европы и Америки ограничивалась их торговыми спорами. Консульский устав объявлял консула главным посредником «во всех тяжбах и ссорах по делам торговым и до торговли относящимся». Ему необходимо стараться обеспечивать прекращение «миролюбивым образом всех споров и несогласий, могущих произойти между поселившимися в месте его пребывания или приезжающими туда торговыми людьми русскими подданными» (ст. 55).

Основной функцией консула оставалась охрана коммерческих интересов своего государства и его граждан. Консул должен был следить «за точным соблюдением трактатов» России с государством его пребывания, стараться «усилить, облегчить и распространить взаимные торговые сношения» (ст. 47-48). В его непосредственные обязанности входило еженедельно присылать в департамент внешней торговли сообщения о ценах на различные товары, о вексельном курсе, о потребительском спросе, об иностранном импорте и экспорте товаров в месте его пребывания, о новых торговых соглашениях государства аккредитации. При этом отправлявшаяся информация должна была сопровождаться анализом торгово-экономической ситуации в округе (ст. 50-51). Кроме того, раз в год консулу необходимо было представлять в департамент внешней торговли министерства коммерции «общее обозрение действий и движения торговли во всем пространстве его округа» (ст. 50).

Детально определялись в первом консульском уставе и обязанности консула в сфере торгового судоходства. Ему необходимо было иметь «точные сведения о всех приходящих в порты его ведомства и отходящих оттуда Российских судах» (ст. 16); следить за тем, чтобы никто не злоупотреблял национальным коммерческим флагом. Прибывшие в место назначения консула шкиперы торговых судов должны были являться в консульское учреждение, для проверки их корабельных бумаг и во время стоянки считать консула своим непосредственным начальником. Под полицейской властью консула находился весь экипаж коммерческого судна. Он рассматривал споры и конфликты, возникавшие на корабле между хозяином, шкипером и матросами, руководствуясь правилами Устава мореходства, изданного Людовиком XIV в 1681 г. (ст. 54). При этом консул имел право налагать дисциплинарные взыскания на весь экипаж. Без участия консула запрещалась продажа российских судов. Именно он давал разрешение на совершение такой сделки, предварительно проверив наличие документов, представлявших это право. В случае кораблекрушения обязанностью консула являлось оказание всевозможной помощи пострадавшим. Он должен был «принять под попечение людей и груз и стараться о их сохранении всеми способами» (ст. 26). Расследовав обстоятельства аварии, ему необходимо было «составить формальный протокол о потере корабля и груза, основываясь на обстоятельных письменных показаниях шкипера и корабельных служителей» (ст.28). Копии протокола с приложением описи спасенных вещей отправлялись в департамент внешней торговли и собственникам корабля и груза.

Консульский устав 1820 г. распространял свое действие только на российских консулов в странах Европы и Америки. Деятельность консулов на Востоке, отличавшаяся рядом особенностей, осталась без общего законодательного регулирования. Главную специфику консульской службы в восточных странах составила консульская юрисдикция. Право российских консулов на юрисдикцию в отношении подданных своей страны было закреплено в международных договорах России с восточными государствами, а правила ее осуществления содержались в специальных нормативно-правовых актах, принимавшихся для каждой страны в отдельности.

Развитие торгово-экономических и военно-политических связей России в середине XIX в. вызвало тенденцию, направленную на расширение и углубление консульских функций, нашедшую отражение в консульском уставе 1858 года [18]. Сущность консульских функций сводилась к покровительству российских подданных, находившихся в консульском округе, и защите интересов своего государства в сфере торговли и мореплавания.

Обязанности консула в области охраны прав граждан представляемого государства в новом консульском уставе России были расширены и уточнены. Консул объявлялся опекуном и попечителем «малолетних детей и вдов российских подданных, умерших в его округе», поверенным в делах наследования, третейским судьей в спорах между российскими подданными, регистратором актов гражданского состояния и нотариусом.

Существенным нововведением консульского устава 1858 года явилось достаточно четкое определение нотариальных обязанностей консула. Консулу было предоставлено право совершения нотариальных актов российских подданных и удостоверения своей подписью и печатью консульства различных документов (завещаний, доверенностей, протестов, верности копий, подлинности подписей и др.) (ст. 2, 16-18, 80).

В портовых городах за консулами сохранялись дополнительные обязанности в сфере охраны торгового судоходства, главной среди которых оставалось обеспечение «неприкосновенности всех прав, присвоенных соответствующими трактатами российскому флагу и торговле» (ст. 47). В целом консульские обязанности в данной области соответствовали тем, которые были закреплены в первом консульском уставе. Новым являлось запрещение заключения договора денежного займа под заклад корабля или груза (бодмеря) без согласия хозяина или консула. Уточнялась полицейская власть консула над экипажем торгового судна, находившегося в месте его резиденции. За кон-

сулами сохранялась обязанность «наблюдать за внутренним порядком на Российских торговых судах и разбирать ссоры, могущие произойти между шкипером и экипажем» или хозяином, заботясь «о прекращении их миролюбивым путем». Если примирения достигнуть не удалось, то консул имел «право производить суд, в качестве судьи первой инстанции ... сообразуясь с Российскими законами» (ст. 99-106).

Новым для консульского устава стало определение обязанностей консула в отношении российских военных судов и их экипажа. В число консульских обязанностей входило оказание всевозможной помощи при закупке продовольственных припасов для экипажа корабля, ремонте судна, контактах с местными властями и др. (ст. 20-46).

Функции консулов в области защиты интересов российской торговли и мореплавания остались прежними. Консулы обязаны были постоянно информировать российские власти обо всем, что могло отразиться на отечественной торговле и мореплавании (об издании новых законов, касавшихся торговой сферы, о заключении новых международных договоров, об изменении тарифов, повышении и понижении цен на промышленные и продовольственные товары и т.п.); регулярно представлять общие очерки торгово-промышленного положения консульского округа; анализировать развитие здесь российской торговли, предлагая меры по ее улучшению.

Положения консульского устава не исчерпывали всего спектра консульских функций. На практике консулам приходилось выполнять распоряжения правительства, далеко не связанные со спецификой консульской службы. Правящие круги России порой использовали консульский институт для разрешения международных политических проблем. Так, наличие и даже преобладание политических функций в деятельности русских консулов в Европейской Турции в середине XIX в. были обусловлены сложной политической обстановкой в данном регионе, вызванной упадком Османской империи, размахом национально-освободительного движения подвластных ей народов и усилением противоречий среди европейских держав, боровшихся за распространение своего влияния в данном регионе.

Сохранение и усиление русского влияния на Балканах стало одной из основных задач внешней политики России середины XIX в., реализовать которую во многом должны были российские консульства, призванные не только исполнять традиционные функции в системе русско-турецких консульских отношений, но и представлять Россию среди поработанных Османской империей балканских народов, дипломатических отношений с которыми существовать еще не могло.

Решение о расширении сети консульских учреждений в Европейской Турции было принято 16 июля 1856 г. Министр иностранных дел объяснял эту необходимость прежде всего потребностью поддержки православной церкви на Востоке, а также важностью защиты русских подданных и значимостью сбора информации в Портах Средиземного и Черного морей.

Российские консулы в Европейской Турции стали проводниками восточной политики своего государства, на которых были возложены функции, далеко выходящие за рамки чисто консульских: противодействие инославной пропаганде с целью сохранения и обеспечения целостности православия; борьба за приоритет русского влияния в культурно-просветительской и образовательной сферах; налаживание политических контактов с общественностью, подвластных Турции славянских народов; обеспечение контактов и взаимодействие с лидерами национально-освободительного движения за политическую независимость.

В этом отношении интересна инструкция консулу России в Пловдиве Н. Герову, которому поручались функции, практически не связанные со спецификой консульской службы:

- обеспечение главной цели русского правительства – «сохранение единства и цельности Православной нашей веры между племенами ее исповедующими»;
- употребление влияния «в пользу утверждения Православия в этом краю и уничтожение корней западных агентов и миссионеров»;

- оказание покровительства русским подданным и наблюдение за их поведением;
- сообщение о состоянии православных церквей и училищ, об их нуждах; «о лицах из православных жителей Филиппопольской области, в особенности из болгар, которые желали бы получить образование в России [19].

Подобные задачи ставились и перед другими российскими консульскими учреждениями в Европейской Турции. Они играли здесь как бы двоякую роль. С одной стороны, это были традиционные консульские учреждения, призванные регулировать частно-правовые отношения, а с другой – неофициальные представительства России среди зависимых славянских народов, целью которых являлось политическое возрождение славян и усиление влияния России в данном регионе.

Последняя четверть XIX и начало XX вв. характеризовались и рядом своеобразных черт в экономическом развитии России. Ускоренное развитие промышленности с высокой степенью ее концентрации, укрепление рыночных отношений в сельском хозяйстве, сращивание банковского и промышленного капитала приводили к активному стремлению российских частных компаний к выходу на внешний рынок. Между тем положение мировой торговли того периода также изменилось. На международном рынке появились новые страны, угрожавшие поколебать традиционный российский экспорт, усложнилась конкурентная борьба, изменился характер международных торговых договоров, в основу которых стали ложиться сепаратные соглашения со значительно большими, чем прежде конвенционными уступками. В этих условиях без помощи государства российским предпринимателям на внешнем рынке было не обойтись.

С целью поддержки частного бизнеса в 1891 г. правительство устанавливает протекционистский таможенный тариф, выделяет предпринимателям значительные субсидии, а также пытается разработать программу оказания содействия российской внешней торговле. Именно здесь вновь вспоминают о русских консулах. В прессе поднимается целая волна публикаций с критикой российского консульского института и требованием усилить экономическую составляющую консульской деятельности, подчинив внешнюю политику России прежде всего интересам торговли и промышленности. «Без консулов, обладающих чисто практическими сведениями, – писала газета «Новое время», – Россия будет не в состоянии находить и удерживать за собою уже приобретенные ею рынки сбыта для ее сырья и продуктов ее промышленности, ей не выдержать конкуренции других государств, считающих вопрос об институте консулов вопросом первостепенной важности и ухитряющихся благодаря широкой и всесторонней осведомленности лиц, назначаемых на консульские должности, не только отбивать рынки сбыта ... но и водворять заграничное зерно и заграничную муку к нам, в Россию, в хлеботородную Россию» [20].

В конце XIX в. стало очевидно, что Россия проигрывает ведущим странам Запада в экспорте промышленных товаров. В связи с этим особенно возросла значимость экспорта российской сельскохозяйственной продукции, цены на которую катастрофически падали. Даже в юбилейном очерке столетней деятельности министерства финансов, изданном в 1902 г., отмечалось, что в последнее время «на первом месте ставятся интересы нашего земледелия» [21]. В 1895 г. при министерстве внутренних дел была учреждена комиссия, задачей которой стало выяснение причин падения цен на русскую сельскохозяйственную продукцию и поиск выхода из создавшейся ситуации. Комиссия пришла к выводу, что основную помощь в сложившейся ситуации могут оказать российские консулы. Она обратилась в министерство иностранных дел с предложением расширить консульские функции в области надзора «за положением и обстановкой сбыта продукции русского сельского хозяйства, а также за условиями иностранных импортных рынков». Перечень консульских обязанностей в данной сфере формулировался комиссией очень подробно. Консулы должны были осуществлять «надзор за хлебными грузами, приходившими из России на иностранные рынки», изучать условия хлебной торговли во вверенных им округах, представлять отчеты «по всем частям

хлебной торговли», которые планировалось опубликовывать в специальном издании [22]. Министерство иностранных дел в свою очередь обратилось циркуляром к консулам с просьбой разобраться в причинах падения цен на продукцию сельского хозяйства и ответить, насколько возможно исполнение консулами возложенных на них министерством внутренних дел обязанностей [23]. Ответы консулов были проанализированы. Они сходились в том, что «обязанности консулов не ограничиваются одними занятиями по торговой части», т. к. по действующему законодательству консулы – официальные защитники прав и интересов российских подданных, нотариусы, «сборщики сведений по санитарной части, статистике, судостроению, юриспруденции, железнодорожному делу, судоходству, финансам, налогам, сельскому хозяйству и т.п.». Кроме того, отмечали консулы, «вывоз состоит не из одного хлеба». Крупными статьями российского экспорта «являются мед, скот, керосин, шерсть, сало, кожи, металл», а интересы русского ввоза страдают от отсутствия за границей представителей российских коммерческих фирм [22, с. IV-VI]. К мнению консулов прислушались. В 1894 г. высочайше утвержденным мнением Государственного совета были учреждены «должности коммерческих агентов министерства финансов за границей» [24]. Компетенция же консулов в вопросах защиты интересов российского экспорта осталась прежней.

К началу XX в. торгово-экономическое соперничество ведущих стран мира усилилось. С целью защиты торгово-промышленных интересов России было принято решение о создании министерства торговли и промышленности, призванного специально курировать данную сферу отношений [25]. Новое министерство практически сразу поставило вопрос о расширении консульских функций в торгово-экономической сфере и стало добиваться руководства консульской службой в экономической области.

Уже в феврале 1906 г. министр торговли и промышленности В. Тимирязев обратился к министру иностранных дел по вопросу сотрудничества консулов с новым министерством. Министр отмечал, что консульские донесения «поступают в министерство торговли в крайне ограниченном числе» [26]. В. Тимирязев настаивал на регулярных контактах и определил объем сведений, интересующих его министерство. Он полагал, что консулы в своих донесениях должны «указывать товары, пользующиеся наибольшим спросом, цены на них, существующие обычаи и приемы торговли, сроки расчета, возможные условия кредита ..., способы доставки» [27]. Кроме того, министр торговли и промышленности считал необходимым ввести в обязанности консула установление непосредственных контактов между участниками внешнеэкономических связей. Консулы, по его мнению, должны были искать для российских предпринимателей «добросовестных посредников на местах», давать «необходимые разъяснения частным лицам и торговым предприятиям» в случае их запросов и даже (по возможности) «доставлять образцы обращающихся на рынках товаров» [28].

Таким образом, В. Тимирязев настаивал на введении в консульскую деятельность функции организационно-посреднического обеспечения деловых контактов и фактическом превращении консульских учреждений в консультационный орган, оказывающий услуги субъектам внешнеэкономического сотрудничества.

Переписка с министерством иностранных дел длилась в течение нескольких лет. Содержание требований оставалось прежним. В письме министру иностранных дел, датированном сентябрем 1909 года, министр В. Тимирязев вновь указывал на необходимость установления «живой и близкой связи между торговцами и торгово-промышленными сферами» и настаивал на введении в консульскую деятельность обязанности отвечать «на запросы (в том числе и не подлежащие оглашению сведений конфиденциального характера) купечеству, фабрикантам, заводчикам» [29]. С целью расширения рынков русского экспорта В. Тимирязев рекомендовал устройство «при консульствах выставок образцов» российских товаров [30]. Министр отмечал отдельные позитивные моменты, которые стали наблюдаться с момента начала переписки по данным вопросам с министерством иностранных дел, но указывал, что деятельность

консулов по защите торгово-промышленных интересов по-прежнему носит случайный характер и не регулируется определенной программой. Разработать такую программу, по его мнению, было способно лишь «ведомство, которое с одной стороны обладает компетентностью для правильной постановки консулам запросов по торговой части, а с другой – находится в близком и постоянном общении с представителями» торгово-промышленных кругов. Таким ведомством является только министерство торговли и промышленности. Поэтому «всю переписку по торговой части с нашими консулами, – писал министр, – ... необходимо сосредоточить исключительно в министерстве торговли и промышленности» [31].

Идеи министерства торговли и промышленности были активно поддержаны и торгово-промышленной общественностью России. Проблема реорганизации консульской деятельности активно обсуждалась на съезде представителей биржевой торговли и сельского хозяйства и съезде представителей промышленности и торговли, проходивших в мае – июне 1909 года [32]. Делегаты съездов поддержали идею подчинения консулов экономическому ведомству и предложили ряд мер, направленных на развитие российского экспорта. Так Николаевский биржевой комитет указал на желательность открытия при консульствах складов-выставок «образцов русских товаров» [33]. В прессе, освещавшей обсуждение проблемы, была высказана мысль об учреждении при консульствах постоянно действующих «торговых музеев» [34].

Съезд представителей торговли и промышленности с целью ознакомления консулов с экономической жизнью России высказался за снабжение их «периодическими изданиями министерства финансов – «Торгово-промышленной газетой» и «Вестником финансов», а также изданием Совета съездов – «Промышленность и торговля» [35].

Под давлением общественности министерство иностранных дел вынуждено было пойти на компромисс. В декабре 1909 г. на межведомственном совещании, посвященном проблеме сотрудничества чинов консульской службы с министерством торговли и промышленности, МИД согласилось на непосредственное подчинение консулов в экономических вопросах министерству торговли и промышленности, не поддержало идеи превращения консула частного торгового агента. Министерство иностранных дел видело консульскую деятельность в экономической сфере только в преследовании государственных целей развития российской внешней торговли, а не в представительстве частных интересов.

Получив право непосредственного инструктирования консулов, министерство торговли и промышленности циркулярами от 14 августа и 30 ноября 1910 г. определило предметы их ведения, в число которых вошло: «1) изучение важнейших предметов вывоза из России в данную страну и ввоза оттуда в Россию, а также товаров, способных найти сбыт с объяснением особенностей местных рынков; 2) исследование причин, тормозящих развитие российской торговли, и меры, способные содействовать увеличению российского экспорта; 3) указание случаев нарушения в иностранных государствах в ущерб российским интересам постановлений торговых договоров; 4) указание положительных и отрицательных сторон деятельности российских торговцев на иностранных рынках; 5) указание выдающихся событий в области местной торгово-промышленной жизни, как например, значительные изобретения, вновь возникающие производства, крупные стачки, возникновение новых крупных фирм и т.д.». Кроме информационно-аналитической работы, консулам предписывалось «оказывать отечественным экспертам необходимую помощь», основанную на знании местного рынка [36].

Расширение спектра консульских функций, нашедшее отражение в циркулярах министерства торговли и промышленности, – ведомства, которое в целом не руководило консульской службой, заставило министерство иностранных дел разработать общую инструкцию для консульских учреждений, где на основании действующего законодательства и новых циркуляров министерства торговли и промышленности, предлагалось определить перечень обязанностей консула в торгово-экономической сфере. «То значе-

ние, которое вопросы экономики и торговли приобрели в международной жизни, и широкое развитие в то же время частно-правовых отношений между подданными различных государств, – говорилось в циркуляре МИД, – в высокой степени осложнило задачи консульской службы» [37]. В связи с этим министерство, проанализировав действовавшее законодательство, выделило и по-новому сформулировало функции консула в области защиты прав российских подданных и торгово-экономических интересов России. В данной области консулы должны были:

1) оказывать содействие и покровительство российской торговле и мореплаванию, осведомлять как правительство, так и частных лиц о состоянии торговли и промышленности и в консульском округе и по возможности отстаивать доступ туда русским производителям;

2) заботиться об интересах российских подданных в иностранных государствах и в нужных случаях оказывать русским подданным защиту;

3) наблюдать за правильным исполнением местными властями международных договоров, настаивать на их соблюдении и доносить МИД о всяком их нарушении;

4) действовать на правах нотариусов при совершении актов русских подданных за границей;

5) свидетельствовать законность актов и документов, которые должны получить законную силу в России и удостоверить своей подписью и печатью консульства собственноручность подписей иностранных властей и частных лиц на разного рода документах;

6) давать по просьбе частных лиц и правительственных учреждений свидетельства, удостоверяющие факты и обстоятельства, а также выдавать и свидетельствовать паспорта русским подданным и иностранцам;

7) заведовать наследствами русских подданных в тех странах, с которыми заключены наследственные конвенции;

8) оказывать содействие русским торговым и военным судам;

9) в восточных странах, где русские подданные пользовались правом внеземельности, исполнять обязанности судей по делам как гражданским, так и уголовным, в которых участвовали русские подданные;

10) исполнять разного рода поручения МИД и др. российских правительственных учреждений; собирать в пользу российской казны пошлины за совершение консульских действий и иные сборы [38].

Ссылаясь на указания циркуляров министерства торговли и промышленности, МИД вводило новые специальные функции консула в торгово-экономической сфере. Консулы обязаны были «изучить местные экономические, торговые и промышленные условия и принять меры к тому, чтобы быть постоянно осведомленными: 1) о фирмах его округа, занимающихся привозом товаров из России, или таких, которые могли бы их оттуда привозить; 2) о причинах, которые вызывают больший успех иностранных товаров на данном рынке перед русскими; 3) о возникающих в его округе новых производствах; 4) о путях сообщения и развитии их в портах его округа; 4) об улучшениях в портовых пристанях; 5) о развитии телеграфов и телефонов; 6) о состоянии сельского хозяйства, урожае хлебов и успехах смежных с сельским хозяйством производстве; 7) о скотоводстве и вывозе и привозе скота» [38, л.3].

Такая многообразная и сложная деятельность требовала от консулов знаний русского права, международных договоров, законов государства их пребывания. Отечественные законы «о нотариальной части, гражданские и уголовные законы, законы торговые и о торговом мореплавании, о воинской повинности, о паспортах, о векселях, о гербовом сборе и таможенных» должны были быть изучены консулами, отмечалось в циркуляре, в той мере, чтобы их действия «отвечали требованиям закона и чтобы они могли давать авторитетные разъяснения лицам, обращающимся к ним за помощью и советом» [38, л.4]. Особо министерство обращало внимание на необходимость знакомства с местными законами и распоряжениями в торговой, административной и судеб-

ной областях, затрагивавших интересы русской торговли, промышленности и мореплавания. Таким образом, кроме информационно-аналитической работы, консулы должны были участвовать в организационном обеспечении и правовой защите торгово-экономических интересов.

Введение новых обязанностей в перечень консульских функций значительно усложнило консульскую деятельность. Вскоре практика показала, что консульства из-за колоссальной загруженности разноплановыми обязанностями не могли в полной мере выполнять поручения министерства торговли и промышленности. В связи с этим в 1912 г. была учреждена специальная должность – агент министерства торговли и промышленности за границей [39]. Новые чиновники вводились в состав заграничных учреждений министерства иностранных дел и были призваны выполнять ряд функций в торгово-экономической сфере, в том числе и тех, что ранее поручались консулам. В их обязанности входило: «1) изучение иностранных рынков в целях осведомления российского правительства и заинтересованных учреждений, а также частных лиц с ходом торговли за границу; 2) непосредственное содействие русским торговцам в местах пребывания и 3) производство особых экономических исследований за границей по поручению министерства торговли и промышленности, а равно исполнение поручений министерства финансов» (ст. 4) [39].

С учреждением новой должности встала проблема разграничения компетенции между агентами министерства торговли и промышленности и консулами. 29 марта 1913 г. министерство торговли издало «Наказ» своим заграничным торговым агентам, где попыталось развести сферы их деятельности [40]. В наказе говорилось, что агенты призваны «дополнять и облегчать работу дипломатических и консульских чинов в области обслуживания интересов русской торговли» [40, с.99]. Функции агентов по обслуживанию государственных интересов в торгово-экономической сфере в целом дублировали консульские и сводились к осведомлению правительственных учреждений о всех значительных явлениях экономической жизни страны, в которой они находились. Министерство торговли и промышленности поручало им практически те же предметы ведения, что и ранее консулам. Они должны были следить за развитием законодательства, международного сотрудничества и административными распоряжениями иностранных государств в экономической области, сообщая о всех изменениях министерству; исследовать особенности местных рынков (торговые обычаи, условия расчета, способы доставки товаров, таможенные пошлины, торговые, таможенные и иные сборы); изучать предметы российского экспорта и импорта, выявляя причины неудач российской торговли; собирать сведения «о назначаемых и могущих интересовать нашу промышленность торгах и поставках» и др. [40, с.103-104]. В области защиты интересов частного бизнеса деятельность агентов и консулов разграничивалась более определенно. Организационно-посредническое обеспечение торгово-экономических контактов частных организаций и торгово-промышленных предприятий принадлежала агентам министерства торговли и промышленности, а правовая «защита интересов русских торговцев в различных присутственных местах иностранных государств» оставалась за консулами. Агентам, вошедшим в состав консульств, кроме того, поручалась «обычная справочная работа, т.е. выдача справок и сообщений, словесных и письменных ответов на текущие практические запросы в рамках консульского округа» [40, с. 99-100].

Недостаточно четкое разделение компетенции торговых агентов и консулов заставило министерство иностранных дел обратиться к своим заграничным установлениям с циркулярным письмом от 16 мая 1913 г., где разъяснялся прежде всего вопрос «о районе деятельности агентов» [41]. В циркуляре говорилось, что на торговых агентов министерства торговли и промышленности в местах их пребывания «переносится лежавшая до сих пор на императорских консулах обязанность содействия русским поданным в осуществлении их личных торгово-промышленных интересов», и поэтому прекращается «порядок непосредственного сношения консулов по торговым делам с министерством торговли и промышленности» [41, с. 95].

Введение в состав консульств агентов торговли и промышленности скорректировало ситуацию, сократив обязанности консулов в торгово-экономической сфере. Функция защиты государственных интересов в развитии российской внешней торговли осталась за консулами, а представительство конкретных частных интересов перешло к торговым агентам.

Итак, главной особенностью деятельности консулов явилось ее многофункциональность. Возникнув как институт правовой защиты торговли и мореплавания, консульская служба по мере расширения и углубления международного общения усложняла свои задачи. Однако среди многообразия консульских функций всегда выделялись две основные – обеспечение прав и интересов российских подданных за границей, а также развитие и укрепление торгово-экономических связей России с иностранными государствами.

Список литературы

1. Регламент коммерц-коллегии от 3 марта 1719 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. 5. – СПб., 1830. – С. 671. – № 3318.
2. Инструкция флота поручику Алексееву, посланному во Францию консулом, об управлении делами по коммерческой части от 1 ноября 1723 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. I. – Т. 7. – С. 143-145. – № 4341.
3. РГАДА. – Ф. 189. – Д. 1. – Л. 2об. (Инструкция императора Петра I, данная Якову Евреину для отправления должности консула при Гишпанском дворе от 7.11.1723 г.).
4. Высочайшая резолюция на доклад флота-лейтенанта Алексеева, в дополнение к инструкции о торговле во Франции от 8 ноября 1723 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. I. – Т. 7. – С. 153-154. – № 4351.
5. Именной, объявленный из Сената, указ «О назначении консула в Кадикс с приложением правил, по которым он поступать должен» от 20 августа 1723 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. I. – Т. 7. – С. 102-104. – № 4355.
6. Именной, объявленный из Сената, указ «Об учреждении компании для производства торговли с Испаниею под управлением коммерц-коллегии» от 4.08.1724 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. I. – Т. 7. – С. 332. – № 4540.
7. Уляницкий В. А. Русские консульства за границей в XVIII в. – М., 1899. – С. 163-164.
8. Указ, объявленный из Верховного тайного совета, Сенату «О небытии консулам в Гишпании и во Франции» от 20.08.1727 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. I. – Т. 7. – С. 862. – № 5160.
9. Инструкция коммерц-коллегии консулу в Персии И. Бакунину от 7.07.1743 г. // Уляницкий В. А. Русские консульства за границей в XVIII в. – Приложения. – Ч. 2. – М., 1899. – С. CCCLXXIII-CCCLXXIV.
10. Эйхельман О. Консульское право. – Житомир, 1886. – С. 12.
11. РГАДА. – Ф. 276. – О. 2. – Д. 131. – Л. 5-10 (Инструкция датскому консулу в г. Лондоне, сообщенная русским консулом в г. Гельсингере Д. Гофманом).
12. Инструкция из государственной коммерц-коллегии учрежденному в г. Лондоне российскому генеральному консулу А. Бакстеру от 19.01.1773 г.; Инструкция из государственной коммерц-коллегии учрежденному в г. Лиссабоне российскому генеральному консулу И. Бошеру от 2.10.1769 г.; Наставления, определенному в Марсель российскому консулу шведскому уроженцу Пишиеру от 25.09.1779 г.; Наставления, определенному в Архипелаг в качестве российского генерального консула, от армии господину полковнику И. Воинову и др. // Чулков М. Историческое описание российской коммерции. – Т. 4. – Кн. 6. – М., 1786. – С. 9-70.
13. Инструкция из государственной коммерц-коллегии учрежденному в г. Лондоне российскому генеральному консулу А. Бакстеру от 19.01.1773 г. // Чулков М. Историческое описание российской коммерции. – Т. 4. – Кн. 6. – М., 1786. – С. 11.
14. Инструкция коллегии иностранных дел консулу в Крыму Никифорову от 14 мая 1763 г. // Уляницкий В. А. Русские консульства за границей в XVIII в. – Приложения. – Ч. 2. – М., 1899. – С. CCLXXIII-CCLXXVII.
15. Александренко А. Русские консулы в XVIII в. // Журнал юридического общества. – 1894. – № 3. – С. 126.
16. Инструкция коллегии иностранных дел консулу в Крыму Никифорову от 14 мая 1763 г. // Уляницкий В. А. Русские консульства за границей в XVIII в. – Приложения. – Ч. 2. – М., 1899. – С. CCLXXIII-CCLXXVII.
17. Устав для консулов его и. в., пребывающих в Европе и Америке. – СПб., 1820. – 13 с.

18. Устав для российских консулов в Европе и Америке. – СПб., 1859.- 59 с.
19. Документы за българската история. Архив на Н.Геров. – Т.І.- София, 1931.- С.3-5.
20. АВПРИ.- Ф.159.- О.731.- Д.27.- Л.28.
21. Краткий исторический очерк столетней деятельности министерства финансов. 1802-1902.- СПб., 1902.- С.21.
22. Консульские донесения по вопросам, предложенным высочайше утвержденной, при МВД комиссией по поводу падения цен на сельскохозяйственные произведения. – Вып. 2.- СПб., 1895.- С. III.
23. Циркуляр департамента внутренних сношений министерства иностранных дел имперским консулам от 26 марта 1894 г. // Консульские донесения. – Вып. 2.- СПб., 1895.- С.87-89.- №2284.
24. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О коммерческих агентах министерства финансов»// Собрание узаконений и распоряжений правительства. – СПб., 1894.- № 14. – С. 331.
25. Именной Высочайший указ, данный сенату «Об учреждении министерства торговли и промышленности» от 25 октября 1905 г.// Полное собрание законов Российской империи. – Собр.3.- Т.25.- Отд.1.- СПб., 1908.- С.774-775.- № 26851.
26. РГИА.- Ф.23.- О.8.- Д.10.- Л.6 (О сотрудничестве консульских чинов с министерством торговли и промышленности).
27. РГИА.- Ф.23.- О.8.- Д.10.- Л.6 об.
28. РГИА.- Ф.23.- О.8.- Д.10.- Л.6 об.-7.
29. РГИА.- Ф.23.- О.8.- Д.10.- Л.42.
30. РГИА.- Ф.23.- О.8.- Д.10.- Л.40.
31. РГИА.- Ф.23.- О.8.- Д.10.- Л.42-43.
32. РГИА.- Ф.23.- О.8.- Д.10.- Л.8., 138.
33. РГИА.- Ф.23.- О.8.- Д.10.- Л.50 об.
34. РГИА.- Ф.23.- О.8.- Д.10.- Л.52-56 (Подборка газет о консулах и их функциях в торговой промышленной сфере).
35. РГИА.- Ф.23.- О.8.- Д.10.- Л.138.
36. Первенцев В.В. Консул и внешняя торговля // Дипломатический вестник.-1993.- №3-4.- С.76.
37. АВПРИ.- Ф.159.- О.664/1.- Д.172.- Л.1-4 (Циркуляр департамента личного состава и хозяйственных дел МИД от 2 февраля 1912 г. № 1600, содержащий «Общую инструкцию консульским установлениям»).
38. АВПРИ.- Ф.159.- О.664/1.- Д.172.- Л.1-2об.
39. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон «Об учреждении должностей агентов министерства торговли и промышленности за границей и секретарей при некоторых из них» от 28 мая 1912 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3.- Т. 32.- Отд. 1.- П., 1915.- С. 496-497.- № 37148.
40. Наказ агентам министерства торговли и промышленности за границей от 29 марта 1913 г. № 65115// Известия МИД. -1913.- № 4.- С. 97-110.
41. Циркуляр МИД по Второму департаменту от 16 мая 1913 г. «По поводу Наказа агентам министерства торговли и промышленности»// Известия МИД. – 1913. – № 4. – С. 93.

EVOLUTION OF THE FUNCTIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE CONSULAR AGENCIES IN THE XVII-XX CENTURIES

E.V. Safronova

Yelets State University, Kommunarov St. 28, Yelets 399770, Russia,
e-mail: safronova@yelets.lipetsk.ru

The article deals with the investigation of the domestic pre-revolutionary legislation about Russian Consul's functions. The main peculiarity is that consular activity was multifunctional. Appeared as the institution of the trade and navigation legal defense, consular service complicated its tasks due to expansion and intensification of the international contacts. The essential peculiarity of the organization of the Russian Empire consular service was the consuls system of the double subordination (to the departments of Foreign and Economic Affairs). Two main Consul's functions were singled out among the variety of another ones – the ensuring of the rights and interests of Russian subjects abroad and the developing and reinforcement of the trade-economic relations of the Russian Federation with the foreign countries.

Key words: consular functions, consular jurisdiction, Commerce-Collegium, Collegium for Foreign Affairs, Ministry for Foreign Affairs, Ministry of Finance, Ministry of Trade and Industry, consular Charter.

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

УДК 343.2/.7

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОТВОРЧЕСТВА
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ**

Н.И. Архипцев

Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: Arhiptsev@bsu.edu.ru

Изложены средства уголовно-правового моделирования способные повысить эффективность правотворческой деятельности и избавиться от ошибок и просчетов не только при конструировании и изменении отдельных уголовно-правовых норм, но и при определении степени криминализации и декриминализации соответствующего поведения человека. Показано, что базисом развития механизма уголовно-правового законодательства должна быть алгоритмизация процессов и процедур, исполнение которых позволит эффективность и обоснованность принимаемых законодательных актов. Применение моделирования в области формально-юридического анализа текстов проектов уголовно-правовых актов и моделей может являть собой действенный инструментарий уголовно-правового законодательства.

Ключевые слова: правотворчество, реформирование, алгоритмизация, алгоритм кодификации, криминологическая обоснованность, моделирование, компьютеризация законодательства, криминализация и декриминализация.

Как известно, идущий сегодня в России процесс реформирования уголовного законодательства приобрел достаточно динамичный и весьма радикальный характер.

Внесение в УК РФ многочисленных изменений и дополнений потребовалось для исправления ряда их изначальных недостатков, а также в связи с новыми явлениями в общественных отношениях, в том числе и в сфере криминальной деятельности.

Вместе с тем, заметная активизация процесса правотворчества в области уголовного законодательства в настоящее время настораживает уже сама по себе, не говоря уже о ее организационной и содержательной характеристике. Сегодняшние реалии таковы, что большая часть нововведений не основывается на достаточно глубокой общетеоретической проработке общей теории моделирования и кодификации уголовного закона, без проведения объемной экспертизы правоприменительной практики и при отсутствии комплексного подхода к разработке законопроекта и его апробации.

Прежде всего, следует иметь ввиду, что если вопросам правотворчества и толкования уголовного закона в современной научной литературе уделено немало внимания (исследования в данной области предпринимали Вопленко Н.Н., Коган В.М., Кудрявцев В.Н., Кузнецова Н.Ф., Мадьярова А.В., Рарог А.И., Терюкова Е.Ю., Наумов А.В., Шмелева Г.Е., Щепельков В.Ф. и ряд других ученых), то к теме соотношения законопроектной и правоприменительной деятельности обращались значительно реже. Причем исследований, посвященных собственно объему и сочетаемости правоустановительной и правоприменительной практики, а также особенностям их комментирования,

почти нет. Отмеченное обстоятельство и побудило автора высказать свой взгляд на рассматриваемую проблему. Учитывая же, что основы понимания сущности уголовно-правового законотворчества, правильного применения норм уголовного закона, истоки и объем его комментирования закладываются в научно-исследовательской аудитории в рамках теоретической конференции, одним из основных своих адресатов данная публикация имеет ученых – юристов.

Законотворчество, как и иная разновидность правотворчества охватывает процесс создания правовой нормы, начиная с зарождения идеи о ней в связи с выявлением потребности в правовой регламентации соответствующих общественных отношений и заканчивая ее принятием и введением в действие. Общий алгоритм организации законотворческого процесса приблизительно таков:

- 1) выявление социальных факторов, в которых проявляются потребности общества в законодательной регламентации определенной области общественных отношений;
- 2) анализ этих факторов и их «взвешивание»;
- 3) определение направленности действия факторов как по отношению друг к другу, так и по отношению к целям законопроекта;
- 4) выявление суммарного результата действия факторов;
- 5) рассмотрение различных вариантов решения проблемной ситуации и поиск оптимального решения [1].

В связи с тем, что законотворческий процесс представляет собой изменения и дополнения уже существующей системы права, поэтому прежде чем переложить норму в текст закона, законодатель обязан сформулировать ее таким образом, чтобы она вписалась в действующую систему и имела именно тот смысл, который он предполагал. При этом новая правовая норма должна строиться с учетом анализа судебной практики, свидетельствующей о том, что действующие правовые модели уже исчерпали свои регулятивные и охранительные возможности.

Технологической необходимостью реформирования уголовно-правовой материи является уяснение смысла действующего и проектируемого уголовного закона и особенности практики его применения. Лишь путем экспертизы и толкования системы прежних и устанавливаемых уголовно-правовых предписаний можно надлежащим образом провести изменения и дополнения в существующей системе права.

Если согласиться с точкой зрения, что «толкование – это мыслительная деятельность, направленная на выявление смысла (содержания, воли, цели) норм права и результат данного процесса» [2], то тогда на **основе конкретизации** содержания толкования она может выступать в виде проявления ее следующих свойств:

- применение нормы права к фактам реальной действительности (квалификация, реализация судебного усмотрения);
- уточнение закона, которое может иметь либо правоприменительную, либо интерпретационную, либо правотворческую природу.

Обозначенные нами свойства конкретизации позволяют говорить о необходимости признания за толкованием уголовного закона не только обязательного или рекомендательного характера, но и нормоустанавливающего характера. При этом анализ изменений и дополнений в уголовное законодательство России позволяет нам утверждать, что сегодня достаточно четко прослеживается устойчивая тенденция законодателей к даче разъяснений правовых норм непосредственно в тексте закона. Это, прежде всего, касается оценочных признаков, проявляющихся в качественном измерении. В свою очередь, там где имеют место количественные критерии оценочного плана – должны действовать разъяснения Конституционного и Верховного судов этих государств.

Законодатель, конструируя соответствующую уголовно-правовую норму стремится оптимально сочетать в тексте закона переменные (динамические) и постоянные (статические) признаки [3]. Более того, желаемая или прогнозируемая изменчивость того или иного социального явления закладывается им в рамках правоустановительной

практики именно в переменные признаки, которые принято делить на оценочные и бланкетные. Если оценочные признаки аккумулируются либо конкретизацией в самом тексте уголовного закона, либо в правосознании правоприменителя, то бланкетные признаки дают возможность правоприменителю учитывать изменения, происходящие в других отраслях права, т.е. решать сугубо техническую задачу. При этом судебный прецедент Конституционного и Верховного судов, на наш взгляд, может лишь давать рекомендации о содержании и объеме переменных признаков в конкретном деянии или категории дел (для оценочных признаков) либо обозначать отрасль права, которая вправе их детализировать (для бланкетных признаков).

Судебный прецедент Конституционного и Верховного судов не может носить обязательный характер, так как представляет собой достаточно частное правило, тесно связанное с обстоятельствами, при которых оно формировалось, и тем самым не может претендовать на универсальный, исчерпывающий характер решения, затрагиваемого в нем вопроса. Однако, анализ судебных прецедентов на уровне постановлений этих судов может в будущем являться важной теоретической предпосылкой решения проблемы о признании за ними нормоустанавливающего характера. К слову сказать, в этом направлении в связи с прецедентным правом Европейского Суда по правам человека идет процесс нормообразования международного права [4].

Следует иметь в виду, что в современном российском уголовном законодательстве имеется ряд юридически значимых признаков, которые не получили ни законодательного, ни судебного толкования, а являются лишь предметом оценки правоприменителя.

Так, одной из достаточно актуальных и значимых проблем правоприменения, возникших в связи с принятием нового УК РФ, стало определение круга деяний, регламентированных в Особенной части УК, совершение которых может иметь место по неосторожности. Правоприменитель поставлен в затруднительное положение, так как грамматическое толкование ч.2 ст.24 УК РФ (в редакции ФЗ от 25 июня 1998 года) приводит к выводу о том, что при наличии в статье Особенной части указания на неосторожность, преступление может быть совершено только по неосторожности; при наличии указания на умысел – только умышленно; а при отсутствии указания на форму вины – и умышленно, и по неосторожности. Вместе с тем, в статьях Особенной части УК РФ далеко не исчерпывающим образом отражена не только умышленная, но и неосторожная формы вины. Как же поступать правоприменителю в таких ситуациях: допускать возможность совершения преступлений и умышленно, и по неосторожности? На наш взгляд, решение этого вопроса подобным образом будет противоречить не только здравому смыслу при оценке целого ряда деяний, практикой уже признанных умышленными или неосторожными посягательствами, но и сложившейся категоризации преступлений. Выход из создавшегося положения нам видится только в одном: реконструировать ст.24 УК РФ, исключив из нее выделение самостоятельной нормы об ответственности за неосторожные преступления, и пойти по пути УК некоторых стран СНГ, например, Украины (ст.23), Республики Беларусь (ст.21), которые предлагают лишь общее понятие вины, что выгодно отличает их от других кодексов, в которых обозначена необходимость обязательного указания на неосторожную форму вины.

Наличие в уголовном законодательстве пробелов, обусловленных преимущественно его конструктивно-юридическими недостатками, реальная потребность при разрешении уголовных дел в их немедленном восполнении может, на наш взгляд, осуществляться прежде всего правоприменителем за счет норм, выражающих системные свойства уголовного права, т.е. так называемый системосохраняющий механизм законодательства (система аксиом): принципы и задачи уголовного права и уголовного законодательства [5], презумпции, преюдиции, фикции, пробельные и коллизионные правила [6].

В судебно-следственной практике имеют место случаи признания деяния преступным, если имели место обстоятельства, исключающие преступность деяния, которые не признаны УК РФ – согласие потерпевшего, исполнение профессиональных функций и т.д. Полагаем, что в этих случаях правоприменитель напрямую руководствуется принципами уголовного права, без посредства специальных норм УК.

В свое время Г.А. Злобин, С.Г. Келина и А.М. Яковлев высказали мнение, что помимо абсолютного характера декриминализации свойствен и «факультативный» характер, когда право окончательного решения вопроса о том, влечет ли данное действие уголовную или иную (административную, общественную) ответственность, закон предоставляет органам правосудия [7]. Однако представляется, что уже сегодня необходимо смотреть на эти случаи гораздо шире, не ограничивая деятельность правоприменителя лишь декриминализацией путем замены одного вида государственного принуждения на другое, более мягкое, но и предоставляя ему право самому, руководствуясь общеправовыми предписаниями, решать вопрос о признании формально преступного деяния криминальным либо преступным. Иллюстрацией к сказанному может служить следующее. Так, в УК РФ 1996 г. введена норма, позволяющая правоприменителю самостоятельно решать вопрос о фактической криминализации (декриминализации) содеянного в зависимости от состояния психического развития личности (ч.3 ст.20 УК РФ). Думается, в данном случае речь идет о криминализации (декриминализации) не на законодательном, а на правоприменительном уровне, поскольку формально уголовно-правовое деяние перестает быть таковым в результате усмотрения органа, применяющего уголовный закон, а формулировка «не подлежит уголовной ответственности» означает только одно: содеянное не является преступлением в силу отсутствия такого элемента состава преступления, как субъект посягательства. Как видно в этом случае, сам законодатель делегировал свои полномочия правоприменителю [8].

Правотворчество и правоприменение уголовного закона – это процесс постоянный. Однако, происходящие в последние годы в двух государствах изменения и дополнения Кодекса во многом не следуют принципам системности и криминологической обоснованности. Да и правоприменительная деятельность, в том числе Верховных судов по конкретным уголовным делам и по категориям уголовных дел не отличается единством позиций и стабильностью. А доктринальное толкование закона, осуществляемое, главным образом в изданных в большом количестве комментариях к УК, во многом противоречиво, носит наукообразный характер и не основывается на масштабном обобщении судебно-следственной практики. Поэтому, представляется на всех указанных уровнях целесообразно использовать математические методы и модели, позволяющие:

- распознавать образы и выбирать наилучшие решения [9];
- выполнять лингвистический и семантический анализ текста;
- осуществлять поиск правовой информации;
- моделирование процессов применения правовых норм;
- построить базу судебных ошибок;
- решать вопросы квалификации отдельных видов преступлений [10];
- обеспечить компьютеризацию законотворчества [11];
- спрогнозировать развитие будущего законодательства;
- вывести среднюю и относительную величину оценочных понятий [12];
- определить соразмерность санкций норм Особенной части УК тяжести преступлений при проектировании законодательства [13];
- построить алгоритм кодификации в уголовном праве [14].

Применение математических моделей в уголовном праве позволит оптимально построить пределы и объем правоустановительной и правоприменительной сферы, избежать просчетов и ошибок не только при комментировании действующих уголовно-правовых норм, но и в проектируемых законодательных новеллах.

Список литературы

1. Поленина С.В. Законотворчество в Российской Федерации. – М.: ИГПАН, 1996. С.77.
2. Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий или полноты. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2003. С.26.
3. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступления. – 2-е изд., и перераб. и дополн. – М.: «Юрист», 2001. С.108.
4. Лаптев П. Нельзя забывать, что Россия часть европейского пространства // Российская юстиция. 2001. №3. С.6; Волков К.А. Судебный прецедент в уголовном праве: за и против // Российский судья. 2003. №7. С.33.
5. Мальцев В.В. Принципы уголовного законодательства и общественное поведение // Государство и право. 1997. №2. С.98 – 102; Он же. Принципы уголовного права и уголовного законодательства: система, содержание и нормативное выражение // Вестник Моск. ун-та. Серия 11. Право 2003, №4. С.110-127.
6. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1995. С.15-16.
7. Злобин Г.А., Келина С.Г., Яковлев А.М. Советская уголовная политика и дифференциация ответственности // Советское государство и право. 1997. №9. С.61.
8. Спорным является утверждение А.И.Коробеева о том, что в настоящее время законотворчество следователя или судьи нереально (см.: Российское уголовное право: Курс лекций. Т.1. Преступление / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999. С.100.) и восполнение неполноты уголовного закона должно быть исключительной прерогативой законодателя (см.: Щепельков В.Ф. Уголовный закон: Преодоление противоречий и неполноты. С.21.).
9. Гаврилов О.А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. – М.: ИГПАН, 1993. С.126-127.
10. Кудрявцев В.Н. О программировании процесса применения норм права // Вопросы кибернетики и права. – М.: ИГПАН, 1967. С.89.
11. Гаврилов О.А. Математические методы и модели в социально-правовом исследовании. М.: Наука 1986. С.114-115.
12. Векленко В., Бавсун М. Проблемы толкования оценочных категорий уголовного закона // Уголовное право. 2003. №3. С.16-17.
13. Бородин С.В. Пути оптимизации выбора санкций при разработке проектов уголовных кодексов союзных республик // Государство и право. 1993. №8. С.14.
14. Архипцев Н.И. Модельные элементы и принципы построения алгоритма уголовно-правовой кодификации // Научные труды РАЮН. Вып.2. В 2-х томах. Т.1. – М.: «Юрист», 2002. С.359-364.

THE PECULIARITIES OF CRIMINAL LEGISLATION AT THE PRESENT STAGE OF ITS REFORMATION

N.I. Arhptsev

Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia;
e-mail: Arhptsev@bsu.edu.ru

The article describes the means of criminal legal modeling able to increase the effectiveness of law making activities and dispose the mistakes and errors not only at the construction and alteration stage involving separate criminal legal norms, but also while defining the level of criminalization and decriminalization of appropriate human behavior. It is shown that the basis for the development of the criminal law making mechanism is the algorithmization of processes and procedures the following of which will make it possible to increase the effectiveness and justification of the legislative acts being passed. Modeling in the sphere of technical analysis of texts of draft criminal legal acts and models can be an effective tool of criminal legislation.

Key words: legislation, reforming, algorithmization, codification algorithm, criminological justification, modeling, legislation computerization, criminalization and decriminalization.

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МЕХАНИЗМЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Е.Е. Тонков, С.В. Масалытина

Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

Рассматривается функциональность управления процессом государственной деятельности в механизме современной политико-правовой модернизации, его сущность и структурные характеристики. Осуществляется критический анализ позиций ряда российских и зарубежных авторов, послуживший разработке и обоснованию авторами диспозитивно-личностного подхода, направленного на обеспечение правового режима государства с одновременной защитой прав и свобод граждан. Рассматривается систематика правовых форм государственной деятельности и их институционализация.

Ключевые слова: государственное управление, правовой режим, правовой механизм, власть и общество, право и политика, правовые формы, политико-правовая модернизация

Содержание управления, как особого вида социальной регуляции, заключается в административно-правовом согласовании интересов различных общностей, слоев, групп, выработке правил и норм, обязательных для исполнения всеми гражданами. Связь управления и основных сфер социальной жизни характеризуется взаимопроникновением. Если же управление утрачивает способность реагирования на социальные изменения в обществе, игнорирует правовые нормы, не может предложить разделяемой большинством граждан программы эффективных действий и преобразований, то постепенно лишается понимания и поддержки населения.

Об управлении, как особом виде деятельности людей в государстве, каждый человек имеет собственное представление, формирующееся на основе жизненного опыта, непосредственного общения с теми, кто причастен к административной «кухне». Ученые, рассматривая сущность и структуру управления, вкладывают в это понятие также самое различное содержание, основанное на его органическом соединении с функционированием правового режима государства. Функциональность управления, его свойство служить обществу не только позволяет воздействовать на различные сферы государственного организма, но и управлять процессом обеспечения и упрочения правового режима государства.

Немецкие философы, рассуждая о праве, соотносили его развитие с процессом управления обществом. Управление прямо связывалось с принуждением правовыми средствами. Воспитательное воздействие принуждения расценивалось особенно высоко, оставаясь в значительной мере на точке зрения этической, естественно-правовой теории государства. Будучи «организацией собственников», основанной на их «договоре», государство сосредоточивает всю власть, декретизирует права и обязанности своих граждан. Для установления равновесия между сословиями и предотвращения социальных конфликтов, для совершенного управления прав всех граждан государственная власть должна активно воздействовать на хозяйственную жизнь.

Полицейский характер воздействия государства является лишь необходимым средством. Политико-правовые учреждения носят, например, у И.Г. Фихте принудительно-воспитательный характер, а цель мировой истории он видел в постепенном воспитании «человечества для более совершенного состояния» [1, 28].

Мы вполне разделяем позицию английского юриста М. Шоу, который считает, что «право и политическое управление не должны разделяться. Они пребывают в постоянном тесном взаимодействии. Ни одна из них не может принизить значение другой» [2, 57].

В юридической литературе значение термина «право» охватывает все правовые явления. Так, по мнению Д.А. Керимова, понятие права включает «во-первых, правовые принципы, то есть устоявшиеся основы правового сознания и главные направления правовой политики; во-вторых, правовые предписания, имеющие как нормативный, так ненормативный характер; в-третьих, правовые действия, непосредственно реализующие правовые принципы и предписания, воплощающие их в реальную действительность, в правовую сферу жизнедеятельности общества» [3, 127].

Нередко право рассматривается в трех формах – в форме правосознания, в форме правовых норм и в форме общественных отношений, порождающих правовые нормы и, в свою очередь, испытывающих воздействие этих норм. Сегодня является общепризнанным, что право и политика весьма важны для основных направлений деятельности современного либерального государства (политических процессов и процедур, социального контроля и режима легитимации).

Как отмечает А.В. Хованская, «дихотомия «режим – граждане» может быть устойчивой только за счет принципа паритетности: безопасность и гарантии личностной реализации сопровождаются добровольными уступками граждан (личной свободы) ради сохранения данного режима» [4, 176].

Некоторые авторы (Ю.В. Голик, А.И. Коробеев, А.В. Усс) справедливо полагают, что государство определяет основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования законодательства, практики его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступлений [5, 134-137].

Думается, что, несмотря на столь подробный перечень характеристик, содержание понятия управления процессом обеспечения правового режима значительно шире и во многом определяется деятельностью органов государственной власти и государственного управления, функционированием партий и других общественных организаций, инициируется их интересами и целями.

Властно-управленческий аппарат со временем своего развития становится основной причиной социально-экономической инерции общества. Групповые интересы аппарата наиболее явно выражены в его бюрократизации. Как считает В. П. Макаренко, «конфликты аппарата с обществом исходная характеристика бюрократии» [6, 93].

Истоками ее генезиса служат, как правило, типичные реакции аппарата на явления социальной жизни. Многие из них зависят от структуры общества, в котором формируются группы с разными целями, и могут быть вызваны различным социально-экономическим статусом, вероисповеданием, возрастом, местом жительства, половым различием. Разные причины социальных бед общества часто раскрываются, когда спорный политический вопрос связан с принятием закона, затратой денег или одновременно с тем и другим.

Вместе с тем, по словам Н.И. Матузова, «взаимодействие права и политики может быть вполне продуктивным; для этого нужно уметь всякий раз находить оптимальный баланс между ними» [7, 29]. Одновременно он резонно подчеркивает и то, что «правоохранительные ведомства по определению не могут стоять вне политики, быть политически «невинными».

Обеспечивая противодействие преступности, правоохранительные органы в первую очередь реализуют государственную политику, претворяют в жизнь те юридические предписания, в которых выражается политическая воля государства. Таким образом, право и политика не разделимы и взаимообусловлены. Право представляет собой средство осуществления политики. Проблема власти в общественных науках из-

давня трактується неоднозначно. Наприклад, Т. Парсонс порівнював владу з інститутом грошей: і то, і друге виконує об'єднуючу, інтегруючу функцію в суспільстві. В іншому підході влада розглядається як соціальне відношення, асиметричне по суті, де один з учасників має більше можливостей і прав впливати на іншого. Владу незмінно дає переваги тим, хто опиняється близько до неї, тримає її в своїх руках. Лише владою визначається право на прийняття авторитарних рішень і використання законних заходів примусу по їх реалізації [8, 71-75].

Можливість примусу розглядається як один з найважливіших ознак влади. Як зазначав М. Вебер, влада – це здатність здійснювати свою волю незалежно від опору, в тому числі, шляхом примусу або загроз примусу [9, 53].

Сформульований М. Вебером формально-раціональний тип права, який базувався на презумпції внутрішньої узгодженості масива позитивних норм, що містяться в галузевих кодексах, домінував в західному суспільстві до другої половини ХХ століття. Він виділяє владу традиційну, легітимну і харизматичну, що відображає деякі риси історичного процесу розвитку влади, визначає роль традицій в її функціонуванні, значення суб'єктивного сприйняття влади громадянами персонального моменту в її здійсненні.

Боротьба за владу в боротьбі за владу лідуючих позицій в органах влади розповсюджена в будь-якому суспільстві. Вона не виникла з приходом ринку на російську землю, а існувала і при так званому розвитку соціалізму. Змінилися тільки форми протистояння, так як вони визначаються політичним режимом. Існування відносин влади в будь-якому суспільстві складається в тому, що влада суб'єкта влади носить визначальний характер (домінує) в порівнянні з іншою стороною відносин (об'єктом влади), являючись адресатом влади з вимогами і встановленням обов'язку підкорення і його реальним виконанням.

Т.А. Ендикотт називає управління произвольним, якщо воно має наступні риси: втілює нічим не обмежену волю керівників, вирішує схожі справи по-різному, непередбачувано (і в цьому сенсі протилежно пануванню права). Разом з тим, необмеженість волі керівників, непослідовність і невизначеність не обов'язково призводять до произвольності управління. Керування произвольне в тому випадку, якщо дії керівників розходяться з змістом закону, вираженим в його принципах. Уряд використовує право як один з інструментів реалізації своєї волі [10, 312-330].

Влада органічно пов'язана з організацією суспільства, в якій структурно закріплено статус домінування волі однієї з сторін влади. Для влади характерно використання особливих систем і сукупності методів, за допомогою яких забезпечується виконання волі суб'єкта. Примус і переконання (добровільне підкорення) характеризують прояви влади в будь-якому суспільстві, але існування відносин влади складається в їх конкретному співвідношенні. В якості імманентного ознаки влади виступає її умовленість соціальними нормами, на яких влада базується і здійснює те, чому вона служить.

Французький філософ Р. Баррен отождествляє поняття влади і управління [11, 15]. На наш погляд, така постановка питання, не зовсім вірна з точки зору формальної логіки. Владу є одним з методів управління, його специфічною формою, особливим засобом. Диференціація понять влади і управління відображає історичний процес розподілу їх функцій, який призводить до виникнення особливих організацій влади, що мають нові якості і властивості. Діалектична взаємозв'язок цих понять умовлює перевищення організації влади в організацію управління, що, однак, не означає їх злиття в силу невідповідності змісту і об'єктів.

За думкою Ю.А. Тихомірова, «не можна не враховувати творчий, організуючий характер влади, її величезний авторитет і ідеологічний потенціал, на кінець, різноманітність форм і методів здійснення влади» [12, 23].

Власть как статическое состояние, при котором статус доминирования воли строго закреплён за одной стороной и выражен императивно, отличается от управления как динамического процесса обмена информацией, предоставляющего возможность диспозитивности, то есть свободы выбора.

Хотя, как справедливо подчеркивает С.А. Авакьян, «постсоциалистические концепции современного общества в основном отрицают классовую теорию ... однако в принципе все признают наличие «социальных», «общественных» сил, выражающих разные интересы» [13, 5].

Современное состояние исследований проблем управления характеризуется пестрым многообразием методологических, методических и процедурных подходов. На наш взгляд, основой обеспечения правового режима в государстве является эффективное управление, которое предполагает осмысление того, каково соотношение политики и права, чем вызываются и под влиянием каких детерминант возникают проблемные ситуации, каковы их основные типы, политические, правовые, педагогические, социально-психологические, культурологические, экономические и другие параметры, что содействует или препятствует предупреждению негативных противостояний.

Сущность методологической позиции состоит в том, что она ориентирует на исследование феномена управления как диалектически противоречивого процесса субъект-объектных и субъект-субъектных отношений и на такой почве позволяет осмыслить конкретные типы, виды, формы социально-политической и правоохранительной деятельности, выявить ее основные детерминанты, взаимосвязь объективных и субъективных факторов.

При определении специфики управления следует выделять ряд условий, свидетельствующих о его сущностной направленности:

- целью управления является изменение каких-либо характеристик организации в целом или отдельных ее подразделений;
- используемые при этом средства носят организационный характер;
- результатом управления оказывается изменение организационных параметров (характеристик);
- в качестве объекта и предмета процесса управления выступают организационные характеристики.

Таким образом, исходя из перечисленных условий, можно сделать вывод о том, что управление непосредственно связано с деятельностью людей в обществе и направлено на изменение каких-либо характеристик общества при помощи организационных средств.

Учитывая, что общество представляет собой систему координируемой государством деятельности людей для достижения определенной цели, сам процесс координации всегда наполнен противоречивым содержанием из-за несовпадения взглядов, оценок, статусов и других параметров.

У. Мاستенбрук рассматривает организации, создаваемые в государстве, как «сети организационных субъединиц, взаимосвязи и взаимоотношения между которыми характеризуются сочетанием сотрудничества и конкуренции (люди, испытывая взаимозависимость, преследуют в то же время личную выгоду)» [14, 14]. Поэтому эффективное управление – это, во многом, умелое управление взаимозависимостью.

Как отмечает Д. Пфедфер, «спор и соперничество между организационными структурами представляет собой спор и соперничество за власть. Однако этот спор и соперничество в вопросах приоритета не являются неограниченными и беспредельными. Ограничения устанавливает взаимозависимость вовлеченных в спор сторон. В конце концов, сущность организаций заключается во взаимозависимости между взаимодействующими группами» [15, 181].

Проблема правовых ограничений в области управления противодействием наркотизации комплексная и включает в себя не только правовые, но и политические, эконо-

мические, нравственные аспекты. Это обусловлено комплексным пониманием содержания управления. Оно включает в себя совокупность мер нормативно-правового, организационного, социально-экономического, воспитательно-педагогического характера.

Мы разделяем мнение А.В. Малько, что теория правовых ограничений «должна базироваться на информационно-психологическом и инструментальном подходах, имеющих более широкий выход на различные аспекты действия права» [16, 89]. Под правовым ограничением он при этом понимает «правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрsubjекта и общественных интересов в охране и защите... установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц» [16, 91].

Как считал И.А. Ильин, «ограничивая свободу каждого известными пределами, закон обеспечивает ему зато беспрепятственное и спокойное пользование своими правами, т.е. гарантирует ему свободу внутри этих пределов. Свобода каждого человека простирается лишь до той границы, от которой начинается свобода других людей. Стремясь установить эти границы, закон содействует тому, чтобы в совместной жизни людей воцарился порядок, основанный на свободе» [17, 96].

Развивая эту идею, мы сочли возможным предложить диспозитивно-личностный подход, т.е. совокупность принципов и методов правового регулирования, означающую, что в ходе управления процессом обеспечения правового режима государства гражданам в пределах установленных правовых ограничений обеспечиваются условия для реализации собственной социально-правовой активности и возможность свободно распоряжаться своими правами, психологическими и материальными ресурсами при выборе форм целесообразного поведения.

Правовые ограничения не только устанавливают границы субъективных прав, но и определяют ту нишу, в пределах которой человек может свободно действовать и развиваться как личность в случае правомерного поведения. При этом он самостоятельно избирает формы и методы достижения как лично значимых, так и социально полезных целей. Как известно, термин «диспозитивность» образован от латинского *dispositivus*, означающего право участников договора или процесса действовать по своему усмотрению.

Диспозитивный – это «допускающий выбор». В центре внимания данного подхода, с одной стороны, находятся цель и организационное обеспечение процесса управления, а с другой – правосубъектность структур и граждан, включенных в систему функционирования правового режима государства. Диспозитивно-личностное регулирование правоотношений предполагает, что участники находятся в равноправном положении, наделяются правом выстраивать свои взаимоотношения на взаимовыгодных (эквивалентных) условиях.

При этом «правомерное ограничение прав человека государством имеет цель поставить преграды на пути произвольному обращению с правами других субъектов» [18, 170].

Диспозитивно-личностный подход предполагает перенос диспозитивных правоотношений, традиционно присущих частноправовым отраслям права, в публично-правовую сферу, когда субъект, наделенный властными полномочиями, является государственным органом и наделен правом издания односторонне-властных предписаний, адресованных другому участнику. Государство предоставляет возможность участникам диспозитивно-личностных отношений выбирать для себя наиболее приемлемый вариант поведения, ограничивая этот выбор только требованиями соблюдения законности.

Ограничение прав осуществляется путем прямых запретов использования некоторых из них, а также посредством исключения какого-либо правомочия из содержания конкретного права или же установлением специального порядка реализации такого права. Институт ограничения прав включает нормы конституционного, административного, гражданского и других отраслей права, регулируя отношения власти и подчинения в обществе.

Государство и общество рассматриваются нами как равноправные партнеры в процессе обеспечения правового режима и, следовательно, как участники диспозитивных правоотношений. Фактически каждая отрасль права использует оба метода (императивный и диспозитивный), то есть всегда, как замечает С.П. Маврин, «имеет место их сочетание, которое, правда, характеризуется преобладанием императивных или диспозитивных начал, обусловленных природой регулируемых отношений» [19, 208].

Субъективный момент в содержании свободы характеризуется тем, что отражение является в данном случае свойством объекта, выступающего одновременно в качестве субъекта самопознания и саморазвития. Именно субъективный момент, включая в себя познанную необходимость, становится предпосылкой упрочения правового режима. Поэтому особую актуальность данный подход приобретает в период развития в России гражданского общества, рассматриваемого как система внесударственных общественных отношений, институтов, которая формируется на основе реализации принципов индивидуальной свободы, правового равенства граждан, их самодеятельности и самоорганизации.

Список литературы:

1. Вейнгольд Ю. Ю. Право как социологическая категория. – Фрунзе, 1962.
2. Shaw M. N. International Law. Third Edition. – Cambridge, 1991. – P. 57.
3. Керимов Д.А. Право и государство (Опыт философско-правового анализа). – М., 1993.
4. Хованская А.В. Суды в динамической правовой системе // Правоведение. – 2004. – № 1.
5. Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. – Красноярск, 1991.
6. Макаренко В. П. Групповые интересы и властно-управленческий аппарат: к методологии исследования // Социс. – 1997. – №7.
7. Матузов Н.И. Право и политика в их взаимодействии / Российская правовая политика: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Издательство НОРМА, 2003.
8. Parsons T. An Outline of Social System // Theories of Society, 1962. V.2. P. 71-75.
9. Weber M. Wirtschaft und Gesammelte. Tüb., 1922. – P.53.
10. Endicott T.A. Impossibility of the rule of law // Oxford j. of legal studies. – 1999. – Vol. 19, № 2. – P. 312-330.
11. Barrain R. Dictionnaire de droit. – Paris, 1967. – P.15.
12. Тихомиров Ю. А. Управленческое решение. – М.: Наука, 1972.
13. Авакьян С.А. Общество как объект конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. – 2004. – № 2.
14. Мاستенбрук У. Управление конфликтными ситуациями и развитие организации / Пер с англ. – М.: ИНФРА-М, 1996.
15. Pfeffer J. Organizational design. Arlington Heights, Ill.: publishing Corporation, 1978. – P.181.
16. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. – М.: Юристъ, 2003.
17. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. – 1992. – № 3.
18. Гасанов К.К., Стремоухов А.В. Абсолютные права человека и ограничения прав // Правоведение. – 2004. – № 1.
19. Маврин С.П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. – 2003. – № 1.

STATE AS NECESSARY CONDITION OF EFFECTIVE OPPOSITION

E.E. Tonkov, S.V. Masalutina

Belgorod State University, Pobedy St., 85, Belgorod, 308800, Russia,
e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

The article deals with the main factors, preventing from effective opposition to criminality in Russia, among which the low level of population's trust to authorities, including the law system, takes an important place. It is connected with the fact that in the atmosphere of law nihilism of population, loss of prestige of rules of morals and law, lawfulness and justice consumer psychology of public relations, corruption, unceremonious destruction of former ideals are spreading throughout the state. It is shown that the main part of population is not ready to connect the solution of their problems with the priority political ideology and display appropriate social and legal activity.

Key words: state, trust, law nihilism, criminality, criminogenic situation, latency, corruption.

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ

А.Н. Прокопенко¹⁾, А.А. Кривоухов²⁾

¹⁾ Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: Prokopenko@bsu.edu.ru

²⁾ Белгородский юридический институт МВД России, 308031, г. Белгород, ул. Горького, 71;
e-mail: anatka@rambler.ru

Рассмотрено понятие правовой политики на современном этапе. Правовая политика Российской Федерации в сфере государственных информационных ресурсов разделена на три этапа. Отмечено, что на первом этапе было сформулировано отношение государства к информационной сфере в целом. На втором этапе была сформирована политика России в области информационной безопасности. На третьем этапе происходит формирование правовой политики государства по отношению к отдельным объектам информационной сферы. Выявлены приоритеты правовой политики государства в области информационных ресурсов.

Ключевые слова: государственные информационные ресурсы, правовая политика, информационная сфера, информационная безопасность.

Информационные ресурсы являются социально-значимым объектом правоотношений и требуют особого внимания государства. В этой связи необходимо выявить, какой политики придерживается Российская Федерация в отношении информационных ресурсов, каковы основные направления этой политики. Поскольку информационные ресурсы являются объектом информационного права, необходимо выявить государственную политику в отношении всей информационной сферы. Для реализации государственной политики используется правовая политика.

Правовая политика является особой формой выражения государственной политики, средством закрепления воли руководителей государства, реализации ее в праве. Правовая политика воплощается в конституциях, кодексах и других законодательных и нормативно-правовых актах. Она направлена на охрану и защиту существующего социального строя, развитие общественных отношений.

Н.И. Матузов определяет правовую политику как комплекс идей, мер, задач, целей, программ, принципов, установок, реализуемых в сфере права и посредством права [4]. Подобный подход к понятию сущности правовой политики поддерживается другими учеными [2]. Так, О.Ю. Рыбаков считает, что правовая политика в широком смысле слова – это деятельность, прежде всего, государственных и муниципальных органов, общественных объединений, отдельных лиц, включающая систему идей, целей, мер и способов, обеспечивающих функционирование и воспроизводство правового механизма, направленная на осуществление интересов, прав и свобод личности во взаимодействии с ее обязанностями [5].

А.В. Малько дает определение правовой политики как научно обоснованной, последовательной и системной деятельности государственных и муниципальных органов по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление дисциплины, законности и правопорядка, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и жизни общества и личности [3].

Содержание правовой политики можно охарактеризовать или как политику в сфере права, или как политику посредством права. О.Ю. Рыбаков утверждает, что пра-

вовая или государственно-правовая политика либо политика в области создания и применения права существовала с момента формирования юриспруденции как науки, хотя и не всегда носила оформленный системный характер [5].

Правовая политика должна быть основана на существующем законодательстве, подчинена Конституции РФ, соответствовать интересам личности, общества и государства. Она должна опираться на принудительную силу государства, властное влияние которого осуществляется исключительно на основе права [5]. Правовая политика реализуется посредством следующих форм: правотворческой, правоприменительной, правоинтерпретационной, доктринальной и правообучающей [3].

При рассмотрении правовой политики государства в информационной сфере наибольший интерес представляет правовая политика государства в отношении государственных информационных ресурсов. Основное внимание необходимо уделить правотворческой и доктринальной формам, определяющим общее отношение государства к определенной проблеме и задающим определенный вектор развития в рассматриваемой сфере.

За четырнадцать лет, в период с 1992 по 2006 годы, в Российской Федерации была сформирована правовая политика в области информационных ресурсов, которая активно развивается и реализуется в настоящее время.

Формирование правовой политики государства в сфере государственных информационных ресурсов и информатизации можно разделить, с нашей точки зрения, на ряд этапов.

Первый этап проходил с 1992 по 1995 годы. На этом этапе была поставлена задача формирования правовой политики государства в информационной сфере в общем, без конкретизации по отдельным направлениям. Для разработки государственной политики в области информации и информатизации в 1992 году был создан Комитет информатизации при Министерстве связи РФ [7]. На указанный Комитет были возложены обязанности по разработке и проведению государственной политики информатизации России, а также подготовке проектов законодательных актов и решений Правительства РФ в области информатизации. В 1993 году было принято Положение об указанном Комитете [11], в котором были перечислены обязанности, дополненные задачей обобщения практики применения законодательства РФ в сфере информатизации и разработкой предложений по его совершенствованию.

В 1994 году Комитет информатизации при Министерстве связи РФ был расформирован, а на его базе был создан Комитет при Президенте РФ по политике информатизации [8]. На Роскоминформ был возложен ряд задач, одной из которых являлась «разработка проектов законодательных и иных нормативных актов РФ по вопросам информатизации». Одновременно с этим был подписан Указ Президента РФ от 20 января 1994 г. № 170 «Об основах государственной политики в сфере информатизации». Основное внимание в данном документе уделялось организационным вопросам, однако в качестве одного из направлений государственной политики в сфере информатизации было утверждено «формирование и защита информационных ресурсов государства как национального достояния».

С 1992 по 1995 год были подписаны несколько Указов Президента РФ, направленных на формирование правовой политики в области информатизации. К ним относятся:

«Концепция правовой информатизации России», утвержденная Указом Президента РФ от 23 апреля 1993 г. № 477.

Указ Президента РФ «Вопросы формирования единого информационно-правового пространства Содружества Независимых Государств» от 27 декабря 1993 г. № 2293.

Указ Президента РФ «О дополнительных гарантиях права граждан на информацию» от 31 декабря 1993 г. № 2334.

Указ Президента РФ «О совершенствовании деятельности в области информатизации органов государственной власти Российской Федерации» от 21 февраля 1994 г. № 361.

Данными Указами принимались неотложные решения в сфере информатизации и информационных ресурсов, однако правовое поле в данной сфере было еще не сформировано. В период с 1992 по 1994 годы указанные выше Комитеты разрабатывали проекты законов, которые должны были регулировать правоотношения в информационной сфере. Результатом их работы стало принятие в 1995 году целого пакета законодательных актов, основным из которых являлся Федеральный закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации». Этот законодательный акт являлся основополагающим, базовым актом в данной сфере правового регулирования [1].

В Федеральном законе «Об информации ...» от 1995 года были впервые закреплены обязанности государства в сфере формирования информационных ресурсов и информатизации. Так, статья 3 Закона устанавливает, что государственная политика в сфере формирования информационных ресурсов и информатизации направлена на создание условий для эффективного и качественного информационного обеспечения решения стратегических и оперативных задач социального и экономического развития Российской Федерации. Кроме того, Закон закрепил основные направления государственной политики в данной сфере. Анализируя впервые закрепленные законодательно приоритеты государственной политики в области информатизации, необходимо отметить, что принятие ФЗ «Об информации ...» от 1995 года стало значительной вехой на пути формирования правовой политики в области информационных ресурсов. В частности, впервые прозвучало особое отношение государства к формированию и использованию государственных информационных ресурсов. Поскольку формирование государственных информационных ресурсов не может происходить вне правового поля, то и создание условий для качественного и эффективного информационного обеспечения граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и общественных объединений на основе государственных информационных ресурсов также предполагает создание соответствующей правовой базы.

Кроме вышеперечисленных основных направлений государственной политики в информационной сфере ФЗ «Об информации ...» от 1995 года закрепил порядок установления правового режима информационных ресурсов.

Необходимо отметить также принятие Уголовного кодекса РФ, который впервые в нашей стране в главе 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» установил ответственность за совершение преступлений, родовым объектом которых являются правоотношения в сфере компьютерной информации, охраняемые уголовным законом от преступных посягательств.

Принятием Федерального закона «Об информации ...» в 1995 году завершился первый этап формирования правовой политики Российской Федерации в информационной сфере. Выработанные основные направления государственной политики определили отношение государства к информационной сфере в целом, однако не конкретизировали подходы государства к отдельным объектам информационных правоотношений.

В ходе второго этапа формирования правовой политики в информационной сфере основное внимание государства было направлено на реализацию закрепленных ФЗ «Об информации ...» основных направлений государственной политики. Данный этап проходил с 1995 по 2000 год и закончился принятием Доктрины информационной безопасности Российской Федерации.

Начало второго этапа характеризовалось принятием в конце 1995 года «Концепции формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов» [10], одобренной решением Президента РФ от 23.11.1995 № Пр-1694. Указанная Концепция была первой в на-

шей стране «долговременной концептуальной программой, формирующей основные направления информатизации российского общества». Концепцией было определено, что необходимо разработать законодательные и нормативные акты, определяющие права и обязанности юридических и физических лиц по формированию и использованию информационных ресурсов, средств их обработки и доставки. При разработке законодательства об информационных ресурсах Концепция предписывала основное внимание уделить вопросам защиты авторских прав и права собственности на информационные ресурсы, а также создание условий равенства всех форм собственности при формировании информационных ресурсов. Однако не было указано на необходимость разработки правовых норм, регламентирующих порядок формирования и использования государственных информационных ресурсов.

Реализация «Концепции формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов» позволила, например, правоохранительным органам начать оптимизацию информационной инфраструктуры в направлении интеграции автоматизированных информационных систем правоохранительных органов с информационными системами силовых и других государственных структур [12].

В 1995-1998 годах основное внимание государства было направлено, в первую очередь, на формирование единого информационного пространства и повышение информирования населения, обеспечение его конституционного права на доступ к информации. Можно выделить несколько нормативно-правовых актов, посредством которых закреплялось отношение государства к данным проблемам и пути их решения. Это, в частности, Постановление Правительства РФ от 12.01.1996 № 11 «Об улучшении информационного обеспечения населения РФ», «Концепция национальной программы сохранения библиотечных фондов РФ», Распоряжение Правительства РФ от 24.02.1999 № 301-р «О создании межведомственной автоматизированной информационной системы федеральных органов исполнительной власти «Доход», Постановление Правительства РФ от 24.07.1997 № 950 «Об утверждении положения о государственной системе научно-технической информации» и ряд других.

Отдельно необходимо выделить «Концепцию государственной информационной политики», которая была призвана сыграть роль организующего и координирующего документа, представляющего основу для подготовки государственной программы по вхождению России в информационное общество [6]. На основе данной Концепции происходило дальнейшее формирование правовой политики государства в информационной сфере. В частности, в области государственных информационных ресурсов.

В контексте исследуемой проблемы из задач, поставленных Концепцией государственной информационной политики, можно выделить задачу по эффективному формированию и использованию национальных информационных ресурсов и обеспечению широкого, свободного доступа к ним. Кроме того, впервые в качестве государственного приоритета прозвучала задача формирования информационного права как правового фундамента и необходимой нормативной правовой базы построения информационного общества. Определенные в Концепции цели, задачи и основные направления информационной политики получили дальнейшее развитие в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации [9].

Принятие Доктрины информационной безопасности РФ стало логичным итогом работы всех государственных структур, принимавших участие в формировании правовой политики РФ в информационной сфере. Данная Доктрина представляет собой совокупность официальных взглядов на цели, задачи, принципы и основные направления обеспечения информационной безопасности Российской Федерации. Доктрина развивает Концепцию национальной безопасности Российской Федерации применительно к информационной сфере. Таким образом, она основана на двух Концепциях – по информационной политике и национальной безопасности [13].

Кроме того, необходимо отметить, что принятие Доктрины информационной безопасности по срокам совпало с принятием Хартии Глобального информационного общества (июль 2000 года) [15]. Указанная Хартия установила основные принципы создания информационного общества и вхождения в него других государств. Многие положения Доктрины повторяют или развивают положения Хартии. Необходимо отметить, что возрастание роли информационной сферы характерно не только для России, но и для всего мира. Доктрина отмечает системообразующий характер информационной сферы, ее значительное влияние на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности Российской Федерации. Подчеркивается, что национальная безопасность Российской Федерации существенным образом зависит от обеспечения информационной безопасности, и в ходе технического прогресса эта зависимость будет возрастать.

Доктрина информационной безопасности определила основные понятия в сфере информационной безопасности и установила приоритеты Российской Федерации в данной области. Доктрина определила методы обеспечения информационной безопасности, отнеся к ним правовые методы. К правовым методам обеспечения информационной безопасности РФ Доктрина относит разработку нормативных правовых актов, регламентирующих отношения в информационной сфере, и нормативных методических документов по вопросам обеспечения информационной безопасности Российской Федерации. Наиболее важным направлением этой деятельности является внесение изменений и дополнений в законодательство РФ, регулирующие отношения в области обеспечения информационной безопасности, в целях создания и совершенствования системы обеспечения информационной безопасности РФ, устранения внутренних противоречий в федеральном законодательстве, противоречий, связанных с международными соглашениями, к которым присоединилась РФ, и противоречий между федеральными законодательными актами и законодательными актами субъектов РФ, а также в целях конкретизации правовых норм, устанавливающих ответственность за правонарушения в области обеспечения информационной безопасности РФ.

Необходимо отметить, что Доктрина признала одним из наиболее важных объектов обеспечения информационной безопасности в сфере внутренней политики открытые информационные ресурсы федеральных органов исполнительной власти и средств массовой информации. В частности, к наиболее важным объектам обеспечения информационной безопасности РФ в сфере внешней политики Доктрина относит:

информационные ресурсы федеральных органов исполнительной власти, реализующих внешнюю политику РФ, российских представительств и организаций за рубежом, представительств РФ при международных организациях;

информационные ресурсы представительств федеральных органов исполнительной власти, реализующих внешнюю политику РФ, на территориях субъектов РФ;

информационные ресурсы российских предприятий, учреждений и организаций, подведомственных федеральным органам исполнительной власти, реализующим внешнюю политику РФ.

Таким образом, Доктрина информационной безопасности установила, что государственные информационные ресурсы являются важнейшим объектом обеспечения безопасности страны.

Принятием Доктрины информационной безопасности Российской Федерации закончился второй этап формирования правовой политики РФ в информационной сфере в общем и в отношении государственных информационных ресурсов в частности. Необходимо отметить, что, несмотря на принятие Доктрины, правовая политика именно в области информационных ресурсов, в том числе государственных, не была конкретизирована. Информационные ресурсы только упоминаются в качестве важной составной части информационной сферы, признаются одним из основных ее объектов. В отличие от информационной безопасности, данному направлению правовой политики государства в информационной сфере было уделено недостаточно внимания.

Третий этап формирования правовой политики РФ в сфере государственных информационных ресурсов идет с 2000 года. В процессе данного этапа положения Доктрины информационной безопасности РФ, касающиеся государственных информационных ресурсов, были значительно конкретизированы.

В 2002 году принята федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002-2010 годы)», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 28.01.2002 № 65. Одной из задач целевой программы названо обеспечение открытости в деятельности органов государственной власти и общедоступности государственных информационных ресурсов, создание условий для эффективного взаимодействия между органами государственной власти и гражданами на основе использования информационных и коммуникационных технологий. На первом этапе реализации программы (2002 год) была запланирована подготовка пакета законопроектов, направленных на решение проблем, связанных с:

- созданием и распространением электронных документов;
- развитием электронной торговли;
- снижением административных барьеров, препятствующих выходу российских организаций на рынки информационных и коммуникационных технологий;
- гармонизацией законодательства РФ в сфере информационных и коммуникационных технологий с положениями международных конвенций и законодательством стран Европейского союза.

Часть законопроектов была представлена и принята, например, Федеральные законы «Об электронной цифровой подписи», «О коммерческой тайне» и «О персональных данных». Другая часть законопроектов находится в стадии рассмотрения.

Одним из основных направлений реализации целевой программы является совершенствование законодательства и системы государственного регулирования в сфере информационных и коммуникационных технологий. Целью мероприятий этого направления является создание правовых предпосылок для широкого использования информационных и коммуникационных технологий во всех сферах общественной жизни, в экономике, во взаимоотношениях органов государственной власти и местного самоуправления с гражданами и организациями.

Программа определила, что к одной из основных задач, реализуемых в рамках данного направления, является создание правовой базы для решения проблем, связанных с производством и распространением документов в электронной цифровой форме. Одновременно были закреплены принципы, на которых должно быть основано правовое регулирование в данной сфере. К ним, в частности, относится создание правовых условий для использования электронных документов в государственном управлении и гражданско-правовой сфере. Указанные положения федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002 – 2010 годы)» позволяют утверждать, что по итогам ее реализации в РФ должны быть сформированы государственные информационные ресурсы открытого доступа, предназначенные для информирования граждан и организаций о политике государства, что является реализацией положений Доктрины информационной безопасности РФ.

В результате внедрения федеральной целевой программы предполагается довести долю электронного документооборота в общем объеме документооборота до 65 % внутри ведомств и до 40 % в межведомственном документообороте. Кроме того, вследствие особой географической протяженности и организационной централизации информационных ресурсов России планируется реализовать возможность подключения к удаленным информационным системам для обеспечения граждан и хозяйствующих субъектов необходимыми сведениями.

В процессе реализации первого этапа федеральной целевой программы «Электронная Россия» был принят ряд нормативно-правовых актов, которые окончательно сформировали правовую политику РФ в сфере государственных информационных ресурсов.

В 2003 году принято Постановление Правительства РФ от 12.02.2003 № 98 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти», которым был утвержден перечень сведений о деятельности Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти, обязательных для размещения в информационных системах общего пользования (53 вида сведений).

В сентябре 2004 года Распоряжением Правительства РФ от 27.09.2004 № 1244-р одобрена «Концепция использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года». В соответствии с указанной Концепцией определяются основные приоритеты, принципы и направления реализации единой государственной политики в сфере использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти.

Концепция предусматривает, что реализация государственной политики в данной области должна привести к созданию «электронного правительства» – эффективной системы предоставления государственных услуг на основе использования информационных технологий. Основой для «электронного правительства» должны стать государственные информационные ресурсы открытого доступа. Доступ к данным информационным ресурсам должен осуществляться через сеть Интернет или через корпоративные компьютерные сети.

Для реализации положений государственной политики в сфере государственных информационных ресурсов созданы органы исполнительной власти. Основную работу в данной области проводит созданное в 2004 году Министерство информационных технологий и связи РФ и подчиненные ему федеральные службы [14]. Система межведомственной координации государственных программ и проектов использования информационных технологий находится в процессе формирования. Определен порядок создания координационных и совещательных органов в этой сфере. Федеральной целевой программой и Концепцией определены основные приоритеты использования информационных технологий.

Анализируя вышеперечисленные приоритеты, необходимо отметить, что большое внимание уделяется мониторингу различных видов деятельности, ведению различных систем учета и отчетности, повышению эффективности государственного планирования. Реализация этих задач позволит снизить государственные расходы и исключить дублирование информационных ресурсов в информационных системах министерств.

Федеральная целевая программа предполагает, что создание указанных государственных информационных ресурсов или их модернизация для размещения в сети Интернет должна сопровождаться принятием нормативно-правовых актов по каждой информационной системе отдельно. По однотипным информационным системам Министерство информационных технологий и связи РФ должно издать соответствующие типовые положения, на основе которых будут создаваться конкретные нормативно-правовые акты министерств.

В 2005 году Распоряжением Правительства РФ от 09.06.2005 № 748-р была одобрена «Концепция создания системы персонального учета населения РФ». Данная Концепция определяет роль и место системы персонального учета в структуре государственных информационных систем и ресурсов, цели, принципы, структуру, функции и основные этапы создания и развития системы персонального учета, а также источники финансирования. Концепция также содержит предложения по формированию нормативной правовой базы, необходимой для функционирования системы персонального учета и обеспечения защиты конституционных прав и свобод граждан при сборе и использовании их персональных данных.

В 2006 году были приняты Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» и Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Данные законы упорядочили правоотношения в области оборота информации и персональных данных.

Анализируя все вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Правовая политика РФ в сфере государственных информационных ресурсов формировалась в три этапа. На первом этапе были определены основные приоритеты государства в информационной сфере и принят «базовый» ФЗ «Об информации...», закрепивший правовой режим информационных ресурсов. На втором этапе была сформирована правовая политика в области информационной безопасности, которая неразрывно связана с государственными информационными ресурсами. Этот этап завершился принятием Доктрины информационной безопасности РФ. На третьем этапе были приняты концептуальные документы, которые определяют общее направление развития государственных информационных ресурсов и основные положения государственной политики в данной области. В настоящий момент происходит конкретизирование и реализация правовой политики РФ по отношению к отдельным вопросам формирования и использования государственных информационных ресурсов.

Основным приоритетом правовой политики государства в данной сфере определено формирование открытых государственных информационных ресурсов для информирования граждан и организаций о политике государства и принимаемых государственных решениях, создание «электронного правительства», что является реализацией конституционных прав граждан нашей страны на информацию.

В качестве второго приоритета правовой политики государства в данной области можно выделить правовое регулирование формируемых межведомственных государственных информационных ресурсов. Создание межведомственных государственных информационных ресурсов улучшит информационное обеспечение деятельности органов власти и снизит количество расходов на эти цели денежных средств.

Список литературы

1. В.А. Копылов. Информационное право. – М.: Юрист, 2004. – С. 147.
2. А.П. Коробова. О многозначности понятия «правовая политика» // Правоведение, 1999. № 4.
3. А.В. Малько, К.В. Шундикова. Правовая политика современной России: цели и средства // Государство и право, 2001. № 7. С. 15.
4. Н.И. Матузов. Понятие и основные приоритеты российской правовой политики // Правоведение, 1997. № 4. С. 8.
5. О.Ю. Рыбаков. Правовая политика как юридическая категория: понятие и признаки // Журнал российского права. 2002. № 3. С. 71.
6. О.А. Финько. Правовое обеспечение Государственной информационной политики // Сб. НТИ. Сер. 01.1999. № 8.
7. Вопросы Комитета информатизации при Министерстве связи РФ: Постановление Правительства РФ от 09.03.1992 № 148; О Комитете информатизации при Министерстве связи РФ: Указ Президента РФ от 29.02.1992 № 203 // Ведомости СНД и ВС РФ. 12.03.1992. № 11. Ст. 550.
8. Вопросы деятельности Комитета при Президенте РФ по политике информатизации: Указ Президента РФ от 17.02.1994 № 328 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 21.02.1994. № 8. Ст. 589.
9. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 28.09.2000. № 187.
10. Концепция формирования и развития единого информационного пространства России и ответствующих государственных информационных ресурсов. – М.: Информрегистр, 1996.
11. Об утверждении положения о Комитете РФ по информатизации: Постановление Правительства РФ от 06.01.1993 № 15 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 11.01.1993. № 2. Ст. 110.
12. О системе информационного взаимодействия правоохранительных органов России: Решение ГКИ при Госкомсвязи РФ от 16.06.1998 № 20 // СвязьИнформ, 1998. № 7. Ч. 1.
13. О концепции национальной безопасности РФ: Указ Президента РФ от 10.01.2000 № 24 // СЗ РФ. 10.01.2000. № 2. Ст. 170.
14. Об утверждении положения о Министерстве информационных технологий и связи Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 26.06.2004 № 311 // СЗ РФ. 05.07.2004. № 27. Ст. 2774.
15. Хартия Глобального информационного общества. – Окинава, 2000. С. 51-56.

LEGAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SPHERE OF NATIONAL INFORMATIONAL RESOURCES

A.N. Prokopenko¹⁾, A.A. Krivoukhov²⁾

¹⁾ Belgorod State University, Pobeda St., 85, Belgorod, 308015, Russia;
e-mail: Prokopenko@bsu.edu.ru

²⁾ Belgorod Police Training Institute, Gorky St., 71, Belgorod, 308031, Russia;
e-mail: anatka@rambler.ru

The article describes the notion of legal policy in contemporary world. Legal policy of the Russian Federation in the sphere of national informational resources is divided into three stages. It is said that the first stage is characterized by setting up a general attitude of the state to the informational environment. The second stage deals with the establishment of Russia's information security policy. The third stage embraces the formation of the national policy concerning certain objects of informational environment. The issue establishes priorities of the national policy in respect to the field of informational resources.

Key words: national informational resources, legal policy, informational environment, information security.

ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ, СВЯЗАННЫХ С НЕЛЕГАЛЬНЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ, ПРИ НАЛИЧИИ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ

Л.А. Прохоров ¹⁾, М.Л. Прохорова ²⁾

¹⁾ Кубанский государственный университет, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149;
e-mail: hooligang@mail.ru

²⁾ Кубанский государственный аграрный университет, 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13;
e-mail: hooligang@mail.ru

В настоящей статье рассматриваются вопросы квалификации преступных посягательств, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, при наличии квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков. Анализ соответствующих обстоятельств предлагается в соответствии с их классификацией, представленной авторами. В статье высказываются и обосновываются предложения о формировании новых квалифицированных видов указанных преступных посягательств.

Ключевые слова: дифференциация уголовной ответственности и наказания, квалифицированный состав, квалифицирующий признак, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, наркотические средства, психотропные вещества, уголовно-правовые средства борьбы с наркотизмом.

В системе средств дифференциации уголовной ответственности и наказания, в том числе и за преступные посягательства, связанные с незаконным оборотом наркотиков, немаловажное место занимает конструирование квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений.

В специальной литературе отмечается двойственная природа квалифицирующих признаков, лежащих в основе названных видов составов. Во-первых, входя в совокупность признаков определенного состава преступления, обладая характерными для него чертами, они влияют на уголовно-правовую оценку содеянного, изменяют санкцию, отражающую специфику диспозиции, и, соответственно, пределы наказуемости [1]. Во-вторых, они используются для конструирования более опасной (в той или иной мере) разновидности преступных деяний [2], законодательное существование которых возможно и при отсутствии этих обстоятельств – в форме основного состава.

Формируя практически все составы преступлений, связанных с нелегальным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, законодатель предусмотрел для них в том или ином объеме набор квалифицирующих признаков, то есть обстоятельств, существенно повышающих степень общественной опасности деяния в сопоставлении с основным составом. Исключение образует деяние, названное в ст. 233 УК «Незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ», представленное лишь основным составом. Составы трех преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК «Незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов», ст. 229 УК «Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ» и ст. 230 УК «Склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ», сконструированы по схеме: основной состав – квалифицированный состав – особо квалифицированный состав. Четыре посягательства, предусмотренные ст. 228 «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов», 228.2 «Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ», ст. 231 УК «Незаконное культивирование запрещенных к возделыванию

растений, содержащих наркотические вещества» и ст. 232 УК «*Организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ»*, облечены в форму основного и квалифицированного составов.

Само собой разумеется, что специфика рассматриваемых преступлений, особенности их объективных и субъективных признаков предопределили и различный по объему и содержанию набор квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков для каждого из посягательств. В отдельных случаях некоторые отягчающие обстоятельства совпадают, то есть характеризуют квалифицированные составы всех или ряда преступных деяний рассматриваемого вида, иногда же они являются сугубо индивидуальными, присущими только одному из преступлений. Тем не менее, их можно определенным образом сгруппировать по тому или иному основанию. **Первая группа** квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков обусловлена совершением преступлений в соучастии, к ним относятся такие признаки, как совершение преступления *группой лиц по предварительному сговору или организованной группой* (п. «а» ч.2; п. «а» ч.3 ст. 228.1; п. «а» ч.2; п. «а» ч.3 ст. 229; п. «а» ч.2 ст. 230; п. «а» ч.2 ст. 231; ч.2 ст. 232 УК). **Вторую группу** образуют обстоятельства, характеризующие специфику предмета посягательства – это совершение деяния в отношении наркотических средств, психотропных веществ (в некоторых случаях – их аналогов) *в крупном размере либо в особо крупном размере* (ч.2 ст. 288; п. «б» ч.2; п. «г» ч.3 ст. 228.1; п. «б» ч.3 ст. 229; п. «в» ч.2 ст. 231 УК). **Третья группа** – это обстоятельства, обусловленные спецификой оказываемого на потерпевшего влияния в ходе совершения преступления, а именно применение к нему *насильственного воздействия*. К ним следует отнести: применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, а равно угрозу применения такого насилия; применение насилия, опасного для жизни или здоровья, а также угрозу применения такого насилия; применение насилия или угрозы его применения (п. «г» ч.2; п. «в» ч.3 ст. 229; п. «г» ч.2 ст. 230 УК). **Четвертую группу** образует обстоятельство, отражающее особенности субъекта совершения преступления, – *лицом с использованием своего служебного положения* (п. «б» ч.3 ст. 228.1; п. «в» ч.2 ст. 229 УК). В **пятую группу** входит признак, характеризующий круг потерпевших, – это совершение преступления *в отношении заведомо несовершеннолетнего; лица, заведомо не достигшего четырнадцатилетнего возраста либо двух или более лиц* (п. «в» ч.2; п. «в» ч.3 ст. 228.1; п. «в» ч.2 ст. 230 УК). **Шестая группа** включает в себя отягчающее обстоятельство, связанное с наступлением определенных последствий в результате совершения преступного посягательства, а именно – *причинение по неосторожности вреда здоровью человека, смерти потерпевшего или иных тяжких последствий* (ч.2 ст. 228.2; ч.3 ст. 230 УК). Наконец, **седьмая группа** представлена обстоятельством, характеризующим мотивацию содеянного, – совершение преступления *из корыстных побуждений* (ч.2 ст. 228.2 УК).

Анализ признаков, квалифицирующих и особо квалифицирующих составы рассматриваемых преступлений, начнем с обстоятельств, совпадающих при характеристике ряда преступных посягательств.

Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору. Содержание этого признака раскрывается в ч.2 ст. 35 УК, где установлено, что преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. Речь идет о ситуации, когда два или более субъекта соответствующего преступления (то есть вменяемые и достигшие возраста уголовной ответственности), заранее, то есть до начала совершения преступления, выполнения его объективных сторон, договорившись о его совершении, впоследствии совместно в нем участвуют. Исходя из формулировки части 2 ст. 35 УК и сопоставления ее с положением, закрепленным в части первой этой же статьи*, мы приходим к выводу, что в ней под лицами, участвовавшими в совершении преступления, закон понимает любых соучастников в количестве не менее двух

* Часть 1 ст. 35 УК устанавливает, что «преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя (выделено нами – Авт.) без предварительного сговора».

человек. Набор соучастников может быть самым разнообразным: два соисполнителя; организатор и исполнитель; пособник, подстрекатель и исполнитель (или несколько соисполнителей) и т.д.

Мы не можем согласиться с мнением о том, что при совершении преступления по предварительному сговору группой лиц в нем непременно должны принимать участие, как минимум, два исполнителя, хотя эта позиция является ведущей в теории уголовного права и достаточно давно устоявшейся [3, 4]. Во-первых, подобный вывод вряд ли следует из текста закона, который говорит о лицах, участвующих в совершении преступления, не называя конкретный вид соучастников (в отличие от формулировки ч.1 ст. 35 УК). Следовательно, здесь предполагается как соисполнительство с предварительным сговором, так и соучастие в тесном смысле, то есть с разделением ролей. Во-вторых, не совсем понятно, почему авторы этой позиции отождествляют суть понятия группы и понятия соисполнительства. По их мнению, ядро этой группы должны составить, как минимум, два исполнителя, а вокруг могут вращаться пособники, подстрекатели, организаторы. Представляется, группа в наличии и тогда, когда в совершении преступления участвуют, например, пособник и исполнитель. Сущность соучастия – совершение преступления совместными усилиями нескольких лиц* – сохраняется и при подобном сочетании участников совершения преступления. Общественная опасность совершенного посягательства, бесспорно, выше, чем у деяния, совершенного одним лицом, поскольку действия исполнителя подкреплялись действиями пособника, без которых преступление, возможно, вообще не могло произойти. Но ведь квалифицируя деяние в описанной ситуации без применения признака совершения его группой лиц по предварительному сговору, мы, тем самым, игнорируем характерную для него повышенную степень общественной опасности.

Мы не одиноки в своем понимании содержания рассматриваемого квалифицирующего признака. В частности, авторы Постатейного комментария к УК РФ отрицают необходимость непосредственного соисполнительства при совершении преступления такой группой лиц и отмечают, что сговор в этой ситуации «для того и производится, чтобы при необходимости для облегчения совершения технически разделить функции» [5]. С.М. Кочои справедливо полагает, что «ограничение формы соучастия в п. «а» ч.2 ст.158 УК РФ соисполнительством ... не основано на законе», так как является обязательным признаком только группы, предусмотренной ч.1 ст. 35 УК [6,7].

Таким образом, квалифицирующим признаком «совершения преступления группой лиц по предварительному сговору», на наш взгляд, охватывается соисполнительство с предварительным соглашением и соучастие с разделением ролей (при любом количестве исполнителей). Каких-либо ярко выраженных особенностей вменения этого признака применительно к рассматриваемой группе преступлений не существует. Но следует обратить внимание на специфику соисполнительства при совершении деяний, предусмотренных ст. ст. 228, 228.1, 231, 232 УК. По структуре состава данных посягательств являются сложными, поскольку их объективная сторона предполагает совершение альтернативных действий. В связи с этим при исполнении названных преступлений возможно разделение ролей в рамках объективной стороны состава. Например, вступив в предварительный сговор, группа совершает деяние, предусмотренное ст. 228.1 УК, по следующей схеме: одно лицо незаконно производит героин, другое его пересылает в иной населенный пункт, где третий участник этот наркотик сбывает. Всех лиц, участвующих в совершении этого преступления, надлежит признавать соисполнителями, поскольку они выполняют деяния, входящие в объективную сторону и имеющие самостоятельное значение.

Совершение преступления организованной группой. Наличие подобного квалифицирующего признака значительно повышает степень общественной опасности соответствующего преступления, которая в этой ситуации гораздо выше и степени опас-

---

* Мы абстрагируемся в данном случае от иных признаков соучастия.

ности преступлений, совершаемых группой лиц по предварительному сговору. Данный вывод основывается на анализе специфики организованных групп. В соответствии с ч. 3 ст. 35 УК «преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений». Именно наличие свойства устойчивости и нацеленность такой группы, как правило, на совершение ряда преступлений предопределяет ее повышенную вредоносность и злокачественность. Об устойчивости как необходимым признаке организованной группы могут свидетельствовать, в частности, такие признаки, как стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность ее существования и количество совершенных преступлений [8, 9, 10, 11, 12].

В теории уголовного права общепризнанно, что между участниками организованной группы может осуществляться распределение ролей, то есть не обязательно им всем являться исполнителями конкретных совершенных преступлений, однако на квалификацию их действий данное обстоятельство не влияет.

Применение данного признака в отношении рассматриваемой группы преступлений также не отличается спецификой. Однако на отдельные моменты все-таки следует обратить внимание.

Первое: при конструировании квалифицированных составов склонения к потреблению наркотических средств или психотропных веществ (ст. 230 УК) и незаконного культивирования запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества (ст. 231 УК), законодатель объединяет в одном пункте одной части указанных статей (п. «а» ч. 2) два самостоятельных квалифицирующих признака – совершение преступления группой лиц по предварительному сговору и совершение его организованной группой. Подобное соединение вряд ли можно признать обоснованным, на что уже указывалось в специальной литературе и нами, и иными авторами [13, 14, 15]. Во-первых, подобным подходом закон нивелирует степень общественной опасности этих двух форм соучастия, которая, объективно, без сомнения, существенно различается. Во-вторых, законодатель, тем самым, нарушает логику формирования статей Уголовного кодекса, который сам же в большинстве случаев придерживается, распределяя эти признаки по разным частям статьи, содержащим и различные санкции.

Второе: в специальной литературе было высказано предложение о включении в содержание статей 228 (в прежней редакции), 229, 232 УК такого квалифицирующего признака, как совершение преступления преступным сообществом (преступной организацией). На наш взгляд, это совершенно излишне и является, скорее, конъюнктурным, нежели конструктивным предложением, основанным на общепризнанном заключении о том, что наркобизнес является одним из основных структурных элементов организованной преступности. Дело в том, что факт совершения преступления преступным сообществом (преступной организацией) в любом случае будет отражен в квалификации содеянного обязательным применением ст. 210 УК, что, само собой, окажет влияние и на назначение наказания. Включение предлагаемого квалифицирующего признака приведет к дублированию отягчающего обстоятельства, поскольку применение ст. 210 УК все равно останется необходимым, ибо ст. ст. 228.1, 229 и 232 не охватывают создание, руководство преступным сообществом (преступной организацией), а равно участие в них, состоящее в совершении иных действий, помимо указанных в названных статьях.

Анализируя признаки, квалифицирующие и особо квалифицирующие рассматриваемые преступные посягательства и их распределение по соответствующим составам, нельзя не согласиться с мнением Л.Л. Кругликова, отмечающего: «К сожалению, не наблюдается прогресса в Уголовном кодексе РФ в части использования устойчивых сочетаний («набора») квалифицирующих признаков – в каждом квалифицированном составе он свой, отличающийся от других... Конечно, вид преступления не может не накладывать своего отпечатка на виды квалифицирующих обстоятельств, но, с другой

стороны, в пределах одной квалификационной группы должны быть используемы *устойчивые сочетания* (выделено нами – Авт.) квалифицирующих признаков, виды последних, в основном, должны совпадать» [16].

В рамках же рассматриваемой классификационной группы прослеживается ярко выраженный разноряд в содержании наборов квалифицирующих признаков, предусмотренных для исследуемых составов преступлений. В этой части законодательство явно нуждается в совершенствовании, в процессе которого должны быть решены следующие задачи: «1) правильно определить круг обстоятельств, характерных для каждой квалификационной группы преступлений внутри главы и могущих выступать в роли квалифицирующих признаков; 2) наметить типичные сочетания признаков, которые разумно использовать многократно, как бы «по шаблону», при конструировании квалифицированных составов преступлений одной классификационной группы» [17].

Совершение преступления в отношении наркотических средств или психотропных веществ в крупном или особо крупном размерах. Установление содержания этих квалифицирующих признаков в настоящее время сложностей не представляет, поскольку оно формализовано и крупный, особо крупный размеры не являются, как прежде, оценочными категориями [18].

В части регламентации названных обстоятельств законодатель так же не вполне последователен. Так, в п. «б» ч. 3 ст. 229 УК содержится указание на такой признак, как совершение хищения в отношении наркотических средств или психотропных веществ в крупном размере, но по непонятным причинам законом не предусмотрено для данного состава такое квалифицирующее обстоятельство, как совершение этого посягательства в особо крупном размере. Как верно отмечается в специальной литературе, «отсутствие в ч. 3 ст. 229 УК РФ признака «особо крупный размер» придает конструкции особо квалифицированных видов преступления незавершенный вид и обуславливает необходимость расширенного толкования признака «крупный размер» в п. «б» ч. 3 ст. 229 УК РФ» [19]. В связи с этим вполне обоснованным и логичным выглядит вывод о необходимости перемещения признака совершения хищения либо вымогательства в отношении наркотических средств или психотропных веществ в крупном размере в ч. 2 ст. 229 УК и о дополнении ее части 3 признаком совершения их в особо крупном размере.

Ситуация, аналогичная предыдущей, складывается и в отношении деяния, предусмотренная ст. 231 УК «Незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества». Пункт «в» ч. 2 ст. 231 УК называет такой квалифицированный вид деяния, как совершение его в крупном размере. Указание же на такое обстоятельство, как совершение преступления в особо крупном размере, почему-то в статье отсутствует. Надлежит дополнить статью 231 УК третьей частью, где, наряду с признаком «совершение преступления организованной группой», указать признак «совершение преступления в особо крупном размере».

Совершение преступления с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозой применения такого насилия. Этот квалифицирующий признак предусмотрен законом лишь для преступления, названного в ст. 229 УК «Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ». Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, а равно угрозы его применения характерно для такой формы хищения, как насильственный грабеж. Применение насилия означает непосредственное физическое воздействие виновного на потерпевшего вопреки воле последнего, нарушающее его телесную неприкосновенность. Закон прямо указывает на степень интенсивности этого воздействия, определяя, что оно должно быть не опасным для жизни или здоровья человека. В теории уголовного права общепризнанно, что такое воздействие может выразиться в нанесении потерпевшему побоев, ограничении его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.), в совершении иных (помимо побоев) насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших за собой кратковременное расстройство здоровья либо незначительную стойкую утрату трудоспособности, и т.п. [20, 21, 22, 23, 24].

Психическое насилие при совершении хищения представляет собой выражение любым способом (устно, жестами) угрозы немедленно применить к человеку физическое воздействие соответствующей интенсивности. Вменяя этот признак, следует учитывать, что насилие при грабеже (как физическое, так и психическое) должно использоваться виновным именно как средство завладения имуществом (у нас – наркотическими средствами или психотропными веществами) либо как средство удержания фактически изъятого предмета. Рывок при грабеже (например, виновный вырывает из рук врача «скорой помощи» чемоданчик с находящейся в нем ампулой наркотического средства промедола) не превращает последний в насильственное преступление. Рывок не представляет собой непосредственного физического воздействия на потерпевшего с целью преодоления предполагаемого либо фактически оказываемого сопротивления.

Судя по тексту закона, этот признак предусмотрен в качестве квалифицирующего не только для хищения наркотических средств или психотропных веществ, но и для вымогательства этих препаратов. Таким образом, законодатель предполагает ситуацию, когда вымогатель, высказывая угрозу, обращенную в будущее, сопровождает ее фактическим применением насилия к потерпевшему, которое призвано подкрепить соответствующее обещание и подтвердить его реальность. Однако несколько надуманной представляется ситуация, когда вымогатель, высказывая угрозу, обращенную в будущее, подкрепляет ее угрозой немедленного причинения физического вреда потерпевшему. Подобная формулировка не соотносится и с текстом ст. 163 УК, предусматривающей ответственность за вымогательство, где в п. «в» ч.2 в качестве квалифицирующего признака названо применение насилия, не дифференцированного на виды, и не идет речь о применении угрозы насилием. Несмотря на то, что вымогательство названных средств и веществ, является самостоятельным посягательством, но, тем не менее, это специальный вид вымогательства, и в законе должна присутствовать преемственность при формулировании «родственных» составов. Основная специфика вымогательства, названного в ст. 229 УК, заключается в свойствах предмета преступлений, остальные же объективно-субъективные признаки этого деяния и преступления, предусмотренного ст.163 УК, практически тождественны. Вполне очевидно, что и набор квалифицирующих признаков должен совпадать, тем более что отличие в формировании рассматриваемого квалифицирующего признака (да и большинства остальных) совершенно не обусловлено спецификой вымогательства, предусмотренного ст. 229 УК.

Совершение преступления с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Насилием, опасным для жизни или здоровья, в теории уголовного права признается такое физическое воздействие на лицо, результатом которого явилось причинение потерпевшему смерти, тяжкого, средней тяжести либо легкого вреда его здоровью*.

К подобного рода насилию относятся и такое физическое воздействие, которое в момент применения по своему способу представляло собой реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего, даже в ситуациях, когда фактический вред лицу причинен не был (например, сдавливание шеи руками, сбрасывание с высоты, длительное насильственное удержание под водой, выталкивание из движущегося транспорта и др. насилием, опасным для жизни или здоровья, признается также введение в организм потерпевшего помимо его воли ядовитых, отравляющих, сильнодействующих веществ [25, 26, 27].

Угроза применить насилие, опасное для жизни или здоровья, представляет собой психическое воздействие на лицо, обещание немедленного применения к нему физического насилия при отказе от выполнения требований виновного. Угроза должна быть

---

* Причинение в ходе хищения или вымогательства наркотических средств или психотропных веществ легкого, средней тяжести либо тяжкого вреда здоровью потерпевшего охватывается составом данного преступления и не требует дополнительной квалификации по ст. ст. 111, 112, 115 УК. Если умышленное причинение тяжкого вреда повлекло по неосторожности смерть потерпевшего, а равно, если было совершено его убийство, содеянное надлежит дополнительно квалифицировать, соответственно, по ч. 4 ст. 111 либо по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

действительной и реальной. Способы выражения угрозы различны (слова, жесты, демонстрация оружия), на квалификацию, как правило, это обстоятельство не влияет. Насилие при совершении хищения, как уже отмечалось выше, применяется для преодоления ожидаемого либо фактически охватываемого потерпевшим сопротивления, а также для удержания изъятого наркотического средства или психотропного вещества.

В связи с тем, что в п. «в» ч. 3 ст. 229 УК речь идет о применении насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы его применения, теоретиками уголовного права был сделан вывод о том, что в данном случае закон имеет в виду совершение хищения наркотических средств или психотропных веществ в форме разбойного нападения. Аналогичного мнения придерживается и Верховный Суд Российской Федерации [28]. Однако, анализ текста закона не дает оснований для подобного вывода. Согласно ч. 1 ст. 162 УК разбой представляет собой *нападение в целях хищения чужого имущества* (выделено нами – Авт.), совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья либо с угрозой применения такого насилия. Деянием, образующим объективную сторону разбоя, как известно, выступает нападение, сопряженное с определенного рода насилием, с момента совершения которого преступление считается оконченным. Хищение же, как таковое, является целью при совершении разбойного нападения, и его фактическое осуществление вынесено за рамки состава. Сравним текст ст. 163 УК с положениями ст. 229 УК. Часть 3 последней гласит: «Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они совершены: ...в) с применением насилия, опасного для жизни или здоровья либо с угрозой такого насилия...». Часть же первая статьи устанавливает: «Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ...». Другими словами, следуя букве закона, содержание п. «в» ч. 3 ст. 229 УК необходимо понимать следующим образом: «Хищение либо вымогательство, если они совершены с применением насилия, опасного для жизни или здоровья либо с угрозой такого насилия...». Таким образом, в ст. 229 УК речь идет не о нападении, а именно о *хищении*. Понятие хищения, содержащееся в примечании 1 к ст. 158 УК, предполагает фактическое изъятие чужого имущества и (или) обращение его в пользу виновного или других лиц, причинившие определенный ущерб.

Следовательно, «урезая» состав хищения, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 229 УК, перенося момент его окончания на более раннюю стадию, мы нарушаем положения закона, искажаем его содержание, давая последнему весьма вольное толкование. Основываем мы свое толкование на аналогии, проводимой со ст. 162 УК, что вряд ли допустимо в подобной ситуации. На наш взгляд, законодатель действительно предполагает в данном случае разбойное нападение, но формулировка закона не является тому подтверждением. В связи с вышеизложенным считаем необходимым изменение текста закона для исключения противоречия между его содержанием и толкованием, а, в конечном счете, и применением на практике. УК РСФСР 1960 года в ч. 3 ст. 224.1 предусматривал ответственность за хищение наркотических средств путем разбойного нападения. Такая формулировка не вызывала сложностей в процессе толкования и применения закона. Однако в специальной литературе высказываются и иные мнения. Так, Л.Л. Кругликов полагает, что «...заслуживает одобрения отказ от признака «хищения наркотических средств путем разбойного нападения» (ч. 3 ст. 224.1 УК 1960 г.) и замена его признаком: «применение насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения такого насилия». Тем самым, во-первых, обеспечивается преэминентность с признаком «применение насилия, не опасного для жизни или здоровья...» и, во-вторых, устранена причина разнобоя на практике, наблюдавшегося в прошлом при толковании и применении упомянутого в ч. 3 ст. 224.1 квалифицирующего признака» [29]. Представляется, что для «разнобоя» основания появились в связи с принятием УК 1996 г., формулировка же ч. 3 ст. 224.1 УК РСФСР 1960 г. была предельно четкой и ясной.

При совершении вымогательства насилие, опасное для жизни или здоровья, а равно угроза применения такового, должны выступать средством подкрепления угрозы, сопровождающей предъявляемое виновным требование и обращенной в будущее, но

не должны сочетаться с одновременным изъятием наркотического средства или психотропного вещества. В последней ситуации речь идет уже о разбое, но не вымогательстве. Однако это признак выглядит чужеродным для вымогательства, о чем мы уже говорили выше при анализе признака «применение насилия, не опасного для жизни или здоровья...».

Совершение преступления с применением насилия или угрозы его применения. Рассматриваемый квалифицирующий признак характерен лишь для одного из посягательств в сфере нелегального оборота наркотических средств или психотропных веществ – для склонения к их потреблению (п. «г» ч. 2 ст. 230 УК РФ). В данном случае закон не дифференцирует насилие*. В связи с этим возникает вопрос о том, причинение какого же конкретно вида вреда здоровью охватывается п. «г» ч. 2 ст. 230 УК. Анализ рассматриваемой нормы и норм, предусматривающих ответственность за преступления против здоровья личности, и, в первую очередь, их санкций, позволит заключить, что максимальное насилие, охватываемое п. «г» ч. 2 ст. 230 УК, образует умышленное причинение тяжкого вреда здоровью без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 111 УК). При нанесении потерпевшему более тяжкого вреда требуется дополнительная квалификация по соответствующей статье Особенной части УК, предусматривающей ответственность за преступления против жизни и здоровья (например, по ч. 1 ст. 105 УК).

Содержание угрозы при совершении склонения к потреблению наркотических средств или психотропных веществ может образовывать обещание причинить любой вред здоровью потерпевшего, а также лишить его жизни.

Совершение преступления, повлекшего по неосторожности причинение вреда здоровью человека, смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия. Этот квалифицирующий признак в формулировке «..., повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия» предусмотрен законом для такого посягательства, как склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ (ч. 3 ст. 230 УК). Формулировка «..., повлекшего по неосторожности причинение вреда здоровью человека или иные тяжкие последствия» свойственна ч. 2 ст. 228.2 УК.

Обратим внимание на следующий момент. Причинение смерти по неосторожности может быть обусловлено умышленным причинением тяжкого вреда здоровью склоняемого. Этот вывод следует из формулировки ч. 3 ст. 230: «Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они повлекли по неосторожности смерть потерпевшего...». Таким образом, исходя из анализа текста закона, дополнительной квалификации по ч. 4 ст. 111 УК в этой ситуации не требуется. Однако, анализ санкций ч. 4 ст. 111 («...наказываются лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет») и ч. 3 ст. 230 УК («...наказывается лишением свободы на срок от шести до двенадцати лет») приводит нас в некое «тупииковое» положение. В специальной литературе справедливо отмечается: «Основываясь на положении, что норма – целое (имеется в виду ч. 3 ст. 230 УК, составляющими которой являются склонение – ч. 1 ст. 230 УК и причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, – ч. 4 ст. 111 УК – Авт.) по степени общественной опасности никак не может быть меньше степени общественной опасности ее составляющих норм-частей, полагаем, что уголовно-правовыми правилами объяснить такое различие в наказании затруднительно» [30].

Казалось бы, поскольку деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК, более общественно опасно, его совершение не может охватываться ч. 3 ст. 230 УК. Но, с другой стороны, дополнительно вменять причинение смерти по неосторожности при квалификации деяния, уже включающего в себя это обстоятельство, просто абсурдно. Поэтому, безусловно, законодателю надлежит привести санкцию ч. 3 ст. 230 УК в соответствие с санкцией ч. 4 ст. 111 УК. Смерть по неосторожности может наступить при совершении

* Понятие насилия и угроз его применения было дано выше.

склонения к потреблению наркотических средств или психотропных веществ и в иных ситуациях: например, в результате передозировки препарата, насильственного вводимого в организм склоняемого (если склонение выражается в такой форме), в аналогичной же ситуации – в результате заражения крови – сепсиса – от использования нестерильной иглы и др.

Категория «иные тяжкие последствия» является оценочной, законодатель не раскрывает содержания этого понятия, предоставляя правоприменителям самостоятельность в решении данного вопроса. Отнести те или иные последствия к категории тяжких или нет, должны решать следователь, судья в каждой конкретной ситуации с учетом всех фактических обстоятельств дела и характера наступивших последствий. В частности, тяжкими в контексте ст. 230 УК могут признаваться следующие последствия: самоубийство потерпевшего, расстройство у него психической деятельности (но не как разновидность умышленного причинения тяжкого вреда здоровью), заражение ВИЧ-инфекцией в результате использования нестерильной иглы либо иным серьезным заболеванием, например, гепатитом «С», заболевание склоняемого наркоманией (если склонение выражалось в насильственном введении в организм потерпевшего соответствующих препаратов помимо его воли) и некоторые другие.

В отношении включения в перечень последнего из названных нами последствий в литературе высказана иная позиция, суть которой заключается в следующем: «...понятие тяжких последствий не включает заболевание наркоманией и токсикоманией, поскольку по юридической конструкции ч. 3 ст. 230 УК тяжкие последствия причиняются по неосторожности, а отношение виновного к заболеванию наркоманией является умышленным. Чаще всего субъект затем и вовлекает потерпевшего, чтобы сформулировать у него физическую и психическую зависимость...» [31]. Представляется, что столь категоричное утверждение вряд ли справедливо для всех ситуаций склонения к потреблению наркотических средств или психотропных веществ. Действительно, в отдельных случаях виновный стремится к достижению цели формирования у склоняемого наркотической зависимости, действуя при этом умышленно. В этой ситуации заболевание наркоманией следует расценивать как причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего. В отдельных же случаях отношение виновного к наступлению подобного последствия может выражаться и в форме неосторожности. Например, виновный, движимый чувством мести, не преследуя цели сформировать у лица наркозависимость, склоняет его к потреблению наркотического средства путем насильственного введения последнего в организм потерпевшего. Не являясь специалистом и, соответственно, не оценив особенности организма, состояние здоровья склоняемого и дозу применяемого препарата, виновный своими действиями вызывает заболевание потерпевшего наркоманией. Отношение к названному последствию является неосторожным (вид неосторожности – небрежность).

Тяжкими последствиями при совершении преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК, могут признаваться, в частности, выход в нелегальный оборот значительного количества соответствующих препаратов, существенное нарушение нормальной деятельности какой-либо организации (например, лечебного учреждения, лишившегося необходимых наркотикосодержащих лекарственных препаратов) и др.

Субъективная сторона деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 230 УК и частично ч. 2 ст. 228.2 (при умышленном нарушении соответствующих правил), специфична, ибо она характеризуется двойной формой вины. Отношение виновного к деянию – склонению к потреблению наркотических средств или психотропных веществ либо к нарушению правил – умышленное (прямой умысел), а к последствиям – причинению вреда здоровью человека, смерти потерпевшего или иным тяжким последствиям – неосторожное, что прямо следует из текста закона. Неосторожность при этом чаще всего выступает в виде небрежности.

Совершение преступления в отношении заведомо несовершеннолетнего, лица, заведомо не достигшего четырнадцатилетнего возраста, либо двух или более лиц. Данное обстоятельство квалифицирует деяние, предусмотренное ст.228.1 УК, и склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ. Для первого свойственно совершение преступления в отношении заведомо несовершеннолетнего либо лица, заведомо не достигшего четырнадцатилетнего возраста; для второго – совершение в отношении заведомо несовершеннолетнего либо двух или более лиц.

Повышенная степень общественной опасности деяния обусловлена в данном случае спецификой круга потерпевших. Во-первых, это могут быть несовершеннолетние, то есть лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, или лица, заведомо не достигшие четырнадцати лет. Для вменения этого признака необходимо установить, что виновный достоверно знал о том, что склоняемое лицо не достигло совершеннолетия или четырнадцати лет, то есть это обстоятельство охватывалось его умыслом.

Применительно к анализу склонения к потреблению наркотических средств или психотропных веществ заведомо несовершеннолетнего возникает проблема, связанная с определением возраста уголовной ответственности за это посягательство. Здравый смысл подсказывает, что усиление ответственности за склонение несовершеннолетнего к потреблению наркотиков предусмотрено именно в отношении взрослых лиц, социальным долгом которых является формирование и закрепление в сознании подростков позитивных установок, стремления к социально одобряемым формам поведения. Поэтому вполне обоснованным представляется решение законодателя, установившего повышенный возраст уголовной ответственности – восемнадцать лет – за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления, иных антиобщественных действий и за совершение в отношении заведомо несовершеннолетнего преступления, предусмотренного ст.228.1 УК.

Однако законодатель непоследователен в своей позиции, поскольку не оговаривает специальный возраст субъекта в п. «в» ч. 2 ст. 230, предусматривающей ответственность за склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ несовершеннолетних. В литературе высказывается мнение о том, что субъектами названных преступлений могут так же быть только лица, достигшие совершеннолетия [32], но это – аналогия с установлениями ст. 150 (ныне – и ст. 228.1) УК, решение, не основанное на соответствующих положениях закона. Таким образом, законодатель, освобождая* от уголовной ответственности подростков в возрасте от 16 до 18 лет за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления, являющееся наиболее опасной формой девиантного поведения, тем не менее, не считает возможным аналогично решить вопрос в отношении деяний, направленных на приобщение к менее пернициозным формам отклонения (потребление наркотических средств, как известно, не является преступлением). Представляется, что в тексте ст. 230 должно быть включено положение о том, что ответственности за склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ несовершеннолетних подлежат лица, достигшие восемнадцатилетнего возраста.

Склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ двух или более лиц предполагает реализацию виновным *единого* умысла в отношении именно двух или более лиц. Преступные действия, образующие склонение, могут совершаться как одновременно в отношении всех лиц, так и в разное время.

Совершение преступления с использованием своего служебного положения. Этот квалифицирующий признак предусмотрен законодателем для преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК, а также для хищения либо вымогательства наркотических средств или психотропных веществ.

---

* Термин «освобождение» употребляется здесь условно, не для обозначения уголовно-правового института освобождения от уголовной ответственности.

По нашему мнению, применительно к вымогательству данный признак вряд ли имеет право на существование. Усиление ответственности для лиц, использующих свое служебное положение при совершении преступления, обусловлено тем, что благодаря наличию у них особых полномочий процесс совершения ими преступления значительно облегчается, увеличиваются шансы успешного доведения его до конца. Лицу, которому в связи с занимаемым им служебным положением, вверяются наркотические средства или психотропные вещества, значительно проще совершить их незаконное изъятие. Для вымогательства же этот квалифицирующий признак не актуален.

Субъектами в названных ситуациях могут выступать должностные лица, лица, выполняющие управленческие функции в негосударственных организациях и учреждениях, а также лица, наделенные определенными полномочиями в отношении вверенных им наркотических средств или психотропных веществ в связи с выполнением ими соответствующих служебных обязанностей. Это могут быть: главные врачи, заведующие отделениями лечебных учреждений, старшие медицинские сестры, заведующие фармацевтическими учреждениями, начальники секторов научно-исследовательских учреждений и т.д. Поскольку ст. 228.1 и 229 УК содержат такой квалифицирующий признак, дополнительная квалификация деяния, совершенного соответствующими лицами, по ст. ст. 201 и 285 УК не требуется.

Анализ содержания иных преступных деяний, связанных с нелегальным оборотом наркотиков, приводит к выводу о необходимости дополнения наборов квалифицирующих признаков, предусмотренных для таких посягательств, как склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ (ст. 230 УК), организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ (ст. 232 УК), незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (ст. 233 УК), рассматриваемым квалифицирующим обстоятельством. Субъектом деяния, предусмотренного ст. 230 УК, в такой ситуации чаще всего будут выступать педагоги, воспитатели, работники исправительных учреждений и т.д.; ст. 232 УК – лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих и иных организациях (например, создающие притоны под «крышей» возглавляемой организации – кафе, бара, казино и т.д.); ст. 233 УК – только должностные лица (например, обладающие правом на выдачу лицензий на определенный вид деятельности в сфере легального оборота наркотических средств или психотропных веществ), а также лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих и иных организациях, осуществляющих соответствующую деятельность. Этот вывод обусловлен тем обстоятельством, что субъект незаконной выдачи рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ, и в основном составе преступления специальный.

Включение указанного квалифицирующего признака в текст вышеперечисленных статей облегчит процесс уголовно-правовой оценки соответствующих преступных деяний, исключив необходимость квалификации их по совокупности с иными посягательствами.

Совершение преступления *из корыстных побуждений* (ч.2 ст. 228.2 УК) означает стремление виновного к получению в результате посягательства какие-либо выгоды имущественного характера.

Таким образом, нами рассмотрены некоторые вопросы уголовно-правовой оценки преступных посягательств, связанных с нелегальным оборотом наркотиков, при наличии квалифицирующих признаков, выступающих в качестве важных обстоятельств, дифференцирующих уголовную ответственность и наказание. Высказанные нами предложения о формировании новых квалифицированных составов преступлений названного вида будут способствовать дальнейшему совершенствованию уголовно-правовых средств борьбы с крайне опасным негативным социальным явлением – наркотизмом.

Список литературы

1. Кругликов Л.Л., А.В. Васильевский. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003. С.165.
2. Кругликов Л.Л., А.В. Васильевский. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003. С.170.
3. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1997. С. 301.
4. Красиков Ю.А. Соучастие в преступлении. В кн.: Уголовное право России. Учебник. Общая часть. М., 1998. С. 236.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий. М., 1997. С. 76.
6. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000. С.140.
7. Литовченко В. Квалифицирующие признаки кражи личного имущества граждан // Социалистическая законность. 1974. №2. С.62.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 3. С. 2 (п. 4).
9. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам. М., 1999. С. 199.
10. Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями: Вопросы квалификации. Краснодар, 2000. С.73.
11. Осин В. Преступление совершено организованной группой / Российская юстиция. 1995. №5. С.22.
12. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С.121.
13. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Указ. соч. С.122.
14. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания. Саратов, 1997. С. 236.
15. Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб., 2002. С.253-254.
16. Кругликов Л.Л. О дифференциации ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков // Борьба с незаконным оборотом наркотиков: проблемы уголовного права, криминалистики, прокурорского надзора. М., 2000. С. 7.
17. Кругликов Л.Л. Указ. соч. С. 7.
18. Постановление Правительства РФ от 7 февраля 2006 г. №76 «Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2006. 11 февраля.
19. Борисов А.Н., Борисова О.В. Проблемы дифференциации уголовной ответственности за преступления, предусмотренные статьями 228 и 229 УК РФ // Борьба с незаконным оборотом наркотиков: проблемы уголовного права, криминалистики, прокурорского надзора. М., 2000. С. 9-10.
20. Гаухман Л.Д., Максимов С.Д. Ответственность за преступления против собственности. М., 1997. С. 93-94.
21. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1996. С. 155.
22. Уголовное право. Особенная часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. М., 1998. С. 228.
23. Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 1998. С. 200.
24. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации №29 от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Пункт 21 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. №2.
25. Постановление пленума Верховного Суда РФ №29 от 27 декабря 2002 г. (п. 21).
26. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Указ. соч. С. 100-101.
27. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Б.Т. Разгильдиева, А.Н. Красикова. Саратов, 1999. С. 185.
28. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. №14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Российская газета. 2006. 28 июня.
29. Кругликов Л.Л. Указ. соч. С. 7.
30. Иногамова Л.В. К вопросу о склонении к потреблению наркотических средств или психотропных веществ // Борьба с незаконным оборотом наркотиков: проблемы уголовного права, криминалистики, прокурорского надзора. М., 2000. С. 39.
31. Уголовное право. Особенная часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. С. 440.
32. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Саратов, 1999. С. 131.

**PROBLEMS OF CRIMINAL AND LEGAL TREATMENT OF CRIMINAL
OFFENSES CONNECTED WITH ILLEGAL DRUG TRAFFICKING SPECIFIED
AS HAVING QUALIFYING FEATURES**

L.A. Prohorov ¹⁾, M.L. Prohorova ²⁾

¹⁾ Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, 350040, Russia;
e-mail: hooligang@mail.ru

²⁾ Kuban Agriculture State University, Kalinina St., 13, Krasnodar, 350044, Russia;
e-mail: hooligang@mail.ru

The present article deals with the problems of criminal offense qualification connected with the trafficking of drugs, psychotropic substances and their equivalents at qualifying and particular qualifying characteristics. An analysis of appropriate circumstances is offered in accordance with their classification provided by the authors. The article expresses and justifies proposals on the formation of new qualified types of the given criminal offenses.

Key words: differentiation of criminal responsibility and punishment, aggravation, qualifactory features, offenses connected with illegal drug trafficking, drugs, psychotropic substances, criminal legal drug control.

К ВОПРОСУ О ФОРМУЛИРОВКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОЦЕНОЧНОГО ПОНЯТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

О.С. Степанюк

Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: Stepanyuk@bsu.edu.ru

Статья посвящена изучению проблемы формулировки оценочного понятия уголовного закона, как одного из приемов законодательной техники. Проводится исследование системы признаков оценочного понятия, анализируются выделяемые в теории уголовного права признаки оценочного понятия. На основании приведенных точек зрения и самостоятельного исследования автор предлагает собственное определение оценочного понятия, которое может быть использовано в процессе дальнейших научных изысканий, законотворческой деятельности и в процессе правоприменения.

Ключевые слова: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовые нормы, определение оценочного понятия, признаки оценочного понятия, профессиональное правосознание.

Одной из актуальных проблем теории и практики современного уголовного права является вопрос использования оценочных понятий в уголовном законодательстве. Это связано с тем, что в процессе разработки и принятия Уголовного кодекса РФ 1996 года законодатель активно использовал такой прием юридической техники, как включение в текст уголовно-правовых норм оценочных понятий. В настоящее время в УК РФ насчитывается более 160 разновидностей оценочных понятий. Следует подчеркнуть, что доля использования оценочных понятий в современном российском уголовном законе составляет 72%, это на 15% больше, чем в УК РСФСР 1960 года.

По нашему мнению, для исследования проблемы оценочного понятия уголовного закона одним из ключевых вопросов является его определение. Это связано с тем, что в теории уголовного права нет устоявшегося определения оценочного понятия, что, в свою очередь, отчасти обуславливает трудности использования оценочных понятий в правоприменительной деятельности. В отечественной литературе советского периода по уголовному праву вопросу определения оценочного понятия уделялось немалое внимание, и предлагались его различные варианты. В частности к этому вопросу обращались Я.М. Брайнин, А.В. Наумов и В.В. Питецкий [1, с.63; 2, с.97; 3, с.44].

Одним из первых попытку сформулировать определение оценочного понятия предпринял Я.М. Брайнин. В качестве оценочных им рассматриваются понятия, «не конкретизированные законодателем и уточняемые при применении уголовного закона» [1, с.63]. Однако следует отметить, что это определение не являлось развернутым и отразило лишь наиболее общие характерные черты оценочных понятий. Вместе с тем, сказанное несколько не принижает заслуги автора, поскольку на тот момент проблема оценочных понятий в правовой науке не разрабатывалась, и в общей теории права не предлагалось определения оценочного понятия, которое могло бы быть взято за основу отраслевыми науками.

В свою очередь, А.В. Наумов предложил под оценочными понятиями в уголовно-правовых нормах понимать «признаки состава преступления, которые определяются не законом или иным нормативным актом, а правосознанием лица, которое применяет соответствующую правовую норму, исходя из конкретных обстоятельств дела» [2, с.97]. Одна из специфических черт точки зрения А.В. Наумова заключается в следующем. В отличие от Я.М. Брайнина, который говорил лишь об уточнении оценочного понятия, А.В.Наумов ставит определение его содержания в полную зависимость от

усмотрения правоприменителя. Однако главная особенность определения, сформулированного А.В. Наумовым, состоит в том, что он рассматривает оценочные понятия в качестве признаков состава преступления. В свою очередь Я.М. Брайнин писал о понятиях, при помощи которых признаки состава преступления находят свое выражение в тексте УК.

В.В. Питецкий в рамках исследования, посвященного оценочным понятиям в уголовном праве, указывает, что «оценочными понятиями являются понятия, содержание которых непосредственно раскрывается лишь в процессе применения правовых норм в пределах зафиксированной законом общности, путем оценки конкретных обстоятельств каждого случая, на основе правосознания субъекта, применяющего закон» [3, с.44].

Заслуга В.В. Питецкого заключается в том, что он впервые ведет речь о пределах, в рамках которых должно конкретизироваться оценочное понятие. Однако здесь, по-нашему мнению, содержится и главный недостаток приведенной трактовки. Он состоит в крайней неясности термина «пределы зафиксированной законом общности», поскольку из определения нельзя сделать вывод о том, о каких именно пределах и какой общности идет речь. Говорится ли в этом случае о пределах уголовно-правовой нормы, которая подлежит применению, либо этими пределами являются рамки того или иного уголовно-правового института. С учетом сказанного, нам представляется, что определение В.В. Питецкого нельзя признать удачным.

Таким образом, необходимо отметить, что до настоящего времени в науке уголовного права не сформулировано устоявшегося определения оценочного понятия. В определенной мере это обусловлено тем, что даже самое совершенное определение того или иного юридического понятия со временем нуждается в переосмыслении. Как справедливо заметил Г.А. Свердлык, «всякое определение на том или ином этапе исторического развития оказывается несостоятельным или неполным и поэтому требует уточнения и совершенствования в соответствии с новейшими достижениями научной теории и практики» [4, с.11].

Нам представляется, что для формирования определения оценочного понятия необходимо выявить и рассмотреть его характерные особенности.

Как показывает проведенный нами анализ суждений об оценочных понятиях к их основным особенностям можно отнести следующие:

1) содержание оценочного понятия не определяется в нормах уголовного закона или иного нормативно-правового акта (Я.М. Брайнин, А.В. Наумов) [1, с.63; 2, с.97];

2) содержание оценочных понятий определяется правоприменителем на основе правосознания и с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела (В.А. Ковалев, В.Н. Кудрявцев, А.В. Наумов, Е.А. Фролов) [5];

3) формально-неопределенный характер оценочного понятия предоставляет правоприменителю свободу усмотрения при определении его содержания (С.И. Вильнянский, С.Д. Шапченко) [6].

Более полный анализ каждой из выявленных особенностей позволяет нам раскрыть сущность оценочных понятий.

Первой особенностью оценочных понятий является то, что содержание оценочного понятия не определяется в нормах уголовного законодательства. Эта характерная черта обусловлена способом их изложения в уголовно-правовых нормах: оценочное понятие дает лишь общие сведения о том или ином качестве, признаке, характеристике в юридической конструкции, однако не конкретизируется ни в том законоположении, где оно содержится, ни в каких-либо других статьях уголовного закона. Однако данное обстоятельство, по нашему мнению, не дает оснований для утверждения, высказанного Ю.А. Язовских, о том, что оценочные понятия в УК появляются тогда, когда при принятии уголовно-правовой нормы «законодатель не определился с конкретными признаками определенного преступления (так как не нашел объективных критериев для их словесного обозначения) и предоставил суду (следователю) право самим определять нечеткий признак применительно к конкретному случаю» [7, с.18].

По нашему мнению, до тех пор, пока законодатель не определил конкретные признаки преступления, нельзя говорить об установлении уголовной ответственности за какие бы то ни было действия. И тем более нельзя предоставлять право следователю или судье самим формулировать и устанавливать признаки преступления.

Нельзя признать бесспорными не менее категоричные суждения о том, что оценочными являются исключительно те понятия, которые никак не конкретизированы законодателем [1, с.63], либо «признаки состава преступления, которые определяются не законом или иным нормативным актом, а правосознанием лица, которое применяет соответствующую правовую норму, исходя из конкретных обстоятельств дела» [2, С. 97].

Представляется, что Я.М. Брайнин и А.В. Наумов исходят из того, что оценочным является только то понятие, содержание которого не раскрыто в законоположениях УК. Подобное утверждение можно признать справедливым, если полностью абстрагироваться от наличия в уголовном праве относительно самостоятельных институтов. Так, например, понятие «особая жестокость» в уголовном законе не детализируется и является оценочным. Между тем это не означает, что в уголовном законе нет ориентиров, позволяющих осмыслить содержание данного оценочного понятия. Поскольку понятие «особая жестокость» является структурным элементом уголовно-правовых норм, образующих в совокупности с другими уголовно-правовыми нормами институт уголовной ответственности за посягательства на жизнь и здоровье человека и гражданина, постольку содержание данного понятия определяется характером действий, предусмотренных п. «д» ч.2 ст.105 и п.«б» ч.2 ст.111 УК РФ: причинением потерпевшему особых физических страданий в момент лишения его жизни или причинения тяжкого вреда его здоровью и т.п.

Понятие «особая жестокость» является и структурным элементом уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за изнасилование (п.«в» ч.2 ст.131 УК РФ). Полагаем, что содержание понятия «особая жестокость» применительно к данному преступлению в какой-то части может совпадать с содержанием этого же понятия, применяемого для квалификации преступлений, предусмотренных п.«д» ч.2 ст.105 и п.«б» ч.2 ст.111 УК РФ. Однако принадлежность уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за изнасилование, к самостоятельному институту уголовного права – институту уголовной ответственности за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности – накладывает свой отпечаток на содержание рассматриваемого оценочного понятия. Помимо физических страданий, причиняемых при изнасиловании, содержание понятия «особая жестокость» характеризуется нравственными страданиями не только потерпевшей, но зачастую и многих других лиц (членов семьи потерпевшей, ее близких родственников), например, если изнасилование совершается на их глазах [8]. Приведенные соображения в полной мере относятся и к другим оценочным понятиям.

Таким образом, по нашему мнению, *содержание оценочных понятий при относительной неопределенности формы их изложения, тем не менее, определено хотя бы в общих чертах сферой общественных отношений, регулируемых соответствующими уголовно-правовыми нормами.*

Как вытекает из проведенного анализа юридической литературы, *второй характерной чертой оценочных понятий* состоит в том, что определение их содержания полностью зависит от правосознания лица, которое применяет соответствующую уголовно-правовую норму [2, с.97]. В такой постановке вопроса правосознанием правоприменителя необоснованно подменяется законотворческая деятельность. С этой точки зрения более правильным представляется суждение о том, что оценочными являются понятия уголовного закона, содержание которых «*в значительной мере* (курсив мой – О.С.) определяется правосознанием юриста, применяющего закон, с учетом требований УК и обстоятельства конкретного дела» [9, с.115], в случае если это не сделано законодателем.

Необходимо признать, что правосознание – это одна из форм общественного сознания, представляющая собой совокупность взглядов, идей, концепций, оценок, чувств, эмоций людей в отношении всей юридической действительности. Содержание правосознания различается в зависимости от преобладания в нем познавательного (когнитивного) компонента, профессиональной принадлежности его субъектов и других факторов. В частности, деятельность по расследованию преступлений, рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу, по проверке законности и обоснованности приговоров, постановлений и определений суда в апелляционном, кассационном и надзорном порядке требует такого правосознания, которое могло бы обеспечить полное, всестороннее и объективное установление всех обстоятельств совершенного преступления и правильной их квалификации. Таким образом, в структуре правосознания следователей, дознавателей, а также судей, осуществляющих пересмотр приговоров, постановлений и определений суда по уголовным делам, преобладают знания норм уголовного и уголовно-процессуального права. Различия в содержании правосознания позволяют выделить три вида правосознания: обыденное, профессиональное и научное [11].

Нами признается тот факт, что профессиональное правосознание следователя (дознавателя), прокурора и судьи является одним из ведущих факторов при конкретизации содержания оценочных понятий уголовного закона. Однако при этом хотелось бы отметить, что не следует переоценивать его значение по следующим причинам.

Во-первых, уровень профессионального правосознания правоприменителей строго индивидуален. В подтверждение данного вывода следует сослаться на утверждение Н.Л. Гранат, которая справедливо отмечает, что одними из основных компонентов правосознания юристов являются правовые знания и умение применять их [12]. По нашему мнению, именно эти компоненты, применительно к каждому конкретному следователю (дознавателю), прокурору или судье, могут значительно варьироваться в зависимости от степени их профессиональной подготовки. Таким образом, поскольку правосознание всех юристов нельзя привести к общему знаменателю, то, следовательно, и критерии, по которым правоприменителями определяется содержание оценочных понятий, могут существенно отличаться [13, с.110]. Хотя, по нашему мнению, именно при толковании оценочных понятий уголовного закона требуется использование единых критериев, поскольку от этого зависит реализация принципа справедливости, закрепленного в ст.6 УК РФ.

Во-вторых, профессиональное правосознание, если его уровень отвечает предъявляемым требованиям, позволяет определить содержание тех оценочных понятий, критерии которых, могут быть установлены путем анализа уголовного закона. Вместе с тем, критерии толкования некоторых оценочных понятий уголовного закона разработаны в иных отраслях знаний (например, для понимания такого оценочного понятия, как «психотравмирующая ситуация» (ч.1 ст.107, 113 УК РФ) необходимо обратиться к знаниям, накопленным в области психологии, а для понимания понятия «предметы или документы, имеющие историческую и культурную ценность» (ч.1 ст.243 УК РФ), следует обратиться к исторической науке и искусствоведению).

Учитывая сказанное, необходимо сделать вывод, что знания правоприменителей, необходимые для определения содержания оценочных понятий, должны быть чрезвычайно разносторонними. Поэтому очевидным является то, что уяснение правоприменителем содержания ряда оценочных понятий невозможно без обращения к иным отраслям знаний: медицине, психиатрии, искусствоведению, психологии, педагогике и др. В некоторых случаях для этого правоприменителю достаточно познаний в указанных и иных отраслях знаний, полученных в связи с выполнением профессиональных обязанностей следователя, прокурора или судьи. В других случаях собственных познаний правоприменителя недостаточно для уяснения содержания оценочного понятия, тогда правоприменитель обращается к лицам, обладающим необходимыми познаниями, для получения консультации специалиста или заключения эксперта, которые позволяют понять суть оценочного понятия.

Критические замечания возникают и в отношении того, что содержание оценочных понятий определяется правоприменителем с учетом конкретных обстоятельств дела [2, с.97]. Такой подход представляется спорным, поскольку определение содержания любых понятий, включаемых в уголовно-правовые нормы, входит в компетенцию законодателя. Следовательно, содержание оценочных понятий должно определяться законодателем в процессе законотворческой деятельности и окончательно закрепляться в соответствующей уголовно-правовой норме. В силу этого правоприменитель *не определяет, а конкретизирует* содержание оценочных понятий, с учетом конкретных обстоятельств дела.

Третья характерная особенность оценочных понятий состоит в том, что их формально-неопределенный характер предоставляет правоприменителю свободу усмотрения при определении содержания оценочного понятия. До настоящего времени вопрос усмотрения как одной из особенностей оценочных понятий, проявляющейся в процессе их практического применения, не нашел в доктрине уголовного права единообразного решения.

Разрабатывая теоретические основы квалификации преступлений, В.Н. Кудрявцев пришел к выводу о том, что усмотрение правоприменителя объективно по природе, так как зависит от фактических обстоятельств дела, и субъективно по характеру отражения реальных фактов в сознании должностных лиц. То есть, усмотрение правоприменителя содержит в себе опасность отрыва от выраженной в норме воли законодателя [9, с.122].

В отличие от приведенного суждения, в котором весьма осторожно обозначены возможные негативные последствия усмотрения в процессе применения уголовно-правовых норм, Г.Т. Ткешелиадзе более категорично высказался по данному вопросу, полагая, что «когда речь идет об оценочных признаках состава преступления, применение судебного усмотрения исключается. Квалифицируя преступление, суд не стоит перед выбором при раскрытии оценочных признаков. Похищено ли имущество в крупном или особо крупном размере – это вопрос факта, а не судебного усмотрения. Является ли определенный поступок развратом или не является – это должно быть доказано. Разврат и неразврат – противоречивые понятия, которые исключают друг друга. Здесь закон не предоставляет суду право выбора. Именно поэтому требование истинности квалификации преступления распространяется на оценочные признаки преступления. Это означает, что применение данного признака к конкретным фактам может быть истинным или ложным. Говоря об оценочных признаках, имеется в виду необходимость однозначного употребления этих терминов практикой (в каждом конкретном случае существует правильное и неправильное, с точки зрения задач процесса, решение)» [14, с.91]. Очевидно, что Г.Т. Ткешелиадзе является последовательным противником допущения какого-либо усмотрения при конкретизации оценочного понятия.

А.И. Рарог и Ю.В. Грачева считают позицию Г.Т. Ткешелиадзе ошибочной. По их мнению, это обусловлено неосновательным отождествлением процесса доказывания фактических обстоятельств совершения преступления и оценочной деятельности правоприменителя при установлении содержания и юридического значения установленных фактов. Применение нормы уголовного права, включающей оценочные понятия, не исключает, а, напротив, предполагает предварительное уяснение смысла и воли законодателя, который как раз предоставляет правоприменителю некоторую свободу в принятии решения, устанавливая вместе с тем определенные границы усмотрения [15, с.92-93].

При рассмотрении этого вопроса важно иметь в виду, что анализируемые точки зрения основываются на различных значениях понятия «усмотрение». В одном случае оно применяется для того, чтобы подчеркнуть право, а не обязанность правоприменителя принять то или иное решение либо выполнить определенные действия. В частности, такое значение термину «усмотрение» придается тогда, когда речь идет о процес-

суальном порядке прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. В ст.25, 26 и 28 УПК РФ закреплено положение, согласно которому суд, прокурор, следователь и дознаватель с согласия прокурора вправе прекратить уголовное дело в связи с примирением сторон, в связи с изменением обстановки или в связи с деятельным раскаянием. Такой способ закрепления полномочий дает основание для вывода о том, что прекращение уголовных дел по указанным основаниям зависит от усмотрения суда, прокурора, следователя и дознавателя.

В другом случае, «усмотрение» означает возможность самостоятельно определять содержание того или иного понятия, в том числе и оценочного.

«Усмотрение» в первом значении не применимо тогда, когда правоприменитель обязан давать уголовно-правовую оценку определенных фактов (явлений, жизненных ситуаций) с помощью оценочных понятий (вынести постановление о привлечении в качестве обвиняемого, прекратить уголовное дело в связи с наличием обстоятельств, исключающих преступность деяния и т.д.). Другое дело, что содержание оценочных понятий допускает усмотрение в процессе принятия решения о том, охватываются или нет соответствующим оценочным понятием факты (явления, жизненные ситуации), детерминирующие его применение. С этой точки зрения справедливым представляется утверждение А.И. Рарога о том, что применение такого оценочного понятия как «общественно опасные последствия» отдано на полное усмотрение правоприменителя, и поэтому необходимо выработать некоторые правила, ограничивающие пределы такого усмотрения [16, с.41].

В этой связи важное значение имеет замечание М. Костровой, которая, анализируя оценочные понятия, содержащиеся в ст.213 УК РФ («Хулиганство»), пишет о том, что «при использовании оценочной лексики в УК РФ возникает парадоксальная ситуация доминирующего положения усмотрения правоприменителей над принципом законности, который закреплен в ст.3 УК РФ: *«преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом»* [17].

Нам представляется, что допущение самой возможности усмотрения правоприменителя при определении содержания оценочного понятия и оценки с учетом этого характера совершенного деяния, непозволительно. Поскольку, если допустить усмотрение в приведенной ситуации, то складывается впечатление, что указанные в законе какие-либо приблизительные критерии содержания оценочного понятия не имеют обязательной силы и могут толковаться произвольно.

Анализ выделенных характерных особенностей оценочных понятий позволяет нам предложить следующее определение: *оценочное понятие уголовного закона – это понятие, содержащееся в уголовно-правовой норме и конкретизируемое правоприменителем при уголовно-правовой оценке фактов, детерминирующих применение нормы уголовного закона.*

Список литературы:

1. Я.М. Брайнин. Уголовный закон и его применение. – М.: Юридическая литература, 1967. – 240 с.
2. А.В. Наумов. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики). – Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1973. – 176с.
3. В.В. Питецкий. Оценочные понятия в советском уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1974. – 198с.
4. Г.А. Свердлык. Принципы советского гражданского права. – Красноярск: Издательство красноярского университета, 1985. – 200с.
5. В.А. Ковалев. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе // Советское государство и право. – 1973. – № 11. – С.72-73; В.Н. Кудрявцев. Теоретические основы квалификации преступлений. – М.: Юридическая литература, 1963. – 324с.; А.В. Наумов. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики). – Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1973. – С.97; Е.А. Фролов. Стабильность закона и соотношение

формально-определенных и оценочных понятий в уголовном праве // Проблемы советского уголовного права и криминологии: Сборник ученых трудов. – Вып.28. – Свердловск: Издательство Свердловского юридического института, 1973. – С.46.

6. С.И. Вильнянский. Применение норм советского права // Ученые записки Харьковского юридического института. – Вып.7. – Харьков: Издательство Харьковского юридического института, 1956. – С.3-16; С.Д. Шапченко. Оценочные понятия в составах конкретных преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. – Киев, 1988. – С.63.

7. Ю.А. Язовских. Проблемы вменения в российском уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1998. – С.18.

8. Э.Ф. Побегайло. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М., 1998. – С.298; Н.К. Семернева. Насильственные посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу личности // Уголовное право. Особенная часть. Учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 1997. С.128.

9. В.Н. Кудрявцев. Теоретические основы квалификации преступлений. – М.: Юридическая литература, 1963. – 324с.

10. Ю.М. Грошевой. Профессиональное правосознание судьи и социалистическое правосудие. – Харьков: Вища школа, 1985. – С.3-25; А.Ф. Крыжановский. К вопросу о профессиональном правосознании // Проблемы правоповедения. – Вып.45. – Киев, 1984. – С.3-5; В.Н. Кудрявцев. Правосознание юриста // Советская юстиция. – 1974. – № 10. – С.3-5; В.А. Лапаева. Конкретно-социологические исследования в праве. – М.: Юридическая литература, 1987. – С.85-92; Т.В. Синюкова. Правосознание и правовое воспитание // Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юристъ, 1997. – С.564-565; Н.Я. Соколов. Профессиональное сознание юристов. – М.: Наука, 1988. – С.35.

11. Н.Л. Гранат. Правосознание и правовая культура // Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юристъ, 1999. – С.244.

12. В.В. Питецкий. Позитивные и негативные свойства оценочных понятий // Эффективность уголовного права на современном этапе. Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск: Издательство Свердловского юридического института, 1977. – С.110.

13. Г.Т. Ткешелиадзе. Судебная практика и уголовный закон. – Тбилиси: Мицниериба, 1975. – 175 с.

14. А.И. Рарог, Ю.В. Грачева. Понятие, основание, признаки и значение судейского усмотрения в уголовном праве // Государство и право. – 2001. – № 11. – С.92-93.

15. А.И. Рарог. Усмотрение правоприменителя при квалификации преступлений // Уголовное право. – 2000. – № 1. – С.41.

16. М. Кострова. Оценочная лексика в уголовном законе: проблемы теории и практики // Уголовное право. – 2002. – № 2.

IN RESPECT TO THE WORDING REGARDING THE EVALUATION CONCEPT IN THE CRIMINAL LAW

O.S. Stepanyuk

Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia;
e-mail: Stepanyuk@bsu.edu.ru

The article is devoted to the study of the problem of wording regarding the evaluation concept in the criminal law being one of the legal technique methods. The article includes study of the characteristics system of the evaluation concept, as well analysis of characteristics of the evaluation concept, specified in the criminal law. Basing on considered points of view and an independent research the author offers his own definition of the evaluation concept that may be used in future research, in legislative procedures and the process of right application.

Key words: criminal law, criminal statutes, criminal and legal norm, wording of the evaluation concept, recognition of the evaluation concept, juridical conscience of the lawyer.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

С.В. Тычинин

Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: Tychinin@bsu.edu.ru

Рассмотрены особенности правового регулирования потребительских кооперативов в условиях реформирования гражданского и кооперативного законодательства Российской Федерации. Определяется единая природа всех видов кооперативов и на этой основе обосновывается новая система построения законодательного регулирования потребительской кооперации. Предложены пути устранения противоречий в кооперативном законодательстве.

Ключевые слова: правовое регулирование, потребительская кооперация, кооператив, гражданское право, кооперативное законодательство.

Потребительская кооперация является разновидностью, составной частью кооперации в целом. На различных этапах исторического развития потребительская кооперация находилась в центре всего кооперативного движения и имела общие исторические, социально-экономические и правовые корни с другими кооперативными формами [1]. На практике порою сложно провести четкую грань даже между такими, казалось бы, устоявшимися видами коопераций, как производственная и потребительская. Сложно это сделать и с теоретических позиций, если, конечно, не прибегать к искусственным критериям их разграничения. Известный французский кооператор Ш. Жид на заре становления кооперации отмечал, что всех кооператоров объединяет одно общее свойство – быть потребителями. «Потребление – цель и конечный этап экономического механизма, а производство только средство достижения этой цели. ...Первым этапом всего кооперативного здания, его широким и прочным фундаментом являются общества потребителей» [2]. Видимо, этот феномен объясняет переплетение многих видов кооперации. Однородность возникающих отношений в различных видах кооперативов дает основание использовать существующие научные выводы в общей теории кооперативного движения в отношении потребительских кооперативов.

Кооперативы в Российской Федерации объединяются по территориальному, функциональному и иным принципам. Причем приоритет отдается в большей мере территориальному принципу. Территориальный принцип присущ старейшей потребительской кооперации «системы» Центросоюза РФ [3]. По функциональному принципу действуют строительные, сельскохозяйственные, кредитные и иные подобные виды потребительских кооперативов.

Кооперативы по своей природе являются интегрированными структурами. Эффективным способом интеграции кооперативных объединений России явилось создание в 1998 г. по инициативе Центросоюза Российской Федерации Общенационального центра России – Ассоциации кооперативных организаций Российской Федерации – АКОРФ, в которую вошли девять кооперативных объединений. В январе 2003 г. в Москве официально зарегистрирована ассоциация «Лига национальных (республиканских) союзов кооперативных организаций потребительской кооперации Содружества независимых государств» – АЛКОС. В нее вошли кооперативные союзы, в основном потребительские, ряда стран СНГ. Развиваются и иные кооперативные объединения.

Кооперативная идея получает все более широкое распространение в меняющемся мире, вызывая мощную волну кооперации. Международный кооперативный альянс (далее – МКА) проводит большую работу по идентификации кооперативов.

Таким образом, в начале третьего тысячелетия мировое кооперативное движение, в том числе и российское, является мощным фактором реализации социально-экономических реформ, способствует совершенствованию и развитию демократических институтов государства, служащих предпосылками становления гражданского общества.

Несмотря на принятие ряда законодательных актов в области потребительской кооперации, стройной системы соответствующего вида законодательства не сложилось. Полагаем, что законодательство о потребительской кооперации необходимо рассматривать как элемент общего кооперативного законодательства.

В настоящее время возникла необходимость не только устранить из кооперативного законодательства противоречия, отменить фактически не действующие нормы, но и существенно пересмотреть значительную часть правовых норм, привести их в соответствие с Гражданским кодексом РФ (далее – ГК) и принципами кооперативной идентичности.

В современных условиях законодательство о кооперативах в том числе и потребительских кооперативах является несовершенным. В области кооперации действуют множество законов, взаимно дублирующих [4], в ряде случаев противоречащих друг другу и ГК. Законодательство, которое ставит целью регулировать каждый новый кооператив, путем издания специальных законов не успевает за нарождающимися новыми видами кооперативов и тормозит создание и динамичное их развитие [5].

Принятые законы о кооперативах не содержат единой или хотя бы взаимосвязанной концепции развития кооперации. Между тем в МКА представлены все виды кооперативов, и на основе многолетнего опыта для них выработаны общие критерии развития, единое понятие кооперативных принципов и ценностей. В отличие от этого, в РФ ни в одном из действующих законов о кооперативах не закреплены принципы кооперации.

Таким образом, действующее законодательство о кооперативах не способствует объединению кооперативного движения, что противоречит основополагающему принципу кооперации – принципу сотрудничества между кооперативами. В результате кооперативные организации мало связаны между собой и в практической деятельности.

Законы о кооперативах часто стремятся регулировать такие стороны деятельности кооперативов, которые лучше бы оставить на волю учредителей и тем самым не стеснять будущей деятельности кооператива. Отдельные виды потребительских кооперативов продолжают действовать на основе отмененных ныне примерных уставов и норм советского законодательства. Поэтому кооперативное законодательство нуждается в систематизации и в согласовании отдельных законов, относящихся к тому или иному виду кооперации, с ГК.

Выходом из сегодняшнего неудовлетворительного состояния законодательства о кооперативах является закрепление общих норм о кооперативах в ГК и на этой основе издание Кооперативного кодекса РФ [6]. Его принятие будет являться продолжением традиции отечественного кооперативного законодательства, исторически стремящегося к правовому регулированию кооперативных отношений в едином правовом акте [7].

Предложение об обеспечении единства правового регулирования находит поддержку в различных кругах юридической общественности. В частности, такое предложение было поддержано на заседании «круглого стола», посвященного проблемам развития кооперативного законодательства [8]. Аналогичные предложения были высказаны представителями кооперативных учебных заведений [9]. По данным опроса, проведенного МКА, 60% из числа опрошенных стран – участниц МКА имеют свое отдельное кооперативное законодательство [10].

Кооперативное законодательство должно соответствовать социально-экономическим условиям государства. Именно поэтому мы предлагаем следующие изменения в законодательстве. В главе четвертой ГК закрепить отдельный параграф под

названием «Кооперативы и иные социальные организации». Под иными социальными организациями следует понимать некоммерческие организации, перечисленные в п.3 ст.50 ГК (кроме потребительских кооперативов). Непосредственно кооперативам выделить пять статей следующего содержания.

Ст.1. Основные положения о кооперативе.

- Общее понятие и признаки кооператива.
- Правовое регулирование кооперативов.
- Виды кооперативов.
- Взаимодействие кооперативов.

Ст.2. Создание, реорганизация и прекращение кооператива.

- Создание кооператива.
- Реорганизация кооператива.
- Прекращение кооператива.

Ст.3. Управление и контроль в кооперативе.

- Виды органов управления в кооперативе.
- Компетенция органов управления.
- Органы контроля в кооперативе.
- Компетенция органов контроля в кооперативе.

Ст.4. Членские отношения в кооперативе.

- Понятие членства в кооперативе.
- Права и обязанности членов кооператива.
- Распределение прибыли кооператива.

Ст.5. Вещные отношения в кооперативе.

- Право собственности кооператива.
- Объекты права собственности кооператива.
- Возникновение и прекращение права собственности кооператива.
- Иные вещные права кооперативов.

Кооперативный кодекс РФ, в противоположность отдельным разрозненным законам о кооперативах, должен определить для всех кооперативов лишь самые общие требования, которые должны соблюдаться учредителями при составлении ими устава, соответствовать интересам третьих лиц, не противоречить публичным интересам.

Кодификация кооперативного законодательства решает ряд следующих принципиальных вопросов:

- уменьшение числа принимаемых законодательных актов посредством их укрупнения;
- обеспечение правового регулирования всех отношений в сфере кооперации;
- унификации правового режима при регулировании однородных отношений;
- сознательная нейтрализация возможных неблагоприятных случайностей в правовом обеспечении кооперативов;
- достижение задачи систематического конструирования кооперативного законодательства;

- вытеснение правового усмотрения в деятельности кооперативов.

Кроме того, принятие Кооперативного кодекса РФ будет способствовать:

- обеспечению автономии кооперативов;
- уменьшению бюрократии в сфере кооперации;
- обеспечению единства кооперативного движения;
- обеспечению повышенных гарантий кредиторов кооперативов.

Кодификация кооперативного законодательства должна выражаться в создании единых, сводных актов, которые объединяют определенный круг норм, детально и всесторонне регулирующих одну область общественных отношений и построенных по оп-

ределенной системе. В Кодекс необходимо включить как ранее действовавшие нормы в отношении кооперативов, так и вновь принимаемые законодателем. При кодификации кооперативного законодательства преследуются, таким образом, цели установления новых норм и упорядочения, приведения в систему ранее изданных норм с необходимой их переработкой.

Возможным возражением против кодификации кооперативного законодательства может являться наличие существенного различия юридической природы отдельных видов кооперативов. Необходимо подчеркнуть, что Кооперативный кодекс РФ должен охватывать лишь моменты законодательства, определяющие общие для всех видов кооперации нормы, без попытки искусственного их обобщения. В то же время предложенный подход ни в коей мере не должен спровоцировать такой ситуации, при которой важные стороны жизнедеятельности кооперативов регулировались бы административными актами с использованием слишком абстрактных и расширительных формулировок.

Кооперативный кодекс РФ должен быть основан на общедозволительном способе регулирования общественных отношений, присущих гражданскому праву. Несмотря на то, что Кооперативный кодекс РФ – это все же межотраслевой акт, тем не менее, по своей природе он тяготеет к гражданскому праву и является источником последнего. В связи с этим организационно-уставные отношения, отношения собственности и товарно-денежные связи с участием кооперативов должны регулироваться общими нормами гражданского права. Это позволит и на уровне субъектов РФ, и на местном уровне придерживаться общих начал гражданского права. Поэтому региональные законы об отдельных видах кооперации должны разрабатываться в развитие федерального гражданского законодательства.

Кооперативный кодекс РФ следует нацелить на применение в отношении граждан, имеющих невысокий материальный достаток и не располагающих свободным доступом к профессиональным консультантам. С другой стороны, их членами могут быть и мелкие предприниматели, интеллигенция. Необходимо также учитывать потребности и этих социальных групп. В связи с этим текст Кодекса должен содержать понятную структуру и быть написан простым языком. Члены кооперативов, которым адресован Кодекс, должны понимать новые нормы и признавать их целесообразными. В противном случае закрепленные в нем нормы будут бездействовать.

Правила поведения, закрепленные в Кодексе должны быть обязательны для всех видов кооперативов, а его структура должна быть приспособлена к потребностям каждого конкретного кооператива. С этой целью в Кооперативном кодексе РФ должна быть отражена уставная автономия, пределы которой должны быть очерчены в нем четко и исчерпывающе.

В самом общем виде структура Кооперативного кодекса РФ должна включать общие положения о кооперативах, относящихся ко всем видам кооперативов, и специальные нормы, посвященные особенностям правового положения отдельных видов кооперативов. Четкая дифференциация должна быть проведена между социальными и хозяйственными кооперативами.

В общей части Кооперативного кодекса РФ необходимо закрепить главу, где сформулировать четкое определение кооператива, обозначить правовые рамки, в которых могут создаваться и функционировать кооперативы. Здесь возникает существенная проблема. Очевидно, что никакое определение кооператива не будет в полной мере удовлетворительным. Если какой-либо кооператив не будет вполне подходить под определение, данное Кодексом, то регистрирующий орган может отказать в регистрации такого кооператива. С другой стороны отсутствие определения в Кодексе может вызвать еще большие трудности, чем неточность его определения. В связи с этим, в Кооперативном кодексе необходимо сформулировать основные признаки кооператива как особой организационно-правовой формы, которые бы позволяли четко отличать кооператив от иных видов юридических лиц.

Четкое определение понятия «кооператив» будет способствовать государственным и муниципальным органам осуществлять нормотворческие функции государства, содействовать отграничению настоящих кооперативов от «лжекооперативов», а также проведению налоговой политики, экономическому развитию кооперативов.

В государствах с развитым кооперативным сектором экономики ограничиваются ссылкой на общепризнанные кооперативные принципы, учитывая их возможное изменение в перспективе. Закрепление в отдельной главе общей части Кодекса названных принципов может обеспечить возрождающейся российской кооперации сбалансированное развитие.

Концептуальные изменения кооперативного законодательства и связанная с этим необходимость введения ряда новых понятий, требуют включения в общую часть определений основных терминов.

Российская кооперация продолжительное время была огосударствленной. В этой связи принципиальным является включение в общую часть Кодекса главы о взаимодействии государства и кооперации.

Важным блоком в содержании общей части Кооперативного кодекса должны быть глава, регулирующая организационно-уставные отношения. В частности, подробную регламентацию должны получить нормы о создании, реорганизации и прекращении кооперативов, об органах управления и контроля, о членских отношениях.

Необходимой составляющей общей части Кодекса должна стать глава, определяющая вопросы права собственности и иных вещных прав кооператива. Отдельной главой должны быть урегулированы особенности формирования капитала, ведения бухгалтерского учета и порядка распределения прибыли в кооперативе.

Главным инструментом контроля за соблюдением «правил игры» в кооперативе и соответствия его статусу юридического лица является закрепление главы об аудите.

Весьма продуктивным представляется закрепление в общей части Кодекса отсылок на другие кодифицированные акты, предусматривающие соответствующие санкции за административные правонарушения и уголовные деяния в отношении лиц, участвующих в деятельности кооперативов и нарушающих законодательство.

Особенная часть Кооперативного кодекса РФ должна включать нормы об отдельных видах кооперативов и их объединений, и разделена на следующие главы: социальные кооперативы; хозяйственные кооперативы; смешанные кооперативы; кооперативные союзы.

Главы следует разделить на параграфы. Глава «социальные кооперативы» должна включать статьи об отдельных видах кооперативов с приоритетным участием в них граждан или других видов кооперативов, а глава «хозяйственные кооперативы» – статьи о кооперативах с приоритетным участием в их деятельности предпринимателей. Глава «смешанные кооперативы» должна определить правовой статус кооперативов, имеющих многофункциональное назначение. В главе «кооперативные союзы» необходимо закрепить нормы о формах и порядке объединения различных видов кооперативов.

Определение правового положения конкретных видов кооперативов и проведение их дифференциации зависит от дальнейшего развития кооперативного движения в России. Этот вопрос должен быть одним из главных предметов серьезного обсуждения среди кооператоров и др. слоев населения.

Принятие Кооперативного кодекса РФ не исключает возможности регулирования в федеральных законах специфических видов кооперативов. В частности, возможность самостоятельного правового регулирования федеральным законом должна получить кредитная кооперация.

Учитывая историю развития, современное состояние и тесную связь с функциями государства союзной потребительской кооперации, рациональным в современных условиях видится сохранение действующего в этой сфере федерального закона. В то же время, в Кооперативном кодексе РФ необходимо четко определить статус этого вида

кооперации, увязав его с возможностью участия в осуществлении государственных задач, при этом предусмотреть меры по обеспечению участия союзной потребительской кооперации в товарно-денежных отношениях на равных началах с иными видами коопераций. Сохранение федерального закона о союзной потребительской кооперации не исключает возможность выделения норм в Кооперативном кодексе РФ, определяющих правовой статус ПО и их объединений, не входящих в «систему» союзной потребительской кооперации.

Вопросы, связанные с удовлетворением права граждан на жилище в жилищных кооперативах, уже получили закрепление в новом Жилищном Кодексе РФ. Нормы, регулирующие корпоративные отношения в жилищных кооперативах, как, собственно, и в иных видах социальных кооперативов, необходимо подробно изложить в Кооперативном кодексе РФ.

Касаясь вопроса об объеме Кооперативного кодекса РФ, следует учитывать, что, будучи кратким по объему, он неизбежно повлечет необходимость обращения к другим законам и подзаконным актам, затрудняя их понимание и применение. В этом смысле детализированный Кооперативный кодекс РФ будет более предпочтительным. Но детализация вопросов жизнедеятельности кооперативов не должна ограничивать их автономии и роль их уставов.

В силу того что деятельность кооперативов тесно связана с населением, а виды кооперативов многообразны, особенности правового положения их конкретных видов должны регулироваться примерными уставами, которые бы основывались на законах, но в то же время носили бы рекомендательный характер.

Принятие Кооперативного кодекса РФ потребует его гармонизации с иными законодательными актами: законодательством о конкуренции, налоговым законодательством и т.п. Актуальным является вопрос о разработке норм, закрепленных в законодательствах ряда зарубежных стран, об административной и уголовной ответственности в сфере кооперации.

Правовые нормы, содержащиеся в ГК, Кооперативном кодексе РФ, отдельных законах о кооперативах, должны регулировать только те отношения, которые находятся за рамками компетенции конкретного кооператива. Деятельность каждого конкретного кооператива должна регулироваться утвержденным его членами уставом.

Текст Кодекса, а также законы о кооперативах после их принятия требуют популяризации среди населения и кооператоров.

Список литературы

1. Спорной является позиция юристов, утверждающих, что потребительская кооперация есть порождение социалистического общества. См.: Дрокин О.Г., Игнатенко А.А., Изотова С.В. и др. Некоммерческие фонды и организации. Правовые аспекты. – М., 1997. – С.111.
2. Жид Ш. Кооперация. Пер с франц. Шапиро М.А. / Под ред. В.Ф. Тотомианца. – СПб., 1909. – С.86-87.
3. Территориальный принцип формирования потребительской кооперации был ярко выражен в первых декретах Советской власти. Уже в то время он подвергся критике со стороны видных теоретиков кооперации. См.: Николаев А.А. Теория и практика кооперативного движения. Издание второе. I том. Выпуск 1. Петроград, 1919. – С.11.
4. Симптоматичной является позиция авторов, отмечающих, что ФЗ «О производственных кооперативах» вполне применим не только к производственным, но и к потребительским кооперативам. См.: Лупей Н.А. Развитие кооперативов должно стать важной составной частью рыночных реформ // Производственные кооперативы: новый старт – новые возможности. Как реализовать закон о производственных кооперативах. Вып.1. Часть первая. М.,1998. С.8; Абова Т.Е. Федеральный закон о производственных кооперативах: проблемы правоприменения // Там же. С.24 .
5. Ушаков И.И. О проекте общего кооперативного закона. М., 1915. С.14-15.
6. Наличие Кооперативного кодекса известно зарубежной практике. Например, в Филиппинах действует Кооперативный кодекс 1990 г. (THE COOPERATIVE CODE OF THE PHILIPPINES Republic Act № 6938 of 1990) // <http://natlex.ilo.org>.

7. При исследовании тенденций развития кооперативного законодательства нами установлено, что характерной чертой отечественного кооперативного законодательства является стремление к единому закону о кооперативах. См.: Тычинин С.В. Развитие законодательства о потребительской кооперации. Белгород, 2002.

8. Новое законодательство о кооперативах. Проблемы и перспективы кооперативного движения в России (Круглый стол) // Хозяйство и право. 1996. №5. С.33, 37.

9. Левакова Э.Н. Перспективы развития кооперативного законодательства // Кооперация на пороге XXI века. Сборник научных статей профессорско-преподавательского состава и аспирантов МУПК по итогам научно-исследовательской работы за 1998 г. Часть.5. М., 1998. С.3.

10. Левакова Э.Н. Указ соч. С.3.

LEGAL REGULATION OF CONSUMER COOPERATION AT THE PRESENT STAGE OF ECONOMIC DEVELOPMENT

S.V. Tychinin

Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia;
e-mail: Tychinin@bsu.edu.ru

The article deals with the peculiarities of legal regulation of consumer cooperatives under the conditions of reforming civil and cooperative legislation of the Russian Federation, defines the single nature of all types of cooperatives, and on these grounds a new system of legislative regulation of consumer cooperation is contemplated. It suggests the ways how to remove the contradictions in cooperative legislation.

Key words: legal regulation, consumer cooperation, cooperative, civil law, cooperative legislation.

УДК 2-8

**ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ БЛАГОТВОРЕНИЯ
В ДРЕВНЕЙ РУСИ**

Е.П. Белоножко¹⁾, А.М. Капустина²⁾

¹⁾ Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;
e-mail: belonozko@bsu.edu.ru

²⁾ Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;
e-mail: belonozko@bsu.edu.ru

В данной статье осуществлена попытка выявить и проанализировать ценностно-мотивационные основы благотворения в Древней Руси. Проблема мотивации благотворения в целом, и мотивации благотворения в Древней Руси, в частности, является весьма актуальной и мало исследованной. Исследование представляет собой философский анализ древнерусских памятников литературы, исторических исследований. Отмечено, что мотивация благотворительности в Древней Руси тесно связана со спецификой русского отношения к богатству и феномену нищенства. Выделены основные мотивы благотворительности в Древней Руси: прагматический, мотив духовно-нравственного совершенствования, христианские мотивы: сотериологически-эсхатологический, любовь к Богу и ближнему, мотив «сакрального пиетета», социально-политический.

Ключевые слова: мотив, милосердие, ценностно-мотивационные основы, сотериологический мотив, эсхатологический мотив, благотворение.

Введение

История Древней Руси во многом совпадает с историей принятия и утверждения христианства и христианской системы ценностей в русском обществе. В связи с этим, многие дореволюционные авторы начало развития благотворительности связывали исключительно с введением христианства на Руси, так как в христианстве к тому времени уже были сформулированы основные императивы «теории милосердия». Однако ряд современных исследователей отмечает, что ещё до принятия христианства на Руси существовали богатые традиции взаимопомощи у славян, обусловленные специфически культурно-историческими условиями и доминирующими ценностями древних славян [8, 5-6; 17; 23].

Признание в системе традиционных ценностей древних славян

В традиционной славянской культуре были выработаны основные идеалы, нормы и правила жизни людей, которые, несмотря на многочисленные трансформации с течением времени перешли в мировосприятие русского народа. О.С. Осипова отмечает: «Ценностная сторона в мироотношении народа непосредственно связана с общественным, коллективным сознанием или представлениями»[9]. Э. Дюркгейм предложил понимание коллективного сознания как обладающую собственным бытием совокупность верований и чувств, общих для членов данного общества. Он подчёркивал, что системы ценностей имеют коллективное происхождение. В свою очередь, коллективное мышле-

ние преобразует мир под воздействием созданных им идеалов; под идеалами мыслитель понимал основные социальные явления: религию, мораль, право, экономику, эстетику, которые есть «не что иное, как системы ценностей, следовательно, идеалы» [4, 302-303]. О.С. Осипова называет эти идеалы ценностными коллективными идеями, утверждая, что важнейшие славянские коллективные идеи связаны с понятиями единства Мироздания, всепроникающей божественности взаимообусловленности и относительности всех явлений, которые преломляются во множестве частных идей: одухотворение природы, предание о происхождении людей как сынов и дочерей богов, *приоритет коллективного начала над личностным*, патриотизм, *верность долгу*, чести и *справедливости* [9, 200-211]. Исследователь отмечает приоритет этических ценностей у славян, жизнь которых подчинялась достаточно строгим императивам, задававшим нормы морали и нацеленным на достижение социальной гармонии.

Историки находят корни сострадательного отношения к ближнему, столь пространного на Руси, еще в обычаях древних восточных славян [19, 97].

Современный исследователь социальной работы М.В. Фирсов отмечает: «...философия жизни языческой общности вызывала к жизни определённые формы поддержки и защиты. Реципрокные и редистрибутивные социальные связи, направленные на сохранение единого пространства жизнедеятельности, важного для всех его членов, создали особый нерв социогенома, и его архитипические формы существования, сложившиеся за многие столетия, стали основой для христианской модели помощи и поддержки нуждающимся» [22, 24-25].

Благотворение как рефлексия древнерусского общества на этапе усвоения новой религиозной идеологии – православия

Христианская система ценностей растворила в себе славянские «ценностные коллективные идеи», что повлекло за собой её неизбежную трансформацию и, как следствие, своеобразное преломление христианского идеала мотивации благотворительности.

Как отмечает Т.Е. Покотилова: «...древнерусская благотворительность стала результатом рефлексии древнерусского общества в процессе создания и развития своей культурной среды на этапе усвоения русским обществом адекватной усложнявшимся общественным отношениям религиозной идеологии – православия» [17, 26].

Как известно, значительную часть православной этики занимает учение о любви к ближнему и милосердии, призывавшее выполнять дела милосердия в качестве главного средства спасения души. В силу закономерной монополии и функциональной обязанности православной церкви проповедовать христианское учение о любви к ближним, древнерусское общество пользовалось руководством церковной иерархии в выполнении дел милосердия. Данное руководство осуществлялось по трём направлениям: воспитание нравственных побуждений к благотворению через проповедь учения о любви и милосердии; воспитание паствы примерами собственного милосердия в среде иерархов; практическая работа по организации призрения через собственные структуры за счёт церкви, государства, общин, братств и милостыни.

Анализ церковной литературы назидательного характера и летописей позволяет восстановить картину мотивации благотворения – в древнерусских источниках получила отражение своеобразно воспринятая система христианских ценностей. «Поучение к братии» архиепископа Новгородского Луки Жидяты содержит этико-социальные призывы. Характерно, что рекомендации носят характер отрицания, доминирующая установка – «не навреди» (это ветхозаветный принцип, в Новом Завете – «возлюби»), то есть автор сочинения ориентирован на ветхозаветные регламентации, что, в целом, является показателем восприятия христианства древнерусским обществом вообще. Речь идёт о процессе специфического синтеза язычества и христианства в русской культуре.

Древнерусскими авторами отмечалась особая сила милостыни, её место среди других добродетелей. Владимир Мономах в «Поучении» говорит, что сам «Господь по-

казал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать: покаянием, слезами и милостынею»[18, 62].

В статье «О звании сильных» Изборника 1076 года автор призывает творить милостыню, так как это воля Божья, и вознаграждением будет Царство Небесное, он формулирует древнерусский вариант библейского «Блаженны милостивые...», тем самым, акцентируя внимание на «спасительном», сотериологическом аспекте милосердия.

Особое значение в плане осмысления древнерусским духовенством проблемы мотивации благотворения имеют труды Феодосия Печерского (1036-1074). Как и ряд других авторов своего времени, он обращает внимание на библейскую притчу о десяти мудрых девах и пяти неразумных, в которой для последних закрылись двери Божьего человеколюбия, поскольку они масла милостыни не принесли. Таким образом, мыслитель отмечает сотериологический мотив милостыни.

Дидактизм древнерусской литературы повлек за собой обращение к примерам (выполнявшим воспитательную функцию), подчёркивающим как сотериологический аспект мотивации помощи ближнему, так и его прагматический мотив (предполагается, что Господь воздаёт милующему уже здесь, на земле). В Киево-Печерском Патерике повествуется, что подвижнику обители Иоанну за его милость к нищим Господь чудесным образом удвоил богатство, которое сын его Захария отдал на нужды обители. «На серебро же и золото это поставлена была церковь во имя святого Иоанна Предтечи, в память Иоанна я сына его Захарии, так как на их золото и серебро была она построена». В Синайском же Патерике рассказывается, что Господь также в несколько раз умножил серебряники язычнику, отдавшему по совету жены-христианки небольшую сумму займа христианскому Богу – для нуждающихся [12, 129]. Здесь очевидна параллель с ветхозаветной мотивацией благотворения, где акцент ставился именно на прагматической мотивации.

М. Грек (1470-1556) выступает с критикой монашества за то, что, не имея сострадания, они угнетают крестьян, призывает возлюбить убогих и нищих, вдов и сирот, обличает богачей, не помогающих бедным. Он критиковал показную помощь как несоответствующую христианскому идеалу. М. Грек обращал внимание в своих проповедях на людей свободных от стремления к обогащению, исполняющих евангельские заповеди, «посредством которых скоро и удобно достигается ими самая главная добродетель – любовь к Богу и ближнему своему»[14, 477]. Особенную требовательность он проявлял к монахам: «вместо постов великих и бдений лучше бы человеколюбие показа к нищим»[1, 124]. Данным требованием Максим Грек вступает в некоторое противоречие с православной традицией, однако, оно характеризует ценностные ориентиры Древней Руси. Здесь, показательно то, что милостыне он отдаёт предпочтение перед молитвой и постом. Вероятно, мыслитель этим выражением не пытался принизить значение этих действий, он скорее выступал только против показного благочестия, за которым скрывались грубые нравы, бесчеловечность. Мыслитель сетовал, что смысл подлинного милосердия чужд ревнителям показного благочестия.

Т.Е. Покотилова отмечает, что учение о братолюбии и милосердии трактуется русскими проповедниками специфично: милостыне наряду с самим фактом крещения придаётся такая «спасающая» сила, что покаяние, пост, лишение, все другие религиозные таинства уходят на задний план[17, 26].

В условиях двоеверного синкретизма, ставшего следствием тесного соприкосновения нового мировоззрения с дохристианской культурой, происходят определённые изменения, как в содержательной части христианского вероучения, так и связанных с ним представлений, в том числе взглядах на мотивацию благотворения. Здесь речь идёт о том, что христианские идеалы получают «более земную» интерпретацию, что проявляется в редукции всего спектра идеальной (должной) христианской мотивации благотворения к мотиву искупления с помощью милостыни. Это проявляется в том, что древнерусские авторы гораздо чаще пишут о спасительной силе именно милостыни, а

не любви к ближнему и подлинного милосердия. Так, пытаясь осмыслить проблему милосердия, древнерусские авторы используют следующие понятия: «милосердие», «милость», «милование», «милостыня». Наблюдения М.В. Фирсова за семантическим изменением этих понятий позволяют также сделать вывод о том, что в XI – XII вв. названные понятия не были дифференцированы и являлись тождественными [23, 46].

Относительно быстрое укоренение в мировоззрении православного населения мысли о том, что щедрая и регулярная милостыня – решающий и достаточный, наряду с крещением, фактор, обеспечивающий «спасение», Т.Е. Покотилова связывает с овецищенностью, относительной простотой в осуществлении и быстротой исполнения данного «очищающего» акта, понятного и притягательного для бывших язычников, а также его близостью не ушедшим еще совсем в прошлое традициям братства и равенства, свойственным родоплеменным отношениям [17, 26].

Доказательством тому – частые и щедрые благотворительные раздачи денег великими князьями, начиная с Владимира I, носившие, как показывают источники, не показательный, а обрядовый характер. Примеры князей вызвали адекватные действия в древнерусском обществе: в летописях и житиях святых дела милосердия предписываются всем лицам, выделявшимся из среды своих современников особыми нравственными качествами. Однако укоренение нищелюбия не означало смягчения нравов древнерусского общества. Так, митрополит Макарий (Булгаков) (1816-1882) описывая историю русской церкви, большое внимание уделяет состоянию веры и нравственности русского общества в рассматриваемые периоды. Он также отмечает милосердие и щедроты князя Владимира, его детей – Бориса, Глеба, Ярослава и других князей. Однако, говоря, что милосердие к бедным и страждущим было одной из господствующих добродетелей того времени, автор сетует на то, что «несравненно больше мы видим тогда примеров немилосердия и несострадательности к ближним, даже жестокости и бесчеловечия» [6, 310], которые составляли главный нравственный недостаток своего времени. Скорее всего, автор в данном случае имел в виду тот факт, что церковь и государство пытались приобщить верующих к делам милосердия, декларировали милосердие как высший нравственный принцип, однако чаяния церкви не всегда совпадали с реалиями жизни древнерусского общества.

Трансформация христианской ценностной мотивации в условиях формирования секулярного мировоззрения

Проблемы отношения к ниществу, их индულгентного принятия в общественное пространство как особой социальной группы, своеобразной культуры нищелюбия тесно связаны с мотивацией благотворения в Древней Руси.

Трансформация христианского императива «Возлюби ближнего...» в древнерусское нищелюбие обусловила не только комплекс социальных проблем, связанных с феноменом профессионального нищества, но и повлияла на мотивацию благотворения. Позиция В.О. Ключевского относительно мотивации благотворения неоднозначна. Историк отмечал, что любовь к ближнему в Древней Руси полагали, прежде всего, в подвиге сострадания к страждущему, её первым требованием признавали личную милостыню: «Человеколюбие на деле значило нищелюбие». Причем благотворительность была не столько средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием личного нравственного здоровья: в ней больше нуждался нищелюбец, чем нищий: «Целительная сила милостыни полагалась не столько в том, чтобы утереть слёзы страждущему, уделяя ему часть своего имущества, сколько в том, чтобы, несмотря на его слёзы и страдания, самому пострадать с ним, пережить то чувство, которое называется человеколюбием» [24, 76]. Древнерусский благотворитель, «христоролюбец», менее помышлял о том, чтобы добрым делом поднять уровень общественного благосостояния, чем о том, чтобы возвысить уровень собственного духовного совершенствования». Здесь историк отмечает доминирующий мотив древнерусской мотивации благотворе-

ния – мотив духовно-нравственного совершенствования, фактически отрицая мотив гражданской ответственности, прагматические мотивы. Вместе с тем, В.О. Ключевский акцентирует внимание и на сотериологической мотивации – нищий для благотворителя был лучший богомолец, в подтверждение своих слов автор приводит поговорку: «Нищий богатым питается, а богатый нищего молитвою спасается». Таким образом, он понимает благотворение как «спасающий акт» в жизни православного христианина.

Обратимся к попыткам осмысления феномена нищенства древнерусскими мыслителями. Можно обозначить две точки зрения на эту проблему. Так, М. Грек рассматривал нищенство как институт социального воспитания, необходимый для гармонизации отношений всех слоёв общества. М. Грек мечтал о своеобразной культуре нищенства как культуре равенства и справедливости, воспитывающей у всех членов общества благородные чувства, то есть он идеализировал нищенство.

Другой взгляд на нищенство, попытка оценить его со светских позиций принадлежит Епифанию Славинецкому. Сочинение «Слово о милости и кии просящих достойни суть милости, кии же ни» Епифания Славинецкого – одно из первых светских представлений о сущности милосердия. В основу милосердия им положен принцип богоуподобления и любви к ближнему. Автор широко понимал общественное призрение, выделяя в нем три уровня поддержки: помощь духовную, помощь институциональную, «нищепиталище долгое», и помощь традиционную, «нищепиталище общее».

Впервые Епифаний Славинецкий рассматривал «людей церкви», нищих не только как заступников перед всевышним, но и как тунеядцев, обманом промысляющих и спекулирующих на добрых чувствах христиан. Для того чтобы профессиональное нищенство не распространялось, автор предлагал молодым и здоровым предоставлять работу и «кные рукоделия». Он разработал теорию борьбы с нищенством и помощи нуждающимся. В проекте учитывался тот факт, что не все могут обращаться за помощью, поэтому необходимо направление ее нуждающимся. Большое место уделяется превентивным мероприятиям против нищенства.

Такая эволюция взглядов от идеализации нищелюбия к попыткам его критического осмысления неслучайна. Несмотря на то, что нищелюбие было призвано воспитать «навык и умение любить человека» на практике оно становилось основой как социальных, так и духовно-нравственных проблем. По нашему мнению, именно тезис «Человеколюбие на деле значило нищелюбие» объясняет такие парадоксы нравственной жизни русского общества, когда дворянин, помещик мог творить милостыню, активно помогать церкви, при этом считая нормой жестокое отношение к ближним (крестьянам). В капиталистический период этот поведенческий стереотип получил отражение в деятельности предпринимателей, которые с одной стороны активно жертвовали нуждающимся, а с другой – жестоко эксплуатировали рабочих, в том числе, женский и детский труд. Интересно то, что в основу благотворения автором положен принцип любви к Богу и ближнему, но, вместе с тем, он впервые предлагает дифференцированный подход к нуждающимся вопреки церковному принципу подачи милостыни.

Вместе с тем, с усвоением христианских ценностей феномен тайной милостыни получал значительное распространение в Древней Руси и в дальнейшее время, что доказывает доминирование религиозных мотивов помощи ближнему над прагматическими, своекорыстными. Л.А. Тульцева понимает под тайной (тихой) милостыней «русский православный обычай тайной раздачи милостыни сиротам, вдовам и другим страждущим» [21, 90]. Никто никогда не знал имени милостынника, т.е. того, кто творил или раздавал милостыню. В этом заключалась суть обычая, который на практике был своего рода ступенью к индивидуальному нравственному подвижничеству.

Е.Л. Дубко даёт следующие характеристики тайным благодеяниям, в нашем случае – речь о тайной (слепой) милостыне: «...раритет, казус, парадокс, перверсия морального сознания, мистериозный продукт процесса десекуляризации морали, таинственный акт..., тип взаимопомощи среди простых людей, элемент культуры бедности,

прививка против тщеславия... , небольшая ниша для деятельной добродетели в ожесточившемся мире, коллективистское начало...» [3, 73]. Автор отмечает, что тайные благодеяния базируются всегда на религиозных чувствах.

Одним из факторов мотивации древнерусской благотворительности является специфическое отношение в русской культуре к нищенству, связанное также с благоговейным отношением к увечным, больным людям, страдающим от тяжелых недугов, имеющим ограниченные возможности для жизни и деятельности в неприспособленном для них окружении. В традиционной языческой, а позднее и в православной культуре им было уготовано особое место. Л.А. Темникова отмечает: «Так же, как отличались их внешний вид и поведение от остального сообщества, так же, и их положение в социокультурном хронотопе было не обычным, не профанным, земным и мирским, но сакральным, окрашенным в священный цвет печатью Бога» [20, 15-16]. В связи с тем, что люди, болезненно отличающиеся своим видом и поведением, вызывали и у окружающих священный (сакральный) трепет, благочестие (пиетет), готовность броситься им под ноги, поделиться с ними своим последним добром, Л.А. Темникова называет это побуждение мотивом сакрального пиетета [20, 15-16].

Специфическое отношение к богатству на Руси, сформировавшееся под влиянием православных ценностей, на наш взгляд, также выступает как фактор мотивации благотворительности, так как богатство возлагало особую ответственность за судьбу ближнего. Н.Я. Данилевский одним из определяющих духовных параметров русской цивилизации называет нестяжательство, преобладание моральных приоритетов над материальным [2, 58], вероятно, поэтому рассуждения о милосердии, милостыни – в контексте осуждения сребролюбия, богатства. «Милость», «милосердие» – обязанность всех людей, в особенности – людей состоятельных. Ведь с одной стороны христианство утверждает добровольную нищету (Мф. 19; 16-21). Но с другой стороны уже ранние Отцы Церкви, и, в частности, Климент Александрийский, начинают истолковывать эту проблему в духовном плане, как проблему прежде всего внутренней жизни, привязанности человека к миру.

Итак, богатство не цель, а орудие, с помощью которого можно угодить Богу. Авторитетные представители церкви не только декларировали принципы христианского отношения к богатству, но и примером своей жизни их доказывали. О святителе Новгородском Ионе (ум. 1470) сказано: «Он получаемое богатство не для себя копил, но отдавал в общественное имущество всех живущих с ним, принося этим помощь обители» [18, 83]. Стихи покаянные второй половины XVI века также свидетельствуют о соотношении богатства и милосердия, любви к ближнему в системе нравственности: О жите моём, жите клирошанина, / Призадумался я, недостойный... / О безумная скупость! / О нелюбовь к ближнему! / Красуясь и кичась Богатством больше мирских людей, / Странников и бедных людей не милуя, / Но и обижая... [15, 150].

В этом отношении интересны и теоретические размышления Ермолая-Еразма Полоцкого и Иосифа Волоцкого. Иосиф Волоцкий защищал идею сильной и богатой церкви, связывал ее не с самодостаточностью церкви как таковой, а с ее «социальными задачами». Иосиф Волоцкий стремился к богатству (не личному, а Иосифо-Волоколамского монастыря), не во имя стяжания, а во имя расширения возможностей для творения благотворительных и Богу угодных дел. Для окрестного населения монастырь всегда являлся источником хозяйственной помощи [7, 338].

Ермолай-Еразм утверждал противоестественность почитания «богатства», золота, серебра, поскольку это противоречит сущности человека, сотворенного по образу и подобию Божию. Он критиковал вельмож, «насилующими коварствы обогате», деяниями своими угождающими дьяволу, а потому «душу же имуще от насильства темну» [23, 73]. Критикуя богатых, социальное неравенство, он обращается к достаточно распространенной идее возмездия или «праведного суда», в результате которого Бог «отымет власть его».

Достаточно сильным побуждением к благотворению в Древней Руси был социально-политический фактор. Побуждением к помощи нуждающимся здесь являются не личные религиозные убеждения, а осознание необходимости этих мер для поддержания стабильности государства и укрепления своей власти. Тема ответственности и обязанности заботиться о подданных была поднята ещё в Ветхом Завете, например, в обращении царя Давида к Соломону. В Древней Руси впервые тема «милостивой» деятельности и ответственности правителя за свои поступки появляется у Нестора в «Повести временных лет». По словам Нестора, вся ответственность за бедствия на Руси лежит на ее правителях. Но когда они следуют заветам церкви, происходит расцвет Русской земли. Эти положения раскрываются в трудах Иллариона, где в качестве аргументов он приводит факты из жизни князя Владимира. Илларион (сер. XI в.) – митрополит Киевский, оратор, писатель, церковный деятель в «Слове о Законе и Благодати» раскрывает учение о богоустановленности власти, в контексте которого отмечает, что мирское правление должно строиться на принципах милосердия. Рассматривая княжение Владимира Святого как «образцовое», митрополит Илларион выделяет несколько причин: «закон был предтече и служителем благодати и истины», отказ от идолопоклонства, принятие «спасительного учения». Эти главные стороны его общественного реформирования, а также «щедроты и милостыни», творимые князем и особо хранимые в памяти народной, привели к социальной стабильности. В своей совокупности социальная деятельность князя Владимира построена на основе христианских представлений о милосердии, а потому и считалась идеалом и образцом для подражания следующим правителям. Следуя христианской теории о богоустановленности власти, древнерусские мыслители обращают внимание князей на необходимость соответствовать своему статусу – быть подобными милосердному Богу. Так, Ф. Печерский в посланиях к князю Изяславу призывает его быть милостивым по отношению ко всем людям независимо от их веры и национальной принадлежности. Забота о народе, о социально уязвимых слоях общества – тема, поднимаемая Владимиром Мономахом, Даниилом Заточником.

В XVI веке «милосердие» возводится в ранг государственных добродетелей («Большая челобитная» Ивана Пересветова, Послания Фёдора Карпова), которые, в свою очередь, являются необходимым условием для сохранения «закона и укрепления царства».

Заключение

Таким образом, мотивация древнерусской благотворительности основывалась, во-первых, на двух системах ценностей – древнеславянской и христианской. Во-вторых, проблема мотивации благотворения в Древней Руси была тесно связана со спецификой русского отношения к феномену нищенства и к богатству.

Можно выделить следующие мотивы благотворения в Древней Руси:

– прагматический, основанный на реципрокных и редистрибутивных связях, находивший свою реализацию в общинной взаимопомощи у славян. Ценности – справедливость, коллективизм;

– мотив духовно-нравственного совершенствования;

– христианские мотивы:

1) сотериологически-эсхатологический мотив, особенно следует выделить испупление;

2) любовь к Богу и ближнему, обуславливающая милосердие, сострадание;

3) мотив сакрального пиетета, то есть мотив специфического отношения к нищенству, людям, страдавшим тяжелыми недугами как к богоизбранным людям, молитвенным ходатаям;

– социально-политический мотив – это побуждение, основанное на стремлении сохранить или распространить свое влияние в обществе.

Список литературы

1. Громов, М.Н. Максим Грек. – М.: «Мысль». 1983. -199 с.
2. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. – М.: Древнее и современное. ГУП Чехов. полигр. комб., 2002. – 548 с.

3. Дубко, Е.Л. Всегда ли добрые дела надо делать в тайне? // Вестник Московского университета. 2003. № 4 С. 73-81.
4. Дюркгейм, Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – 349 с.
5. Ключевский, В.О. Добрые люди древней Руси. – М., 1915. – 30 с.
6. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. 2. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1995. – 702 с.
7. Миронов, Г.Е. История государства Российского: Историко-библиографические очерки. XIX век. – М.: Издательство «Книжная палата», 1995. – 383 с.
8. Нещеретный, П.А. Исторические корни и традиции развития благотворительности в России. – М.: Издательство «Союз». 1993. – 31 с.
9. Осипова, О.С. Жизнь в системе традиционных ценностей древних славян и русского народа // Жизнь как ценность. Сборник статей. – М., 2000. // Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item>
10. Осипова, О.С. Славянское языческое миропонимание. Философское исследование // Волшебная гора. 1997. № 6. – С. 200-211.
11. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы: XI – начало XII века. (Выпуск 1). / Сост. Д.С. Лихачёв, Л.А. Дмитриев. – М.: Худож. лит., 1978. – 413 с.
12. Памятники литературы Древней Руси. XII век. (Выпуск 2). / Сост. Д.С. Лихачёв, Л.А. Дмитриев. – М.: Худож. лит., 1978. – 704 с.
13. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. (Выпуск 3). / Сост. Д.С. Лихачёв, Л.А. Дмитриев. – М.: Худож. лит., 1981. – 616 с.
14. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. (Выпуск 6). / Сост. Д.С. Лихачёв, Л.А. Дмитриев. – М.: Худож. лит., 1984. – 768 с.
15. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. (Выпуск 8). / Сост. Д.С. Лихачёв, Л.А. Дмитриев. – М.: Худож. лит., 1986. – 640 с.
16. Православная вера и традиции благочестия у русских в 18-20 веках. Этнографические исследования и материалы. – М.: Наука, 2002. – 469 с.
17. Покотилова, Т.Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России: мировоззрение и исторический опыт: Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук (07.00.02) / Т.Е. Покотилова. – Ставрополь, 1998. – 39 с.
18. Скурат, К.Е. Православные основы культуры в памятниках литературы Древней Руси. – М.: Изд. дом «Покров», 2003. – 128 с.
19. Соловьёв, С.М. Сочинения. Кн. 1. История России с древнейших времён. – М.: Мысль, – Т. 1. 751 с.
20. Темникова, Л.А. Благотворительность в контексте духовного развития общества: Автореферат диссертации на соискание степени кандидата социологических наук (22.00.06) / Л.А. Темникова. – Белгород, 1996. – 30 с.
21. Тульцева, Л. А. Тайная милостыня // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII – XX веках. Этнографические исследования и материалы. – М.: Наука, 2002. – С. 90 – 100.
22. Фирсов, М.В. Социальная работа в России: теория, история, общественная практика: Автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук (07.00.02.) / М.В. Фирсов. – М., 1997. – 59 с.
23. Фирсов, М.В. История социальной работы в России. – М.: Владос, 1999. – 246 с.
24. Флоренский, П.А. Христианство и культура. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001, – 672 с.

VALUE AND MOTIVE BASIS OF CHARITY IN ANCIENT RUSSIA

E.P. Belonozhko¹⁾, A.M. Kapustina²⁾

¹⁾ Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308600, Russia;
e-mail: belonozko@bsu.edu.ru

²⁾ Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308600, Russia;
e-mail: belonozko@bsu.edu.ru

The article deals with the attempt to reveal and analyze value and motive basis of charity IN Ancient Russia. The problem of motivation in general, and also of motivation in Ancient Russia, is rather actual and not much explored. The survey is the philosophical analysis of ancient Russian literature documents and historical researches. The motivation of charity in Ancient Russia is tightly linked to the specifics of Russian relation to the richness and poverty. The main motives of charity in Ancient Russia are pragmatic, spiritual and moral, Christian, soteriological, eschatological, love towards God and people, sacral piethesis, social and political.

Key words: motive, charity, values and motives, soteriological motive, eschatological motive.

МОЛОДЕЖНАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

М.М. Белоусова

Ростовский государственный университет, 344007 г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105;
e-mail: isrgu@mis.rsu.ru

В статье рассматривается проблема молодежной культуры в контексте социокультурной динамики современного общества. Выявляется статус молодежи, ее культуры и доминирующей культуры.

Ключевые слова: культура, контркультура, доминирующая культура, молодежь.

Понятие «молодежная культура» входит в научный обиход вместе с понятием «молодежь». Рождение понятий связывалось Т. Парсонсом с обоснованием стабильности, направленности и целесообразности развития общественных систем. Это была своего рода рефлексия на послевоенное возрождение западных обществ, выражение веры в возможность стабильности, благополучия и процветания всех его членов. Молодежная культура представлялась независимым социальным пространством, в котором молодые люди могут обрести аутентичность, тогда как в семье или школе они лишены реальных полномочий, и полностью контролируются взрослыми [1]. В отечественном обществоведении долгое время молодежь не рассматривалась как самостоятельная социально-демографическая группа: выделение такой группы не укладывалось в существовавшие представления о классовой структуре общества, и противоречила официальной идеологической доктрине о его социально-политическом единстве. Одно дело говорить о молодёжи как о составной части рабочего класса, колхозного крестьянства, советской интеллигенции, другое – признавать ее социальные особенности как некоей целостности. В этом усматривалось противопоставление молодежи другим социальным группам. В этот период только в рамках биологизаторских, психологических концепций периодически предпринимались попытки из идентичности физиологических процессов, свойственных всем индивидам на той или иной стадии биологического развития, выводить идентичность форм социального поведения, тем самым определять молодежь как группу, имеющую социально-психологические, возрастные особенности.

Но можно совершенно обоснованно утверждать, что нет никаких универсальных форм поведения, выводимых только из психологии и физиологии молодежного возраста. Молодежь и ее жизнедеятельность напрямую зависят от социокультурных характеристик общества, в котором в данное время она живет и которое определяет ее поведение и характеристики. Как отмечал П. Сорокин: «Не существует личности как социума, то есть как носителя, создателя и пользователя значениями, ценностями и нормами, без корреспондирующих культуры и общества» [2].

«На языке социологии быть молодым означает стоять на краю общества, быть во многих отношениях аутсайдером. И действительно, отличительной чертой молодых является отсутствие закрепленной законом заинтересованности в существующем порядке – они еще не сделали своего вклада в экономическую и психологическую структуру. <...> Эта позиция аутайдера – гораздо более важный фактор, определяющий открытость и склонность к изменениям, чем биологическое созревание. Кроме того, она совпадает с позицией других групп и индивидов, по другим причинам оказавшихся на краю общества, таких, как угнетенные классы, люди свободных профессий – поэты, артисты и т.д.» [3].

Маргинальный статус молодежи, однако, является временным явлением и впоследствии, как правило, преодолевается в пользу более или менее стабильного социального положения. То же происходит и с культурными ценностями, имеющими распространение в среде молодежной культуры.

«Периферия ярко окрашена, маркирована – ядро "нормально", то есть не имеет ни цвета, ни запаха, оно "просто существует". Поэтому победа той или иной семиотической системы [4] есть перемещение ее в центр и неизбежное "обесцвечивание". С этим можно сопоставить "обычный" возрастной цикл: бунтующие молодые люди с годами становятся "нормальными" уважаемыми джентльменами, совершая одновременно эволюцию от вызывающей "окрашенности" к "обесцвечиванию"»[5].

В связи с этим К. Манхейм отмечает: «Проникновение в общество извне заставляет молодежь симпатизировать динамичным социальным движениям, которые выражают недовольство существующим положением вещей по совершенно иным причинам. У молодежи еще нет закрепленных законом интересов, ни экономических, ни ценностных, имеющих у большинства взрослых людей. Этим объясняется тот факт, что в юности многие действуют как ревностные революционеры и реформаторы, а позднее, получив постоянную работу и обзаведясь семьей, переходят в оборону и выступают за сохранение status quo» [6].

Осознание своей маргинальности, «особости», инаковости по отношению к остальному обществу роднит молодежь как «ситуационный», связанный с переходной фазой жизни тип интеллигенции с другими: профессиональной и локальной. Помимо этого, подобное осознание способствует консолидации молодежи в качестве социокультурного феномена, повторяющегося во времени и пространстве и оказывающего влияние на другие социальные группы и на социокультурный мир в целом.

Молодежная культура является своеобразной формой адаптации к нормам, ценностям, образу жизни общества, также в лице молодежной субкультуры, социокультурной гомогенной среды и в определенной мере контркультуры выступает как источник трансформации культуры общества. Рассматривая культурогенетический аспект функционирования молодежной культуры, необходимо отметить, что функционирование социокультурных систем корректируется системой прямых и обратных связей, имеющих положительный и отрицательный для развития этих систем характер. Прямые связи между доминирующей и молодежной культурой реализуются посредством культуры для молодых. Такие связи поддерживают сохранение сложившихся структур и отношений. В то время как обратные связи, обеспечивающие восприимчивость системы к новой информации, реализуются посредством молодежных суб-, контркультур и социокультурных гомогенных сред. Соотношение между культурой для молодых и молодежными субкультурными образованиями обеспечивает степень устойчивости и изменчивости культуры общества, ее рост, качественную трансформацию, способность развиваться в меняющихся условиях существования. Гармоничное равновесие в их взаимодействии формирует динамическую устойчивость культуры, то есть оптимальное соотношение между целостностью, способностью сохранять себя как единое целое, и способностью постоянно обновлять себя.

Динамическая устойчивость культуры – состояние относительное. Чаще возникает состояние неустойчивости, которое выступает важнейшим моментом в процессе развития культуры, дающим импульс процессам самоорганизации. Одним из результатов взаимодействия молодежной культуры с господствующей культурой общества является усложнение культур, возникающее вследствие действия законов единства и борьбы противоположности, перехода количества в качество, в результате чего культуры переходят на иную ступень развития.

В такой культурной модели можно выделить три главных звена – два полюса оппозиции и меру их конкретного соотношения в рамках макро-культуры. В определенный момент один из этих полюсов является доминирующим, другой же временно подавлен, но его составляющие постоянно присутствуют как «underground», периодически вынося на поверхность якобы несвойственные ей явления (расцвет хиппи в шестидесятые, панковский взрыв второй половины семидесятых). Несмотря на то, что эти явления так и не становятся доминирующими, их появление способствует динамично-

му существованию системы культуры в целом. Ее главное противоядие – при помощи «культуры для молодых» приобщение наиболее поддающихся обработке и менее значимых в смысле социальной опасности контркультурных явлений к «золотой середине», что, в свою очередь, приводит к общему ослаблению культурного «выброса» (приобщение к масс-культуре так называемой «Сексуальной Революции» в Америке и Великобритании). Эта схема одинакова для всех субкультур, от элитных до криминальных или трущобных. Разрешение накопленных противоречий порождает новое качество элементов культуры, их взаимосвязей, структуры; ведёт к новому стабильному и одновременно более сложному уровню всей культурной организации. Новая стабильность культурной системы достигается большим числом типов взаимосвязей и взаимодействий ее элементов.

Необходимо отметить определяющее значение молодежной культуры в воспроизводстве культуры современного общества. Как любое социально-культурное явление, молодежная культура возникает не изолированно, а как результат развития господствующей культуры, следствие ее дифференциации. Молодежь как субъект социокультурных, этнических, психологических и экономических отношений не является простым зеркальным отражением особенностей развития социума и его культуры, в поведении молодого поколения синтезируются собственные культурные традиции и результаты взаимодействия с культурами других социальных и демографических групп. Молодежь в силу специфического положения в социокультурной системе раньше многих других общественных групп обращает внимание на любые инновации, происходящие в обществе. Молодежная культура в условиях постсоветской России является сферой инновации, отражая в своем развитии не только интересы молодежи как наиболее восприимчивой и открытой экспериментам социальной общности, но и связанные с ней ожидания настроенной на обновление части общества. Иначе говоря, молодежная культура в данный период предстает как особое место и способ бытования философии и культуры с сохранением особенностей, присущих ей как субкультуре.

Вполне естественно, что функционирование молодежной культуры может оказывать существенное влияние на ценностное ядро существующей культурной системы. Доминирующая культура и молодежная постоянно взаимодействуют друг с другом, в результате чего отмечаются динамические изменения в обеих культурах [8]. Молодежная культура, будучи культурой в культуре, естественно, немислима и не существует сама по себе – вне господствующей культуры современного общества. Эти две культуры – «материнская» и «дочерняя» тесно взаимосвязаны и взаимодополнительны. Причем и в материнской, и в дочерней культурах, наряду с сохранением традиции, идет постоянная наработка нового, с той лишь разницей, что, если нормы и символы, созданные и принятые в рамках господствующей культуры, задают основной принцип упорядочения всего общества, то нормы и символы, созданные и принятые в рамках молодежной культуры, задают основной принцип упорядочения конкретного сообщества. Дальнейшая судьба норм и символов, принятых в молодежной культуре, будет зависеть от целого ряда факторов, среди которых своевременность и несвоевременность, соответствие или несоответствие потребностям, готовность или неготовность молодых людей к их восприятию и другие. С учетом этих и ряда других факторов имеется три сценария, в соответствии с которыми развиваются события [9]:

- они могут оказаться невостребованными даже в рамках молодежной культуры;
- они могут быть востребованными лишь в рамках конкретных субкультурных образований;
- они могут перейти в разряд доминирующих.

Поскольку мы имеем дело с взаимным процессом, то можно говорить о том, что все перечисленные три варианта относятся к обеим культурам – и господствующей, и молодежной культуре.

Общество в целом весьма консервативно и обладает немалой инерцией, сопротивлением к изменению, что и обеспечивает его относительно устойчивое состояние. Поэтому инновация никогда не распространяется сразу на все общество. Возникающие инновации «вытесняются» в сферу наименьшего сопротивления, как правило, в среду молодых людей. Безусловно, у инновации могут возникать противники, борющиеся против её утверждения в общественной практике, способные воздействовать не только на общественное мнение, но и на деятельность тех или иных социальных институтов, добиваясь осуждения или иницируя подозрение к инновациям у общественных организаций. Прогресс общества невозможен без подобной борьбы. Принятие инноваций является игрой цивилизации: внутри молодежной культуры цивилизация «проигрывает» варианты своего развития. Это – одна из важнейших функций молодежной культуры с точки зрения общественных интересов. Таким образом, молодежную культуру можно рассматривать как поле инновационных возможностей господствующей в обществе культуры.

Мы полагаем, что если инновация принята большей частью молодежи, то она будет принята всем обществом через какое-то время уже потому, что молодежь, вырастая, становится костяком этого общества, хотя в свое время инновация могла признаваться относительно новой или опасной.

Рано или поздно начнут появляться концепции, рассматривающие молодёжную культуру в качестве источника новых ценностей, моделей будущего развития, возможно, преодоления, к примеру, экологического или культурного кризиса. В этом случае говорится о культуротворческой роли молодежи, которую она приобретает в периоды общественных перемен уже не в качестве возрастной группы, а как новое поколение[9].

Подводя итог, следует отметить, что молодежная культура является культурой, характерной для образа мысли и образа действия в молодежной среде. Или другими словами, молодежная культура – это система ценностей и знаний молодых людей, связанных с определенным статусным положением в системе социокультурного воспроизводства. Она формируется как результат сложной системы взаимодействия разнообразных молодёжных субкультур, контркультур, социокультурных гомогенных сред и «культур для молодых», распространяемой в их среде.

Молодежные субкультуры и социокультурные гомогенные среды служат своеобразной формой адаптации как к существующим нормам, ценностям, образу жизни общества, так и попыткой внесения изменений в культуру общества в связи с изменениями в социокультурной ситуации общества. Контркультура выступает как форма конструирования принципиально новой системы ценностей, морали общества. Функционирование субкультурных образований может оказывать существенное влияние на ценностное ядро существующей культурной системы. Поэтому молодежную культуру можно одновременно рассматривать как адаптационную и инновационную среду.

Список литературы

1. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс; Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалёва; Науч. ред. пер. М.С. Ковалёва. – М.: Аспект Пресс, 1998.
2. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. Пер.с англ. /Под общ. ред. А.Ю. Согомонова. – М.: Политиздат, 1992. – С. 218-219
3. Манхейм К. Диагноз нашего времени. / Пер. с англ. СВ. Карпушиной. // Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.:Юрист,1994. – С.446.
4. Ю.М. Лотман рассматривает маргинальность как следствие проведения границы семиосферы: пространственной (окраины города как место обитания маргинальных групп) и временной (ночное время молодежных развлечений). См.: Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. // Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2001. – С.267.
5. См.: Лясников Н.В., Лясникова Ю.В. Социально-экономические условия формирования духовной культуры студенческой молодежи (социологический аспект). Учебное пособие. М.: Издательство ВНИИФК, 2003. – С.32.

6. Манхейм К. Диагноз нашего времени./ Пер. с англ. СВ. Карпушиной.// Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.:Юрист,1994. – С.446.
7. Библер В.С. Культура. Диалог культур. (Опыт определения) // «Вопросы философии», 1989, № 6. – С. 36.
8. См.: Левикова С.И. Молодёжная субкультура: Учебное пособие. – М.: ФАИР – ПРЕСС, 2004.
9. Молодежь в современном мире: проблемы и суждения: (Материалы «круглого стола»). Выступили: И.С. Кон, Л.А. Радзиховский, М.И. Новинская, Т.В. Чередниченко, Д.И. Фельдштейн, А.Г. Асмолов, В.Ф. Левичева, Н. Давыдов, Л.В. Толстых. // Вопросы философии. – 1990. – №5. – С.12-33.

YOUTH CULTURE IN MODERN SOCIETY

M.M. Belousova

Rostov-On-Don State University, B.Sadovaya str., 105, Rostov-on-don, 344007;
e-mail: isrgu@mis.rsu.ru

The author deals in the paper with the problem of youth culture in the context of social and cultural dynamics of the modern society. The status of youth is observed, youth culture and dominating culture are compared.

Key words: culture, counter-culture, dominating culture, youth.

**УРОВЕНЬ И ХАРАКТЕР РЕЛИГИОЗНОСТИ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛГУ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД
(РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНКЕТИРОВАНИЯ).**

С. М. Климова¹⁾, Г. В. Мартынова²⁾

¹⁾Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: sklimova@bsu.edu.ru

²⁾Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: galya-martinova@yandex.ru

Статья посвящена изложению результатов социологического исследования религиозного сознания студенческой молодежи БелГУ. Исследование проведено инициативной группой авторов статьи на базе кафедры философии БелГУ.

Профессия преподавателя-гуманитария в таком крупном университете как Белгородский, ко многому обязывает, особенно сегодня, во времена «игр без правил». Сетовать на то, что мы живем в период «культурного метаболизма», духовных инверсий, имеем дело с «безнравственной» молодежью с ярко выраженными циничными наклонностями, также бессмысленно, как сетовать на то, что невозможно остановить лучшее мгновение прошлого и задержаться в нем хотя бы на пару сотен лет. Наше время тем и уникально, что сегодняшнее состояние идейной и всяческой другой духовной «пустоты» – период *продуктивной* неустойчивости и открытости культурной системы. Его можно назвать *переходным*, что позволяет разглядеть в нем и момент упадка и разложения и одновременно момент самосозидания, самоорганизации, то есть тенденции к выстраиванию новой структурной органической целостности. *Переходность* охватывает многообразие как уже качественно-определенных, так еще только становящихся норм и ценностных установок социокультурного пространства. И наиболее ценностными становятся ощущение свободы, творчества, права на выбор, которыми, казалось бы, стали руководствоваться люди в своих жизненных приоритетах в последнее двадцатилетие.

Однако, не стоит забывать, что речь идет о неустойчивой системе, продуцирующей вполне устойчивые параметры своей парадоксальной самопрезентации в культуре. Сегодня наивно-оптимистично и наглядно-цинично соединены *декларации и акции*, мнимая забота о людях вообще и реальная алчность вполне конкретных господ, трудоголизм одних и ничтожный паразитизм других, откровенная нищета трудовой интеллигенции и гламурность богатеньких «мажоров», высоколобое высокомерие ученых-естественников, чрезвычайно востребованных в обществе потребления и юродствующее заискивание гуманитариев, просящих нищенские крохи на поддержание души (и нет только своей) от различных, в том числе, и западных «благотворительных» фондов.

За всем этим махровым цветением «во все стороны» необходимо увидеть конкретного живого человека, вынужденного реагировать и приспособливаться к любой жизненной ситуации, искать способы адаптации и развития в любые времена, которые, как известно не выбирают.

Становление современных двадцатилетних молодых людей пришлось на период 90-х прошлого столетия, когда пустота формы поспешно заполнялась содержанием любого пошиба. В то время и появилась мода на церковную тематику, традиционную и нетрадиционную религиозность. За характеристикой религиозной обстановки того времени следует обратиться к специалисту – дьякону Андрею Кураеву, который считает, что наиболее специфическим феноменом религиозной жизни в России конца 80-х – 90-х годов является не возрождение православия, а бурный рост оккультизма. В своей

статье «Особенности религиозной ситуации в России» он пишет: «По сути, язычество сегодня является самой массовой формой религиозности и едва ли не государственной религией (во всяком случае, выпуски «Вестей» кончаются не сюжетами из жизни православных и мусульманских общин России, а астрологическим прогнозом...)... Даже среди людей, назвавших себя православными, большинство в ситуации выбора прибегает не к советам священника или церковной литературы, а к тем же гороскопам и «целителям»»[1].

Насколько изменилась ситуация в религиозном мировоззрении молодежи в начале XXI века мы и попытались разобраться в нашей работе. Современный нравственный релятивизм позволил в кратчайшие сроки обнулить все базовые идеологемы и традиционные ценности когда-то прочнейшей советской тоталитарной системы. Но это не значит, что мы живем в период их полного отсутствия. Если посмотреть внимательно, то несложно увидеть приоритеты в духовной сфере нашей жизни. Объективность видения продиктована самой *ситуацией перехода*, тем особым хронотопом, в котором отражена специфика современного общественного менталитета. Двадцать лет (плюс/минус два года) – возраст слома нашей культуры и возраст молодого поколения студентов, ровесников этого периода культурного безвременья вновь создаваемого общества, ставших **объектом** нашего инициативного социологического исследования в Белгородском государственном университете в мае-июне 2007 года.

Молодые двадцатилетние люди являют собой символический пример «*tabula rasa*», чистой доски, на которой после обработки в переходной идейно-духовной атмосфере 90-х-2000-х были маркированы все оттенки нашего современного пестро-мозаичного мировоззрения. С одной стороны, это время массовой культуры и массового общества[2]. И соответственно, молодые люди развивались по всем законам современной цивилизации. С другой стороны, следует обратить внимание на особую духовно-религиозную стратегию (православного толка) государства, и конкретно, областной, городской и университетской администрации Белгородчины, направленную на формирование и укрепление основ духовного и религиозного потенциала населения в целом, и молодежи в частности. [3] За десять лет построены десятки храмов, церквей, приходо[4], в июле 2006 году отметила десятилетие Белгородская Православная духовная семинария (с миссионерской направленностью). В 2005 году в нашей стране была создана Комиссия по духовной безопасности населения[5], председателем которой был избран Архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн (Попов Сергей Леонидович).

Свою четкую стратегическую линию по формированию религиозности и духовности студенческой молодежи имеет и Белгородский университет, всемерно развивающий и укрепляющий религиозно-нравственные начала в их мировоззрении. С 2000 года в стенах БелГУ проводится ежегодная «студенческая пасха», инициированная архиепископом Белгородским и Старооскольским Иоанном. В 2001 году был открыт социально-теологический факультет (на базе которого и проведено данное инициативное исследование). Белгородский университет поддержал инициативу области по введению преподавания ОПК (Основ православной культуры) в вузе на факультативной основе. 2 ноября 2001 года был построен и освящен университетский домовый храм Архангела Гавриила – святого покровителя БелГУ[6]. «Вход в храм Архангела Гавриила представляет собой два крыла, на которых написаны христианские заповеди. Совсем недавно построенный, он восхищает своей внешней красотой и богатым внутренним убранством. Хотя храм и выдержан в традициях древнерусского зодчества, он замечательно вписывается в пейзаж университетского городка. Это неудивительно, потому, что храм, внутренние дворики, фонтан перед БелГУ и общее благоустройство набережной реки Везёлка – дело рук одного человека Надежды Алексеевны Молчановой (архитектор храма – *примечание наше*)». [7]. В 2005 году фонтан на университетской площади перед центральным входом в административный корпус был украшен четырехметровой скульптурой Архангела Гавриила (скульптор Шишков А.А.) с фонарем-свечой в руках, символически освящающим вхождение в храм науки[8].

Проанализируем архитектурно-скульптурную композицию, символизирующую религиозно-духовную солидарность университета этнокультурным традициям русского народа. Фонтанно-скульптурный комплекс, расположенный на университетской площади перед центральным зданием нельзя считать традиционно-типичным для нашей культуры. В православной традиции доминировала идея *иконности*, а не скульптурности изображения святых, тем более, трудно найти исторические аналоги украшений фигурами святых таких сооружений, как фонтаны. [9] С другой стороны, такая композиция вполне типична для (средневековых) *классических* университетов и европейских городов с католической, берущей начало от античности, архитектурной традицией. БелГУ, создав данный архитектурно-скульптурный комплекс, вполне может быть назван типичным классическим (в историко-культурном аспекте) университетом.

Иное дело, – домовый храм Архангела Гавриила, созданный по всем канонам православной архитектуры и отразивший идею симфонии и дуализма светского и духовного начала. Достаточно символично выглядит месторасположение домового храма, находящегося в пространственной периферии университетского комплекса, фактически на пограничье, ибо за храмом территория университета обрывается и начинается природный локус реки. И река, и построенный рядом с храмом мост, да и сам храм символизируют собой идею переходности, перемещения, перекрестка социальных, культурных и географических пространств.

Такое расположение чрезвычайно типично именно для православной архитектуры, по канонам которой храм не может находиться ни внутри университета, ни даже во внутреннем дворе [10], но лишь за стенами светского учреждения, в междумирье, символизируя хронотоп *инобытия*. «Предназначение храма выходит за привычные рамки земных отношений: Храм есть Дом Божий, то есть место святое, где человеческая душа встречается с Богом». [11] Пространственная характеристика двух важнейших религиозных символов БелГУ наглядно воссоздает приоритеты и тенденции общественного сознания, отраженные в ответах респондентов на вопросы анкеты. Вовлеченность в образовательное пространство является для студентов абсолютно приоритетной и занимает центральное место в их жизни. Поэтому знание имени архангела Гавриила в скульптурном изображении в качестве символа-покровителя БелГУ достаточно высоко: **79%**, тогда как одноименное название храма и, соответственно, понимание (знание) религиозной связи между этими символами, известно лишь **42%** опрошенных. Очевидно, скульптура святого воспринимается студентами не в религиозном смысле, но лишь как символ университета, его покровитель. [12] Данные цифры наглядно указывают на то, что локусная периферийность храма совпала с периферийностью его восприятия молодежью (некоторые его даже визуально плохо вычлениют). Центральное (пространственное) расположение скульптуры перед входом в центральное по значимости здание университета легко закрепило ее образ в качестве научного, а не религиозного символа. Периферийное расположение храма оказалось напрямую связано с периферийностью его роли в жизни студентов. Все прекрасно осознают, что храм – это символ религии, однако, только чуть больше трети опрошенных заинтересовалась его названием, тогда как название скульптуры оказалось известно большинству. И хотя очевидно, что центральное место в религиозно-символическом комплексе отведено домовому храму, а скульптура святого является лишь композиционным дополнением к данному комплексу, студенческая молодежь расставила акценты по-иному. Главное и дополнительное поменялись местами. С другой стороны, данная инверсия демонстрирует безусловный приоритет классического образования перед духовно-религиозным традиционализмом.

Кроме визуальных объектов культовой символизации в университете существуют и другие способы религиозного миссионерства, в том числе, Интернет-ресурсы. Если не увидеть опредмеченные символы веры (храм, скульптуру) практически невозможно, даже не желая ничего о них знать, то заинтересовать веб-страницей домового храма весьма сложно. Всего 12% опрошенных просматривали православный сайт хра-

ма, [13] только 14% общались со священником лично, и только (5%) готовы придти к нему для разрешения своих личных проблем. При этом имя священника знают лишь 14% опрошенных, (12% принадлежит «профессиональному» социально-теологическому факультету, 2% – всем остальным). При этом следует отметить заметную миссионерскую функцию настоятеля университетского храма, наглядно репрезентированную на официальном уровне (информация о его деятельности постоянно вывешивается на официальном сайте БелГУ). Без его присутствия практически не обходится ни одна гуманитарная конференция и общеуниверситетские мероприятия воспитательного характера. Он проводит еженедельный лекторий для студентов и в храме, и общежитиях БелГУ, преподает на теологическом отделении БелГУ, ведет страничку храмового сайта, общается с желающими в Интернете в режиме online.

После общих размышлений мы хотели бы перейти к изложению основных результатов анкетирования [14], проведенного в мае-июне 2007 года в БелГУ. Анкета включает в себя исследование атрибутивных (визуально-вербальных) элементов символизирующих религиозность БелГУ и содержательных характеристик и мировоззренческих установок его студентов.

1. Проблема исследования

Проблемой нашего исследования является описание специфики мировоззрения современной молодежи, обнаружение ее духовно-ценностных ориентаций и предпочтений.

2. Цели исследования:

- 1) определение уровня религиозности студенческой молодежи;
- 2) выявление степени необходимости религиозного образования.

3. Задача исследования:

Раскрытие степени, качества и содержания религиозности современной студенческой молодежи

4. Объект исследования:

Студенты 3-х курсов семи факультетов БелГУ

5. Предмет исследования:

Религиозное сознание и духовные ценности молодежи

6. Гипотеза исследования

Уровень и качество религиозности 19-20 летних студентов репрезентирует общие аксиологические тенденции молодежи и отражает мировоззренческую палитру периода переходности. Данное поколение сформировалось в благоприятной, с точки зрения, религиозной терпимости и даже пропаганды, атмосфере. Но с другой стороны, это мировоззрение стало лишь одним из многочисленных вариантов многообразных установок и ценностей, в том числе и нетрадиционной религиозности. Переходность как опустошение устойчивых ценностных смыслов мало благоприятно для формирования и укрепления религиозного сознания и веры. Новое поколение выросло в состоянии идейной пустоты, помноженной на скудость познаний и духовное бесчувствие; оно оказалось мало восприимчиво к идеологиям любого толка, если они не носят экстремистского (откровенно навязываемого, агрессивного) характера. Это поколение уже «потеряно» для идеологической обработки со стороны РПЦ и со стороны государства, и требуются более «мягкие» миссионерские способы (скорее всего, учебно-познавательного и культурно-информационного характера) для развития в них духовно-ценностных оснований и личной нравственности. С другой стороны, сегодня как никогда важен уровень проникновения в веру через личные примеры, образцы истинной, а не декларируемой веры. Один подлинно верующий человек примером собственной жизни может сделать больше, чем все политические заявления и образовательные программы вместе взятые.

7. Расчет выборочной совокупности

В исследовании генеральной совокупностью выступают все студенты 3-их курсов БелГУ в возрасте 20 лет (примерно 600 человек). Выборочная совокупность 236 человек (Сводная таблица №1). Отдельно представлены результаты опроса социально-теологического факультета (СТФ): группа теологов, социальной работы и философов – 55 человек. Отбор респондентов в выборочную совокупность производился стихийно, т.е. по принципу добровольности и доступности вхождения единиц генеральной совокупности в выборочную. Выборочное исследование проведено при помощи анкетирования без претензии на абсолютную репрезентативность полученных данных. Опрос проведен на **семи** факультетах, среди которых в равных долях представлены гуманитарные: филологический, факультет управления персоналом (ФУП), юридический; естественные: физмат, геолого-географический факультет (ГГФ), медицинский. Выборка факультетов дифференцирована на «престижные»: юрфак, ФУП и медицинский и «не престижные»: ГГФ, филологический, физмат (в основание деления положен принцип оплаты за обучение на данных факультетах). Важно указать, что опрашиваемые студенты, помимо общей подготовки к третьему курсу ознакомлены практически со всеми дисциплинами общегуманитарного цикла (философия, культурология, эстетика, история мировых религий и т.п.); на многих факультетах прочитан курс основ православной культуры (ОПК).

8. Результаты исследования.

По возрастному составу респонденты разделились следующим образом: 236 человек; из них 224 (94,92%), – в возрасте 19-21 лет;

7 человек (2,97%) – в возрасте 16-18 лет;

5 человек (2,12%) – в возрасте 22-25 лет.

Пол – женский – 177 человек (75,00%);

мужской – 59 человек (25,00%).

В браке состоят 8 человек (3,39%), холост/не замужем 220 человек (93,22%); сожительствуют вне брака 8 человек (3,39%).

Следовательно, в исследовании отражены мнения однородной группы молодых людей, родившихся в переходный период нашей истории и формирующихся в новых культурно-цивилизационных условиях. Последнее двадцатилетие можно считать благоприятным для усвоения религиозного (главным образом православного) мировоззрения. Важно указать и на то, что респонденты находятся примерно на одном образовательном уровне (обследованы студенты третьего курса), достаточно репрезентативном с точки зрения совпадения полученных знаний и уже сформированных жизненных убеждений. В анкете осуществлена попытка целостного видения характера, уровня и качества религиозности студенческой молодежи, отражаемых в знаниях, вере, убеждениях, мировоззрении, общем уровне культуры и ценностных предпочтениях. При описании используется таблица, диаграммы (выборочно для наглядности) и сравнительное описание данных.

Ниже приведена **объединенная таблица** распределения ответов на вопросы среди естественников и гуманитариев.

	ФИЗМАТ, ГГФ, МЕД- ФАК Всего 104		ФИЛФАК, ФУП, ЮРФАК Всего 77		СТФ: теоло- гия, филосо- фия, соц. работа Всего 55		Все факультеты Всего 236	
	Кол- во ч-к	В %	Кол- во ч-к	В %	Кол- во ч-к	В %	Кол-во ч-к	В %
1. Что такое религия в Вашем понимании?								
Вера в Единого Бога	84	80,77%	69	89,61%	38	69,09%	191	80,93%
вера в бессмертие души	20	19,23%	10	12,99%	12	21,82%	42	17,80%
вера в себя	20	19,23%	7	9,09%	3	5,45%	30	12,71%
вера в любые сверхъестественные силы	13	12,50%	6	7,79%	9	16,36%	28	11,86%
вера в потусторонние силы	9	8,65%	6	7,79%	4	7,27%	19	8,05%
вера в высший космический разум	6	5,77%	4	5,19%	10	18,18%	20	8,47%
другое	4	3,85%	0	0,00%	4	7,27%	8	3,39%
2. Ваше отношение к вере?								
Верующий	76	73,08%	57	74,03%	34	61,82%	167	70,76%
Коллеблющийся	14	13,46%	17	22,08%	10	18,18%	41	17,37%
Воцерковленный	5	4,81%	1	1,30%	7	12,73%	13	5,51%
Неверующий	8	7,69%	2	2,60%	4	7,27%	14	5,93%
Атеист	1	0,96%	0	0,00%	0	0,00%	1	0,42%
3. Ваше вероисповедание?								
Православный	97	93,27%	77	100,00%	48	87,27%	222	94,07%
Атеист	4	3,85%	0	0,00%	6	10,91%	5	2,12%
другое	3	2,88%	0	0,00%	1	1,82%	9	3,81%
4. Почему Вы придерживаетесь этого вероисповедания?								
Это религия тесно связана с национальной культурой и историей моей Родины	73	70,19%	56	72,73%	32	58,18%	161	68,22%
Это традиционная религия моей семьи	39	37,50%	38	49,35%	19	34,55%	96	40,68%
Это мой самостоятельный выбор (после религиозных исканий)	20	19,23%	7	9,09%	17	30,91%	44	18,64%
Это модно	0	0,00%	0	0,00%	1	1,82%	1	0,42%
другое	1	0,96%	1	1,30%	4	7,27%	6	2,54%
5. Кто Вам помог прийти к вере?								
Родители	65	62,50%	56	72,73%	33	60,00%	154	65,25%
Школа или курс "Основы православной культуры"	14	13,46%	6	7,79%	5	9,09%	19	8,05%
Друзья	6	5,77%	3	3,90%	3	5,45%	15	6,36%
Миссионеры, священники	2	1,92%	0	0,00%	2	3,64%	7	2,97%
Другое	24	23,08%	15	19,48%	18	32,73%	57	24,15%
6. Как Вы представляете смерть?								
прекращение биологического существования	35	33,65%	28	36,36%	10	18,18%	73	30,93%
переход в более совершенный мир	16	15,38%	10	12,99%	8	14,55%	38	16,10%
процесс отделения души от тела	20	19,23%	14	18,18%	8	14,55%	3 6	15,25%

встреча с Богом	9	8,65%	8	10,39%	13	23,64%	29	12,29%
Божий суд	9	8,65%	7	9,09%	7	12,73%	26	11,02%
конец всего	7	6,73%	3	3,90%	2	3,64%	12	5,08%
подведение итогов жизни	2	1,92%	1	1,30%	2	3,64%	7	2,97%
вечные мучения	0	0,00%	0	0,00%	1	1,82%	1	0,42%
другое	5	4,81%	3	3,90%	2	3,64%	8	3,39%
7. Что есть Бог в христианстве?								
Троица	39	37,50%	29	37,66%	28	50,91%	96	40,68%
Любовь	26	25,00%	22	28,57%	25	45,45%	59	25,00%
Сверхъестественная сила	22	21,15%	10	12,99%	11	20,00%	52	22,03%
Высший разум	19	18,27%	10	12,99%	3	5,45%	35	14,83%
Мировая душа	17	16,35%	8	10,39%	4	7,27%	31	13,14%
Нравственный закон	17	16,35%	7	9,09%	4	7,27%	28	11,86%
Совесть	9	8,65%	6	7,79%	5	9,09%	20	8,47%
другое	4	3,85%	2	2,60%	1	1,82%	7	2,97%
8. Какое место должна занимать религия в государстве?								
Все религии должны быть равны перед законом, независимо от вероучения и истории.	51	49,04%	42	54,55%	26	47,27%	119	50,42%
Религия не должна вмешиваться в дела государства.	47	45,19%	36	46,75%	14	25,45%	97	41,10%
Православие должно стать государственной религией в России, а православная церковь пользоваться государственными льготами.	23	22,12%	13	16,88%	15	27,27%	51	21,61%
Конфессии должны активно участвовать в общественно-политической жизни общества.	6	5,77%	3	3,90%	5	9,09%	12	5,08%
Конфессии – новая идеология, укрепляющая духовность и нравственность в обществе.	4	3,85%	2	2,60%	5	9,09%	11	4,66%
Нужно ограничить деятельность конфессий только религиозной сферой.	4	3,85%	1	1,30%	2	3,64%	9	3,81%
Следует отменить все религии.	2	1,92%	0	0,00%	0	0,00%	2	0,85%
9. Должно ли Православие в нашей стране иметь приоритет над другими религиями?								
да	48	46,15%	35	45,45%	33	60,00%	116	49,15%
нет	56	53,85%	42	54,55%	22	40,00%	120	50,85%
10. Какую роль играет деятельность новых культов и объединений, на Ваш взгляд?								
Затрудняюсь ответить	49	47,12%	30	38,96%	16	29,09%	95	40,25%
Вредную	27	25,96%	22	28,57%	26	47,27%	75	31,78%
Нейтральную	20	19,23%	19	24,68%	10	18,18%	49	20,76%
Полезную	8	7,69%	6	7,79%	3	5,45%	17	7,20%
11. Нуждается ли православная церковь в реформировании?								
Затрудняюсь ответить	70	67,31%	49	63,64%	26	47,27%	145	61,44%
нет	28	26,92%	19	24,68%	19	34,55%	66	27,97%
да	6	5,77%	9	11,69%	10	18,18%	25	10,59%

12. Кто должен заботиться о молодежи, по Вашему мнению?								
государство	78	75,00%	61	79,22%	42	76,36%	181	76,69%
научные и образовательные учреждения	50	48,08%	27	35,06%	19	34,55%	96	40,68%
церковь (религиозные объединения)	23	22,12%	12	15,58%	18	32,73%	52	22,03%
политические организации	14	13,46%	11	14,29%	6	10,91%	28	11,86%
другое	11	10,58%	8	10,39%	8	14,55%	31	13,14%
13. Посещали ли Вы воскресную школу?								
да	9	8,65%	5	6,49%	11	20,00%	25	10,59%
нет	95	91,35%	72	93,51%	44	80,00%	211	89,41%
14. Как часто Вы посещаете церковные службы?								
очень редко	49	47,12%	39	50,65%	19	34,55%	107	45,34%
время от времени (по праздникам)	29	27,88%	28	36,36%	18	32,73%	75	31,78%
никогда	19	18,27%	9	11,69%	9	16,36%	37	15,68%
часто	7	6,73%	0	0,00%	9	16,36%	16	6,78%
15. Отмечаете ли Вы православные праздники по канонам?								
нет	42	40,38%	32	41,56%	20	36,36%	87	36,86%
да	39	37,50%	25	32,47%	19	34,55%	78	33,05%
иногда	23	22,12%	20	25,97%	16	29,09%	71	30,08%
16. Какие из православных обрядов Вы совершали?								
Крещение	94	90,38%	72	93,51%	52	94,55%	218	92,37%
Причастие	36	34,62%	24	31,17%	32	58,18%	92	38,98%
Исповедь	25	24,04%	15	19,48%	26	47,27%	66	27,97%
Венчание (8 женатых)	3	3,75%	0	0,00%	2	2,5%	5	6,25%
другое	2	1,92%	0	0,00%	5	9,09%	7	2,97%
17. Как часто Вы совершаете обряды исповеди и причастия?								
никогда	50	48,08%	45	58,44%	24	43,64%	119	50,42%
очень редко	36	34,62%	29	37,66%	16	29,09%	81	34,32%
время от времени (по праздникам)	18	17,31%	3	3,90%	12	21,82%	33	13,98%
часто	0	0,00%	0	0,00%	4	7,27%	4	1,69%
18. В каких случаях Вы молитесь Богу?								
В беде, опасности	69	66,35%	52	67,53%	30	54,55%	151	63,98%
На богослужении	37	35,58%	28	36,36%	21	38,18%	86	36,44%
Перед сном	26	25,00%	17	22,08%	14	25,45%	57	24,15%
Всегда	12	11,54%	10	12,99%	12	21,82%	32	13,56%
По традиции	8	7,69%	3	3,90%	4	7,27%	13	5,51%
На всякий случай	9	8,65%	8	10,39%	2	3,64%	1	0,42%
Никогда не молюсь	8	7,69%	5	6,49%	8	14,55%	21	8,90%
19. Вы соблюдаете посты?								
нет	74	71,15%	56	72,73%	31	56,36%	161	68,22%
иногда	22	21,15%	18	23,38%	20	36,36%	60	25,42%
да	8	7,69%	3	3,90%	4	7,27%	15	6,36%
20. Читаете ли Вы религиозную литературу?								
нет	58	55,77%	41	53,25%	18	32,73%	117	49,58%
иногда	36	34,62%	31	40,26%	14	25,45%	81	34,32%
да	8	7,69%	5	6,49%	23	41,82%	38	16,10%
21. К кому бы Вы обратились за помощью в трудной ситуации?								
к родителям	76	73,08%	59	76,62%	39	70,91%	174	73,73%
к друзьям	41	39,42%	30	38,96%	23	41,82%	94	39,83%

действовал бы самостоятельно	19	18,27%	15	19,48%	13	23,64%	47	19,92%
к священнику/духовному наставнику	8	7,69%	5	6,49%	13	23,64%	24	10,17%
к психологу	5	4,81%	3	3,90%	4	7,27%	14	5,93%
к экстрасенсу или астрологу	2	1,92%	2	2,60%	1	1,82%	5	2,12%
другое	6	5,77%	3	3,90%	2	3,64%	11	4,66%
23. Как Вы относитесь к введению курс ОПК в школе как обязательного?								
курс нужно преподавать факультативно, посещать по желанию	60	57,69%	54	70,13%	22	40,00%	136	57,63%
положительно	36	34,62%	17	22,08%	31	56,36%	84	35,59%
отрицательно	7	6,73%	4	5,19%	1	1,82%	12	5,08%
затрудняюсь ответить	1	0,96%	2	2,60%	1	1,82%	4	1,69%
24. Какое отношение к вере должен иметь преподаватель ОПК?								
светский учитель, верующий человек	61	58,65%	51	66,23%	43	78,18%	155	65,68%
священник	40	38,46%	24	31,17%	17	30,91%	81	34,32%
ученый атеист	6	5,77%	3	3,90%	2	3,64%	11	4,66%
25. Назовите религиозные символы БелГУ.								
Знаете ли Вы имя небесного покровителя нашего университета?								
арх. Гавриил	74	71,15%	64	83,12%	46	83,64%	186	78,81%
не знаю	28	26,92%	13	16,88%	9	16,36%	50	21,19%
26. Как называется университетский храм?								
Храм арх. Гавриила	33	31,73%	25	32,47%	40	72,73%	98	41,53%
не знаю	71	68,27%	52	67,53%	15	27,27%	138	58,47%
27. Были ли Вы в университетском храме по собственному желанию?								
да	50	48,08%	28	36,36%	27	49,09%	105	44,49%
нет	54	51,92%	49	63,64%	28	50,91%	131	55,51%
28. Какую роль играет университетский православный храм в Вашей жизни?								
Никакую	30	28,85%	22	28,57%	24	43,64%	84	35,59%
Место для духовного обновления	24	23,08%	13	16,88%	6	10,91%	68	28,81%
Место, где я могу помолиться	18	17,31%	8	10,39%	12	21,82%	43	18,22%
другое	5	4,81%	4	5,19%	3	5,45%	38	16,10%
затрудняюсь ответить	32	30,77%	30	38,96%	14	25,45%	12	5,08%
29. Просматриваете ли Вы православную страничку на сайте БелГУ?								
да	8	7,69%	5	6,49%	16	29,09%	29	12,29%
нет	96	92,31%	72	93,51%	39	70,91%	207	87,71%
30. Общались ли Вы со священником храма БелГУ?								
да	5	4,81%	2	2,60%	28	50,91%	202	85,59%
нет	99	95,19%	75	97,40%	27	49,09%	34	14,41%
имя знают	2	1,92%	2	2,60%	28	50,91%	32	13,56%
31. Придете ли Вы к университетскому священнику для разрешения своих личных проблем?								
да	5	4,81%	50	64,94%	30	54,55%	11	4,66%
нет	61	58,65%	25	32,47%	4	7,27%	141	59,75%
затрудняюсь ответить	38	36,54%	2	2,60%	21	38,18%	84	35,59%

От общих цифр перейдем к демонстрации **отдельных цифр** по факультетам и выделим наиболее характерные диаграммы.

Диаграмма 1.1. Физмат

Данные **физмата**, для его представителей вера в единого Бога только на 8% выше, чем вера в самого себя. Явная тенденция только данного факультета к завышенной самооценке, ибо очевидно такое близкое соседство себя с Богом продуцировано определенными установками на свою избранность, интеллектуальность и способность самостоятельно управлять жизнью. При этом вера в потусторонние силы космический разум, а также бессмертие души на физмате весьма близко соседствуют друг с другом.

Диаграмма 1.2. ГГФ

Данные **ГГФ** разительно отличаются от физмата, адекватно отражая существо религии как веры в единого Бога (85,4%). Все остальные ответы находятся на приблизительно одинаковом низком оценочном уровне, в том числе и самооценка своей значимости.

Диаграмма 1.3. Медфак

Данные **медфака** весьма специфичны. 85,4% медиков определили веру в единого Бога как существо религии, при этом веру в бессмертие души признает лишь 19,35%. Все остальные ответы имеют незначительный вес в общей картине понимания существа религии.

Среди гуманитариев нет такой резкой разницы между факультетами. Процент веры в единого Бога выше, но и процент веры в себя значительно ниже, чем у естественников. На юрфаке это – 14,2%, на ФУПе – 19,2%, а на филфаке лишь 11%.

Самый низкий процент верящих в единого Бога на «профессиональном факультете» **СТФ** – 69%, у них же – самый высокий процент веры в себя – 21,8%.

В собственных вариантах «другое» прозвучали ответы: вера в душевное равновесие и гармонию; вера в то, что не можешь объяснить (физмат); теологи добавили веру в Троицу, спасение души, Бог в себе. Нет ни одного ответа, связанного с оккультизмом, в отличие от многих социологических примеров 90-х годов.

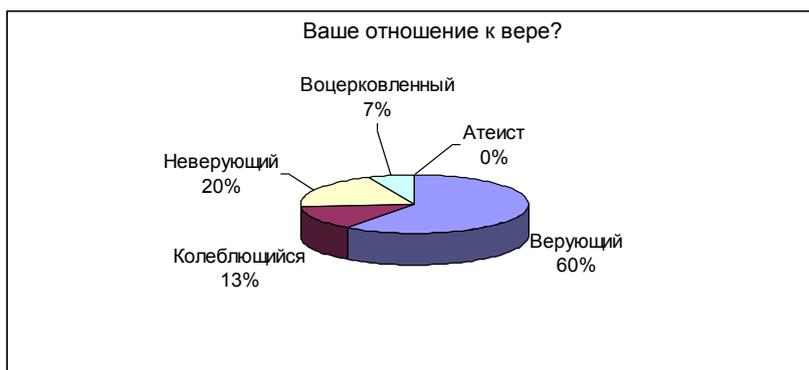

Диаграмма 2.1. Физмат

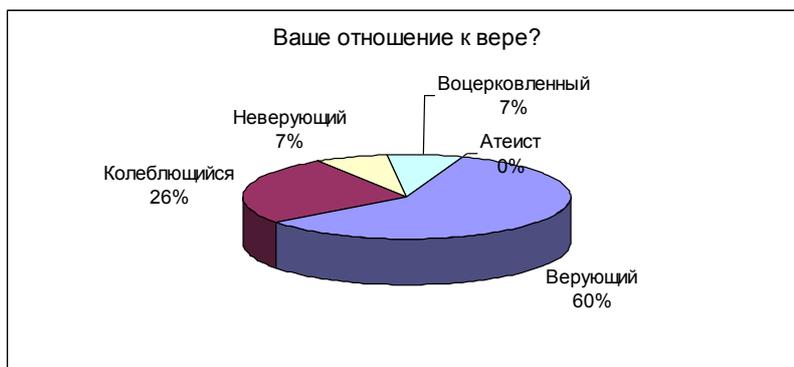

Диаграмма 2.2. ППФ

На **физмате** и **ППФ** одинаковый процент верующих – 60%, на физмате и самый высокий процент неверующих – 20%, тогда как на ППФ их лишь 7%, зато весьма высок процент колеблющихся на ППФ – 26%; на обоих факультетах одинаковое количество воцерковленных – 7% и атеистов нет.

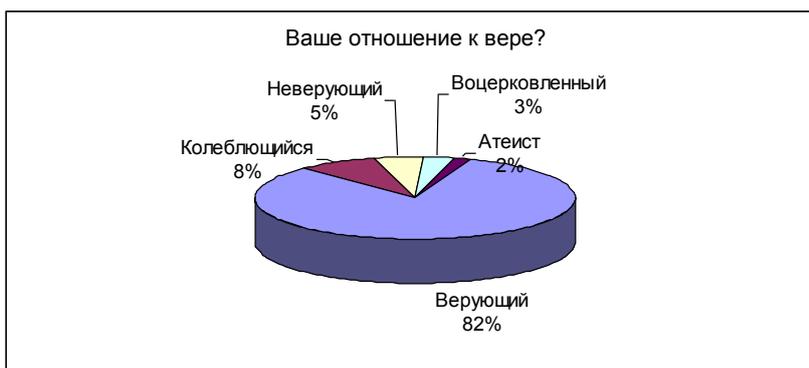

Диаграмма 2.3. Медфак

На **медфаке** картина вновь существенно отличается от предыдущих естественников: 82% верующих студентов-медиков, 8% колеблющихся, но зато есть атеисты 2% и очень незначителен процент воцерковленных 3%.

Среди гуманитариев картина примерно та же. Только юрфак имеет резкое отличие:

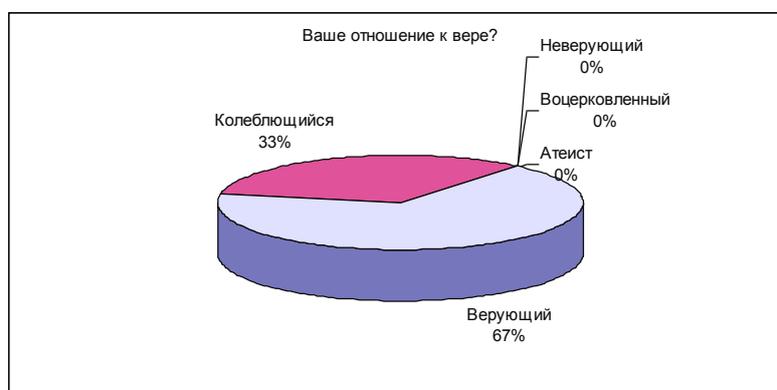

Диаграмма 2.4. Юрфак

Здесь выбраны лишь две позиции: верующие и колеблющиеся, нет ни одного неверующего, атеиста или воцерковленного человека. Можно утверждать, что эпоха атеизма осталась позади, но религиозное сознание еще четко не сформировано.

И вновь самый низкий процент верующих на **СТФ** – 61,8%, но и самый высокий процент воцерковленных – 12,2% там же; довольно высок процент колеблющихся – 18,8% и 0% атеистов.

2. Ваше отношение к вере?		теологи		соцработа		философы
Верующий	15	60,00%	13	86,67%	6	40,00%
Колеблющийся	3	12,00%	2	13,33%	5	33,33%
Воцерковленный	7	28,00%	7	46,67%	0	0,00%
Неверующий	0	0,00%	0	0,00%	4	26,67%
Атеист	0	0,00%	0	0,00%	0	0,00%

3. Ответы на третий вопрос: Ваше вероисповедание? (один ответ) поражают своим единообразием: данные показывают общую картину вероисповедания и для гуманитариев и для естественников. Примерно 95% **естественников** считают себя православными по вероисповеданию и 100% **гуманитариев** назвали себя православными, в отличие от **СТФ** – 87,9%, где вновь самый низкий процент православных и самый высокий процент атеистов – 6%! Данный ответ любопытно сопоставить с предыдущим, показывающим, что быть верующими (70,76%) и православными (94%) является не одно и то же для респондентов, тем более бросается в глаза резкая разница между номинированием себя православным и воцерковленным (5,5%). [6] То есть практически для большинства православность не связана с необходимостью прийти в церковь. С другой стороны, и колеблющиеся и неверующие идентифицируют себя с основной этнической конфессией, также называя православными. Предположение, что все они – крещеные люди, подтверждается ответами на соответствующий вопрос, приведенный ниже.

4. На вопрос: Почему Вы придерживаетесь этого (выбранного в пункте 3) вероисповедания? (возможны несколько ответов) были получены практически одинаковые ответы на всех факультетах: эта религия тесно связана с национальной культурой и историей моей Родины – 70,19% (естественники, далее **Е**) и 72,73% (гуманитарии, далее **Г**), 58,8% **СТФ**; это традиционная религия моей семьи – 37,5% (**Е**) и 49,3% (**Г**),

34,5% СТФ; это модно – 0,%; Это мой самостоятельный выбор (после религиозных исканий) – 19,23,2% (Е) и 9%(Г); и более 30% СТФ. При этом упор на самостоятельность сделали физики (26%) и медики (24%), тогда как ГГФ лишь 3% указали на самостоятельный выбор веры. На СТФ картина иная: 32% теологов назвали свой выбор веры самостоятельным и 53% философов, тогда как соцработники имеют лишь 6,6% в ответ на вопрос. Вновь преобладают тенденции к самостоятельности принятия решения у естественников и «профессионалов», демонстрирующих в ответах независимость в суждениях и принятии решений, в том числе и в вопросах веры. Гуманитарии менее самостоятельны в своих решениях.

Для большинства – православие как вера – это, прежде всего, историческая и культурная традиция, которая и позволила им легко идентифицировать себя с православными. Очевидно, что в сознании уже прочно закреплены идеологемы: православие-русская культура – традиции – семья. И это закрепление – результат усилий и науки, и политики последнего двадцатилетия.

5. На вопрос: Кто Вам помог прийти к вере? (если признаете себя верующим, можно несколько ответов) ответы распределились тоже приблизительно одинаково следующим образом: родители – 62,5% (Е) и 72,3%(Г), 60%СТФ; школа или курс «Основы православной культуры» – 13,46%(Е) и 7,79%(Г), 9% СТФ; миссионеры, священники – (Е) 1,9% и 0% (Г), 3,6% СТФ; друзья –5,3%(Е) и 3,9: (Г), 5,5% СТФ; другое (затруднились ответить) – 23%(Е) и19%(Г), 32,7% СТФ. Очевидно, что главным проводником религиозности в обществе остается семья, на которую падает основная нагрузка по вовлечению молодежи в процесс приобщения к религии, в том числе и к церкви. Это подтверждает взгляд на современную религиозность как *традиционную*. Миссионерские тенденции самой церкви практически сведены к минимуму и священники влияния на молодежь не имеют. Любопытно, что курс ОПК сыграл более позитивную роль у естественников и менее значительную у гуманитариев.

После формальных вопросов был выделен ряд вопросов, выявляющих содержание веры респондентов.

6. Ответы на вопрос: Как Вы представляете смерть? (только один ответ) наглядно просматривать в диаграммах

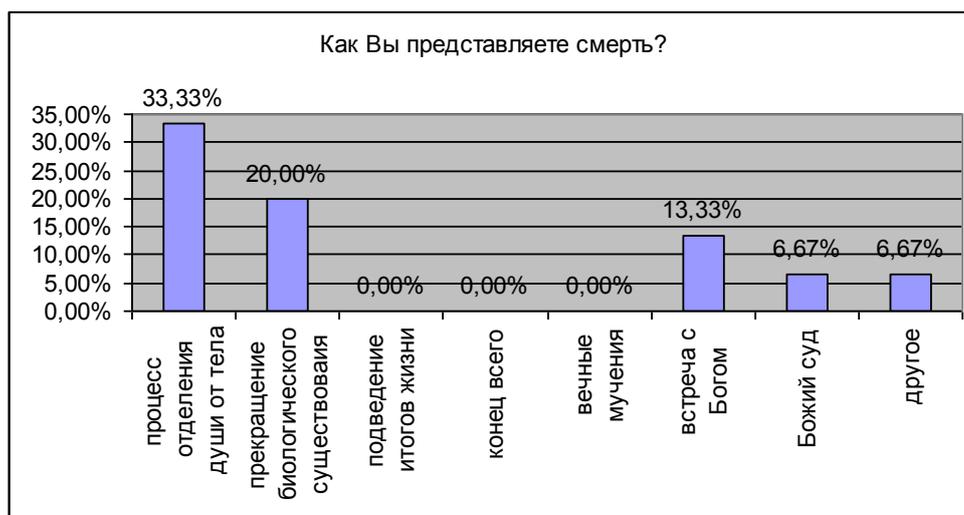

Диаграмма 6.1. Физмат

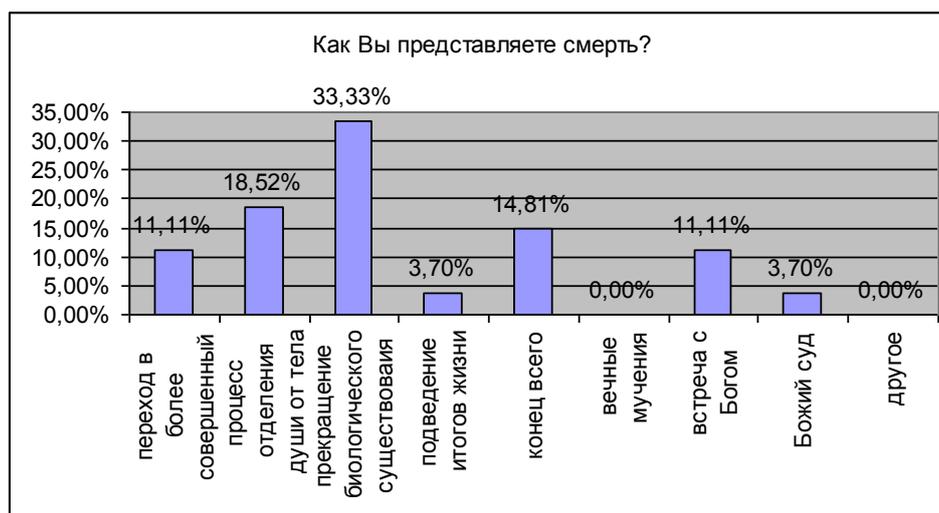

Диаграмма 6.2. ГГФ

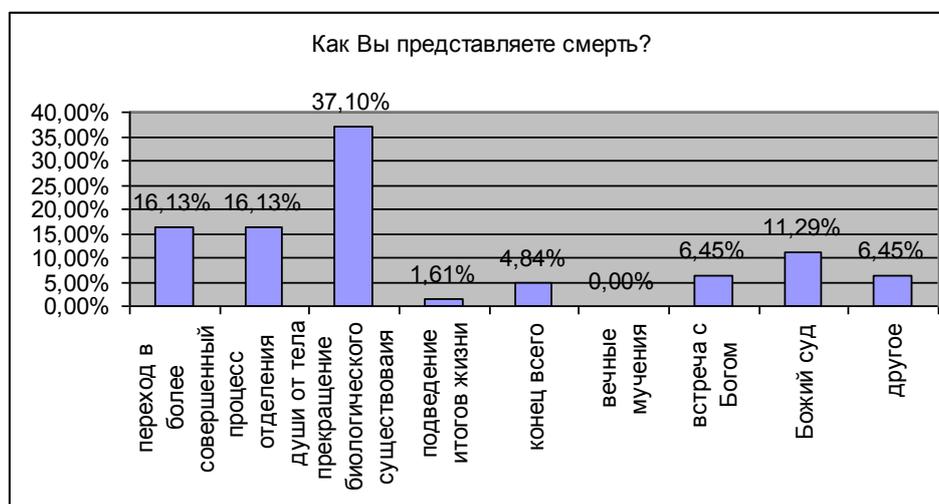

Диаграмма 6.3. Медфак

Как мы видим из ответов большинство опрошенных: 33,65%(Е) и 36,36% (Г) придерживаются материалистической трактовки смерти как прекращения биологического существования и отделения души от тела 19,2%(Е) и 18,8% (Г). О встрече с Богом упоминает лишь 8% (Е) и 10%(Г), хотя до этого 72,3% назвали себя верующими, и 96% православными. Только минимальный процент опрошенных отметил идею Божьего суда и никто!(0%) не боится смерти как вечных мук, то есть в принципе идея адских мук, а, следовательно, знание догматики православия, учащей о суде и воздаянии за грехи, которые человек совершал при жизни, не существует в сознании молодежи. Можно предположить, что также, как все знают о своей православности, многим известны понятия рая (совершенного мира) и ада (вечных мук за грехи), так как эти понятия относятся к наиболее устойчивым архетипам культуры. И если 16% верит в рай, как в более совершенный мир, то в ад не верит никто. Можно предположить, что молодежь, сформированная обществом потребления, уверена в своем совершенстве (безгрешности), сопровождающимся отсутствием в их сознании нравственной или духовной ответственности за свои деяния[7].

Так как вопрос имеет «профессиональный» оттенок, то любопытно привести ответы СТФ:

6. Как Вы представляете смерть?		теологи		соцработа		философы
прекращение биологического существования	2	8,00%	4	26,67%	4	26,67%
переход в более совершенный мир	2	8,00%	3	20,00%	3	20,00%
процесс отделения души от тела	1	4,00%	4	26,67%	3	20,00%
встреча с Богом	9	36,00%	3	20,00%	1	6,67%
Божий суд	6	24,00%	1	6,67%	0	0,00%
конец всего	1	4,00%	0	0,00%	1	6,67%
подведение итогов жизни	0	0,00%	0	0,00%	2	13,33%
вечные мучения	1	4,00%	0	0,00%	0	0,00%
другое	1	4,00%	0	0,00%	1	6,67%

7. На вопрос: Что есть Бог в христианстве? Ответы были связаны с определенными знаниями православной догматики. Ответы были распределены: Троица – 37,7% (Е) и 37,5%(Г); высший разум – 21,9%; нравственный закон – 12,5%; мировая душа – 14,1%; сверхъестественная сила – 21% (Е) и 12%(Г)%; совесть – 8,6%(Е) и 7,9%(Г); Любовь – 25% (Е)и 28%(Г); Другое – примерно 4%. Уровень знаний догматики невысок и примерно одинаков среди естественников и гуманитариев, хотя гуманитарии должны были по идее показать более обширные знания в области религиоведения. Данные ответы также противоречат православному студентам, так как лишь треть опрошенных знает главный догмат православия: Бог-Троица и Бог-Любовь.

СТФ:

7.Что есть Бог в христианстве?		теологи		соцработа		философы
Троица	16	64,00%	5	33,33%	7	46,67%
Любовь	17	68,00%	1	6,67%	7	46,67%
Высший разум	3	12,00%	7	46,67%	1	6,67%
Сверхъестественная сила	1	4,00%	2	13,33%	0	0,00%
Мировая душа	1	4,00%	0	0,00%	3	20,00%
Нравственный закон	2	8,00%	0	0,00%	2	13,33%
Совесть	4	16,00%	0	0,00%	1	6,67%
другое	0	0,00%	0	0,00%	1	6,67%

8. На вопрос: Какое место должна занимать религия в государстве? (возможно несколько ответов) получены следующие ответы: православие должно стать государственной религией в России, а православная церковь (РПЦ) пользоваться государственными льготами считают 22%(Е) и 18%(Г), 27,7% СТФ; все религии должны быть равны перед законом, утверждают 49%(Е) и 55%(Г), 47,2%; религия не должна вмешиваться в дела государства считают 45%(Е) и 46%(Г), 25,4% СТФ. Нужно ограничить деятельность конфессий только религиозной сферой – 3,8% (Е) и 1,3% (Г), 3,6%. Конфессии должны активно участвовать в общественно-политической жизни общества – 5,7%(Е) и 3,9%(Г), 9% СТФ. Конфессии – новая идеология, укрепляющая духовность и нравственность в обществе – 3,8% (Е) и 2,6%(Г), 9%СТФ. На вопрос: следует ли отменить все религии, почти 100% ответили «нет». Таким образом, очевидно, что респонденты не считают правомерным провозглашение православия государственной религией и тем более обретение РПЦ особых льгот. За религией сохраняется с их точки зрения статус автономии, хотя количество респондентов, предлагающих ограничить ее сферу только религиозными вопросами или, наоборот, расширить участие в общественной жизни, одинаково мало. Ответы показывают слабое понимание респондентами статуса, роли и функций религии в современной жизни. Данные ответы не отражают ни одной из предложенных для нее культурных ниш. При этом ни один человек не высказался против религии. Ответы на вопросы показывают негативное отношение студентов к атеистическому безрелигиозному состоянию общества и это – результат последнего времени.

Следует вновь дифференцировано продемонстрировать ответы профессионалов – **СТФ**:

8. Какое место должна занимать религия в государстве?		теологи		соцработа		философы
Все религии должны быть равны перед законом, независимо от вероучения и истории.	7	28,00%	7	46,67%	12	80,00%
Религия не должна вмешиваться в дела государства.	4	16,00%	4	26,67%	6	40,00%
Православие должно стать государственной религией в России, а православная церковь пользоваться государственными льготами.	12	48,00%	3	20,00%	0	0,00%
Конфессии должны активно участвовать в общественно-политической жизни общества.	5	20,00%	2	13,33%	0	0,00%
Конфессии – новая идеология, укрепляющая духовность и нравственность в обществе.	2	8,00%	0	0,00%	1	6,67%
Нужно ограничить деятельность конфессий только религиозной сферой.	0	0,00%	0	0,00%	2	13,33%
Следует отменить все религии.	0	0,00%	0	0,00%	0	0,00%

9. На вопрос: Должно ли православие в нашей стране иметь приоритет над другими религиями? и гуманитарии и естественники ответили примерно одинаково: 45% – ответили «да» и 55% – «нет». На СТФ 60% высказались «за» – и это уже плоды профессионального обучения православию. Это: 84,00% – теологи, 46,67% -соцработа и 33,33% философы.

Этот ответ совпадает с предыдущими характеристиками и здесь явна демократическая попытка установления толерантного отношения к различным религиям в государстве и сохранение независимости государства и церкви друг от друга. Можно предположить, что демократические и националистические тенденции в одинаковой степени присущи нашим респондентам.

10. На вопрос: Какую роль играет деятельность новых культов и объединений, на Ваш взгляд? Большинство затруднилось ответить на этот вопрос: 47,12%(Е) и 38,96%(Г); полезной эту деятельность признали лишь 7,69%(Е) и 7,79%(Г), нейтральной – 19,23% (Е) и 24,6%(Г); вредной – 25,96%(Е) и 28,57%(Г); смеем предположить, что те, кто затруднился ответить, даже не поняли суть вопроса, что говорит об их отстраненности от влияния этих новых объединений и культов. На СТФ также затруднились с ответом философы и соцработа 6,4% и резко негативно высказались теологи 80%.

11. На вопрос: Нуждается ли православная церковь в реформировании? Большинство вновь затруднились ответить: 63,64%(Е) и 67,31%(Г); нет ответили 26,92%(Е) и 4,68% (Г); да: 5,77%(Е) и 11,69%(Г). Очевидно, что вопросы, связанные с церковью, также как и с деятельностью нетрадиционных религий мало интересуют и мало понятных нашим респондентам. И отсутствие интереса к внутрицерковной жизни видимо, не связано с недовольством современной церковью, но скорее с незнанием ее проблем как социального института.

СТФ:

Нуждается ли православная церковь в реформировании?		теологи		соцработа		философы
Затрудняюсь ответить	10	40,00%	8	53,33%	8	53,33%
нет	10	40,00%	5	33,33%	4	26,67%
да	5	20,00%	2	13,33%	3	20,00%

Ответы и рекомендации, данные в статье «реформирование» следующие: «много», не обосновывая, что именно; *пересмотреть деятельность и поведение священнослужителей* («попов»); *отказаться от навязывания православия; сделать услуги церкви бесплатными; убрать языческие начала; изменить отношение к другим религиям и к самоубийству; реформировать работу церкви и священнослужителей как социального института* (философы), теологи говорят, что *нужно изменить поведение священников и отношение к своим обязанностям и предлагают сделать церковные услуги бесплатными.*

12. На вопрос: Кто должен заботиться о молодежи, по Вашему мнению? Только 22,12%(Е) и 15,58%(Г), 32,73% СТФ ответили, что это должна делать церковь; большинство же считает, что заботу о молодежи должно проявлять государство – 75,00%(Е) и 79,22%(Г), 76,36%СТФ; за ним следуют научные и образовательные учреждения – 48,08%(Е) и 35,06%(Г), 34,55%СТФ, и далее политические организации 13,46%(Е) и 14,29%(Г), 10,91% СТФ; ответ «другое» выбрали примерно 13%.

13. На вопрос: Посещали ли Вы воскресную школу? Подавляющее большинство ответили – нет: 91,35%(Е) и 93,51%(Г). 89,4% СТФ.

14. На вопрос: Как часто Вы посещаете церковные службы? (один ответ): ответ дадим в форме диаграммы для наглядности:

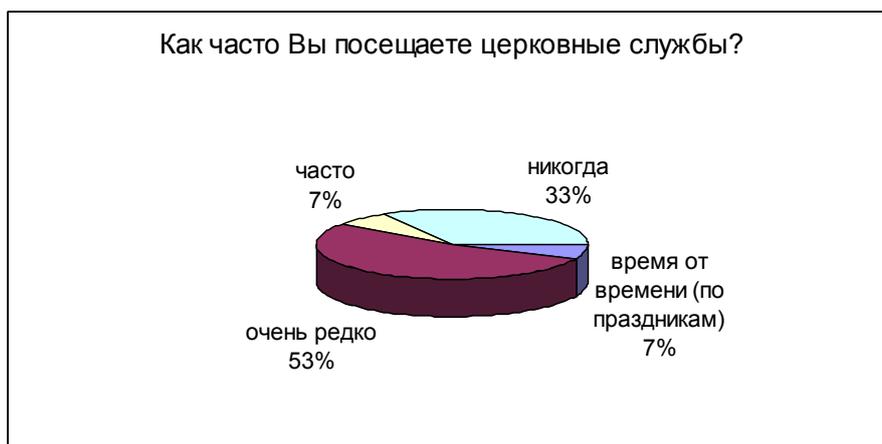

Диаграмма 14.1. Физмат

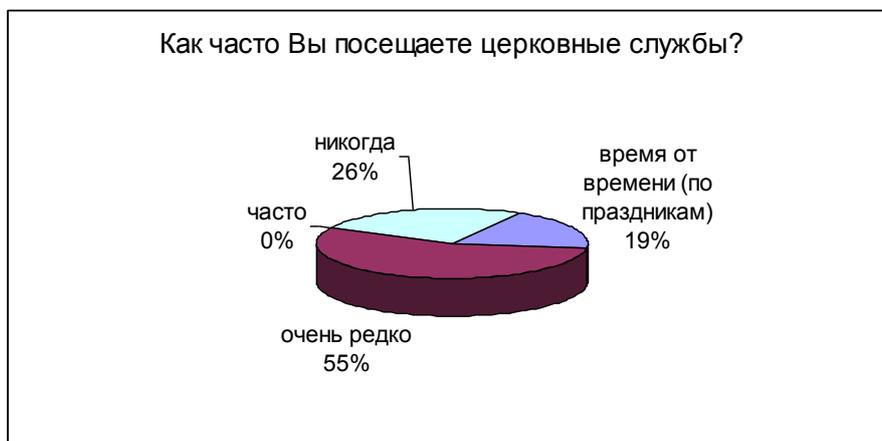

Диаграмма 14.2. ГГФ

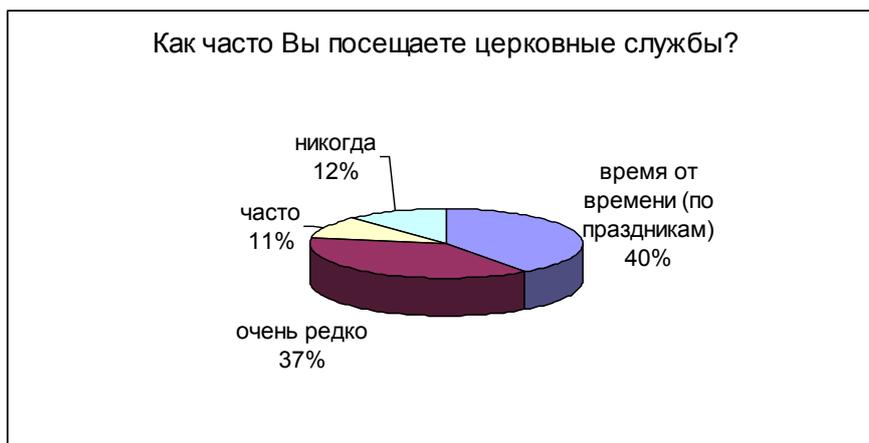

Диаграмма 14.3. Медфак

Если на физмате и ГГФ картина посещения службы примерно одинакова, то медики показывает более высокий уровень посещаемости служб.

Такая же картина и у гуманитариев: 50,65% – очень редко (Г) и 34,55%(СТФ); время от 36,36%(Г) и 32,73%)СТФ; 11,69%(Г) и 16,36% (СТФ) – никогда.

Данные **СТФ**

Как часто Вы посещаете церковные службы?		теологи		Соцработа.		философы
очень редко	5	20,00%	6	40,00%	8	53,33%
время от времени (по праздникам)	11	44,00%	6	40,00%	1	6,67%
никогда	1	4,00%	2	13,33%	6	40,00%
часто	8	32,00%	1	6,67%	0	0,00%

15. На вопрос: Отмечаете ли Вы православные праздники по канонам (правилам церкви)? (если да, то укажите, какие именно): примерно одинаковое количество ответов да- 40,38%(Е) и 41,56%(Г), 36,36 СТФ; и нет – 37,50%(Е) 32,47%(Г), 34,55%СТФ; также в процентном отношении приблизительно одинаково ответили на вопрос: иногда – 22,12%(Е) и 25,97%(Г), 29%СТФ. При этом на физмате отрицательно ответили 80% опрошенных, а на медфаке только 29%, тогда как на ГГФ – 44% никогда не отмечают праздники. При ответе на большинство вопросов мы видим практически полное отсутствие религиозных интенций у физиков и довольно ярко выраженную тенденцию к религиозности у медиков. У гуманитариев больший процент иногда отмечающих праздники: 33% филфак, 30% ФУП и лишь 15% юрфак.

Из названных праздников, наиболее отмечаемыми по канонам церкви являются Пасха, Вербное воскресенье, Рождество, Красная горка, Троица и Спасы (т.к. они сопровождаются опр. обрядами), также были названы Вознесение, Благовещение, Крещение (Богоявление) и Масленица! Все праздники отмечают по канонам только 7 человек из опрошенных.

16. На вопрос: Какие из православных обрядов Вы совершали? (возможны несколько ответов): ответы следующие: подавляющее большинство, хотя и не 100% крещенные -90,38%(Е) и 93,51%(Г), 94,5% СТФ. Отсюда понятно их идентификация с православной верой (96%). При этом другие необходимые для православных людей обряды: исповедь и причастие гораздо скромнее представлены в диаграммах. Интересно, что из 8 женатых венчались 5 – 62,5%, а исповедовался и причащался из них лишь 1 человек. Ясно, что венчание есть дань моде, а не следование религиозной традиции, так как по канонам венчание не возможно без двух предыдущих обрядов. Интересно, что например, на всех факультетах причастие совершалось большим количеством людей, чем исповедь, даже на СТФ – 58,18% причастие и исповедь 47,27%, хотя по канонам наоборот, невозможно причащаться без исповеди, но можно исповедоваться без причастия.

17. на вопрос: Как часто Вы совершаете обряды исповеди и причастия? Ответ часто в рамках всех опрошенных 1,6%; время от времени (по праздникам) – 17,31%(Е) и 3,90%(Г), 21,82% СТФ; очень редко – 34,62%(Е) и 37,66%(Г) %, 29%СТФ; никогда – 48% (Е) и 58,44%(Г), 43,64%СТФ; Таким образом, ясно, что даже те, кто причащался и исповедовался, делали это нерегулярно. По ответам нет оснований называть себя воцерковленными даже тем 5,5% опрошенных, которые себя считают таковыми.

18. На вопрос: В каких случаях Вы молитесь Богу, ответы на разных факультетах весьма разнятся:

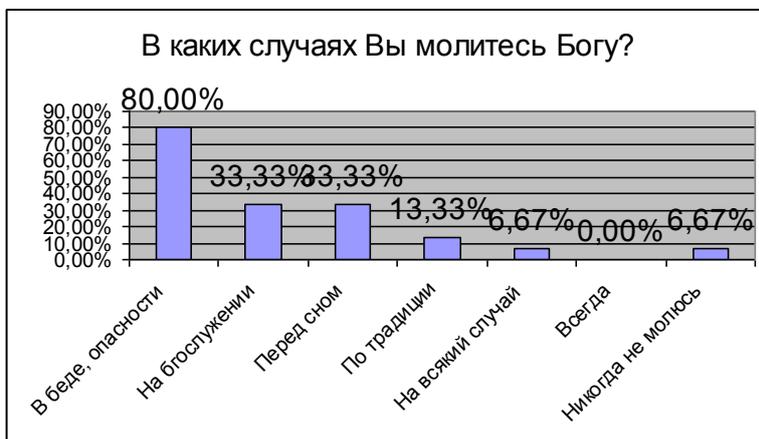

Диаграмма 18.1. Физмат

Диаграмма 18.2. ГГФ

Диаграмма 18.3. Медфак

Диаграмма 18.4. Юрфак

Примерно также, как на юрфаке распределены акценты на филфаке и ФУПе.
Данные СТФ:

В каких случаях Вы молитесь Богу?		теологи		соцработа		философы
В беде, опасности	15	60,00%	11	73,33%	4	26,67%
На богослужении	17	68,00%	2	13,33%	2	13,33%
Перед сном	11	44,00%	2	13,33%	1	6,67%
Всегда	9	36,00%	1	6,67%	2	13,33%
По традиции	2	8,00%	0	0,00%	0	0,00%
На всякий случай	2	8,00%	0	0,00%	2	13,33%
Никогда не молюсь	1	4,00%	1	6,67%	6	40,00%

19. На вопрос: Вы соблюдаете посты? (нужное подчеркните), подавляющее большинство ответили нет – 71,15%(Е) и 72,73%(Г), 56,36%СТФ: из них 24% теологии и 93% философы, 74% соцработа, что вполне вписывается в общую картину нецерковности опрашиваемой аудитории.

20. Читаете ли Вы религиозную литературу? Примерно также распределились ответы на вопрос: да ответили – примерно 8%; нет –55,77%(Е) и 53,25%(Г); иногда – 34,62%(Е) и 40,26%(Г). Хотелось бы обратить внимание, что гуманитарии читают литературу не намного больше, чем естественники. Среди последних вновь лидируют медики: 40% иногда читает церковные книги; на физмате 33% и на ГГФ 22%.

Ответы СТФ:

Читаете ли Вы религиозную литературу?		теологи		соцработа		философы
нет	2	8,00%	12	80,00%	4	26,67%
иногда	6	24,00%	3	20,00%	5	33,33%
да	17	68,00%	0	0,00%	6	40,00%

21. На вопрос: К кому бы Вы обратились за помощью в трудной ситуации? Ответы были следующие: «обращусь к родителям» большинство: 73,08%(Е) и 76,62%(Г), 70,91%СТФ; далее по убыванию идут друзья: 39,42%(Е) и 38,96%(Г), 41,82%СТФ; самостоятельно готовы преодолевать трудности 18,27%(Е) и 19,48%(Г), 23,64%СТФ и менее 10% отдано специалистам «душеведам»: священникам, психологам, астрологам (на СТФ – 23%).

22. В данной сводной таблице №2 представлены приоритетные ценности, распределенные по степени важности (оценки ценностей даны в пятибалльной системе).

	теологи	гуманитарии	естественники	соцработа	философы	Общие
Семья	94,40%	95,58%	97,50%	92,00%	90,67%	95,76%
Здоровье	88,00%	96,36%	96,54%	98,67%	88,00%	95,17%
Жизнь	94,40%	95,06%	96,35%	93,33%	86,67%	94,92%
Любовь	98,40%	91,43%	93,08%	93,33%	84,00%	92,54%
Дети	92,00%	88,31%	92,12%	86,67%	78,67%	89,66%
Смысл жизни	92,00%	88,05%	91,35%	84,00%	84,00%	89,41%
Свобода	87,20%	85,97%	91,54%	89,33%	81,33%	88,47%
Образование	83,20%	86,75%	87,31%	81,33%	85,33%	86,19%
Интересная работа	84,80%	84,16%	87,12%	88,00%	86,67%	85,93%
Карьерный рост	75,20%	83,90%	79,23%	92,00%	69,33%	80,51%
Материальное благополучие	72,00%	85,71%	78,65%	90,67%	61,33%	79,92%
Общение	76,80%	81,04%	80,96%	85,33%	69,33%	80,08%
Родина	100,00%	75,32%	82,31%	64,00%	70,67%	77,63%
Друзья	73,60%	75,84%	80,58%	74,67%	78,67%	77,80%
Диплом	66,40%	76,10%	79,81%	78,67%	60,00%	76,02%
Вера в Бога	86,40%	71,17%	72,50%	69,33%	56,00%	72,29%
Внешность	62,40%	76,10%	69,81%	85,33%	58,67%	71,36%
Творчество	79,20%	66,23%	70,96%	70,67%	80,00%	70,85%
Развлечения	49,60%	68,05%	66,54%	62,67%	64,00%	64,83%
Власть	46,40%	60,78%	57,31%	58,67%	56,00%	57,29%
Другое	20,80%	17,40%	17,31%	22,67%	24,00%	18,47%

Таблица достаточно наглядно представляет приоритеты и ценности молодежи, безусловной лидирующей тройкой стали *семья, здоровье и жизнь*, обладающие одинаково высоким статусом. Но если семья и жизнь примерно равны по значимости, то любопытно, что здоровье для трех групп немного приоритетнее, чем семья и жизнь. Вопреки сложившимся стереотипам материальное благополучие, внешность, развлечения, друзья и вера в бога занимают существенно меньшее значение, чем любовь, дети, поиск смысла жизни. Особенно следует отметить низкий порок творческой амбициозности и стремления к лидерству/власти (социальной амбициозности), занимающих последние строчки в ценностных приоритетах современной молодежи. Превалирование частной жизни и «личных» ценностей налицо. При этом любопытно обратить внимание читателей на данные соцработников и теологов. У последних оказался 100% уровень патриотического сознания – «родина», объявленный высшей ценностью. У соцработников значительно выше остальных показатели, связанные с карьерным ростом, материальным благополучием.

23. На вопрос: Как Вы относитесь к введению курса «Основы Православной культуры» (ОПК) в школе / университете как обязательного? только незначительный процент опрошенных ответили отрицательно: 6,73%(Е) и 5,19%(Г), 1,8% СТФ; большинство считает, что курс нужно преподавать факультативно 57,69%(Е) и 70,13%(Г), 40% СТФ и посещать по желанию.

24. На вопрос: Какое отношение к вере должен иметь преподаватель ОПК, на Ваш взгляд? Ответили, что он должен быть священником 38,46%(Е) и 31,17% (Г), 30,9% СТФ; это может быть только светский учитель, верующий человек 58,65%(Е) и 66,23%(Г), 78,18% СТФ; Ученый- атеист – всего лишь около 5% всех опрошенных и 13% из них – философы; приоритет отдан светскому преподавателю, но верующему человеку. Причем за то, чтобы преподаватель ОПК был светский человек высказались 88% теологов, 93,3% философов и 46% соцработы.

Далее следует блок вопросов, непосредственно касающихся **религиозной деятельности и символики БелГУ**. Мы уже приводили некоторые цифры и свои соображения по этому поводу, поэтому ограничимся лишь точной статистикой.

25. На вопрос: Назовите религиозные символы БелГУ. Знаете ли Вы имя небесного покровителя нашего университета? 71,15%(Е) и 83,12%(Г), 83,64% СТФ назвали скульптуру Архангела Гавриила – покровителя БелГУ, 26, 61% (Е) и 16,88%(Г), 16,3% СТФ – не ответили на вопрос или ответили на него неправильно, называя *религиозными символами Пегаса, изображенного на гербе ВУЗа, искажая имена и чины святых (Гавриил Архангельский, Апостол Гавриил, Архангел Михаил, святой Иоасаф, а также называя религиозными герб, гимн и флаг БелГУ)*;

26. На вопрос: Как называется университетский храм? 31,73%(Е) и 32,47%(Г), 72,73%СТФ ответили – храм Архангела Гавриила; 68,27%(Е) и 67,53%(Г), 27,2% СТФ не дали ответа на вопрос. Из них не знали ответа в большинстве – студенты физмата (80%)

27. На вопрос: Были ли Вы когда-либо в университетском храме по собственному желанию? Да ответили – 48,08%(Е) и 36,36%(Г), 49,9% СТФ; нет – 51,92%(Е) и 63,64%(Г), 50,91%СТФ. При этом добровольно посетили храм 58% студентов-медиков и 67% не были в храме среди студентов физмата и ГГФ. На юрфаке более 60% никогда не посещали храм, на филфаке около 50%. На СТФ храм посетили лишь 33% соцработников и 20% философов; теологов 76%, хотя должно быть 100%, так как храм и СТФ должны составлять единый учебно-воспитательный комплекс.

28. На вопрос: Какую роль играет университетский православный храм в Вашей жизни? Ответы распределились следующим образом: никакую 28,85%(Е) и 28,57%(Г), 43,6 % СТФ! У профессионалов оказался самый высокий процент отрицательной оценки; место, где я могу помолиться 17,31%(Е) и 10,39%(Г), 21,8% СТФ; место для духовного обновления 23,08%(Е) и 16,88%(Г), 10%СТФ; затрудняюсь ответить 30,77%(Е) и 38,96%(Г), 24,5% СТФ. Около 5% ответили – другое. Весьма симптоматично, что все студенты физмата не дали ответов на данный вопрос вообще, что красноречиво доказывает полное отсутствие в их жизни данного учреждения.

29. На вопрос: Просматриваете ли Вы православную страничку на сайте БелГУ? Да ответили лишь 12,29%; нет – 87,71%.

30. На вопрос: Общались ли Вы со священником храма БелГУ, назовите его имя: положительно ответили 7,69%(Е) и 6,49%(Г); отрицательно – 92,31%(Е) и 93,51%(Г); имя сумели назвать лишь 2,09% (данные без СТФ) и 12% СТФ.

31. На вопрос: Придете ли Вы к университетскому священнику для решения своих личных проблем? Положительный ответ дали – 4,81%(Е) и 64,94%(Г); отрицательный – 58,65%(Е) и 32,47%(Г); затруднились ответить – 36,54%(Е) и 2,60%(Г). Здесь мы видим существенную разницу в ориентациях естественников и гуманитариев, которые в большинстве своем готовы искать поддержку у священника. И хотя естественники дали отрицательный ответ на этот вопрос, следует указать на большой процент колеблющихся, тех, кто не решил для себя проблему в положительную сторону, но почти наверняка не готов принять отрицательный ответ. Данные цифры говорят о высокой потребности наших студентов в *личном общении* со священником, у них есть потенциальная готовность к этому и данный факт является весьма отрадным на общем фоне довольно апатичного отношения к церкви и религии, ее обрядам и догматике. Именно через стремление или желание найти доверительного человека в решении собственных проблем и следует искать ключ к обращению людей к церкви, как к источнику спасения собственной души.

Данные СТФ на последние вопросы:

Просматриваете ли Вы православную страничку на сайте БелГУ?		теологи		соцработа		философы
да	13	52,00%	1	6,67%	2	13,33%
нет	12	48,00%	14	93,33%	13	86,67%
Общались ли Вы со священником храма БелГУ?						
нет	2	8,00%	12	80,00%	14	93,33%
да	23	92,00%	3	20,00%	1	6,67%
знание имени						
имя знают	24	96,00%	2	13,33%	2	13,33%
не знают	1	4,00%	13	86,67%	13	86,67%
Придете ли Вы к университетскому священнику для разрешения своих личных проблем?						
нет	12	48,00%	9	60,00%	9	60,00%
да	3	12,00%	0	0,00%	5	33,33%
затрудняюсь ответить	10	40,00%	6	40,00%	1	6,67%

Подводя итоги проведенного исследования можно без труда заметить наличие в сознании нашей молодежи и (общества) синтетического соединения *традиционной и формальной религиозности*, что вполне соответствует состоянию переходного периода. С одной стороны, налицо ориентация на традиционное мировоззрение, с точки зрения которого вера, православие непосредственно связаны с восприятием этнической самоидентификации. Традиционная религиозность представлена достаточно традиционными способами: поголовное (невыбираемое) крещение, абсолютно однозначная корреляция между верой и традицией народа, верой и семьей, определение веры как способа консолидации общества. В современном обществе легко был «восстановлен» архетип традиционной религиозности в качестве атрибута собственной истории (прошлому), фактора культуры и идентичности. В полупатентной форме традиционная религиозность всегда существовала в нашей культуре, и все поколения русских людей выступали бессознательными носителями традиционной религиозности, (кто-то в большей, кто-то в меньшей степени). Традиция передалась и молодому поколению, но с еще более выхолощенным переходной эпохой содержанием. Традиционная религиозность взята новым поколением лишь как форма, содержание превратилось в симулякр, эрзац веры. Отсутствие реальной церковной практики (воцерковленности) и низкий уровень конкретных религиозных знаний и актуализирует переход традиционной религиозности в формальную

Элементы формальной религиозности: формальная принадлежность к православию через тотальный обряд крещения. Формальная религиозность не обогащена ни чувствами, ни обрядами, ни знаниями, которые могли бы стать началом приобщения к подлинной (внутренней) религиозности молодежи. Данное поколение молодых людей, рождено от родителей, переживших травму распада империи, и твердо знающих одно: их детям нужны ценности и нормы. Религия и была принята ими интуитивно, как спасительный круг. «Они обращаются к определенному вероисповедованию не потому, что они стали истинно верующими, а потому, что это самый удобный источник правил, порядка, общения». [8] Далее этого поколение родителей, воспитанных в атмосфере твердых советских ценностей и атеистического образования не пошло и поэтому, сказав «а» (окрестив детей), они не пошли дальше, «за церковную ограду», ибо сами с трудом знают туда дорогу. Поэтому результаты столь закономерны. «В информационном обществе формальная религиозность имеет тенденцию к превращению в симулякр по словам Ж. Бодрийяра. Она не просто маскирует отсутствие религиозного сознания индивида, но в действительности оказывается «по ту сторону» религиозности» [9]. Общим свойством религиозности современной молодежи является ее пассивный, нецерковный

характер. Так посещение церкви не немного значимее в шкале ценностей, чем развлечения. Такую нецерковную религиозность немецкий социолог Томас Лукман назвал «невидимой», «приватной». В наших условиях она проявляется в том, что молодежь, выросшая в отрыве от православной традиции, верит в возможность личной веры и общения с Богом без посредничества церкви и священников. Установка на частную жизнь возобладала и в религиозной сфере.

Хотелось бы подчеркнуть еще раз переходный характер жизни современной молодежи, связанный, как со стремлением к приватности, так и со стремлением к идентичности со своим этносом. При этом не стоит преувеличивать роль моды (СМИ), популярной оккультнической литературы, специальной религиозной «пропаганды» в области насаждения православия и церкви. Их доля ничтожно мала в общем процессе освоения религиозных ценностей и приобщения интереса молодежи к церкви. В области миссионерства предстоит огромная практическая и тактичная работа по переходу от формальной религиозности к содержательной, базирующейся на новых жизненных ориентациях, духовную обработку которых должна взять на себя воцерковлённая общественность. Представляется, что социологические исследования могут стать действенным инструментом по переводу сиюминутных временных ценностей на язык общечеловеческих – предвечных. Именно так возможно показать приоритет наглядных примеров истинной веры над всеми просветительскими проектами.

Список литературы

1. Кураев А. Особенности религиозной ситуации в России // Культура и религия: Линии сопряжения. М., 1994. С. 99.
2. Подр. Описание данных этих феноменов см.: Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 257 с. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: Рудомино, 1995. – 168 с. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Искусство, 1991. – 588 с.
3. В 2006 году *только* в Белгородской областной думой был принят законопроект «Об установлении регионального компонента государственных образовательных стандартов общего образования в Белгородской области», существенной частью которого является введение в качестве *обязательного* для всех без исключения учащихся предмета «Православная культура».
4. О храмовом строительстве подробно: Давыдов В. И. Духовные родники Святого Белогорья. – Белгород, 2001; Храмы Белгородской и Старооскольской епархии 1995-2005. – Белгород: Белгородская и Старооскольская епархия, 2005. – 224с.
5. Полное название: Комиссии по духовной безопасности Экспертного совета по национальной, миграционной политике и взаимодействию с религиозными организациями при Полномочном представителе Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе (при Г.С. Полтавченко).
6. 2 ноября 2001 года архиепископом Белгородским и Старооскольским Иоанном построенный храм был освящен в честь Архангела Гавриила, отныне являющегося духовным покровителем студентов вуза. Существеннейшее предназначение свое домовая церковь видит во взаимодействии и духовном окормлении студентов и сотрудников БелГУ; в противодействии проникновению в студенческую среду грехов и пороков, а также в приобщении студентов к исконным ценностям и духовным идеалам Святой Руси. Богослужбная деятельность храма включает в себя проведение уставных Богослужений в определённые расписанием дни, совершение таинств и треб.
7. Миссионерская деятельность храма реализуется в проведении конференций, семинаров, лекций, бесед и круглых столов со студентами и преподавателями БелГУ и других вузов Белгорода на различные темы, связанные с духовно-нравственным возрождением личности, семьи, нации и государства. Приход осуществляет издание ежемесячного печатного органа «Гаврииловский листок», а также проводит показ видеофильмов православной тематики с последующим их обсуждением. Храм Архангела Гавриила состоит в ассоциации домовых храмов при ВУЗах Российской Федерации, учреждённой по благословению Его Святейшества, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. // Интернет-ресурс: <http://arh-gavriil.bsu.edu.ru/>
8. Пргулка по святым местам Белгорода // <http://www.letopisi.ru/>
9. 5 апреля 2005 года на площади перед Белгородским государственным университетом была установлена скульптура архангела Гавриила – духовного покровителя университета. Скульптура высотой 4 метра и весом 500 кг изготовлена из меди, с элементами из стекла и нержавеющей стали, заслуженным художником РФ, заведующим кафедрой рисунка и скульптуры БГТУ им. Шухова, профессором А.А. Шишковым. Скульптура установлена на стеле, размещенной в кратере фонтана: в правой руке архангел держит символ вселенной, а в левой – жезл.

10. «Установка скульптуры архангела Гавриила – это завершение создания духовного облика комплекса БелГУ», – сказал ректор БелГУ Леонид Дятченко в кратком общении с прессой. Начало было положено с возведения храма архангела Гавриила, а теперь «духовный покровитель нашего университета зовет всех в храм науки»//<http://ipim.ru/news/>

11. Ассоциации по аналогии у нас вызывают образы петергофских фонтанов с различными фигурками языческих богов и античных героев.

12. Слияние храма с университетом – отличительный признак католической архитектурной традиции.

13. Архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн. Предисловие к изданию//Давыдов В. И. Духовные родники святого Белогорья. – Белгород, 2004, С.4.

14. Смеем предположить, что идея покровителя легко укладывается в сознании молодежи, формировавшейся в 90-е годы в атмосфере оккультизма (А. Кураев) и увлечения языческими символами, оберегами и т.д.

15. По официальным данным сайта количество посещений с 27.06. 2005 года – 35260 человек. Для вуза, в котором сегодня обучается более 17000 студентов цифра довольно скромная// <http://arhgavriil.bsu.edu.ru/>

16. С анкетой можно познакомиться на сайте: <http://www.bsu.edu.ru:8815/files/Anketa.doc>

17. Эти данные совпадают с приведенными опросами студенческой молодежи группой РНИ-СиНП в ноябре-декабре 1997 г., православными назвали себя (76%), верующими (59%). В 2007 году православными себя назвали практически 100% опрошенных. А по результатам исследования 2005 г., проведенного социологическим факультетом МГУ, воцерковленной православной молодежи в России – 8%; невоцерковленных православных молодых людей – 55%; лояльно относящихся к РПЦ – 33%; а отрицательно – 4%. Верующими назвали себя 63,2% респондентов, атеистами – 15%// Теологическое образование востребовано в современной России. – Режим доступа: <http://pstgu.ru/news/university/2006/06/08/6663/>

18. Категория ответственности, сопряженная с личностным началом, самостоятельностью жизненного выбора, как это не парадоксально, практически отсутствует в ментальности молодежи, которая учится на платной основе, то есть за счет своих родителей. При этом большинство платников учится на удовлетворительные оценки, что также характерно для безответственного отношения к себе. Только один процент платников оплачивает свою учебу самостоятельно.

19. Фукуяма Ф. Великий разрыв. – М.: АСТ, 2001. – С. 327

20. Баранников В. П., Матронина Л.П. Динамика религиозности в информационном обществе.//Социологические исследования. – №9. – 2004. С. 104.

THE LEVEL AND CHARACTER OF RELIGIOSITY OF STUDENT YOUTH OF BELGOROG STATE UNIVERSITY IN TRANSITION PERIOD

S.M. Klimova, G.W. Martynova

The article gives results of social research of religion consciousness studies young Belgorod State University. Research is lead by initiative group of authors on the basis of chair philosophy BelSU.

ПРЕВРАЩЕННЫЕ ФОРМЫ САМОСОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ В СУБКУЛЬТУРНЫХ ФОРМАХ РЕЛИГИОЗНОСТИ

О.Н. Римская

Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;
e-mail: Sass@bsu.edu.ru

В статье рассматривается современная молодежная культура с точки зрения развития самосознания человека в субкультурных формах религиозности.

Ключевые слова: модерн, молодежная культура и мифология, молодежная субкультурная религиозность, самосознание.

Молодежная мифология, культура и контркультура в своих развитых формах рождались в трагических социальных, политических и духовных процессах первой половины XX века и. Это были процессы полагания и самополагания молодежной культуры и мифологии «в себе» и «в другом», в «серьезной», «материнской» культуре модерна и тоталитаризма. С конца 50-х и особенно в 60-е годы прошлого столетия молодежная культура и контркультура обретает собственное ментально-идеологическое оформление «в себе и для себя».

В это же время на Западе, да и в нашей стране, начинается серьезное теоретическое изучение молодежи. Интересно, что исследования молодежи и ее культурных форм самореализации появляются именно в 60-е годы и по времени совпадают с формированием теории массовой культуры, что говорит об адекватности теоретического осознания процессов, генезис которых начался в конце XIX века и получил завершение к концу XX столетия. В рамках этих теорий поначалу массовая поп-культура отождествляется с молодежной субкультурой, так как именно в это время рождаются ее наиболее агрессивные контркультурные формы, полные постмодернистской эклектики и деконструктивизма (рок-музыка, нонконформистское искусство, сексуальная революция, радикальные революционные и террористические движения, экологический и пацифистский протест, битломания и хиппи, наркотические и психоделические техники экстаза, «нетрадиционная религиозность» и т.д.).

Однако теоретические исследования молодежной культуры и сознания носили и носят слишком эмоциональный и морализаторский характер. Очень трудно порой отделиться ученому-профессионалу от психологии серьезного «взрослого» и посмотреть на изучаемые процессы изнутри, глазами молодых, погруженных в экзистенциальную магму жизни в недрах молодежной культуры и контркультуры.

Молодежная культура, на наш взгляд, представляет сложноорганизованную, динамичную систему субкультурных формообразований и контркультурных процессов, связанных с трансформацией индустриальной (модернистской) цивилизации XVIII-XIX вв. в ее постиндустриальные и постмодернистские ипостаси прошлого столетия. «Постиндустриальная цивилизация оказывается похожей на доиндустриальную, – отмечает А. Генис. – Самые яркие ее черты: децентрализация, деурбанизация, демассофикация – одновременно свойственны и самым передовым, и самым отсталым странам. Это дает шанс «третьему миру» догнать остальных, минуя хотя бы часть индустриальных кошмаров»[1]. Все это служит культурно-историческим и цивилизационным базисом не только для оживления самых архаичных форм мифологического и религиозного сознания, но и их трансформаций в некие «современные» синкретичные и превращенные духовные и культурно-идеологические формы. Современная мифология, в том числе и

молодежная, оказывается «естественным языком» самой повседневности человека. Можно говорить о новом культурном цикле, когда человечество демонстрирует потребность в экзистенциальной актуализации мифологического сознания мышления.

На почве мифологии массовой культуры – стихийно, естественно рождающейся или искусственно создаваемой в обществе потребления – и формируется специфическая молодежная мифология, которая служит, в свою очередь, питательным бульоном для произрастания различного рода духовных мутантов, каковыми являются, в частности, так называемые «нетрадиционные религии».

Религиоведы, культурологи, социологи, философы ведут спор о том, насколько правомерно употребление понятий «нетрадиционные» или «новые религии». Тем более, что помимо этих наиболее распространенных понятий употребляются и такие, как «новые культы», «неомистицизм», «молодежные религии», «религии Нового века», а также не совсем толерантные дефиниции, используемые чаще всего богословами – «деструктивные культы», «тоталитарные секты» и т.п. Иногда новые религии называют «вневероисповедными», «эзотерическими». Все эти понятия достаточно условны, не в полной мере отражают специфику рассматриваемого явления и далеки от философской категоризации.

Например, все «новые религии» можно характеризовать как «нетрадиционные»? Так или иначе, почти все они связаны с предшествующей («традиционной») религиозной, магической, мифологической или оккультной практикой. Например, современные ориенталистские (восточные) культы многое берут из иудаизма и буддизма, пополняясь парапсихологическими идеями и маскультовскими образами, фантазиями и практиками. Пророки «неомистицизма» (чаще всего именно это понятие употребляют для характеристики современной мистики) принимают на вооружение мистический, магический и религиозно-философский опыт прошлого (мистику древнего Египта, Индии, гностико-манихейства, средневекового ведовства и каббалы).

Также относительна и «новизна» современных религий. Она связана в первую очередь с характером социальных функций, которые выполняют эти религиозные учения в современном мире, зачастую перекодируя и переинтерпретируя старые религиозно-мифологические символы и образы. Это сказывается и на их содержательной стороне, обрядности и культовой практике, на отношении к традиционным религиям и соответствующим социокультурным институтам.

Нам представляется возможным вместо всего спектра метафорических терминов употреблять понятия «*субкультурные религии*» и «*контркультурные религии*», связанные с уже получившими теоретическую «прописку» в социологии, культурологии и философии категориями «субкультура» и «контркультура». Характерно, что новая религиозность формируется, прежде всего, в молодежной среде и на почве молодежной мифологии, субкультуры и контркультуры, способствует их актуализации в среде молодежи, что и заставляет многих исследователей говорить о «молодежных религиях» применительно к ней.

Эти понятия, на наш взгляд, во-первых, не несут мировоззренческой и идеологической нагрузки; во-вторых, отражают периферийное, маргинальное и порой антисистемное положение новых религиозных образований в современном обществе и культуре; и, в-третьих, отражают культурно-историческую и синхронную динамику молодежной культуры и контркультуры, начиная с конца XIX века. При этом антисистемность и контркультурность «субкультурных религий» не должна рассматриваться всецело в негативном измерении, так как она сама по себе может служить как деструктивным, так и инновационным механизмом, дающим импульс для развития базовой культуры, самосознания молодежи, для их трансформации в новые, креативные формы.

При этом нельзя и абсолютизировать творческий потенциал субкультурных религий, так как современные религиозные новации могут быть сведены к следующим. В *вероучении*: настойчивое повторение мысли о том, что субкультурные вероучения не

являются религиями, а особого рода «учением» или «знанием», опирающимся не только на эзотерику древних доктрин, но и на современную «науку» (чаще всего на паранауку); создание новой канонической литературы или своеобразное прочтение старой с использованием «современных научных достижений» интерпретации текстов; соединение в вероучении черт нескольких религиозных систем и включение элементов современной мифологии, прежде всего маскультовской (религиозный синкретизм, эклектика и маргинальность); особое внимание к мистицизму, оккультизму, магии (часто в упаковке современного искусства, массовой культуры и паранауки) и т.п.; критическое отношение к институтам традиционных религий и в целом – к доминирующей культуре, т.е. определенная контркультурность.

В *ритуально-культурной практике*: необычность и экзотичность обрядовой стороны субкультурных религий (использование при этом современных психоделических, медицинских, наркотических и информационно-технологических практик) с целью максимального воздействия на эмоции и воображение человека; в большинстве случаев создание «новой коллективности», «общинный» характер ритуальной жизни, способствующий воспроизводству квазидуализма «мы – они», на деле подобного первобытному и связанного с генерированием мифосознания.

В *институциональной организации*: отсутствие строгой иерархической структуры на первых порах существования субкультурной религии, преобладание горизонтальных и сетевых связей внутриобщинной и межобщинной коммуникации, что и определяет их отличие от традиционной церковной организации; активность новых религиозных организаций в производственно-финансовой сфере, использование рекламы и сетевого маркетинга в продвижении религиозных «товаров» и услуг; общинная организация жизни верующих со свободным «входом» в горизонтальные коллективные структуры и с достаточно хаотичным существованием внутри них сочетается со строгой моральной регламентацией жизни; «братская» система отношений дополняется явно выраженным авторитарным культом харизматического лидера, основателя «церкви» или общины.

Вот это сочетание *иерархичности с сетевыми, горизонтальными связями, авторитарности и демократичности, закрытости и открытости* на уровне институализации, культовой практики и сознания делает субкультурные религии весьма подвижными, динамичными и одновременно «живучими» контркультурными системами, включенными в наш хаотичный мир постмодерна, постиндустриализма и постхристианства.

Анализируя далее причины распространения новых субкультурных вероучений среди молодежи, надо отметить, что массовое распространение субкультурной религиозности относится к 60-70-м годам нашего века и совпадает не только во времени и пространстве с рождением новой молодежной субкультуры и контркультуры, но и органично с ними связано по духовному содержанию, культурной форме и социальным функциям. В это же время мы наблюдаем, как субкультурная религиозность и молодежная контркультура оказываются втянутыми в водоворот массовой культуры западного мира, которая их использует, потребляя мифологический образно-символический материал в производстве своих культурных «образцов», а затем возвращает обратно в молодежную среду, подогревая не только новые «искания» молодых, но и расширяя рынок сбыта для своей коммерциализированной продукции.

Прежде всего, бум субкультурных «молодежных» религий породил массу литературных произведений, в которых религиозные проблемы служили основой сюжета. Как правило, такие книги становились и становятся бестселлерами. Популярны, например, произведения о магах и колдунах, среди которых выделяются книги Карлоса Костанеды. Автор их – студент-антрополог – несколько лет провел в учении у индейского колдуна дона Хуана, намереваясь постичь его магическую практику. Интерес к мистике дал новый толчок литературе о ведьмах, оборотнях, вампирах. Литература эта примечательна стремлением ее авторов играть на суевериях читателей, чувстве страха и жаж-

де «жутких» приключений. В целом это типичные образцы бульварной литературы, которая начала появляться еще в начале прошлого столетия. Можно было бы привести примеры и из опыта книжного рынка современной России.

Спекулятивной темой в массовой культуре является и проблема пришельцев из космоса, НЛО, внеземных цивилизаций в ее художественном осмыслении. Это своего рода фантастика сегодняшнего дня. Однако от традиционной фантастической литературы ее отличает стремление авторов придать видимость достоверности космической мифологии, свести ее положение до уровня объектов веры и, наконец, использовать в прагматических целях. Новые религии активно используют не только литературу. Они давно проникли в кинематограф. Здесь активно эксплуатируются несколько тем. В первую очередь тема сатанизма. Интерес к ней в молодежной среде тесно связан с распространением усилиями массовой культуры дьяволомании как на Западе, так теперь и в России. Истоки данного явления мы находим в начале 60-х годов. Именно тогда в США оформилась секта, названная «Церковью сатаны». Ее прихожане противопоставляют Богу антихриста, сатану.

Но особенно с распространением субкультурных религиозных представлений связана современная западная рок- и поп-музыка. Увлечения мистическими идеями не избежали, на разных этапах своего творчества, многие, в том числе и талантливейшие рок-музыканты, включая и «Битлз». Джордж Харрисон, бывший ударник «Битлз», подарил в свое время, например, организации кришнаитов поместье близ Лондона, внес 100 тыс. долларов на сооружение ими дворца в США.

«Сатанинские», мистические мотивы присутствуют в творчестве многих рок-групп, играющих в стилях хэви-метал, хард-рок. Это выражается и в текстах песен, и в оформлении конвертов пластинок, в костюмах и внешнем виде музыкантов, названиях. Так, аббревиатуру – название группы «Кисс» расшифровывают как «Короли на службе сатаны», группы Эй-Си/Ди Си как «Антихрист/Смерть Христу», и т.п. Сочетание «сатанинских» текстов со специфической музыкой групп, играющих в наиболее агрессивных оттенках стиля «хеви-метал» может оказать непредсказуемое воздействие на психику и самосознание не имеющих иных интересов молодых людей с узким кругозором и слабым духовным и культурным потенциалом.

В ряду причин активизации субкультурной религиозности следует указать и на факт спекуляции новых «пророков» на особенностях молодежной психологии, специфике социального положения молодежи. Как известно, ей присуще стремление к поиску, к выработке собственных символов и ценностей, отвечающих сущности человека, попытки «вписаться» в этот порой «блистательный», но неуютный мир взрослых, что на языке взрослых ученых дядей называется «социализацией».

Духовные искания молодежи усиливаются в условиях разрыва слова и дела, противоречия между официальным говорением о «справедливости» и «гуманизме» и постоянным нарушением этих принципов в повседневности. В таких условиях молодые люди и обращаются к идеям, предлагающим «особый», «новый» путь к истине. Сказывается и недостаток социального, нравственного и духовного опыта молодежи. Существенную роль играет и форма субкультурных религий, спекулирующих на стремлении молодых людей к тайне. Умело эксплуатируется и сфера паранаучного знания или непознанного наукой.

Кризис техногенной цивилизации, культуры индустриализма, новый «постиндустриализм» и связанная с ними девальвация образа жизни создают благоприятную обстановку для распространения новых культов. Субкультурные религии предлагают современному молодому человеку многое из того, чего он лишен в повседневной жизни в силу распада социальных институтов и духовных ценностей индустриального общества и культуры модерна. Вместо дискредитировавшей себя рациональной идеологии прогресса и «просвещения» – достаточно привлекательную по форме веру в «вечные» идеалы. Вместо развалившейся семьи – «братскую общину», в которой все члены объе-

динены общими интересами, единым образом жизни, а вместо набивших оскомину ценностей моногамии предлагается «свобода» половых отношений (полигамия, гомосексуализм и т.п.). Вместо безработицы или монотонного труда в компаниях, погони за виртуальным брэндовым потреблением – «бескорыстный» труд на предприятиях организации и «социальная справедливость» в распределении и потреблении продуктов труда. Выдвигается и «духовная альтернатива» реальной угрозе гибели вследствие обострения глобальных техногенных и экологических катастроф, приобретающих все более апокалиптический характер. Субкультурные религии обещают часто не только духовное, но и телесное спасение в условиях грядущего Апокалипсиса.

Вместе с тем распространение субкультурной религиозности отнюдь не стихийный процесс. В нем заинтересованы политические представители правящих элит стран «золотого миллиарда» (и близких к ним стран, подобно России). Расцвет субкультурной религиозности способствует выключению из политической борьбы наиболее активной, ищущей часть молодежи. Здесь действует принцип: лучше религиозная медитация, чем антиглобализм или политический радикализм и терроризм.

При этом стараются не замечать, что путь самосовершенствования, поиска истин в рамках субкультурных религий зачастую чреват кризисом самих основ и ценностей «христианского мира». Следует учесть, что создатели субкультурных, и особенно контркультурных, религий накопили уникальный опыт манипулирования людьми. Для этого ими используются коллективная медитация, психологический террор, наркотические средства. В совокупности они дают поразительный эффект. Размывается сознание и психика молодых верующих. Практика коллективных медитаций ведет к разрушению традиционных систем ценностей, ориентированных на осознание и творческое преобразование окружающего мира. В голове молодого человека один «вакуум» замещается другим.

И здесь выражен существенный парадокс современного развития. С одной стороны, члены субкультурных общин протестуют против существующего мира. С другой – протест используется правящей элитой, эксплуатируется ею как в политико-идеологических, так и экономических целях, делая зачастую новую религиозность простым полем для продвижения новых коммерческих брэндов, сбыта товаров и услуг.

Все эти процессы, связанные с феноменом субкультурной и контркультурной религиозности, мы наблюдали и в нашей стране, начиная с середины 70-х годов прошлого столетия. До 90-х годов XX века наши ученые эти процессы объясняли «тлетворным влиянием Запада». Но в последние годы мы убедились, что и у нас все происходит аналогично «западному миру», частью которого мы стремимся стать, да еще обнаруживаются дополнительные негативные тенденции. Цивилизационный кризис, который испытала Россия в результате крушения СССР и радикально-либеральных реформ в большей мере, чем на Западе, привел к девальвации культурных и нравственных ценностей, к почти полному социальному отчуждению, аномии, аморализму, подрыву веры в социальную справедливость.

Определенные группы молодых людей, порой наиболее вдумчивых, переживающих и глубоко чувствующих, заполняли и заполняют в последние годы свой духовный вакуум не столько обращением к традиционной религиозности (хотя официально много говорится о «возрождении православной духовности»), сколько субкультурной мифологией и мистикой, усматривая в ней альтернативу миру новорусской «элиты» – миру парадности, чинопочитания и погони за богатством и символами престижа. В такой ситуации субкультурные религиозные системы, опирающиеся как на огромный культурно-исторический опыт традиционной религиозности в сочетании с новыми маскультовскими и паранаучными, на достижения в плане решения нравственных проблем, наработанные в годы «роста» на Западе, и на определенные финансовые влияния оказались в выигрышном положении.

В условиях перманентного кризиса современной техногенной цивилизации постоянно воспроизводится очевидный конфликт поколений. Если в 60/70-е годы XX века он был вызван существенными различиями «отцов» и «детей» в культурно-

образовательном уровне и образе жизни, что явилось следствием научно-технической революции середины столетия. Молодежь восприняла эти различия как сигнал к отрицанию всего прошлого культурно-исторического опыта и утверждению новых ценностей на основе рок-культуры, стандартов потребительства, сексуальной революции, левого бунтарства, а также на основе мистической мифологии субкультурных религий. Сейчас этот конфликт порождается превратностями затянутой социализации молодежи в мире постиндустриализма (высокий «образовательный ценз», трудности в обретении финансовой независимости и т.п.).

И, наконец, усилению субкультурной религиозности в свою очередь способствует то, что не только США и традиционный протестантизм пытаются в рамках собственного глобального цивилизационного проекта навязать миру унифицируемый и унифицирующий вариант христианства, что скорее способствует не торжеству христианских ценностей, а рождению новой, постхристианской глобальной мифологии. Подобное искушение глобализацией испытает и католичество (особенно на фоне объединяющейся Европы), и православие (перед лицом иноверных и инославных глобальных угроз), и, разумеется, ислам, который всегда претендовал на свой вариант культурной и политической глобализации, начиная со времен арабских халифатов. Субкультурные религии во многом и стали или собственным вариантом глобализационной религиозности («Свидетели Иеговы», «Церковь объединения» Сен Муна, «Церковь сайентологии» Л. Хаббарда и т.п.), или контркультурным, антиглобализационным проектом на рубеже веков.

Список литературы

1. Генис А. Вавилонская башня: искусство настоящего времени / Эссе. – М., 1997. – С. 171.

TRANSFORMED FORMS OF YOUTH'S SELF-CONSCIOUSNESS IN SUBCULTURAL FORMS OF RELIGIOUSITY

O.N. Rimskaya

Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308600, Russia;
e-mail: Sass@bsu.edu.ru

The article deals with the modern youth culture in the aspect of development of human self-consciousness in subcultural religious forms.

Key words: modernity, youth culture and mythology, youth subcultural religiosity, self-consciousness.

УДК 1:008,001.14

**ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА***

С.Н. Борисов¹⁾, О.С. Борисова²⁾

¹⁾ Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;
e-mail: SBorISOV@bsu.edu.ru

²⁾ Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;
e-mail: Borisova@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются социокультурные основания современного терроризма, анализируется традиционная природа «человека террористического» в пространстве традиционализма и современности.

Ключевые слова: терроризм, антисистема, сакральный, миф, легитимность.

I. В культурно-идеологической практике понятие «террор» и «терроризм» в современном значении стали употребляться в период Французской революции 1791-1794 гг. Современная семиотика и лексикология связывает с террористическим дискурсом, прежде всего, жестокие насильственные действия в сфере политики и реализации прав субъектами власти.

В частности, террор как отношение государства к своим оппонентам, репрессивное и жесткое, исследуется отечественным политологом И.М. Ильинским. А. Бернгард в работе «Стратегия терроризма» указывает на связь терроризма с силой, но понимает его как применение силы слабыми в отношении сильных. Американские исследователи В. Маллисона и С. Маллисона определяют терроризм как систематическое использование насилия и угрозы насилия для достижения политических целей. Таким же недостатком обладает определение терроризма, данное сотрудником Государственного департамента США Д. Лонгом, который сводит феномен терроризма к действиям по изменению существующего политического строя, существующего мирового порядка. Ф. Уилкоккс, координатор по борьбе с терроризмом Госдепартамента США, видит в терроризме политически обусловленное насилие, направленное против мирного населения.

Общим для всех перечисленных определений является взгляд на терроризм как на политически, социально обусловленное насилие. Применение понятия «террор» исключительно к политической сфере значительно суживает реальное поле феномена терроризма, акцентирует внимание на политической власти, имеющей аппарат принуждения, и относит «террор» к оппозиционным власти силам. Такой подход в определении терроризма вполне приемлем для юридической фиксации данного явления. Он нашел отражение в Федеральном законе РФ «О борьбе с терроризмом», принятом в 1998 г. Между тем достаточность такого определения терроризма для юридического применения совсем не соответствует требованиям междисциплинарного научно-гуманитарного анализа.

---

* Статья подготовлена к печати при поддержке гранта РГНФ (проект № 07-03-55302а/Ц).

Нередко отождествление терроризма с таким явлением как война, партизанская война или гражданская. Ряд авторов, М. Либиг, Ф. А. Фрайхер фон дер Хейдте, П.А. Шерер, Д. Стерлинг, Л. Ларуш, говорят о терроризме как особой форме войны, не выделяя его как самостоятельный феномен. М. Либиг не отрицает социально-экономическую, национальную, этническую и идеологическую обусловленность терроризма, однако истинные причины, по его мнению, кроются в политической заинтересованности государств в таком эффективном средстве реализации своих интересов как терроризм. Фон дер Хейдте определяет терроризм как современную нерегулярную малую войну, которая характеризуется нерегулярными боевыми действиями, длительностью, специфическими «террористическими» тактиками. Необходимо отметить общую основу для сопоставления войны и терроризма – *насилие*. Подчас схожи цели и методы войны и терроризма, особенно при сопоставлении политического террора и войны в ее классическом понимании.

Помимо того, обладая рядом других недостатков: сведение терроризма к физическому устранению политических лидеров и военно-политическому насилию, подмена понятия «терроризм» более узким понятием «террористический акт». Все вышеперечисленные смыслы террора и терроризма, так или иначе, возводят проблему на уровень взаимодействия государства и его политических оппонентов, тем самым не рассматривается ни религиозная природа терроризма, ни его глобализационная специфика в эпоху постмодерна, которая характеризуется «метагосударственностью» и не всегда обусловлена политической борьбой.

Терроризм на данный момент достаточно изучен и с позиций психологии (Д. Ольшанский, М. Коупленд), политологии (К. Попов, К. Жаринов, А. Хинштейн), военной науки (М. Либиг, А. Фрайхер фон дер Хейде, Л. Ларуш и др.), экономики (М. Чандлер, Р. Зелик). Но очевидна не только ограниченность привязки феномена терроризма к политике или социальной сфере, но и к социальной психологии. Вышеизложенные понимания и концепты вполне уместны для обозначения терроризма века XIX и начала XX, когда этот феномен действительно носил преимущественно политический и социально-психологический характер (начиная с террора Великой французской революции и заканчивая государственным террором тоталитарных государств). Но события 11 сентября 2001 года уже не укладываются в формулу политического терроризма, как и трагедия сентября 2004 г. в Беслане.

Феномен терроризма, на наш взгляд, мало исследован в философско-культурологическом, религиоведческом и культурно-антропологическом пространстве (если не считать философско-культурологических работ О. Аронсона, А. Никитаева и некоторых других). Необходимо при оценке тех или иных политических событий, связанных с терроризмом, как и при экспертизе антитеррористических программ и мероприятий учитывать социокультурную, культурно-идеологическую, культурно-антропологическую, этнокультурную и религиозную специфику феномена терроризма. Терроризм конца XX – начала XXI века, понятие «современный терроризм», требуют нового определения.

В силу вышесказанного необходимо взглянуть на феномен терроризма в большей культурно-исторической перспективе: в пространстве между «миром традиционализма» и «миром постмодерна» обнаруживается мифо-архетипическая и религиозно-этническая, культурно-антропологическая и глобализационная специфика современных и постсовременных форм терроризма, характеризующихся «метагосударственностью» и «цивилизационной метафизичностью», обусловленными не столько политической борьбой, сколько сакрально-культурными кризисами и ментально-антропологическими переворотами последних столетий.

II. Глобальность проблемы терроризма явное свидетельство кризисного характера культуры породившего его. Многозначность «культуры» как понятия и феномена позволяет нам, исходя из значения и сущности, обозначить различные стороны современного терроризма, по возможности высветить его различные стороны-облики как культурного феномена.

Культура, понимаемая как механизм деятельности, технология, искусственная деятельность, выступает как непрерывно исторически изменяющаяся, *развивающаяся* совокупность приемов, процедур, норм человеческой деятельности. Способ регуляции, сохранения и воспроизведения человеческой жизни, как социальной, так и индивидуальной. Взятая в этом измерении культура предстает как уникальное целостнообразование, органическая система. Движение системы, развитие культуры, есть чередование периодов развития и периодов бесструктурности, упадка. Наряду с прогрессивным развитием системы, возможна и деградация, «соскальзывание» и упрощение. История свидетельствует, что развитие системы сочетает движение «вперед», рождение «новых» форм и бесконечное усложнение и многообразие с «откатом» к истокам и элементарным формообразованиям, к «превращенности» привычных культурных форм, их извращению. Создается ситуация, рождаемая несоответствием «Вызова» «Ответу», по терминологии А. Тойнби, то, что нами обозначено как «сакрально-символический кризис».

Исторически первым упрощением системы (культуры) мы можем считать (уже озвученную нами выше) смену периодов господства интердикции и механизмов ограничения насилия (сакральные преграды в виде табу, воплощенные в речи-мифе) и периодов возврата к архаическим формам поведения, когда насилие «поглощало» общество.

Кризис системы, поражая в первую очередь наиболее сложные элементы, обуславливает выполнение оставшимися частями несвойственных им функций. Результатом чего становится упрощение и появление «эффекта превращенности», пробуждение «атавистических антисистем» (В. П. Римский). Причем антисистема может иметь как длительный исторический опыт, так и короткое существование. Антисистема является той матрицей, которая конструирует из хаоса кризиса новый деструктивный космос, новую систему, террористический хронотоп и мифологемы, неизменно несущие на себе отпечаток кризиса, что и определяет их типологические черты.

Большей жизнестойкостью в условиях кризиса обладают структуры, тяготеющие к элементарности, что соответствует упрощению кризисной системы и ее унификации, поэтому антисистемные террористические образования воспроизводят псевдоэтнический, псевдорелигиозный дуализм. Тот же жесткий дуализм обуславливает закрытость антисистем. Противостояние, на чем бы оно не основывалось (расовой чистоте, религии или культурном превосходстве) диктует создание границ (воспроизводство границ между сакральным святым «своим» и профанным скверным «чужим»), хотя абсолютной замкнутости достичь невозможно.

Таким образом, антисистема есть всегда упрощение, движение под лозунгом «назад в архаику», деградация культуры, неизменно связанная с актуализацией мифологем войны и жертвоприношения (прообразов насилия не легитимного – терроризма). Антисистемность есть «вечный соблазн культуры», возврат к более простым формам, а не дальнейшее усложнение и развитие.

Культура, понимаемая как специфически человеческий способ жизнедеятельности, вектор активности которой направлен «во вне», диалогичен; позволяет нам утверждать, что рождение антисистемы есть акт коммуникативный. «Человек террористический» неизбежно вынужден взаимодействовать с социумом, «человеком массовым».

Террористический акт есть не только акт борьбы с системой, но также презентация своего антисистемного проекта, альтернативы существующей реальности. Именно «дефицит реальности» (В. Никитаев), как сущностное свойство терроризма, определяет публичность его проявлений. Террористический акт есть та точка, в которой происходит «диалог» «человека террористического» и «массового»: не только террорист, но и общество становится субъектом террора, именно таким путем «новая» реальность вторгается в повседневность системы.

Причина, по которой становится возможным появление альтернативы реальности-системы – утрата этой системой реальности, утрата подлинного основания составляющего истинность – *сакрального*. Террорист, антигерой ставит под сомнение, прежде всего легитимность, но также право на существование системы.

Более того, возможность альтернативы, возможность антимира, изначально содержится в логике развития системы. Легитимность, основанная на «сакральных запретах», обусловлена четким разделением сакрального и профанного, святого и скверного, дозволенного и запретного. Кризис сакрального, конец цикла в традиционном обществе запрограммирован таким свойством сакрального как угасание и растворение в профанном. Поэтому периодическое проявление насилия *вне*легитимности, террора, изначально присуще системе. Циклическое угасание и возрождение сакральности, чередование «Вызова» и «Ответа» есть неременное условие развития системы. Несоизмеримость «Вызова» «Ответу» вызывает к жизни антисистему – упрощенный социокультурный космос.

В данных условиях герой, воссоздающий систему, «превращается» в антигероя – «человека террористического». Образ антигероя, «тени» героя – трикстера имманентно содержится в потенциях системы, периодически испытывающей циклические кризисы. Отражая базовую дуальность: сакральное – профанное, святое – скверное, верх – низ, право – лево, две фратрии архаического общества – герой и его функциональный антипод трикстер обеспечивают существование общества, как в стабильные, так и кризисные периоды. Так у меланезийцев герой и трикстер представлены в виде братьев-близнецов. Причем братьев может быть много, но среди них выделяются два – «положительный» и «отрицательный». «Таковы, например, То Кабинана и То Карвуву (То Пурго) – полностью антропоморфные фратриальные предки меланезийцев-гунантуна, отождествляемые с первыми людьми. Братья создают рельеф местности, животных и этнические группы, первые охотятся и рыбачат, создают культурные растения, орудия охоты и музыкальные инструменты, строят первую хижину и т.д. однако братья участвуют в делах творения неодинаковым образом: То Кабинана создает все лучшее и ценное для человека, все положительное, а То Карвуву – все отрицательное. То Кабинана создает ровный рельеф и прибрежных жителей, красивых женщин, рыбу тунца (который гонит мелкую рыбу в сети рыбаков), барабан для праздничных танцев, а То Карвуву делает горы и овраги, горных жителей папуасоязычных байнингов, акулу (пожирающую других рыб), барабан для похорон. То Карвуву – виновник смерти (он помешал своей матери-«старухе» сменить кожу, подобно змеям), голода, войн, кровосмешения» [1].

Разделение на «умного» и «глупого», героя и трикстера может проводиться не только по линии братьев культурных героев, но также культурный герой – демоническое существо, олицетворение хаоса конца цикла. Помимо этого культурный герой может вмещать в себе также черты трикстера, как это можно наблюдать в западной части Северной Америки.

Парность культурного героя есть не только отражение цикличности космоса и хаоса, но также амбивалентности насилия, насилия легитимного и *вне*легитимного: «культурный герой (демиург) – трикстер, сочетает в одном лице пафос упорядочивания формирующегося социума и космоса и выражение его дезорганизации и еще неупорядоченного состояния. Это противоречивое сочетание возможно в силу того, что действие в соответствующих сказочно-мифологических циклах отнесено ко времени до установления строгого миропорядка, т.е. к мифическому времени. Следует при этом учесть, что деятельность отрицательного варианта культурного героя (типа То Карвуву в Меланезии) или трикстера типа Ворона тоже в сущности парадигматична, поскольку она предопределяет негативные явления и профанные действия, совершающиеся в позднейшие времена» [2].

Парадигма «преступления» социальных норм и запретов, нарушения космической упорядоченности, легитимности, явленная в трикстере, сочетается с еще одним свойством отрицательного варианта культурного героя – шутством. Архетип шута, священного плута, возмутителя спокойствия, трикстера отсылает нас к таким культурным феноменам как *игра* и *праздник* в их соотношении с антисистемным насилием.

Игра как явление культуры, по мнению Й. Хейзинги, имеет ряд определений, отличающих ее от любой другой человеческой деятельности:

- игра *свободная* деятельность;
- игра находится вне сферы «обыденности»;
- игра – деятельность *незаинтересованная*.

Все эти качества позволяют нам отнести феномен игры к сакральной сфере.

Свобода, понимаемая Й. Хейзингой в широком смысле, выводит человека за рамки природной обусловленности. Игра «есть функция, без которой он мог бы и обойтись. Игра есть некое излишество. Потребность в ней лишь тогда бывает насущной, когда возникает желание играть. Во всякое время игра может быть отложена или не состояться вообще. Игра не диктуется физической необходимостью, тем более моральной обязанностью» [3]. Священное, как внеприродная сила, в этом пункте сопрягается с игрой.

Однако наибольшее сближение игры и священного мы наблюдаем в совершенно особенном свойстве игры обособляться от «обыденной» жизни. Так же как священное противостоит профанному, игра противостоит «обыденному», что проявляется в изолированности места действия и продолжительности. Время игры, как и священное время циклично. Повторяемость игры составляет одно из ее сущностных свойств. Сакральное пространство схоже с пространством игровым, и то и другое равно требуют изоляции.

Таким образом, игра как принадлежность сакрального и сфера действий шута-трикстера входит в противоречие с нашими прежними выводами. Антигерой, существующий в рамках «жертвенного кризиса», смешения оппозиций сакрального и профанного, не может быть отождествлен с трикстером, ведь его игровое время и пространство целиком сакрально. Однако, достаточен ли формальный подход, на котором делает акцент Й. Хейзинга для безусловной идентификации игры как сакрального феномена. Игра как форма, для которой содержание является второстепенным, не может однозначно приравниваться к сакральному, которое «вливается» в любую форму, сохраняя свои качества, если игра есть некая форма, которая может наполняться различной деятельностью, то сакральное представляется скорее содержанием, способным наполнять любую форму, «перетекать» из одной формы в другую. И если игра есть нечто, что требует изоляции от внешнего мира в силу своей «искусственности», то сакральное нуждается в ограничении в силу наибольшей истинности, составляя саму суть бытия.

Игра как свободная деятельность определяет произвольность человека в выборе самой игры. Игрок волен принимать условия игры или отказаться от них. Для игры характерна большая свобода действий, чем в реальности. Именно по этой причине люди играют. Легкость действий и отсутствие опасности в итоге делают игру привлекательной. Сакральное же не та сфера, в которой существует относительность правил. Любое действие исполнено смысла затрагивающего сами основы бытия. Тем более неосторожные действия, как и нарушение правил, ведут к неизбежной гибели. Если игра есть уход от реальности, то сакральное единственно подлинная реальность[4].

Таким образом, Р. Кайуа выстраивает, в отличие от Й. Хейзинги следующую иерархию взаимоотношений игры, сакрального и профанного: сакральное – профанное – игровое.

Изложенные позиции: игра как принадлежность сакрального (Й. Хейзинга), игра как профанная деятельность (Р. Кайуа) – равно противоположны нашему утверждению о тождественности трикстера антигерою. Антигерой, вызванный к жизни «сакральным кризисом», не может иметь однозначной «прописки» ни в сакральном, ни в профанном мире. И игра, как присущая ему форма деятельности, должна вмещать и сакральное и профанное.

Безусловно, следует согласить с Й. Хейзингой в том, что игра предшествует культуре и соответственно человеку: «игра старше культуры, ибо понятие культуры, как бы несовершенно его ни определяли, в любом случае предполагает человеческое сообщество, а животные вовсе не ждали появления человека, чтобы он научил их играть» [5]. И базовые категории человеческого бытия также как и многие другие, выде-

ляемые Й. Хейзингой, феномены культуры именно *разыгрываются*. Игра как *чистая форма* содержит в себе и сакральное и профанное, которые суть *чистое содержание*.

Таким образом, игрок-трикстер может существовать не только в сфере сакрального, но также и профанного. Культурный герой, выполняющий функции медиатора во временной и пространственной сакральной модели космоса (связь верха с низом, неба с землей, жизнью и смертью, мужским и женским) в ситуации «*сакрально-символического кризиса*» совершает переход и в рамках сакрально-профанного, насилия дозволенного и запретного.

Еще одна точка соприкосновения рассматриваемых нами насилия, игры и сакрально/профанного наблюдается в таком культурном феномене как праздник. Место и время, в котором трикстер актуализируется это праздник. Праздник в архаическом обществе символически воспроизводит моменты конца цикла и начало нового. Угасание старого мира, пробуждение хтонических сил хаоса и последующее обновление. Время нарушения сакральных запретов и установление новых. Время иерофании, легитимизирующей новый порядок: «в ходе него растрчиваются запасы, порой собираемые годами. Нарушаются самые святые законы, на которых, казалось бы, зиждется общественная жизнь как таковая. Предписывается делать то, что еще вчера считалось преступным, а на место привычных правил встают новые запреты... В это время дозволяются любые эксцессы, так как именно от эксцессов, растрат, оргий и насилий общество ожидает своего возрождения» [6].

Архаический праздник, как и игра, противостоит повседневности. Аналогом же в современности ему, как ни странно может служить война. Время «*сакрально-символического кризиса*», конца цикла, неизбежно требующее обновления может сравниться только с исключительностью войны.

Как и праздник, война разрывает «обыденное» течение жизни, она есть явление исключительное, что проявляется в прерывании «обыденности», консолидации общества, поглощении накопленных сил и средств, интенсивности.

Однако наиболее для нас существенным является то, что и праздник и война санкционируют нарушение запретов. То, что запретно в повседневной жизни, становится допустимым в праздничное время. Насилие, тщательно локализуемое и табуируемое в обычное время, становится предписываемым в военное: «высший закон, на котором основан общественный порядок у первобытных групп, – это правило экзогамии; в современных же обществах это уважение к чужой жизни. Нарушитель этого закона в обычное время подвергается самому суровому наказанию и самому гневному осуждению. Но вот наступает час боя или пляски, и возникают иные, новые формы; еще вчера считавшиеся запретными и гнусными жесты приносят славу и престиж... Война делает почетным не только убийство врага, но и целый комплекс поступков и настроений, которые осуждает мораль гражданской жизни и которые родители запрещают ребенку, а общественное мнение и законы – взрослому. На войне ценятся хитрость и ложь; допускается даже воровство... Также и об убийстве всем известно, что его требуют, что за него награждают и что оно обязательно» [7].

Однако, как всякая игра праздник имеет свои правила, что также роднит его с войной. Наличие правил неперемное условие игры. Война имеет свои правила ведения, восходящие к сакральным запретам на насилие и только тотальная война (по сути, террор) ведется вне правил. Й. Хейзинга видит причину несоблюдения правил в утрате игрового начала, соблюдении неперемного правила добровольного и обязательного соблюдения правил, утрате свободного характера игры, когда противник не признается равным, а соответственно недостоин игры по правилам. Но в случае террора мы можем говорить не столько о непризнании равным, а скорее о признании «нереальности» противника. Мир постмодерна, «оставивший» тотальное насилие в прошлом веке вместе с тоталитаризмом, не желает верить в реальность происходящего. Жесткая табуизация насилия внутри «золотого миллиарда» оборачивается «миротворческими акциями» в

странах «изгоях», которые носят названия «специальных операций», «миротворческих миссий» и чего угодно кроме «войны», «официально» изжитой, как и насилие. Оттого глобальный терроризм и обезличен, а его «бренд» У. Бен Ладен, представляется скорее виртуальным персонажем. Террористические акты оставляют впечатление нереальности, фантастически жестокой игры. Неуловимый и абстрактный террорист, архаичность образа и действий которого позволяют соотнести его с мифическим культурным героем (его отрицательным вариантом – трикстером), в условиях сакрально-символического кризиса «оборачивается» антигероем, как носителем антисистемности, и функциональность его носит те же черты сходства-различия (амбивалентность «превращенных» антисистемных форм откладывает отпечаток на всем: от образа героя-антигероя, до легитимного – нелегитимного насилия). Как трикстер традиционного общества является медиатором между сферами сакрального и профанного, так антигерой-террорист есть определенный посредник между мирами традиционализма (исламский терроризм как носитель сакральности) и модерна-постмодерна (рафинированное секулярное современное общество лишённое сакральности). Напомним, что многие из лидеров исламского террористического движения, позиционируемые как авангард мирового терроризма, получили образование в европейских странах, некоторые из них жили на Западе, или же были обучены «террористическому ремеслу» под руководством американских и европейских наставников, так наиболее известная террористическая организация, Аль Каеда есть порождение спецслужб США.

Культура, рассматриваемая через призму уже представленного нами деятельностного подхода, всегда исторична, обличена в конкретные культурно-цивилизационные «одежды», без учета которых рассмотрение феномена терроризма будет неполным, ограниченным и несколько абстрактным. Данное обстоятельство требует от нас обращения к современной культуре, определяемой как культура постмодерна в ее соотнесении с феноменом терроризма.

Говоря о постмодерне, возникает необходимость его определения, вычленения его сущностного свойства, характеристики. Возникает вопрос: чем представляется для нас постмодерн – эпохой современной культуры, сменившей модерн, период, характеризующийся упадком культуры, реализацией всех возможных потенций культуры, апогей и «усталость» культуры? Продолжая логику наших размышлений, мы можем ответить, что культура постмодерна есть культура противостоящая, отличная от культуры традиционной, религиозной в своей основе. Культура во многом десакрализованная, секуляризованная. Рожденный в недрах эпохи модерна, с ее установками на развитие рационализма, постмодерн «расколдовал» культуру, лишив сакральности не только саму религию (что во многом удалось сделать еще в эпоху модерна), но даже, казалось бы, абсолютно профанные области науки, непогрешимость которой (проявлявшаяся как некая «вторичная» сакральность) была низвергнута вместе с верой во всемогущее разума.

Однако мы не беремся утверждать, что современная культура начисто лишена сакральности, ведь без этой «категории чувствительности» трудно представить человека, пусть и далеко «ушедшего» от «человека религиозного». Скорее всего, можно вести речь о некоей распыленности сакрального, ситуации, когда ранее стабильные блоки сместились и перемешались, раздробились на мелкие куски, став мозаикой. Наглядным примером этой *мозаичной сакральности* постмодерна может служить современная религиозная ситуация. Кризис традиционных конфессий (те самые некогда стабильные блоки), «бум» синтетических культов, объединяющих различные доктрины и идеологии, от христианства до буддизма и язычества, «подъем» всевозможных суеверий (некогда восходящих к язычеству, а ныне ставших самостоятельным феноменом духовной жизни). Можно сказать, что сакральность покинула привычное местообитание в отведенном для него месте (церкви и другие культовые сооружения традиционных религий) и переместилась в пространство повседневности, в котором в перерыве между работой «просачивается» через радиоэфир гороскопом на неделю, уличными объявлениями ос-

частливить за умеренную плату «мага-чародея», шутливым гаданием на картах. Все это даже отдаленно не напоминает традиционной сакральности, тщательно оберегаемой от профанного, защищенной запретами могучей и грозной силы. Мы, (общество «пост»), свободны от сакрального.

Лишившись «диктата» сакрального, живя в перманентном сакрально-символическом кризисе, человек постмодерна избавился также и от сути легитимности, которая теперь поддерживается скорее в силу привычки, традиции. Нет больше сакральных запретов, ограничивающих насилие, категории дозволенного и запретного так же прозрачны, как и мозаичная сакральность.

Легитимность, являвшаяся тем маркером, который указывал на грань запретного, легитимность, являвшаяся внешним выражением категорий дозволенного и запретного, их четкого разделения, вместе с утратой сакрального также теряет суть и основу, становится только формой лишенной содержания, которая может наполняться чем угодно. Так «легитимные» операции миротворческих сил ООН в бывшей Югославии являют собой яркое отражение этого процесса. Война США в Ираке, сомнение в «легитимности» которой, безусловно, не подлежит сомнению, оборачивается террором. Таким образом, легитимность не просто активно симулируется, что наблюдалось и раньше, но продуцируется в угоду политическим, экономическим и иным интересам.

На смену традиционной сакральности пришла «искусственная», сознательно сконструированная. Лишившись реального основания бытия (сакральности), человеку постмодерна остается ее симулировать, создавать заменители ценностей, когда жизнь будет от IKEA, человек от GUCCI или ARMANI. Решающую роль в конструкции нового типа человека играют средства массовой информации. Человек эпохи «пост» в значительной степени уже не воспитывается традицией, эту важнейшую роль взяли на себя современные массмедиа, преимущественной целью которых является не трансляция опыта, а создание нового, способного лишь на время удивить и насытить эмоциональный голод современного человека.

Более того, когда исчезает сакральное, способное удостоверить реальность человека, дать ему высший смысл существования, то остается единственная возможность — другой человек: «так как больше невозможно постичь смысл собственного существования, остается лишь выставлять напоказ свою наружность, не заботясь ни о том, чтобы быть увиденным, ни даже о том, чтобы быть» [8]. Существование сводится к продуцированию изображения, обликов. Именно отсюда стремление террористов к своеобразной презентации своих действий, именно поэтому террористический акт непременно требует наличие зрителя, средств массовой информации, транслирующих происходящее на весь мир.

Извращенная притягательность террористического акта в телеэкране, ставшая неким шаблоном, общим местом у многих исследователей проблемы терроризма, действительно имеет место быть. Неприятие насилия сменилось неким интересом и влечением к нему, ведь нигде сегодня в таком «обнаженном» виде не проявляется телесность. Не столь давно, но уже прочно «забытое» тело «напоминает» о себе в насилии. Странным образом утрата сакрального оборачивается утратой телесного, симуляция символов захватывает и символику тела и пола. Освобождение от сакральных запретов сделало возможным освобождение от «диктата» пола. Пол становится понятием относительным. Говоря словами Ж. Бодрийара удел современной культуры и человека транссексуальность. Кажется, что человек поставлен перед выбором, которого ранее он не имел, получена новая возможность, появилось больше свободы и меньше принуждения и насилия (где же здесь терроризм?). Однако на деле новая возможность оборачивается своей противоположностью, но в новой, более изощренной форме, *безразличием*. На смену сакральным запретам пришел новый механизм подавления, безразличие и поощрение, преувеличение которое делает бесполезным любой протест, как и желание вообще. Нет смысла больше ограничивать насилие, вытеснять его на периферию

социума, локализовывать в сакральном, когда буквально становишься соучастником новой формы жертвоприношения – террористического акта. Телеэкранный мир позволяет это сделать каждому. Насилие словно уже не существует в «реальном» мире, а переносится в виртуальный мир массмедиа, в котором нет запретов (более того, СМИ активно пропагандируют насилие). А слияние этих миров (сомнение в реальности «реального» мира уже не вызывает сомнений) позволяет говорить о антисистемности культуры постмодерна, ее террористичности в смысле отсутствия запретов, когда нежелательное и запретное вместо ограничения включается в существующую систему. «Игра» продолжается лишь изменив «правила». Исключение (терроризм) только подтверждает правило (легитимность), хотя на деле между ними уже давно нет различия.

III. Таким образом, мы можем выделить различные стороны-облики культурного терроризма.

Культура, понимаемая как механизм деятельности, технология, предстает как уникальное целостнообразование, органическая система. Движение системы, развитие культуры, есть чередование периодов развития и упадка. Наряду с прогрессивным развитием системы, возможна и деградация, упрощение. История свидетельствует, что развитие системы сочетает движение «вперед», рождение «новых» форм и бесконечное усложнение и многообразие с «откатом» к истокам и элементарным формообразованиям, к «превращенности» привычных культурных форм, их извращению. Создается ситуация, рождаемая несоответствием «Вызова» «Ответу», по терминологии А. Тойнби, то, что нами обозначено как «сакрально-символический кризис» в условиях которого и реализуется общекультурный террористический проект, как возврат к архаическим культурным формам.

Сущностная диалогичность культуры позволяет говорить о культурном терроризме как коммуникативном феномене. «Дефицит реальности» старой системы, обусловленный утратой сакрального, вызывает к жизни антисистемный террористический проект, позиционирующий себя как альтернатива существующей реальности. Антисистема, активно конструируя антимир, перекраивает привычные формы сакральности, упрощает их, сводя к антагонистической (гностико-манихейской) дуальности сакральное – профанное/добро – зло, создает превращенного культурного антигероя, восходящего к мифическому герою-трикстеру, «кразыгрывающего» террористические сценарии.

Культура, рассматриваемая через призму уже представленного нами деятельностного подхода, всегда исторична, обличена в конкретные культурно-цивилизационные «одежды», персонифицирована в антропологической конкретности, что требует от нас обращения к современной культуре, определяемой как культура постмодерна и современному человеку. Обнаженность человека постмодерна, проявляющаяся в утрате сакрально-символических «одежд», побуждает к продуцированию их заместителей, симуляции, которая порождает извращенные формы, одной из которых и является терроризм. Внешняя имитация традиционных форм насилия (войны и жертвоприношения) скрывает новое содержание, суть которого антисистемна и антикультурна.

И еще одно, совершенно очевидно, что «героический» этап в истории терроризма прошел. Характерный для террора революционного, персонифицированный «антигерой-террорист» уступает место террористу виртуальному. Иначе говоря, обличенный террор сменяется обезличенным терроризмом.

Означает ли это, что «голоса» авторов теракта не слышны за речью власти, которая обладает монопольным правом не только на интерпретацию, но и на саму возможность быть услышанным, говорить и тем самым презентовать себя, быть? Скорее всего, да. «Роскошь» героизации недоступна современному терроризму. Вместе с этим он лишается и возможности легитимации. Ведь потенциально «антигерой» может стать «героем», но безликий террор никогда.

Список литературы

1. Милетинский Е.М. Поэтика мифа. 3-е изд., репринтное. – М., 2000. – С. 183.

2. См.: Там же. – С. 188-189.
3. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. – М., 1992. – С. 18.
4. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. – М., 2003. – С. 274.
5. Хейзинга Й. Указ. соч. – С. 9.
6. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. – М., 2003. – С. 278.
7. См.: Там же. – С. 280.
8. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – Режим доступа к изд.: [http:// www.soc.lib.ru](http://www.soc.lib.ru) – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS OF MODERN TERRORISM

S.N. Borisov¹⁾, O.S. Borisova²⁾

1) Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308600, Russia;

e-mail: SBorisov@bsu.edu.ru

2) Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308600, Russia;

e-mail: Borisova@bsu.edu.ru

The article deals with sociocultural background of modern terrorism and analyses the traditional nature of «the terroristic man» in the space of traditionalism of modernity.

Key words: terrorism, anti-system, sacral, myth, legitimacy.

НАРКОТИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Е.Е. Городова

Белгородский государственный университет, 308007, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;

Говорится о проблеме «омоложения» наркомании. Выявлены основные причины употребления наркотиков. Установлено, что причины употребления наркотиков среди молодежи можно разделить на внутренние и внешние. Приводятся выводы одной из теорий личности потребителей наркотиков. Выделяются основные этапы наркотизации молодежи.

Ключевые слова: наркомания, наркотики, молодежь, профилактика наркомании, первичная, вторичная и третичная профилактика.

В современном мире употребление наркотиков стало одной из наиболее острых социальных проблем. Достаточно сказать, что, по данным Организации Объединенных Наций, в 2006 году общее число лиц потребляющих наркотики, составляет около 185 млн. человек, что составляет 3% от всего населения планеты. В полной мере сказанное касается и Российской Федерации. Происходит непрерывный процесс наркотизации населения страны. Наркомания из проблемы отдельного человека, отдельного члена общества стала проблемой безопасности каждой семьи и общества в целом.

За последние 10 лет число наркозависимых в России возросло в 4 раза. Есть ещё две тенденции, которые очень настораживают: первая – феминизация наркозависимости, вторая – «омоложение» наркозависимых.

Об этом свидетельствуют масштабы и динамика её распространения в нашей стране в последние десятилетия, прежде всего среди молодого поколения. Возраст первой пробы снизился на 6 лет (с 17,6 лет в 1991 году до 11,3 лет на сегодняшний день). Доля потребляющих наркотик или пробовавших его хотя бы один раз в составе возрастной группы молодёжи 12-22 года – 44,8 %, то есть примерно 4,9 млн. человек [3]. За период с 1988 по 1998 гг. число смертей от употребления наркотиков увеличилось в 12 раз, а среди детей – в 42 раза [1]. В Белгородской области по сравнению с 1995 годом количество лиц, употребляющих наркотики, увеличилось в три раза. Согласно экспертной оценке ООН, если 7 % нации употребляет наркотики, то она не способна к воспроизводству. Сегодня в России эта цифра достигла почти 2 % . Можно утверждать, что наркомания в России сегодня стала угрозой национальной безопасности государства [4].

Количество выявленных больных наркоманией в России ежегодно увеличивается на 130 тыс. человек. Особенно губительным является злоупотребление наркотиками в молодежной среде под угрозой и настоящее, и будущее общества.

На протяжении ряда лет все больше подростков приобщаются к наркотикам, и каждый наркоман за свою короткую жизнь вовлекает в свою среду 8-12 новичков. За последние пять лет число наркоманов среди школьников и студентов увеличилось в 6-8 раз. Растет число детей, умерших от употребления наркотиков. В среднем по России в каждом классе употребляют наркотики 3-4 школьника, а в Москве этот показатель достигает 5-7 человек. В России официальная статистика, по различным данным, отстаёт от реального положения с наркоманией в России в 5-10 раз. Число молодых наркоманов увеличивается: в 1992 г. в стране было зарегистрировано 1,5 млн. человек, среди которых более половины в возрасте до 25 лет, пробующих или систематически употребляющих наркотики, а в 1994 г. число таких лиц, согласно данным Международной ассоциации по борьбе с наркоманией и наркобизнесом, составило 6 млн. человек. К настоящему времени этот катастрофический темп роста сохраняется. Как следует из ре-

зультатов социологических опросов в России, 8 % молодежи периодически принимают наркотики, 1% признались в их регулярном приеме, а еще 15 % пробовали употреблять наркотические вещества. Как следует из сводок и отчетов МВД России, в 2001 г. количество несовершеннолетних среди наркопреступников составляло 5607 человек.

Исследователи допускают возможность наркотического перерождения населения России. По мнению специалистов, можно говорить о том, что в России существует молодежная героиновая наркомания. На смену алкоголю приходят наркотики, которые становятся неотъемлемым атрибутом молодежной субкультуры, компонентом общения в подростково-молодежной среде. Таким образом, значительная часть молодежи причастна к наркотизации.

Результаты социологических исследований данной проблемы показали, что отношение к наркотикам и наркомании, как бичу, общества становится менее однозначным. Потребление наркотиков уже не является из ряда вон выходящим явлением.

За последнее время претерпела значительные изменения и социально-демографическая структура наркотизации молодежи. Теперь все чаще потребителями наркотиков становятся достаточно социально адаптированные и благополучные люди. Около трети данного контингента опрошенных подростков и молодежи живут в полных семьях, родители их в большинстве случаев служащие, инженерно-технические работники, учителя, врачи, представители интеллигенции.

По оценкам исследователей, если темпы роста наркотизации общества не спадут, то к 2060 году 80% подростков и молодежи станут потребителями наркотиков.

В чём же причина такого массового увлечения? Молодёжью чаще всего движет любопытство, чувство стадности, неумение сказать «нет» самому себе и своей компании. Кто-то пытается таким образом решить свои внутриличностные конфликты. Играет роль также безнадзорность детей, безразличие окружающих. Каждый год около 40 тысяч детей, не выдерживая побоев, издевательств, унижений, холода и голода, покидают места жительства, становятся безграмотными, наркоманами, разносчиками болезней.

На голову подростков обрушивается информационный поток низкопробных кино- и видеофильмов, в основном американского производства, пропагандирующих культ насилия и наркомании. В подростковой среде процветает мода на наркотики как на средство самоутверждения, повышения своего социального статуса. Ситуация усугубляется ослаблением роли семьи и школы. Разрыв эмоциональных связей с родителями затрудняет переживание невзгод, решение проблем. Отсюда нетруден переход к наркотикам.

В разных странах и даже в разных слоях общества в одной стране причины употребления наркотиков неодинаковы, однако есть нечто общее, лежащее в основе проблемы злоупотребления наркотиками практически повсюду в мире. Например, одна из причин, на которую ссылаются молодые люди из развитых стран, – это скука.

В качестве другой причины, выявленной в ходе обсуждений с молодежью из развивающихся стран, были названы отсутствие основных прав – на нормальное питание, медицинское обслуживание, образование, и возможности зарабатывать на жизнь. В обоих случаях выявленные причины указывают на один основополагающий фактор, а именно на отсутствие права распоряжаться собственной жизнью и контролировать её.

Таким образом, все причины можно разделить на внутренние (характерные особенности психики молодого человека, формируемые семьей, школой, группой сверстников) и внешние (влияние товарищей, дурная мода на наркотики, жизненные трудности и проблемы). Корни этого явления носят социальный характер, и последствия его весьма многогранны. Под влиянием состояния напряженности и домашних конфликтов, школьных неудач и жизненных трудностей, находясь в возрасте созревания с его специфическими особенностями, часто усугубляемыми неправильным формированием личности, юноша или девушка тянутся к группе или к обществу более старших, поддаваясь уговорам испытать необычные впечатления. Так формируется социальная зависимость. Психическая зависимость является устойчивой тенденцией подростка к ауто-терапии, к стремлению избавиться от депрессий, угнетенного состояния, плохого самочувствия, напряженности без помощи врача, и это означает то, что психологическая

зависимость предполагает наличие психопатологической симптоматики различной степени выраженности. Также следует подчеркнуть, что изучение особенностей клиники, диагностики и профилактики наркомании в подростковом возрасте без учета специфики возраста невозможно.

Ниже приводятся выводы одной из теорий личности потребителей наркотиков. Согласно этой концепции рассматриваемая категория людей включает в себя пять условных групп, в числе которых:

Экспериментаторы. Самая многочисленная популяция из всех пяти групп. К ней относятся лица, не возвращавшиеся затем к этому пагубному занятию после первого знакомства с наркотиками. К примеру, кто-то из них поверил книге, посвященной “чудодейственным” свойствам ЛСД познавать Вселенную. После жестокого приступа рвоты это “высокое” стремление пропадает.

Эпизодические потребители. К ним относятся в основном те, кто прибегает к наркотикам в силу сложившихся обстоятельств. Допустим, в сомнительной компании молодой человек, опасаясь прослыть за “белую ворону”, смело закатывает рукав рубашки для инъекции героина или, стойчески борясь с дурнотой, выкуривает закрутку с марихуаной. Вне названных или иных обстоятельств желания принимать наркотики у этих либо инфантильных, либо людей с заниженным самолюбием не возникает.

Систематические потребители. Принимают наркотики по определенной схеме. Например, по дням своего рождения, по случаю достижения значимого результата в работе, раз в квартал и т.п. Наивно полагают, будто бы этот самообман останется без каких-либо негативных последствий для психики и физиологии.

Постоянные потребители. Последовательно формируются из первых трех групп. Зачастую зависимы от наркотиков психологически и уже в силу этого вынуждены принимать препараты не только по случаю “знаменательного события”, а по причине формирования нежной привычки.

Больные наркоманией. Последняя группа – закономерный итог приема наркотиков без предписания врача. Входящие в нее индивиды зачастую зависимы от наркотиков не только психически, но и физически.

Классификация такого рода позволяет наглядно полемизировать с теми оппонентами, кто утверждает, будто человек, потребляющий наркотики, – больной, а, следовательно, наказывать его нельзя, можно только лечить.

Подобные умозаключения, основанные на софизме (ложном выводе, построенном на неверных медицинских и правовых знаниях), вводят общественность в заблуждение, особенно когда такие алогические послышки преподносятся с экрана телевизора, станции радиовещания, в прессе или книге.

Между тем первые четыре группы – так называемые поведенческие и требуют принятия в первую очередь воспитательных мер, а вот пятая группа действительно нуждается не только в квалифицированном лечении, но и социальной реабилитации.

Опыт работы с подростками, страдающими различными формами наркоманий, показывает, что процесс их наркотизации проходит согласно четырем основным этапам.

На первом этапе происходит проба или приобретение знаний о действии наркотического средства. Исследования, проведенные среди пациентов Реабилитационного детско-подросткового центра, показывают, что в большинстве случаев основной причиной, приводящей подростков к пробе психоактивных веществ (ПАВ), является исследовательский интерес или, другими словами, любопытство. Попробовав же наркотик и получив через собственный опыт информацию об испытываемых при интоксикации ощущениях и переживаниях, они приобретают знание, выражающее примерно следующее: «Какая бы проблема ни случилась со мной, как бы мне ни было плохо в будущем, теперь я знаю способ, как доставить себе удовольствие!». Этот механизм, когда ребенок знает, что, изменив состояние сознания, он может уйти от различных ситуаций, доставляющих ему дискомфорт, называется психологической зависимостью.

Второй этап наркотизации характеризуется эпизодическим употреблением ПАВ. В этот период наркотик выступает как дополнительный стимулятор, используемый для

повышения уровня переживаний от различных действий, совершаемых подростком: например, от танцев в ночном клубе, сексуального акта, компьютерной игры, похода в лес и т.д. Дело в том, что при регулярном совершении вышеперечисленных действий ощущения и впечатления от них притупляются, а наиболее простым и доступным способом их обострения для подростков часто является употребление наркотических средств.

Третий этап наркотизации характеризуется систематическим употреблением психоактивных веществ. Прием наркотических средств может осуществляться редко, например, 1 раз в 2 недели или в 1 неделю, но уже достаточно регулярно. В этот период наркотик начинает выступать как основной стимулятор, и потребление ПАВ постепенно заменяет все остальные способы получения подростком удовольствия и положительных эмоций. Систематическое употребление постепенно начинает оказывать влияние на организм подростка, и у него появляются различного рода эмоциональные и психические нарушения: резкие перепады настроения, бессонница, неадекватные реакции в обычных ситуациях и т.д., что свидетельствует о формировании психической зависимости. Кроме этого, начинает изменяться социальное окружение подростка: у него появляются новые подозрительного вида друзья, меняется его манера общения.

На четвертом этапе наркотизации начинает учащаться количество приемов ПАВ, а также увеличивается употребляемая доза. Постепенно у подростка формируется физическая зависимость, поэтому при возникновении перерыва в приеме привычного наркотика, то есть такого, от которого уже есть зависимость, у наркомана возникает синдром отмены, характеризующийся состоянием, внешне похожим на легкую простуду, недомоганием, насморком, ознобом, «гусиной кожей», потливостью, раздражительностью, бессонницей и физическими болями в различных частях тела. На этом этапе обычно родители узнают, что их ребенок наркоман, так как из дома начинают пропадать ценные вещи и деньги, на которые приобретаются наркотики. В этот период подросток часто бросает школу, может уйти из дома, иногда начинает перепродавать наркотики, вследствие чего возникают проблемы с правоохранительными органами.

Продолжительность каждой стадии (этапа) определяется многими факторами. Сюда относят характер наркотического вещества, способы его введения в организм и приобретенные заболевания (СПИД, гепатит и др.), возраст, пол, исходное состояние физического и психического здоровья, семейную обстановку, социальное окружение. Но в большинстве случаев наркотики доводят наркомана до последнего этапа – гибели. Продолжительность жизни при переходе на сильные наркотики невелика: от 2 до 5 лет после начала заболевания. Жизнь наркоманов в среднем сокращена до 25 лет.

Анализ литературы, посвященной изучению проблемы подростковой наркомании, позволяет сделать вывод о том, что основными задачами профилактических программ являются выявление наиболее ранних этапов формирования наркомании и предупреждение употребления наркотиков. На разных этапах наркотизации от специалистов требуется применение различных видов профилактических мероприятий.

Первый этап – превентивный. Основные особенности: четкая и доступная информация для детей, подростков, родителей, учителей с целью разъяснения не столько вреда наркотиков, сколько пользы здорового образа жизни, формирования здорового морально-психологического климата, создание условий для разумной организации проведения свободного времени, разъяснения определенных норм поведения. Желательно, чтобы эта работа проводилась по определенным принципам:

- индивидуальная направленность;
- выявление групп риска с использованием различных методов (медицинских, психологических и др.);
- профилактическая работа с лицами различных групп риска по групповым и индивидуальным программам, тренинговым системам;
- организация специальных летних лагерей отдыха для детей с девиантным поведением.

Профилактика на первом этапе – это обязанность учителя и классного руководителя, забота родителей и родных, внимание школьного психолога и врача. Это повседневная кропотливая работа, требующая определенных знаний по проблемам наркоман-

нии. Основные трудности в проведении первичной профилактики ложатся на педагогов, родителей, психологов, врачей. Большая часть педагогов школ, средних специальных и высших учебных заведений не имеют необходимых знаний по диагностике и коррекционному воспитанию детей и подростков в современных социальных условиях. Целенаправленное обучение педагогов основам профилактики наркомании в молодежной среде позволит многим потенциальным наркоманам избежать этой ужасной участи.

Второй этап профилактики – это раннее выявление, диагностика и лечение наркоманов. В основном это прерогатива наркологических диспансеров и специальных лечебных учреждений. При проведении вторичной профилактики обязательным является работа с членами семьи подростка.

При систематическом употреблении ПАВ подросток нуждается в лечении и комплексной реабилитации, охватывающей биологические, психологические и социальные аспекты наркомании посредством проведения поддерживающей фармакотерапии, индивидуальной, групповой и семейной психотерапии. Этот этап, называемый третичной профилактикой, ориентирован на обеспечение ремиссии и профилактику рецидивов.

Наркомании относятся к группе пограничных психических расстройств и имеют биопсихосоциальную этиологию. Поэтому при проведении профилактических мероприятий должны учитываться все три составные части их этиологии.

Биологический аспект профилактики наркоманий включает в себя занятия спортом, восточными единоборствами, а также другими подобными видами деятельности, обеспечивающими физическое и психологическое развитие подростка. Психологический аспект профилактики включает в себя работу с различными психосоциальными проблемами подростка, с целью чего проводится индивидуальная и групповая коррекция, а также тренинги личностного роста, развития коммуникативных навыков и т.д. Социальный аспект профилактики подразумевает работу с окружением подростка – в основном семейную консультацию и семейную психотерапию, охватывающую членов его семьи и, в случае необходимости, других родственников.

Список литературы

1. Вахрамеев А.В. К вопросу об обеспечении национальной безопасности Российской Федерации (декларации и реальность) // Социально-гуманитарные знания. 2001. 1. С. 17.
2. З.В. Коробкина, В.А. Попова. Профилактика наркотической зависимости у детей и молодежи // М., Академия. – 2002.
3. Нарконет. 2002. 5-6. С. 29.
4. Силласте Г. Социальная безопасность личности, общества и государства // Безопасность Евразии. 2000. 1. С. 19.

DRUG ADDICTION IN YOUTH COMMUNITIES

E.E. Gorodova

Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78; Belgorod, 308008 Russia;

The author observes the problem of rejuvenation of drug addiction, regards the main causes of it which are claimed to be divided into external and internal. The paper is backgrounded on the theory of drug addictor personality. The author also reveals main stages of youth “narcotisation”.

Key words: drug addiction, drugs, youth, drug addiction prevention.

**КОММУНИКАТИВНО-ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА
РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ)**

Е.В. Переверзев

Белгородский государственный университет, 308015, ул. Победы, 85;
e-mail: Pereverzev@bsu.edu.ru

В статье рассмотрены некоторые особенности современного Китайско-Российского политического дискурса на базе концепции полипараметрального моделирования в структуре проблематики современного междисциплинарного поля гуманитарного знания. Концептуальность дискурса рассматривается в призме идей сложного единства языковой практики и экстралингвистических факторов, чья природа может быть описана в терминах нового подхода полипараметрального моделирования. Политика описывается в терминах своей дискурсивной природы. Прилагаемые таблицы рассматривают характеристики языкового и коммуникативного параметров Китайско-Российского политического дискурса.

Ключевые слова: дискурс, дискурсология, коммуникация, политика, интернет.

При рассмотрении политического дискурса важнейшим является вопрос о его онтологическом статусе и структурных особенностях. Стремясь не увязнуть в сети воззрений на само явление дискурса, отметим то, что в контексте настоящей работы актуализированы такие его онтологические свойства, как многоаспектность и полипараметральность, в виду того, дискурс в целом, и политический дискурс в частности, является многослойным, многоуровневым и многофакторным феноменом имеющий языковые, речевые и когнитивные параметры. В отношении проблемы изучения современного политического дискурса, необходимо, кроме того, подчеркнуть важность современного состояния гуманитарных наук, при котором по замечанию исследователя Е.А. Кожемякина «одновременное существование неоднозначных, протеворечивых и в некоторых случаях взаимоисключающих точек зрения (а) на объект социально-гуманитарного исследования, (б) на категории выражающие сущее, и (в) на инструмент познания» выливается в онтологический конфликт» [Кожемякин, 2006, 81]. Вышеупомянутое явление, несмотря на свою кризисную сущность, характеризует бурное развитие социально-гуманитарных наук, в ходе которого одни и те же проблемы порой решаются путем реализации противоположных а порой и вовсе контрадикторных методологических приемов. Кроме того, данная ситуация накладывает особую ответственность на исследователя в сфере политического дискурса, и требует не только четкого определения его исторической, социальной и культурной обусловленности, но и учета всего многообразия его параметров.

Релизация данного подхода к изучению политического дискурса во всей его полноте является целью диссертационного исследования, данная же статья имеет целью определить коммуникативно-языковую специфику Российско – Китайского политического дискурса.

Исходя из понимания дискурса прежде всего как сложного единства языковой практики и экстралингвистических факторов [Усманова, 1999, 222] мы полагаем рассмотреть его с точки зрения: (а) основных параметров, (б) общих принципов структурирования, взяв за основу Российско-Китайский политический дискурс.

В работе «Язык и языковые отношения как предмет политической науки: теория и методология анализа» автор Л.М. Мухарямова справедливо отмечает тот факт, что

несмотря на значительное количество социолингвистических исследований в области политического дискурса, данные работы ориентированы значительным образом на проблему функционирования дискурса именно как языка и текста. При этом зачастую упускается из вида тот факт, что «языковая политика – это не только фактор, определяющий некоторые важные тенденции в функционировании языка. Языковая политика – это еще и часть политики, как сферы общественной жизни, это деятельность государства и общества по согласованию интересов различных общностей в сфере языковых отношений» [Мухарямова, 2004, 11] по словам другого исследователя «язык в его классическом понимании, (как система кодов и основание общения) более не отвечает требованиям современных социально-гуманитарных наук и не представляется адекватным объектом анализа. Язык приобретает теперь актуальность, исследовательское значение лишь в контексте своего собственного применения». [Кожемякин, 2006, 87] Данные замечания приобретают особую актуальность в контексте изучения столь многоаспектного явления, каковым несомненно является политический дискурс Китая и России. И в этой связи важно отметить, что рассматривая данный дискурс мы стремимся не только очертить его онтологические рамки *per se*, но и пронаблюдать данный дискурс во всей полноте его реализации в формах властных, коммуникативных и социальных практик.

Для исследования Российско-Китайского политического дискурса, учитывая принцип полипараметральности, мы предлагаем рассмотреть два параметра, условно именуемых «Языковым» и «Коммуникативным» (см. соответственно табл. №1 и табл. №2).

В основу определения Языкового параметра был положен принцип прагматической направленности соответствующего ресурса в рамках процесса межкультурной и межгосударственной политической коммуникации, сориентированности информации на китайского, российского либо смешанного реципиента. Кроме того, обращает на себя внимание феномен выхода пространства Российско-Китайского политического интернет дискурса за пределы интернет – ресурса каждой из стран, явление, требующее, на наш взгляд, отдельного рассмотрения, что не позволяют рамки данной работы.

Коммуникативный параметр в основе своей опирается на принцип коммуникативно-языкового деления и кроме того отражает ряд тенденций в Китайско-Российском политическом дискурсе, среди которых, например, реализация дискурсивной информации посредством третьего языка, языка-посредника, что является характерной чертой телеологической обусловленности данного дискурса.

Переходя к рассмотрению факторов формирования Российско-Китайского политического дискурса, целесообразно почеркнуть их историческую, социальную и культурную обусловленность. Так, в поле основных типов факторов воздействия на исследуемый дискурс, на наш взгляд наиболее значимыми являются исторические, геополитические, коммуникативные и экономические. Кратко остановимся на раскрытии смысла данной классификации.

Одной из характерных черт исторического процесса взаимоотношений Китая и России несомненно является то, что инициатором диалога всегда являлось государство. Как отмечает исследователь российско-китайских отношений Луань Цзинхэ «Первой официальной делегацией из России в Китай считается Посольство Байкова в 1665 году в Пекине. Из-за серьезных различий во взаимопонимании культур посольству Байкова не удалось выполнить дипломатические функции по поручению Царя, но Китай и Россия наконец-то узнали друг друга» [<http://www.cnru.chinaau.com>].

В дальнейшем практика межгосударственного диалога также реализовывалась главным образом на уровне политического дискурса (Албазин и Нерчинский договор, Кяхтинский договор и конфликт на Даманском)

Таким образом, Российско-Китайская коммуникация изначально была основана на принципах политического диалога, что по мнению некоторых специалистов является также реалией нынешнего времени. Политический дискурс, таким образом являлся

главенствующим в структуре коммуникации, границы его выходили далеко за пределы обычного политического коммуникативного поля, заполняя имеющиеся разрывы в уступающих ему по развитию общественного дискурса, дискурса СМИ других видов дискурсов [<http://www.cnru.chinaau.com>].

На сегодняшний день стремительно развивающаяся Российско-Китайская интернет – коммуникация продолжает демонстрировать тенденцию к доминированию политического дискурса над менее развитыми общественным дискурсом, дискурсом СМИ, образовательным и другими видами дискурсов, что на наш взгляд является характерной особенностью реализации властных отношений в дискурсе и будет рассмотрено несколько позже.

Сущность блока геополитических факторов, определяющих специфику Российско-Китайского политического дискурса заключается главным образом в том, что несмотря на разительные различия в историческом, этническом, религиозном, социальном и культурном плане, Китай и Россия являются не только соседскими государствами, но и мощными геополитическими полюсами, влияющими на политику, экономику и культуру окружающих их государств [Торкунов, 2001]. Отношения между ними играют значительную роль в балансе сил не только дальневосточного региона, но и всего остального мира. Как отмечено в договоре о обрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ (16/07/2001) «укрепление дружбы, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества между ними во всех областях отвечает коренным интересам их народов и способствует сохранению мира, безопасности и стабильности в Азии и во всем мире» [<http://russian.china.org.cn/russian/31979.htm>]. В этой связи очевидно также и то, что Российско-Китайский политический дискурс, не только отражает состояние баланса сил в регионе, но и оказывает значительное воздействие на формирование политических дискурсов – саттелитов, во многом ориентированных на него. В макроструктурном плане указанная специфика проявляется на уровне реализации таких параметров как мультязычность и внешний информационный ресурс (см. Таблица 1, Таблица 2).

Основой блока коммуникативных факторов формирования Российско-Китайского политического дискурса в среде Интернет, целесообразно, по нашему мнению считать семиотические различия в структуре коммуникации с одной стороны и структурно-информационную онтологию информации в Интернет как принципиальном средстве, «медиуме» в маклюэнистском понимании данного термина, с другой [Маклюэн, 2003, 11]. В семиотическом структурном плане Российско-Китайский дискурс формируется главным образом на основе двух самобытных замкнутых и самодостаточных социокультур – Российской (славянской) и Китайской (дальневосточной). В этом плане основа соответствующих языков – славянская кириллица и китайская иероглифика выводят соответствующий дискурс за рамки информационного поля политической коммуникации, придавая ему процессуальные характеристики многоуровневого межкультурного взаимодействия. Что же касается роли информационного пространства Интернет, то кроме вышеупомянутой черты глобального маклюэнистского *medium-message*, отдельное влияние на онтологические, гносеологические и телеологические параметры оказывает ряд принципиальных особенностей Интернет в первую очередь, как информационного поля, коммуникативной среды и глобального СМИ. В совокупности данные два типа факторов ведут исследователя к проблеме создания особой информационной среды, позволяющей представителям двух координально отличных культур осуществлять коммуникацию в Интернет без выхода за пределы привычного коммуникативно-семиотического пространства. На наш взгляд, для описания подобной среды возможно использование термина «*дружественная информационно-коммуникативная среда*». Практическая реализация данной концепции в структуре межкультурного и межгосударственного Интернет-диалога, позволила бы, по нашему мнению, преодолеть принципиальное культурно-семиотическое «непонимание» порожденное в частности различиями в семиотике соответствующих коммуникативных сред. Идея создания подобной среды требует даль-

нейшей концептуализации и разработки, что не входит в задачи данной статьи и является предметом дальнейших исследований.

Говоря о блоке экономических факторов в макроструктуре Российско-Китайского политического дискурса, было бы целесообразно вернуться к рассмотренному ранее феномену доминирования политического дискурса в структуре Российско-Китайской коммуникации, что связано в первую очередь с комплексом исторических причин. Как замечает в статье «Некоторые соображения о Российско-Китайских отношениях на современном этапе» исследователь Луань Цзинхэ, «экономическое сотрудничество всегда оказывает непосредственное влияние на развитие политического партнерства» [<http://cnru.chinaau.com/news>]. Среди недостатков межгосударственного диалога наряду с малой внедренностью населения обеих стран в информационно-коммуникативный процесс, автор также называет сравнительную отсталость в развитии экономического дискурса России и Китая по-сравнению с дискурсом политическим. В этой связи в качестве показателя позитивного развития коммуникации между двумя странами, станет, по нашему мнению постепенное усиление экономического дискурса как в общем информационно-коммуникативном пространстве, так и внутри информационно-коммуникативного пространства Интернет, его большее внедрение в поле политической коммуникации посредством реализации политико-экономических информационных проектов, а также через возникновение значительного количества частных коммерческих проектов, заинтересованных в поддержании диалога в целях оптимизации экономического сотрудничества. Примеры подобного развития уже имеются, и среди них, одним из наиболее ярких является форум «Восточное полушарие» [www.polusharie.com], органично объединяющего в себе политическую, экономическую, развлекательную информацию в частности в рамках коммуникативного дискурса Россия – Китай. Характерным отличием данного проекта является то, что реализован он был не через целевую государственную программу, а путем совместной работы специалистов-востоковедов. Очевидно при этом, что развитие данных тенденций – дело ближайшего времени и изменения в структуре коммуникации между Россией и Китаем должны не столько объективно отражать практические достижения сотрудничества, сколько способствовать их развитию в количественном и качественном планах, путем создания мощного и эффективного информационно-семиотического поля.

В ходе рассмотрения коммуникативно-языковой специфики Российско-Китайского политического дискурса, таковая была рассмотрена исходя из понимания дискурса как «единства языковой практики и экстралингвистических факторов». Целью работы явилось определение некоторых принципов формирующих специфику организации макроструктуры дискурса, рассмотрение основных факторов его формирования, а также его роли в дискурсивной среде Китайско-Российской коммуникации. Данная цель была реализована в форме разработки Коммуникативного и Языкового принципа на основе анализа материалов Интернет. Работа подтвердила тезис о многослойной, многоуровневной и многофакторной природе исследуемого феномена Китайско-Российского политического дискурса, была разработана обобщенная схема факторов, оказывающих влияние на реализацию, представление и трансляцию политического дискурса. В дальнейшем целесообразным представляется исследование по двум основным направлениям: (а) исследование феномена Российско-Китайского политического дискурса в контексте его макроструктуры, (б) сравнительно-сопоставительный анализ российско-китайского политического дискурса и иных дискурсов межгосударственной политической коммуникации, с целью выявления и последующего анализа характерных черт присущих данному дискурсу. Реализация данных задач планируется в рамках хода соответствующей диссертационной работы по изучению теоретико-методологических основ политического дискурса.

Таблица 1

Языковой параметр макроструктуры Российско-Китайского дискурса Интернет

Макроструктура Российско-Китайского политического дискурса Интернет (Языковой параметр)			
Ресурс	Русскоязычный	Китайскоязычный	Мультиязыковой
Содержание	Внутридискурсные информационные ресурсы Интернет на русском языке	Внутридискурсные информационные ресурсы Интернет на китайском языке	Внутридискурсные информационные ресурсы Интернет на нескольких языках
Пример	Проект Центразия http://www.centrasia.ru	Zaobao.com http://www.zaobao.com	Сайт МИД России http://www.mid.ru/

Таблица 2

Коммуникативный параметр макроструктуры Российско-Китайского политического дискурса

Макроструктура Российско-Китайского политического дискурса Интернет (Коммуникативный параметр)				
Информационный ресурс Интернет	Внутри-российский информационный ресурс Интернет	Внутри-китайский информационный ресурс Интернет	Общий информационный ресурс Интернет	Внешний информационный ресурс Интернет
Прагматическая направленность	Мы о них или Россия о Китае	Они о нас или Китай о России	Мы о них и о нас – они о себе и о нас или ресурсы обоюдной направленности Китай – Россия – Россия – Китай	Не мы о нас или внешние ресурсы о Китае и России
Пример реализации	Портал Союза Военных Китаеведов России http://www.arrieregarde.ru/content/?idrazdel=5&id=378	Информационно-политический портал агентства Синьхуа по обзору текущей ситуации в России http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-06/01/content_418805.htm	Сайт Министерства иностранных дел КНР http://www.fmprc.gov.cn/rus/	Китайско-Российская страничка форума за демократию и права человека в Туркменистане http://www.gundogar.org/

Список литературы

1. Кожемякин, Е.А. Онтологический конфликт современных социально-гуманитарных наук и дискурсная методология // Человек в изменяющейся России: философская и междисциплинарная парадигмы. М-лы Всероссийской научной конференции [текст] – Белгород: БелГУ, 2006 – С.79 – 87.
2. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека [текст] – М.; Жуковский: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», – 2003. – 464с.
3. Мухарямова Л.М. Язык и языковые отношения как предмет политической науки: теория и методология анализа: Дис. ... д-ра полит. наук [текст] – Москва, 2004 – 406 с.
4. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов [текст]. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
5. Торкунов А.В. Китай в мировой политике. – М.: МГИМО(У), РОССПЭН, 2001, с.4
6. <http://www.polusharie.com> [электронный ресурс]
7. <http://cnru.chinaau.com/news> [электронный ресурс]

8. (<http://russian.china.org.cn/russian/31979.htm>) [электронный ресурс]
9. Луань Цинхэ «Некоторые соображения о китайско-российских отношениях на современном этапе» Цинхэ Луань [электронный ресурс] // <http://www.cnru.chinaau.com>

LINGVO-COMMUNICATIVE SPECIFIC OF SINO-RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON THE INTERNET MATERIALS)

E.V. Pereverzev

Belgorod State University, Pobedy St., 85, Belgorod, 308015, Russia;
e-mail: Pereverzev@bsu.edu.ru

The article reveals some peculiar properties of the modern Sino-Russian political discourse on the basis of the conception of poly-parameter model in connection with several relevant problems in modern cross-disciplinary field. The concept of discourse is seen as a complex unity of language practice and extra-linguistic factors which nature may be described in terms of the new poly-parameter modeling approach. The conception of politics is characterized in terms of its discursive nature. The attached tables reveal the characteristics of linguistic and communicative parameters of Sino-Russian political discourse.

Keywords: discourse, discourse analysis, discoursology, models of discourse, communication, macro-structure, political discourse, Sino-Russian relations, poly-parameter models of discourse.

ДИСКУССИЯ «О СПЕЦИФИКЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ»

В декабре 2006 года на кафедре философии Белгородского государственного университета была развернута дискуссия о природе религиозной философии, точек ее соприкосновения с теологией/богословием, историей философии, религиоведением и т.д. Интерес к этому вопросу возник тогда, когда в БелГУ появился социально-теологический факультет (СТФ) и студенты вместе с преподавателями окунулись, в поистине, неизведанный мир «светской теологии» (определение специальности в Госстандарте). Тогда-то мы и столкнулись с интереснейшим предметом под названием «религиозная философия». Автором программы курса «религиозная философия», утвержденной на уровне министерства в свое время стал профессор В.П. Римский, который и начал семь лет назад чтение этой учебной дисциплины в Белгороде.

Казалось, речь будет идти по преимуществу об истории мировой философии, начиная с античности, когда многих философов называли «теологами», а великий Аристотель обосновал «первую философию» как «теологию», высшее знание о Боге и божественных вещах (ее позже стали называть метафизикой). В процессе же преподавания мы столкнулись с практической трудностью рассуждений о религиозной философии вне религиозных пристрастий и оценок. Многие, православно ориентированные студенты, оказались не готовы понять «чужую» философию, принять ее постулаты, логически доказывать свои конфессиональные предпочтения с помощью методов философского анализа.

О взаимоотношении философии и религии в свое время Н. Бердяев писал так: «Первое и самое сильное нападение философии пришлось выдержать со стороны религии, и это не прекращается до сих пор... Острота столкновения философии и религии определяется тем, что религия имеет свое познавательное в теологии, свою познавательную зону. Философия всегда ставила и решала те же вопросы, которые ставила и решала теология».[1] Так все же: зависима или нет философия от религии, не правомернее ли говорить о философии религии или о религиоведении, а религиозную философию рассматривать лишь как часть мировой, есть ли специфика у русской философии, входит ли философия в «обойму» боговдохновенных наук и т.д. Обо всем этом мы и провели дискуссию в стенах нашего университета.

Начало дискуссии положили доклад и статья В.П. Римского, которую мы и публикуем полностью, предваряя само обсуждение проблематики. Дискуссия вышла за рамки предметности и обсуждения конфессиональных методов преподавания и затронула самые разные аспекты в соотношении религиозного, богословского, философского и религиоведческого дискурсов. Возможно, эта дискуссия сможет стать началом заинтересованного разговора всех специалистов по данной проблеме.

Редколлегия выпуска

КАК ВОЗМОЖНА РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ?

В.П. Римский

(Белгородский государственный университет, зав. кафедрой философии)

Я начну свое рассуждение о специфике религиозной философии именно с постановки этого вопроса. Почему? Дело в том, что в профессиональной корпорации философов (и в западной, и в отечественной) существует устойчивое мнение, что философия – это наука о всеобщем, о первопричинах, о предельных основаниях бытия, природного, социального и человеческого и т.п. Здесь можно привести примеры из классической и школьной философских традиций – начало понимания философии как науки положило «новое время» и «просвещение», а марксизм и все разновидности позитивизма (вплоть до постмодернизма) провозглашали себя «научной философией». Мой научный руководитель профессор А.В. Потемкин в свое время «сломав себе шею» – так и не защитил перед судом «философской общественности» свою докторскую диссертацию о школьном, диатрибическом понимании философии, пытаюсь в рамках марксистской парадигмы определить ее специфику.

И говоря о философии как «науке», мы, разумеется, ответ на поставленный вопрос сразу можем дать отрицательный, т.к. религия это очевидно не «наука». А тогда и вопрос о религиозной философии становится курьезным, если не абсурдным.

В последнее время в отечественной философии наконец-то появились трезвые оценки философии как специфической формы знания, отличной от науки. Можно встретить утверждения о том, что философия в отличие от науки выносит «универсальные суждения и стремится вскрыть метафизические законы всего мирового целого» [2]. Но в свое время А.В. Потемкин и Э.В. Ильенков в контексте диалектики абстрактно-всеобщего и конкретно-всеобщего неоднократно отмечали, что и наука в своей теоретической части имеет дело с универсальными, всеобщими законами и суждениями. И совершенно справедливо В.В. Миронов далее отмечает, что философия этим не ограничивается – она включает в себя аксиологические моменты и выносит ценностные суждения, претендует «на решение вечных проблем бытия».

При такой постановке проблемы мы очевидным образом выходим на проблему соотношения философии и религии. И ответ получаем такого рода: если наука имеет глубоко рациональное отношение к бытию (в том числе и к человеческому), религия – ценностное, преломленное сквозь призму вероучения и вероучительного опыта, то «в философии как раз осуществляется наиболее сбалансированный вариант такого сочетания, причем ту или иную систему ценностей философ пытается рационально обосновать (в отличие от верующего человека), а рациональные построения и доказательства – сознательно развивать, исходя из каких-то общих ценностных представлений (в отличие от ученого)» [3]. Мы видим, что при таком понимании открывается «статья» в «философском законе» для легитимации «религиозной философии» хотя бы в качестве маргинального, периферийного феномена на историческом пути философии как таковой.

А связующим стержнем философии как таковой «выступает установка на решение предельных (вечных) проблем человеческого бытия в мире, значимых для всех времен и народов». Но, пытаясь ответить на вопросы о «предельных основаниях бытия» пусть и в кантовском преломлении сквозь призму человека (сверхзадачу философии он сводил к четырем основным вопросам: Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться? Что такое человек?), мы неминуемо упрямся не только в этот «предел бытия», в проблемы «начала бытия», «бытия и небытия» и т.п., а, в конечном счете, в проблему Абсолютного бытия и проблему Бога, мира и человека, т.е. в специфическую предметность собственно религиозной философии.

Так, кстати, в школьном, диатрибическом ключе и определяют специфику религиозной философии (как и философии вообще) многие отечественные авторы, работающие в русле религиозно-философской парадигмы. Но беда наша в том, что мы ни-

как не усвоим уроки юношеского эссе Гегеля «Кто мыслит абстрактно?»; мы никак не можем отрешиться от того, чтобы рассуждать о философии как таковой, а не о ее конкретно-исторических формах.

Но если оставаться на почве конкретной истории человеческого бытия, то универсальным фактом является то, что философия – возьмем ли мы за основу «осевую версию» возникновения философии Ясперса или европоцентристский вариант «греческого чуда» – всегда и везде возникает в недрах религиозно-мифологического сознания и культуры в качестве рационально-критической рефлексии, разрушающей оковы мифа и политеизма. Но для чего? Ну, чтобы стать способом «научного» познания мира и человека, ответит нам любой преподаватель философии, добросовестно излагающий курс истории философии или философской пропедевтики. А для чего человеку древнего мира, китайского, индийского либо античного, надо «научно» познавать мир, если он в своей повседневности, религиозной и публичной жизни прекрасно обходился и без этого, пользовался веками наработанными технологиями социальной и трудовой деятельности, религиозно-культурными и ритуально-публичными практиками? Можно много банальностей говорить о культурном предназначении философии, ее вкладе в «прогресс» и т.д.

Объективное историко-философское исследование, абстрагированное от догм атеизма и догм церковного вероучения, может прийти к выводу: философия возникает как альтернатива примитивному религиозно-мифологическому мышлению, прокладывает дорогу от примитивной «народной», мифологической религиозности – к развитым религиозным системам, к мировым религиям, которые основываются на личностном начале, на прямом диалоге человека и Бога, Я и Ты.

Подобная, исключительно рационалистическая и атеистическая трактовка античной философии, без учета ее религиозной и мистической составляющей, является одним из догматов европоцентристского мышления. Ведь возникает целый ряд вопросов, спровоцированных догматическим европоцентризмом. И один из них таков: почему столь «рациональная» и «научная» античная философия, «атеизм» и «античная наука» не устояли перед напором «христианской мистики»?

Дело все в том, что философы в этот период, как правило, оказываются приобщенными к различного рода религиозным сектам или организуют свои собственные (пифагорейцы). «Сектантский эзотеризм» характерен не только пифагорейцам. Гераклита называли «темным» (Дж. Томсон считает его «посвященным» в мистерии, что весьма правдоподобно для тех времен). В эзотеризме упрекали Демокрита, считая его сумасшедшим. И если он в Элладе и не примыкал ни к какой секте, то не исключено, что, проходя обучение на Востоке у магов и халдеев, Демокрит был инициирован, посвящен в таинства восточных культов. Пифагор первоначальное посвящение прошел также на Востоке, а уже затем основал, используя орфические настроения соотечественников, собственную религиозно-философскую секту-орден. Не вызывает сомнения и посвященность Платона в тайны пифагорейского ордена. За эзотеризм казнили Сократа, хотя он вряд ли принадлежал к какой-либо консорции философов типа пифагорейцев или софистов, но способы организации образовательной деятельности в его школе (а еще более в академии Платона!) давали и до сих пор дают основания именно в религиозном плане рассматривать первые философские школы и первые профессиональные образцы Пайдеи.

При таком подходе невозможно вести речь о каком-то «атеизме» в древности: отрицание примитивных народных верований, за которые были осуждены, например, Протагор и Сократ, это никакой не атеизм. Их и обвиняли в том, что они пытаются учить о существовании неких «новых богов» или Бога. Они были не «безбожниками», а искателями бога.

Непредвзятый подход показывает, что античная философия усиленно ведет поиск созерцательно-теоретического знания (но не «научного») знания о Едином: Гераклит и Ксенофан, Пифагор и Парменид – их волнует даже не столько критика примитив-

ного мифа-мнения, а поиск Единого, трансцендентного основания и сущности Бытия и, в конечном счете, бога. Потому и у «материалиста» Демокрита «бог есть ум в шарообразном огне». Сам образ жизни Демокрита, смеющегося пророка, свободного от авторитетов и ритуализма полиса-общины, ориентированного и на иноплеменные идеологии (персидскую религию), подрывал традиционный миф и культ, утверждал не традиционный миф, а миф для избранных, миф созерцательный и рационально-эстетический.

Вся философская система Платона также относилась к этому со-циокультурному ряду – элитарной идеологии. Но Платон, продолжая рациональную критику полисного «мнения» и примитивного родового сознания, начатого натурфилософами, фактически стоит у истоков формирования новой культовой и религиозно-философской системы – средневековой христианской теологии. В философии Платона мы видим обоснование «вторичного мифотворчества» с целью создания новой, более сложной институализированной религии, государственного культа с философско-теологическим обоснованием и рационализацией трансцендентного Бога. Когда в философскую проблематику, пытаясь преодолеть сциентизм, стыдливо пропускают «метафизику», то забывают, что у Аристотеля не было понятия «метафизика».

Просто этот термин, позже приобретший категориально-понятийный статус для характеристики философии, ввел александрийский библиотекарь Андроником Родосским (1 в. до н.э.), который был одним из составителей корпуса философских произведений Аристотеля и, располагая их в соответствии с внутренним содержанием и логикой аристотелевской системы, его книгу о «первых родах сущего» назвал «Метафизика», т.е. следующая «после физики» (или «философии природы» в более современной интерпретации) или «мета та физика». Сам Аристотель свод знания, расположенный в соответствующей книге, определял и как «первую философию», и как «науку о божестве» (см.: *Met.* VI, 1, 1026a 10-23). По Аристотелю «первая философия» как высшая форма мудрости и есть теоретическое знание (эпистеме) о «первых причинах» и о «первой сущности», противоположное практическому знанию (техне). Собственно, с Аристотеля и возникает понимание метафизики как высшего уровня систематизированного философского знания, постигающего сверхчувственные принципы бытия, заключенные в Божестве. И в этом плане метафизика изначально включает в себя в качестве фундамента определенные онтологические принципы. И, наконец, Аристотель прямо называет свою первую философию теологией.

Как мы видим, уже в аристотелевском определении свода метафизического знания очевидна религиозно-философская природа метафизики. Метафизическая проблематика присутствует и в предшествующих философских учениях, как систематизированных, так и несистематизированных. Мы обнаружим метафизические идеи и у досократиков (прежде всего у пифагорейцев и элеатов), и у Платона в его учении о Боге как Идее идей, составляющих сверхчувственный мир истинно сущего.

В частности, учение Платона об идеях как истинно сущем сверхчувственном мире божественного бытия, противоположном чувственному миру единичных вещей как бытию неистинному, бледной копии «мира идей» было, вероятно, одной из основных теоретических моделей религиозно-философской метафизики, которая затем нашла продолжение в различных конфессиональных и неконфессиональных формах. И в этом плане Аристотель был продолжателем религиозно-философских реконструкций Платона, но он дал истории мысли другую философско-теоретическую модель. Так, Аристотель, критикуя Платона за экстраполяцию на учение об идеях-эйдосах пифагорейского учения о числах как сверхчувственных принципах бытия, вводит понятие «энтелехии» как чистой божественной формы и перводвигателя, которые и являются предметом метафизики.

Неоплатонизм, возникший позже христианства, в диалоге и полемике с ним, изначально претендовал на особый философско-культовый статус. Таков и гностицизм, синкретический духовный феномен. Таким образом, даже на примере античной фило-

софии, самой модернизированной «научной философией» эпохи модерна, мы можем заключить: философия изначально возникает как альтернативный духовно-культурный религиозный проект.

То сложное отношение к античной философии, которое мы находим в Евангелиях, в Деяниях и Посланиях Апостолов, наблюдаем в христианской теологии эпохи патристики, не отменяет этого нашего вывода. Христианство произвело переворот в классической античной философии и пайдейе (в прямом плане был «переворот» как «переворачивание» и «пре-вращение», «оборачивание» смыслов). Особенно это наглядно становилось в их отношении к античной философии, которая к концу старой цивилизации, как я уже отметил, напрямую провозгласила собственной целью производство религиозных смыслов, являясь соперницей христианства.

Надо сказать, что все противоречивые оппозиции христианства по отношению к «языческой философии» были заложены в проповеди и учении святого Апостола Павла. Сам св. Апостол Павел так определял свое служение: «Я должен и Еллинам и варварам, мудрецам и невеждам» (Рим. 1:14). «Апостол язычников» имел не только римское гражданство, но и был прекрасно образован, прошел выучку иудейских книжников и языческих философов, много путешествовал до своего призвания Христом и обращения из Савла в Павла. Это и позволяло ему на равных «проповедовать об Иисусе» как в синагогах и греческих собраниях, так и в жилищах простых иудеев и ромеев. Однако во все времена и вплоть до наших дней обскуранты от христианства любили цитировать следующее высказывание св. Апостола Павла из «Послания Колоссянам»: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2:8).

Именно подобные места из Священного Писания позволяли некоторым апологетам христианства (и его критикам-атеистам!) полностью отрицать религиозный статус античной философии. Особенно в этом преуспели западные апологеты: от Татиана идет представление «языческой мудрости» как сплошного заблуждения или «творения дьявола».

Но внимательный интерпретатор не может не заметить, что в данном месте св. Апостол Павел речь ведет не вообще о философии как форме знания, а о философии, претендующей на культовый статус, на творение религиозных смыслов. Так как далее по тексту послания речь идет именно о ритуальных нормах, а по контексту ясно, что св. Апостол Павел полемизирует с гностиками, которые и пытались мирскому «тайному знанию», «философии» придать культово-ритуальное значение. Именно об этой философии говорится, что она «имеет только вид мудрости в самовольном служении, смиренномудрии и изнурении тела, в некотором небрежении о насыщении плоти» (Кол. 2:23). Против показного смирения и внешнего, телесного постничества направлено это апостольское послание. Потому далее и ведется речь о «духовном постничестве», об укрощении духовных страстей, а не только страстей телесных, перечисляются все Христовы заповеди блаженства и праведной жизни в миру «со Христом», «ветхий человек» противопоставляется «новому человеку». Здесь мы видим, что именно в апостольских посланиях религиозно-философская проблематика напряженно ставится в связи с задачами христианского просвещения, с отношением к «языческой» и «светской» мудрости.

И в «Деяниях Апостолов» (Деян. 17:22-34) мы наблюдаем св. Апостола Павла во всей мощи его светской образованности, преобразованной (какая игра слов получается!) светом Христова учения, подобно тому, как Савл преобразовался в Павла. Св. Апостол Павел в Афинах спорит с эпикурейскими и стоическими философами, а затем, выступив с речью в афинском ареопаге (надо быть подготовленным для этого и риторически, и философски, чтобы тебя слушали!), «спасает» множество ученых греков. Дионисий Ареопагит был ученым философом того времени: он ли написал весь корпус сочинений, ему ли приписали позже философско-богословские трактаты, но нужны были аргументы и соответствующий философский уровень, чтобы вывести этого человека из тьмы язычества. Именно такое отношение к образованности и разуму филосо-

фии находило основание и в ветхозаветной мудрости, которой св. Апостол Павел был выучен весьма высоко. Для «Апостола язычников» не было дилеммы «Афины или Иерусалим», как позже ему приписали «новые христианские книжники».

В религиозно-философской метафизике христианской патристики мы наблюдаем возвышение учения Платона к теологическим высотам христианского откровения, «воцерковление» античной философии. Это было связано с тем, что в первые века своего существования Церковь противостояла, прежде всего, мифологизированной философии гностиков, которые давали эклектическую духовно-мыслительную смесь, основанную не в последнюю очередь и на учении неоплатоников. Именно в метафизике неоплатоников была разработана проблема Бога как основополагающего принципа мироздания. Интерес к философии Платона и неоплатоников был связан и с теми спорами, которые в это время велись вокруг символа веры (проблема троичности Бога и двуединой сущности богочеловека Иисуса Христа).

В последующие столетия, как в византийской, так и в католической религиозной философии (равно и в мусульманской) возникает задача не столько логической выработки основополагающих религиозных концептов-догматов из первичных мифологем, сколько их дальнейшей рационализации в идеологическом пространстве победивших религий и новых культурно-цивилизационных систем. И здесь на смену пантеистической философии Платона и неоплатоников приходит переинтерпретированный средневековым Аристотель.

В средневековой метафизике мир конечных вещей понимается как несамостоятельный в своей сущности, как сотворенная природа (*natura naturans*), проблема основополагающих принципов бытия всецело переносится в мир божественный. Проблематика креационизма и Божественного мироустройства на долгие годы становится основной в религиозно-философской метафизике. Поэтому на смену античной космодицее (здесь концепт Бога, категории идея, энтелехия и т.п. носили подчиненный концепту космоса характер – религиозно-философская проблематика античности имеет по преимуществу пантеистическую специфику) приходит проблема теодицеи как доказательства бытия Бога. В средние века философия – не забытая «служанка теологии» (для меня в сравнении теологии и философии ближе евангельский символ Марии и Марфы в их служении Иисусу Христу), а способ теологического мышления, динамичное ядро религиозной цивилизации средних веков, «лоно» и «строительные леса» (М.К. Петров) науки «нового времени» (но и само «новое время» имеет глубинные христианско-сектантские смыслы!).

В религиозно-философской метафизике Возрождения начинают всплывать на поверхность духовной жизни неоплатонические и пантеистические философемы, что отразило гностический дух сектантства того времени. Антроподицея начинает сменять теодицею. Человек и сведенная в эпоху Реформации до уровня человека религия (обмирщение христианства) заменяют идею Бога как трансцендентной первосущности мироздания на идею Бога как Природы (и человека как части этой природы). Но и здесь При-Рода обожествляется, мифологизируется. В этом же ряду стоит и трансформация средневекового учения о двух истинах (истины веры и истины разума) в идею Двух Книг (Книга Библия и Книга Природа), одну из которых мы призваны постигать в истинах веры и Откровения, а вторую не просто в истинах разума – в истинах опытного естествознания. Так рождается собственно современная наука как сугубо новоевропейский (модернистский) способ познания мира.

В Новое время естествознание и наукообразные философские системы начинают претендовать на то, что можно рационально-опытным путем познать мир как целое, т.е. религиозно-философская метафизика как знание о первопринципах и началах мира становится излишней. Однако зародившееся естествознание оказывается бессильным противопоставить метафизической идее вечности и неизменности мира в его основных принципах и началах, что и привело к господству в XVII/XVIII столетиях деизма и дуа-

лизма как форм метафизики (Ньютон, Гоббс и др.). Виднейшие метафизики становятся одновременно и выдающимися естествоиспытателями (Ф. Бэкон, Декарт, Лейбниц, Паскаль и др.), а их метафизика так или иначе зиждется на квазитеологических основаниях.

Кант провозглашает необходимость метафизики как науки о Боге, свободе воли и бессмертии души. Необходимо лишь изменить метод прежней метафизики в результате критики «чистого разума». Кант различает метафизику природы (трансцендентальная философия, включающая онтологию, рациональную физиологию и космологию, и имманентную физиологию чистого разума, состоящую из рациональной физики и рациональной психологии) и нравственную метафизику, в сфере которой он и попытался дать собственное, морально-антропологическое доказательство бытия Бога.

Гегель в духе Канта критикует всю предшествующую метафизику на почве логико-методологической, нисколько не отвергая самой предметной области метафизики как науки о сверхчувственных предметах (Боге, душе и пр.): «Познать Бога посредством разума, – это, несомненно, величайшая задача науки» [4]. Свою философскую систему Гегель и строит как подлинную метафизику, а диалектику трактует как спекулятивную метафизику, раскрывающую понятие Бога: «...Выводы, к которым приходит свободное мышление, согласуются с содержанием христианской религии, так как последняя есть откровение разума» [5]. Метафизика остается вариантом рациональной теологии. У Шеллинга эта тенденция выражена еще более основательно и откровенно.

В философии XX века религиозно-метафизическая проблематика, растоптанная марксизмом и пораженная в правах позитивизмом, реабилитируется в философии Н. Гартмана, а затем и в феноменологии, и в экзистенциализме (Гуссерль, Хайдеггер). Возрождение традиционных религиозных смыслов метафизики на почве интерпретации достижений неклассического и постнеклассического естествознания происходит в неотомизме и протестантской теологии вплоть до конца XX столетия. Почему? Да потому, что различные варианты материализма и позитивизма, как и само естествознание (и отдельные социально-гуманитарные науки) не могут дать ответы на вопросы и смысла человеческого бытия, и устройства всего целостного Бытия, т.е. оказываются бессильными не только перед мировоззренческими и смысложизненными проблемами, но и показывают методологическую слабость по мере углубления в тайны Бытия.

Философия была и есть по преимуществу религиозная философия, она всегда претендовала и будет претендовать на то, чтобы быть или альтернативным религиозным проектом по отношению к господствующей религии и теологии, или быть инкорпорированной в их духовный контекст в качестве способа и формы философско-теологического мышления. Даже самые радикально-экстремистские варианты сциентистской философии (марксизм, позитивизм и т.п.) – религиозны. Религиозны не только по конечному культурно-идеологическому продукту (марксизм и тоталитарная мифология), но и экзистенциальной основе – попытке дать полные и окончательные ответы на все вопросы человеческого бытия, доведя их до воплощения в жизнь.

Поэтому тот вопрос, который мы обозначили в самом начале, можно теперь перевернуть иначе: А как возможна нерелигиозная философия? Ведь вся история философии нам показывает, что нерелигиозная философия – скорее всего исторический курьез, которому новоевропейская, модернистская мысль придала столь помпезный, «научный» статус.

Гутнер Г.Б. (Институт философии РАН, старший научный сотрудник). Прислушав с интересом доклад Виктора Павловича Римского, я хотел бы развернуть дискуссию в несколько иное русло. Мне кажется, религиозная философия при всех своих очевидных достоинствах имеет одно слабое место. Она исходит из религиозности, как из априорного основания. В этом смысле она противоположна философии религии, которая как дисциплина и особое предприятие философской мысли, несомненно, представляет собой плод секуляризации. Задача этой дисциплины состоит в анализе оснований религиозности и прояснении скрытых предпосылок религиозного сознания. Так

или иначе, философия религии представляет собой критику религии, понятую, впрочем, в самом широком смысле и делает предметом критического анализа то, что религиозная философия берет в качестве необсуждаемых очевидностей. Рискну сказать, что философия религии оказывается «в большей мере философией», поскольку прояснение и критика исходных оснований и есть собственно философская задача. Религиозная философия от этой задачи уклоняется, строя на заданном, но не вполне проясненном фундаменте.

Критика, осуществляемая философией религии, не обязательно должна быть понята исключительно негативно. Рефлексия оснований религиозности позволяет не только разоблачить религию, но и осознанно принять эти основания. Чтобы пояснить высказанные здесь соображения, я рассмотрю два важных эпизода философской критики религии, демонстрирующие различные стратегии анализа и открывающие разные перспективы существования религии. Первый эпизод – это философия религии Канта, которого, по-видимому, следует считать основоположником рассматриваемой дисциплины. Задача философского исследования вполне точно выражена в названии известного его труда – религию следует понять «в пределах только разума». Важно, впрочем, иметь в виду, что речь идет о практическом разуме. Понимание религии исходит из понимания морали. Само это предприятие предполагает ограничение религии в том смысле, что она не может быть рассмотрена как основа всего, в частности, как основание морали. Напротив, религия сама нуждается в обосновании. Заметим сразу, что здесь нет умаления религиозности. Здесь есть лишь констатация того факта, что религиозное убеждение не является очевидным для разума. В отличие от априорных принципов познания, религиозные принципы не могут быть приняты с необходимостью. Напротив, они принимаются лишь свободно, а потому для их принятия у разумного человека должны быть определенные основания. Этим основанием выступает «интерес разума», который, исходя из моральных императивов, приходит к постулатам бессмертия души и существования Бога. Человек не нуждается в этих постулатах для того, чтобы быть моральным. Он обретает моральный закон в себе и следует ему только ради него самого. Придерживаться требований морали для того, чтобы угодить Богу и получить заслуженное благо в будущей жизни, значит действовать из неморальных, а, в конечном счете, из аморальных оснований, поскольку это означает корыстную мотивацию поступка. Кроме того, требования морального закона универсальны. Они одинаковы как для верующего, так и для неверующего. Поэтому мораль не является следствием религии. Но упомянутые постулаты открывают дополнительное измерение морального поведения. Чтобы увидеть его, следует обратить внимание на один парадокс кантовской этики. Он заключен в самой формуле категорического императива, по крайней мере, в одной из них, требующей поступать «только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [6]. Парадоксальность этой формулы состоит в том, что она предлагает желать невозможного. Во-первых, ясно, что какую бы максиму я не определил для себя, согласно ей не станет поступать все человечество, а, возможно, вообще никто, кроме меня. Во-вторых, еще не ясно, в какой мере я, обладающий конечным разумом и ограниченным знанием, действительно могу предписывать всему человечеству правила поведения. В-третьих, наконец, непонятно, в какой мере я сам в состоянии удовлетворить столь высоким моральным запросам, живя в мире, постоянно принуждающем меня к прямо противоположному. Религия дает надежду преодоления этого противоречия между невозможностью и необходимостью выполнения морального закона. Заметим, что «надежда» – ключевое понятие кантовской философии религии. Надеяться я смею на то, что невозможно в рамках реального человеческого общества, на осуществление морального идеала и совершенное исполнение всеми морального закона. Поскольку все существующие в истории человеческие общества в значительной мере подчиняются естественным закономерностям (закону природы, а не закону свободы), то осуществле-

ние указанного идеала невозможно в исторической перспективе. Иными словами, то состояние мира и человека, на которое я смею надеяться, не может быть осуществлено человеческими силами.

Религия согласуется с разумом именно потому, что ее сфера не совпадает со сферой рационального познания. В этой связи необходимо обратить внимание еще на один аспект кантовской критики, на понятие иллюзии. Рассуждая о мире, душе и Боге, мы неизбежно применяем к ним привычные категории и схемы представления, которые использовали для чувственно воспринимаемых объектов. Тем самым мы неизбежно представляем трансцендентную реальность наподобие этих объектов, в частности приписываем ей пространственные и временные характеристики, мыслим ее как некую субстанцию, приписываем качества и т.п. Формируемые в результате понятия представляют собой лишь видимость познания, поскольку средства, использованные при их формировании, не пригодны для подразумеваемых под ними предметов. Заметим, что речь здесь может идти не только о метафизике в кантовском понимании, но о любом рассуждении, о предметах веры. Иллюзии такого рода свойственны как высокому богословию, так и повседневной народной религиозности.

Философия религии предписывает религиозному сознанию определенную дисциплину. Она не позволяет принимать собственные образы этого сознания за трансцендентную реальность, за нечто безусловное и требующее всеобщего признания в качестве религиозной истины. В лучшем случае, это есть лишь проекция трансцендентной реальности, которая неизбежно оказывается субъективной. Философия религии в данной ситуации исключительно важна именно как критика религиозного сознания. Будучи избавлено от такой критики, оно начнет догматизировать свои субъективные представления и, возможно, агрессивно навязывать их в качестве безусловных истин веры. Последнее, по-видимому, является вполне исчерпывающим определением фундаментализма. Заметим, что субъективность в данном случае не сводится к персональности. Субъективные религиозные образы могут вырабатываться целыми эпохами и культурами.

Обратимся теперь к иной стратегии в философии религии. Она была развита в XIX веке и с самого начала нацелена не на разумное обоснование, а на опровержение религии. Наиболее ярким выражением этой стратегии стал тезис Ницше о смерти Бога. Но мы рассмотрим здесь несколько более ранний эпизод – критику религии, развитую Марксом. Заметим, впрочем, что при видимом несовпадении подходов характер аргументации двух названных мыслителей очень близок. Так или иначе, они воспроизводят мысль Фейербаха о человеческом происхождении религиозных образов и понятий. Говоря точнее, они оба исходят из того, что религия есть результат перенесения в трансцендентную сферу человеческих ценностей. Оба при этом пытаются идти дальше Фейербаха, описывая механизм такого переноса.

Ключевыми терминами этого описания у Маркса выступают «отчуждение» и «превращенная форма». Выраженная лапидарно критика религии заключается в тезисе, что религия есть превращенная форма процесса отчуждения. Иными словами, все лучшее в человеке отнимается у него, оказывается принадлежащим непонятно кому, неведомой силе, от которой человек находится в полной зависимости. Не зная подлинной природы этой зависимости, человек представляет ее в превращенном виде. С одной стороны, он формирует представление о непознаваемой, трансцендентной мощи, лежащей за пределами его собственного воздействия и понимания. Но с другой стороны, он наделяет источник этой мощи своими собственными чертами. Он приписывает ему все лучшее, что есть у него самого. Таким образом, религия есть иллюзия, неизбежно возникающая в существующей экономической системе. Понятие иллюзии роднит эту критику с кантовской. Она также направлена на разоблачение ложного видения и вскрытие причин его формирования. С другой стороны, характер иллюзии все же различен. Кант определяет его через принципиальную ограниченность знания и незаконность претензий на понимание трансцендентной реальности. Маркс говорит лишь об

относительной ограниченности, которая должна быть снята в результате раскрытия природы экономических отношений. Для Маркса сама трансцендентность иллюзорна. В этом смысле его позиция оказывается более сильной, поскольку его критика позволяет объяснить появление самой мысли о трансцендентном. Поэтому она может быть обращена не только против религии, но и против кантовской философии. Последняя, как мы видели, основывает описание религии именно на этой мысли. С другой стороны, однако, кантовская философия религии выглядит более трезвой, чем марксистская социальная философия. Кант описал возможность свободы, обнаружив границы природной обусловленности человека. Именно с этими границами связана, в конечном счете, и возможность религии. Маркс открыл иную, отличную от природной, область детерминации человека. Это открытие в значительной мере обесценило достижения Канта. То, что мыслилось как сфера свободы (мораль и религия), оказалось сферой жесткой социальной обусловленности. Однако сам прецедент раскрытия характера этой обусловленности указывает на возможность ее преодоления. Причем не глобального преодоления в рамках масштабного социального переустройства, а личностного преодоления, доступного в любой социальной ситуации. Сказанное открывает множественность аспектов понимания религии. Возможно она, действительно представляет собой превращенную форму социальных отношений (или сферу ценностей, согласно описанию Ницше, или результат сублимации психических конфликтов, описанной Фрейдом). Но все эти механизмы формирования иллюзий, по-видимому, относятся лишь к частным человеческим представлениям, не затрагивая трансцендентной реальности, открываемой в качестве нравственного идеала.

Современный подход к названной проблеме не совпадает с кантовским, который указал лишь на природные детерминации человеческой деятельности. Описание человека, как социального существа, всерьез осуществленное впервые тем же Марксом, но развитое на протяжении XX века, требует иной философии границ. Она, судя по всему, должна опираться на анализ социальных практик и выявлять их априорные принципы. Принципы порождения социальных практик и связанные с ними правила коммуникации задают границу сообщества. В некоторых случаях эта граница очень жестко очерчена и может быть преодолена с большим трудом (например, в случае существования языкового барьера и глубоких культурных различий между этносами). В других случаях такая граница оказывается довольно зыбкой и легко проницаемой. Акт потенциального участника коммуникации, находящегося за границей сообщества малопонятен, хотя и понятен в возможности. Интерпретируя всякое коммуникативное действие, мы должны принимать решение о том, следует ли наш собеседник тому правилу, которому следуем мы сами. Иными словами, каждый раз нужно решить, входим ли мы в одно и то же языковое сообщество. Важно заметить, что такая граница имеет не только социальное, но и онтологическое значение. Коммуникативные акты членов сообщества сопряжены с определенным образом реальности, который отнюдь не предпослан как нечто готовое коммуникативной деятельности. Он формируется, как совместно разделяемое представление о мире, в ходе коммуникации и структурирован сообразно тем же самым правилам, которым подчинена коммуникация. Следовательно, эти правила являются конститутивными (в кантовском смысле) и определяют не только границу сообщества, но и границу той сферы реальности, в рамках которой данное сообщество существует.

Априорные нормы, которые обуславливают любой коммуникативный акт, задают безусловную границу мышления. Все, что может войти в сферу осмысленной интерпретации, проще говоря, все, доступное пониманию, конституируется сообразно этим нормам. Здесь мы воспроизводим кантовский ход мысли, обращая внимание на связь априорности с ограниченностью. Немаловажное отличие от Канта состоит, однако, в том, речь идет не о границе объективного познания, а о границе интересубъективной интерпретации. Последняя же заведомо шире первой, поскольку познание есть ча-

стный случай коммуникации. Сказанное означает, в частности, что предметы, отнесенные Кантом к ноуменальной сфере и, соответственно, выведенные им за пределы познания, все же могут быть рационально осмыслены в рамках публичной интерпретации. По всей видимости, все то, что попадает в область интерпретации (т.е. конституируется сообществом в ходе коммуникации) вовсе не обязано быть пространственно-временными конструкциями. Однако сколь широка ни была бы сфера мыслимого, само понятие границы предполагает бытие немислимого. Если мышление ограничено трансцендентальными коммуникативными нормами, то область публично интерпретируемого вообще следует рассматривать как ограниченный этими нормами фрагмент реальности. Как и для кантовских априорных понятий, для них уместен образ очков, через которые мыслящее существо способно смотреть на реальность. Без этих очков для нас нет вообще никакой реальности, но видеть ее можно лишь в том виде, который определяется происходящим в стеклах преломлением. Поэтому мы обязаны говорить об абсолютной границе. То, что не может быть включено в сферу публичной интерпретируемости вообще (т.е. реальность сама по себе), трансцендентно в строгом смысле слова.

Таким образом, философия религии, опирающаяся на трансцендентальный анализ социальных практик, позволяет соотнести человеческое действие с трансцендентной сферой. Такая стратегия философского анализа позволяет, с одной стороны, всерьез принять религию, не относясь к ней исключительно как к заблуждению. С другой стороны, она не имеет ничего общего с апологетикой, пытающейся (как правило, безуспешно) показать, что традиционные религиозные практики вовсе не таковы, как их изображают критики. Заметим в заключение, что такая философия религии создает возможность религиозной философии, равно как и теологии. Без философской рефлексии собственных оснований эти дисциплины всегда будут вызывать подозрение, что их предмет иллюзорен.

Коротких В.И. (Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, профессор). Мне хотелось бы продолжить размышления, высказанные предыдущими выступающими, повернув разговор в русло западноевропейской культуры и определения в ее рамках места религиозной философии.

Европейская философия на протяжении двух с половиной тысяч лет своего существования непрерывно эволюционировала. При этом новые поколения философов не только приносили с собой новые теории и инициировали новые споры. Каждый значимый поворот в развитии сюжета западной философии предполагал и переосмысление самой природы той духовной деятельности, которую мы по примеру Пифагора и Платона называем философией.

С точки зрения результатов осмысления предмета и предназначения философии в культуре вряд ли следует сомневаться в обоснованности традиционного разделения истории классической европейской философии на три основных периода – античную, средневековую и новоевропейскую философию. В отличие от античной философии (её можно определить словами Гегеля как «завершённое развитие естественного сознания») и от средневековой философии (что по отношению к Западной Европе означает – религиозной, и исключительно христианской, философии), философия Нового времени – это в целом «философия науки», то есть философия, ориентирующаяся на науку, философия, которая хочет быть полезной науке, иногда – философия, которая сама стремится стать наукой.

В этой связи изменяются и приоритеты философских исканий. Учение о бытии, доминировавшее в античной и средневековой философии, отходит на задний план, его место занимает рассмотрение вопросов об источниках и методах познания. Уже само бытие предстаёт в новоевропейской философии, прежде всего, в качестве предмета познания. Вопрос «Что есть сущее?» уступает место вопросу «Как познаётся сущее?». Казалось бы, если в новоевропейской культуре религиозная философия и могла сохраниться, то лишь в качестве «пережитка» долгой эпохи Средневековья, как некое след-

ствии «инерции культуры», проявившейся в это время, например, в косности университетов, в которых схоластическая учёность просуществовала ещё несколько столетий.

Однако целый ряд историко-философских феноменов Нового времени явно не укладывается в подобное – «сциентистское» – понимание характера новоевропейской философии. Знакомство с историей европейской философии 17 – начала 19 вв. убеждает в том, что религиозно-теологическая проблематика в ней парадоксальным образом уживается с поисками в области гносеологии и методологии. Выделим три основных группы религиозно-философских феноменов в новоевропейской философии.

Во-первых, все три великие системы классического рационализма – учения Декарта, Спинозы и Лейбница – активнейшим образом используют наследие средневековой религиозной философии. Особенно примечательно в этом смысле учение Лейбница, у которого Бог не только играет ключевую роль в метафизике, но и оказывается источником важнейших эвристических принципов научного познания. Так, именно совершенство Бога делает необходимым признание принципа непрерывности и, в конце концов, выступает в качестве основания новой математики, создаваемой Лейбницем параллельно со своими великими современниками. Более того, примирение «древних» (Платон, Аристотель) и «новых» (Декарт, Гоббс) мыслителей – «телеологов» и «механицистов» (в терминологии Лейбница – «идеалистов» и «материалистов») – немецкий мыслитель вообще считает важнейшей задачей своего времени в философии. Это удивительное сочетание новаторства и восходящего к пифагореизму традиционализма бросается в глаза при изучении творческого наследия Лейбница, однако, оно характерно и для всей эпохи, о которой идёт речь. Новоевропейская философия вплоть до Канта продолжает учиться у Античности и Средневековья, и собственно уже поэтому религиозно-теологическую составляющую рационалистической метафизики никак нельзя считать лишь «пережитком» прежнего мировоззрения в сознании новой эпохи.

Во-вторых, примеры учений Мальбранша и Беркли демонстрируют, как легко и даже «естественно» новые философские концепции (картезианство и британский сенсуализм) перерождаются в религиозно-философские концепции, возрождающие, прежде всего, традиции августинианства и неоплатонизма, в которых на первом плане находилась связь души (ноевропейского «субъекта» как аналога понятия души в антично-средневековой традиции) и Бога. Знаменитый «солипсизм» Беркли, являющийся на самом деле следствием общего для всей новоевропейской культуры трансцендентализма, оказывается удивительно близким взгляду Августина, для которого фундаментальной реальностью являются душа и Бог, тогда как «мир» – более или менее вероятное заполнение разделяющего их промежутка: Бог вполне мог бы уничтожить мир таким образом, чтобы я этого не заметил, – рассуждает Августин.

В-третьих, в новоевропейской философии возникают религиозно-философские концепции, которые, на первый взгляд, вообще не связаны с мыслительным контекстом эпохи и противоречат её эмоциональному настрою. Прежде всего, в этой связи следовало бы вспомнить о религиозной антропологии Паскаля. Кажется, «Мысли г-на Паскаля о религии и о некоторых других вопросах» – какое-то «случайное угощение» на пиру гениев 17 века. Но это, разумеется, не так; мышление, в котором Паскаль усматривает главное достоинство человека, роднит его с Декартом и Спинозой, и весь трагизм «мыслящего тростника» Паскаля – следствие глубокой рефлексивности и психологической насыщенности культуры, выросшей из картезианского «*сogito*».

Понятно, что отношения религиозной философии и философии, ориентирующейся на научное знание, в новоевропейской культуре сложнее и тоньше, чем отношения часовых, сменяющих друг друга в условленное время. На мой взгляд, для их прояснения полезно обратить внимание на размышления отечественных историков философии, анализирующих проблему специфики философского знания и его внутренней структурности. Прежде всего, следует упомянуть в этой связи о концепции В.В. Соко-

лова, реализованной в труде «Историческое введение в философию» (М.: «Академический проект», 2004). Автор знаменательно использует выражение «верознание», подчёркивающее особую природу философского знания и его близость другим формам мировоззрения, основывающимся на нерerefлектированном восприятии мира как целого, прежде всего, конечно, на близость философии мифу и религии. С этой точки зрения, между философией и религией вообще не может быть никакого «разрыва». Конечно, мы знаем о философии, которая отрицает любую религиозность, и о религии, крайне нетерпимой к философии. Но в подобных фактах следует видеть, скорее, лишь несоответствие указанных философских или религиозных взглядов самим «понятиям» философии и религии, самой природе этих видов духовной деятельности. Неудивительно поэтому, что поворот философии от религии и теологии, которые воспринимались в средние века как высшие виды знания, к науке как новому ориентиру философии ещё не означал отказа от рассмотрения тех проблем, которые привлекали внимание религиозной философии, поскольку проблемы эти неотъемлемы от философии вообще. Так что же это за проблемы?

Для того чтобы лучше понять их, обратимся к той концепции происхождения и природы философии, которая представлена в монографии Г.Г. Майорова «Философия как искание абсолюта» (М.: «Эдиториал УРСС, 2004). Г.Г. Майоров предлагает различать в философии софийную, эпистематическую и технематическую составляющие, утверждая при этом, что, строго говоря, философия есть именно искание мудрости (философия), а вовсе не наука (пусть и высшая, как у Аристотеля или Гегеля), и не искусство (организации мышления и речи). Таким образом, эпистеме- и технематические интерпретации идеи философии следует считать уже её искажением, деградацией, хотя в реальной истории европейской философии, признаёт автор, эти понимания её идеи существовали, как правило, в сложном переплетении или даже слиянии (невозможно, например, отрицать софийное понимание философии у Аристотеля, у которого преобладает всё-таки понимание эпистематическое).

Каково значение этой концепции природы философии для понимания места религиозной философии в новоевропейской культуре? Продумывание отношений между тремя указанными составляющими философии позволяет понять, что как раз философия как искание мудрости, философия, то есть изначальный, по мысли Г.Г. Майорова, источник всякого философствования, принципиально не может вписаться в эпистематически понимаемую модель философии, которая занимает доминирующее положение в европейской культуре 17 века. Религиозная философия в новоевропейской культуре – не просто некое «дополнение» к «нормальной» философии этой эпохи, она оказывается единственной хранительницей софийного начала в философии, – сегодня мы в своих дискуссиях по известным причинам используем для подобного типа духовной деятельности термин «экзистенциальная философия». Именно софийное, экзистенциальное философствование и прорывается наиболее зримо в религиозной антропологии Паскаля, спасая новоевропейскую философскую культуру от губительной утраты целостности проблематики и единства устремлений философии. А философия как технема? – она также представлена в культуре эпохи – Монтенем, Шарроном, теми скептиками, которых Паскаль (в память об античном скептицизме) называет «академиками».

Каждая эпоха в соответствии со спецификой своих проблем определяет облик своей культуры, характер своей философии. Но перед философией всегда остаётся задача сохранения предметного и содержательного единства, равновесия тех составляющих, которые точно характеризуются в монографии Г.Г. Майорова. (При этом, впрочем, мы не обязаны некритически перенимать мнение, будто лишь софийная философия в полной мере выполняет своё предназначение; последнее, на мой взгляд, – не более, чем следствие личных историко-философских симпатий автора.) В последние столетия софийная мысль как раз чаще всего и принимала облик религиозной философии.

Вряд ли можно сомневаться в том, что исчерпывающим объяснением этого обстоятельства является то колоссальное влияние, которое христианство оказало на всю современную культуру и на весь наш образ мысли. В продолжение столетий софийная, экзистенциально ориентированная мысль была неразрывно связана с христианством, в результате чего поиск новых образов философии, восстанавливающих равновесие трёх упомянутых составляющих в структуре философии, неизбежно приводил и к возрождению религиозной философии, – разумеется, часто весьма далёкой от догматической нормы христианства. (Самым удивительным примером подобного творческого, «неформального», переосмысления христианского опыта, несомненно, оказалась русская религиозная философия 19-20 вв.) Сохранит ли культура следующих – хотя бы десятилетий, на более длительное время сегодня гадать и вовсе утопично, – эту тенденцию? Думается, единственным условием утвердительного ответа является сохранение самого человека, который, не довольствуясь знанием, силой и властью над природой, всегда будет искать полноты мудрости.

Человенко Т.Г. (Орловский государственный университет, зав. кафедрой религиоведения). Я хотела бы продолжить идеи, высказанные Григорием Борисовичем и Вячеславом Ивановичем, рассмотрев их в контексте проблемы понимания религиозных явлений в условиях постнеклассической науки. Для того, чтобы философия и богословие не выглядели так нерелексивно, по-моему, и возникла такая область науки как религиоведение, которое может превратиться в «музей понятий» (П. Рикёр), если не актуализирует на теоретико-методологическом уровне межпредметное взаимодействие с теологией и как с системой рационального знания о Боге, и как с живым опытом Богопознания, отрефлексированного человеческой мыслью не только в эзотерических, но и в философско-богословских категориях. Поиск актуальных научно обоснованных подходов к пониманию религии простимулирован снятием жёстких эпистемологических ограничений, которые привносились классической традицией в теоретическое религиоведение. Современная интеллектуальная ситуация не рассматривает классический дискурс познания, как единственно верный и неизменный методологический ориентир. Неклассический идеал рациональности особое значение придаёт феномену понимания. Позиция исследователя-религиоведа обнаруживается прежде всего в трактовке понятия «религиозный феномен». Религиозный феномен можно рассматривать как познаваемость сущего в себе, когда, познавая явление в его внешних характеристиках, мы имеем некоторое познание сущего. Это не кантовский подход к феномену, который, как известно, настаивал на том, что мы можем мыслить вещи сами по себе, но не можем познавать их. Речь идет о подходе, который оказался востребован в феноменологии и русской религиозной философии в конце XIX – начале XX в.

Русские философы, высоко оценивая «коперниканский переворот», совершённый Кантом в философии, подвергли критике его центральные идеи и принципы. В России были выдвинуты на первый план относительно новые на то время экзистенциально-онтологические, мистико-софиологические подходы. В историческом плане это оказалось предвосхищением той интерпретации кантовских идей, которая в западной философии появилась существенно позже в традиции, развиваемой от Гегеля до Гуссерля и Хайдеггера. Таким образом, в западноевропейской и российской философии II пол. XIX – н. XX в. параллельно развиваются антипозитивистские умонастроения с широким использованием понятий «жизнь», «жизненный мир», «религиозные феномены». Для постнеклассической феноменологии религии трактовка религиозного феномена в духе корреляции явления и сущности, имеет новый, сообразный предмету исследования дискурс, в основе которого расположено общение и «участное мышление». Место учёного-исследователя должно находиться внутри дискурса, что не меняет самого исследователя, но тем не менее позволяет «вживаться» в изучаемое религиозное явление, максимально адекватно строя его познание. Феномен создаётся, конституирует-

ся феноменологом для ясного, неискажённого переживания предмета в его сущности. В этом случае позиция познающего сознания перестаёт быть позицией неподвижного регистрирующего наблюдателя. Оно приобретает в определённой степени способность вхождения внутрь и взгляда изнутри, в то же время не переходя на внутреннюю позицию полной погруженности и полной идентификации с религиозным феноменом. Этот подход означает, что в насыщенном информационными возможностями мире одна религиозоведческая теория должна учитывать другие религиозоведческие позиции. «Пограничные» междисциплинарные ситуации можно рассматривать как узловые проблемные зоны, следуя концепции сетевой природы знания. Такие ситуации требуют своего решения на основе принципа дополнительности (хорошо известного на сегодняшний день в естествознании, но с трудом пробивающего себе дорогу в гуманитарных науках), т.е. на основе взаимной согласованности различных теорий. Таким образом, феноменологическая методология, основанная на попытке увидеть религию такой, какой она представляется религиозному человеку, создаёт почву для сотрудничества с теологами. В этом сообразовании научно-рефлексивного метода с трансцендентальным ядром религии и заключается основная общенаучная значимость герменевтической и экзистенциальной феноменологии, цель которых – понимание (интеллектуальное и экзистенциальное) внутренней сути религиозной жизни в целом и различных её аспектов в отдельности. Средство понимания – это диалогическое взаимодействие, основанное на доверии. Диалог как intersubъективная деятельность способствует объективному постижению внутреннего мира религии в её человекоразмерных проявлениях. Если всякое познание осуществляется в общении, диалоге, взаимодействии «Я и Ты», «Ты и другой», то уже на общегносеологическом уровне предполагается связь познания и понимания, причём последнего не только как логико-методологической процедуры, но и как «проникновения в другое сознание с помощью внешнего обозначения». Диалогический опыт герменевтической и экзистенциальной феноменологии здесь оказывается незаменимым (например, в концепциях М. Хайдеггера, К. Ясперса, Г. Марселя, П. Рикёра).

Таким образом, парадоксальность человеческой субъективности – это различие в двух установках сознания. Одна из них, направленная на вещи мира, сопровождается нерелигиозной верой в реальность этих вещей, как если бы они существовали сами по себе. Другая, феноменологическая, направлена на выявление происхождения вещей, их смысла и предназначения в той форме, в какой они явлены человеческому сознанию.

Суть феноменологической установки в том, что сознание больше озабочено смыслами того, что ему дано, а не фактами наличия вещей, которые якобы стоят за этими смыслами. Здесь парадокс выступает в явной форме: будучи конечным и незначительным в необозримой вселенной (в смысле пространства-времени), человек, тем не менее, артикулирует всё многообразие вселенной в своём внутреннем единстве, т.е. делает вселенную интенциональным коррелятом своей субъективности. Сформулированный парадокс является, по сути, фундаментальной экзистенциальной проблемой, т.е. проблемой существования человека как воплощённого сознания или выражаясь богословски, проблемой подобия Богу-творцу, который сотворил мир и самого человека в их единстве.

Надо сказать, что отцы церкви не только осознавали этот парадокс как важнейшую богословскую проблему, но и интерпретировали её в терминах религиозного мышления, присущих эпохе. Классическая наука со своим стремлением к экстремальному натурализму, не могла осознать не только богословской, но и философской значимости парадокса человеческой субъективности, что и способствовало экзистенциальному кризису науки. В результате сам феномен человека подвергается «натурализации», т.е. сводится к функционированию его телесности, его социобиологического начала. При этом личностная основа и свобода либо отсутствуют, либо принижаются и сводятся до механистичного их толкования. Но необходимость привлечения теологической и экзистенциальной аргументации в интерпретации парадокса человеческой субъек-

активности возникает, когда мы говорим о различии природы человека и его ипостасности (личности). Таким образом, можно утверждать, что религиозный опыт является не только предметом феноменологического осмысления, но позволяет осознать возможность феноменологии как таковой. Феноменология религии сама в этом случае становится ресурсом эпистемологических открытий, имеющих более широкое и конкретное приложение, в том числе и для процесса формирования личностно-ориентированного гражданского общества.

Климова С.М. (Белгородский государственный университет, профессор).

Позиция Татьяны Григорьевны, с одной стороны, позволяет примирить философию и теологию, верующее сознание и рефлекслирующее, но с другой стороны, важно отметить, что опыт «участного мышления» был ярчайшим образом представлен в русской модернистской философии, основной задачей которой стал поиск различных способов «введения» личности в историю. Философия как «личное дело философов» (Вл. Соловьев), как проявление человеческой субъективности была направлена не только на поиск трансцендентного, но и «телоса» (телеологии) познающего, то есть творящего этот смысл субъекта. При этом русские философы и религиозная философия есть ни что иное, как продукт мифотворчества, далекий от понимания и философии религии и теологии. В своем выступлении я и хочу обосновать этот тезис.

Оксюморон «религиозная философия» как правило, рождает устойчивую ассоциацию с прилагательным «русская», хотя логичнее искать ее специфику в арабском или европейском средневековье. С другой стороны, наш Серебряный век вполне может быть вписан в стратегемы раннесредневекового сознания, ведь активным «восстановлением» («возвращением» к первохристианству) ранней Церкви и «чистоты» первых христианских учений, обращением к личному опыту мистического откровения занимались практически все известные мыслители того времени. Своеобразие русской философии – это своеобразие самосознания ее носителей – русских мыслителей-интеллигентов (в том числе и современных) – плоти от плоти русской культуры и русской жизни. В. Зеньковский в качестве предпосылок формирования русской философии выделял: возрождение в культуре XVIII века церковного духа, выявление народно-религиозных основ философского творчества, возникшего на пути переосмысления таких религиозных составляющих, как аскеза, юродство, монашество и т.п. в формах индивидуального творчества и образа жизни. Таким образом, религиозный дух и образ жизни (ни то, ни другое не совпадали с традиционным церковным духом и образом жизни) стали определяющими для русского философского мышления, открывающего Бога и мир с наивностью и «вероятельной силой», характерной для ранних Отцов Церкви. Поэтому так страстны попытки И. Киреевского создать «внутренний монастырь» в стенах собственного дома, так поразительно созвучны Августину мучительные исповедальные откровения Ф. Достоевского или Вл. Соловьева, так близок «отец Сергей» Л. Н. Толстого своему прототипу – святому Иакову Пустыннику.

Трансцендентная тоска святых отцов и праведников была полна поиском «живой жизни», настоящего Откровения в ней, представленным великим словом Правды – Истины – Божьим Откровением. Читая «Исповедь» Августина, мы погружаемся в мучительные откровения философствующего христианина-первооткрывателя, потерявшего опору в разуме и обретшего его в мистическом озарении, немощного человека тоскующего по Абсолюту, Началу, которое для него и сверхлогическое и дологическое одновременно. «Когда я прильну к тебе всем существом моим, исчезнет моя боль и печаль, и живой будет жизнь моя, целиком полная Тобой, – писал Августин, ясно и отчетливо направляя стремление человека в познании Высшего к сердечному – любовному проникновению в него. – Ясно сознаю я, Господи, что люблю Тебя: тут сомнений нет.... А что же такое этот Бог? ... Он Жизнь жизни твоей». [7] Отголоски этих слов явно звучат в тоске Ф.М. Достоевского по «живой жизни» – по фактически уничтожен-

ному рационалистическим мировосприятием XIX столетия духовному пониманию экзистенциальной сути Бога в безбожном мире пустых слов и стершихся смыслов. Для средневекового философствующего субъекта Жизнь рассматривалась с большой буквы, как реальность, пребывающая вне человека, знак воплощения Высшей, вне самой жизни находящейся реальности-Вещи-Бога, с которой нельзя «экспериментировать» или что-либо менять. Бог и Мир направлены на Другого (друг на друга) или других, и в этом заключена их субъектность. В этом же смысле Слово, которое отражает Его суть мистично или апофатично (неизъяснимо, молчаливо) по природе. Специфика тоски человека иррациональной эпохи XIX – нач. XX вв. заключалась в том, что его философия была рождена как бы изнутри самой жизни, в глубокой неудовлетворенности ею, в стремлении изменить окружающий мир. Слово стало творческим, на манер Божественного, а неудовлетворенность жизнью порождала огромное количество философско-художественных рефлексий, направленных на ее активное преобразование.

Поиск оригинальных основ русской философии в разных «историях» позволяет предположить, что русская философия обретает свою уникальность не на пути создания философских систем и идейных конструкций, но в ходе живого реагирования мыслителями на те или иные события, личное сопричастие проблемам жизни в процессе ее осмысления. В этом плане в России практически каждый самобытный мыслитель, независимо от сферы своего само-бытования, почти безусловно может быть причислен к философам (и богословам) русской жизни. И почти никто из них не имеет ни философской, ни религиозной системы, логически выстроенных и доказуемых идей, или догматически определяемых религиозных понятий и позиций. Не было у них ни учеников, ни последователей. В этом пункте смыкаются творчество как самобытная философская реакция на «жизнь» и феноменология русской философии, так как почти вся «она являет собой до-логическую, до-систематическую или, лучше сказать, сверхлогическую, сверх-систематическую картину философских течений и направлений». [8] В этом «до» и «сверх» – вся специфика русской религиозной философии и в тоже время ее внеисторический и по большому счету, нефилософский, но скорее всего «светско-богословский» характер (прошу прощения за очередной оксюморон). Для русской философии, в отличие от западной, античность никогда не была ни источником, ни питательной почвой формирования научной традиции. Дважды в русской культуре наблюдался всплеск острого интереса к античности: в период рождения православного мирозерцания на Руси в X веке и в период его «возрождения» в XIX. В обоих случаях это знание было результатом уже осуществленной переработки эллинской мудрости в дискурсивных формах христианского сознания. Православие во всех своих исторических метаморфозах выступило смысловым полем философских рефлексий русских мыслителем XIX века, за пределы которого им было весьма трудно выбраться. Мыслить философски их, однако, научили не богословы, коих на Руси, по сути, и не было, и не святые отцы, с трудами которых многие из них познакомились гораздо позже, чем с трудами Канта и Гегеля. Немцы, с их виртуозной способностью к систематизации и логике стали подлинными учителями мыслителей, так и не сочинивших ни логик, ни систем. Парадокс самого состояния «религиозной философии» в России состоял, однако, в том, что в отличие от средневековья, которое шло от веры к разуму, русские мыслители двигались в обратном направлении – от общих философских знаний (немецкой традиции) к религии и мистицизму.

На историю русской философской мысли II-й пол. XIX. – нач. XX вв. огромное влияние оказали и западная, и отечественная (христианская) традиции, весьма своеобразно переосмысленные внутри русской философии текстов-предчувствий и текстов-пророчеств. В целом их можно свести к особому самоощущению религиозного характера. Круг сугубо «русских» философских проблем: Россия, Бог, русский народ, Вечная Женственность-Софийность, теургия и т.д. так или иначе связан с определением места, роли и значения создателей теорий. Любое философское, художественное, или религи-

озно-нравственное конструирование упирается в поиск адекватной ниши творца идей, который оценивает свое место в одном ряду с Творцом мира, воспринимает себя (явно или не явно) со-творцом его. Такая атмосфера позволила предположить, что история русской философии указанного периода есть ничто иное, как история самоидентификации ее творцов, – русской интеллигенции. Поэтому вполне закономерно, что вся история философии допетровского периода, когда ничего определенного нельзя еще сказать о себе (интеллигентском слое) – и воспринимается и описывается нашими современными мыслителями-интеллигентами как глобальный Пролог (выражение С. Хоружего) к собственной истории философии, которая вся живет не прошлым, но будущим, открывая миру всевозможные варианты преображения. Уже начиная с Радищева, но главным образом со славянофилов и П. Чаадаева, происходит процесс самоидентификации русской интеллигенции в ходе самоописания, своеобразного преломленного в описании, постижении и проникновении Другого, в отношении с которым и выстаивается узнавание себя. Другой – идейная граница непознаваемого, но весьма привлекательного для познания и проникновения в Него. Таким Другим – становится для русских мыслителей Россия, русский народ, Запад, в конце концов, Бог. Все богоискательство и богостроительство – создание нового религиозного сознания – это по большому счету – грандиозные и уникальные проекты поиска своего уникального места в конструкциях Божьего промысла. Дело даже не в персоналистичности желаний, а в той роли, которую назначила себе интеллигенция в этом процессе, начиная с вымышленного Ивана Карамазова и заканчивая ныне здравствующими вершителями судеб человеческих.

Все вышесказанное не означает, что русскую философию нельзя вписать в контекст мировой. Можно, но не как нечто, принципиально от нее отличное, а как закономерный этап развития теоретического знания в конце XIX – нач. XX веков. Несмотря на всю свою самобытность (религиозно-философский ренессанс) русские мыслители, по сути, в своем творчестве всего лишь поставили точку в длительном развитии средневекового мирозерцания. Конец немецкой классической философии был обнажен не только в Марксовой критике схоластического и теологического подходов к философии, но и в трудах русских апологетов религии. Гегель вполне сопоставим с русскими мыслителями в этом плане. Тварь, возмнившая себя творцом – тенденция всей нигилистической традиции немецкого теоретизирования XIX столетия – была воплощена в практику жизни русскими «философами», религиозно преклоняющимся перед любым словом как перед истиной, подобно тому, как русские до сих пор преклоняются перед любой инструкцией (любимым симулякром) как перед сутью самой жизни. Ни разум, ни логика, ни диалог, но текст «победил» реальность и перестроил ее по образу и подобию дискурса.

С одной стороны, культурные приоритеты Серебряного века были направлены на «восстановление» первоначального (раннего) христианства со всей присущей ему проблематикой. Но в отличие от средневекового культа Божественного Слова, на который они, безусловно, опирались как на первознание, «новое религиозное сознание» русских идеологов культуры замкнуло мир на слово, а слово на самое себя. Слово по-прежнему выступало в качестве вещи, но уже с маленькой буквы стало объектом активнейшего экспериментирования, возможного на пути тех модернистских трансформаций сознания, которые стали явными в «период перехода» культуры на новый виток развития. В культурном ренессансе начала XX века, в период «богостроительства» тоска по Высшему стала особенно острой и интимно-личностной. Как отмечал А. Блок: «Источник и декаденства, и классицизма, и реализма – один; имя ему – Бог». Совершенно очевидно, что имя «Бог» уже никого не может обмануть. Ведь речь шла не о трансцендентном Творце, а об имманентных творцах и творческих актах, всевозможных проектах пересотворения (почти по Марксу) мироздания. (И почти Марксу ни в какую религию они давно уже не верили). Ожидание близкого вселенского конца было сопряжено с «симметричным» предчувствием грядущего «Бога или дьявола». Кто «родится» в горниле грядущих перемен – Божественное Слово или дьявольское наваждение – было одинаково безразлично для певцов мировых пожаров и революционных зорь.

И самый главный результат метаморфоз подобного рода заключался в том, что «возвращение» Бога в русском религиозном ренессансе не означало первоначального (средневекового) восстановления непроходимых границ между Творцом и его энергиями, созерцательной практики «смотрения на Вещь», а, напротив, вело к их активному стиранию, в результате которого старые слова обрели новый «филологический» статус: Бог стал таким же «текстом», как и порожденный им мир культуры. Возможность такой метаморфозы стала очевидной в процессе активного введения личности в провиденциалистски осмысливаемый ход истории. У русских интеллектуалов исчезает религиозное сознание, но сохраняется религиозность как специфический настрой души, связанный с представлениями об особой миссии человека на земле; специфической этикой поведения, в рамках которой, чаще всего, и озвучивается понимание «творца», заключенного в особом образе «творения» жизни и идей, в настоятельной потребности в мифотворчестве. Такая религиозная философия, как верно было уже замечено в дискуссии, действительно не проясняет исходных оснований своей религиозности, не выявляет природы религии, и не имеет конфессиональной содержательности, являясь лишь продуктом мифологических конструкций и теоретических спекуляций.

Салманова И. Ф. (Белгородский государственный институт культуры и искусств, доцент). Хочу продолжить разговор, переводя его в плоскость рассмотрения природы творческого мышления, характерного для русской культуры в целом, и Серебряного века, в частности. Одним из ярчайших элементов русского самосознания является русская классическая литература.

Острая «нехватка философских систем» в России обусловлена, по мысли А.Ф. Лосева, «внутренним строением русского философского мышления», которое стремится к воплощению «идеи цельного знания, основанного на органической полноте жизни». «Русские не допускают, что истина может быть открыта чисто интеллектуальным путем, что истина есть лишь суждение».¹ Высшая, органическая форма философствования, с одной стороны, воплощается в целостности русской религиозной философии, начиная со славянофилов, с другой – в «бессистемных системах русских писателей, в их, казалось бы, таких далеких от философии повестях, романах, стихотворениях» (А. Лосев). Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Салтыков, Тургенев и Гончаров, Фет и Тютчев, Достоевский и Толстой – все это подлинная русская философия в красках и образах живого, дышащего слова. Список писателей можно было бы продолжить, однако, задача сводится к тому, чтобы, во-первых, продемонстрировать глубинную преемственную взаимосвязь между русскими художниками, «философствующими образами», и русскими философами, художественно-эстетически переживающими целостность бытия и человека. Во-вторых, сущность мышления и тех и других однородна, то есть в природе своей мышление предполагает органичное сосуществование аналитического, мыслительно-рационального и образно-символического начал. И дело в том, что в русских гениях трудно отделить художника от мыслителя, так эти ипостаси сопряжены, взаимообогащают и питают друг друга. Пространством их сочленения является особое отношение к Слову как к творчески свободному, универсальному способу самовыражения и одновременно «осознанию своего бытия в Истине» (В. Эрн).

Согласно русской религиозной традиции эпохи модернизма носителем конечной истины – истины откровения, в снятом виде преодолевающей и литературное, и философское слово, является религиозность, воплощенная в образах высшей святости. Культура начала XX века хранит лишь несколько имен подобных образцов: Серафима Саровского, Феофана Затворника, оптинских старцев. Можно по пальцам пересчитать тех, к кому апеллирует русская интеллектуальная или литературная мысль в поисках идеальных образов. Налицо всеобщее творческое оскудение православия. Протекшее столетие было веком художественных гениев, каждый из которых становится властителем дум целых поколений. О божественном статусе поэтического слова впервые заявил

¹ Лосев А. Ф. Русская философия // Страсть к диалектике. – М., 1990. С. 70, 71

А. С. Пушкин в «Пророке» (1826г): «Встань, пророк, и виждь, и внемли, Исполнись волею моей, И, обходя моря и земли, Глаголом жги сердца людей». Д. Андреев считал, что русским гениям был присущ дар вестничества, который «дает людям почувствовать сквозь образы искусства в широком смысле этого слова высшую правду и свет, льющиеся из миров иных».¹ Дар вестничества, с точки зрения Д. Андреева, не исключает глубочайшего внутреннего конфликта, переживаемого художником. Этот внутренний конфликт вытекает из «тройного противоречия», из борьбы трех тенденций: религиозно-этико-проповеднической, самодавлеюще-эстетической и тенденции низшей свободы. Последняя предполагает осуществление личностью своих общечеловеческих прав на обыкновенный, не обремененный высшими нормами образ жизни, вмещающий в себя и право на слабости, и право на страсти, и право на жизненное благополучие. То есть то, что поздний Л. Н. Толстой назвал кричащим разногласием «своей жизни со своими верованиями, со своей совестью». Этот внутренний конфликт обнаруживается и в творчестве Пушкина, обостряется в судьбе Лермонтова, с неимоверной жгучестью переживается Гоголем. Таким образом, для русского художественного сознания становится характерным особое рода миссионерство, претворяемое в некоем высшем синтезе религиозно-этического и художественного служения. Но свободны ли эти гении от другого, не менее важного, с нашей точки зрения, противоречия между логической завершенностью любого текста, любой мысли и принципиальной незавершенностью художественных образов. Данное противоречие становится источником и для философского мышления эпохи модернизма.

Наиболее типичным примером такого вестника, восходящего к вершинам пророчества, по полярности и культовости, граничащей с религиозным фанатизмом, не имеющего себе равного, даже во внешности типологизирующего черты библейского старца, был Лев Николаевич Толстой. Умея сбрасывать с себя «сеть пустыков», сутолоку и мелочность провинциальной жизни, Толстой способен перерешать на обычном, тривиальном необычное, выходя на общечеловеческий уровень понимания жизненного опыта, труда, ошибок, вдохновения, любви. Толстой работает один в своей яснополянской «келье уединенной», но через литературу, через язык он связан со всем миром. Толстой спорит со своим временем, теряющим человечность, и одновременно гениально выражает его суть в словесной плоти своих произведений. Парадоксальность яснополянского житнетворчества Толстого в том, что с определённого момента творимое им самим пространство становится тесным, и он с неумолимостью библейского мученика начинает сам разрушать его. Окончательно уйдя «в комнату под сводами», Толстой всё же не смог «врасти» в благополучную жизнь, которую перерос. Пережив Арзамасский ужас, написав «Анну Каренину», а вслед за ней – «Исповедь», Толстой подходит к тому внутреннему надлому и необходимости нравственно-этической перестройки, которая выводит его на новый уровень религиозно-философского понимания человеческой жизни и смерти. Теперь слово Толстого, его проповедь, его опрощение превращаются в знамение, но прежнее стремление сочетать слово о жизни с жизнью не только не исчезает, но становится ещё большей необходимостью чем прежде, оборачиваясь трагедией внутреннего разлада и внешнего несовпадения почти со всеми, кто его окружает.

Поздний Толстой переживает «трагедию гения, преодолевающего свою собственную человеческую гениальность во имя большей, невыносимой, нам едва ли понятной гениальности. Лев Толстой во вторую половину своей жизни – молчальник, самые поучения которого едва ли выражают тысячную часть того, для чего у него уже не было слов. Самая его ясность и простота таит в себе множество переносных смыслов; он становится тут живой загадкой человеческого творчества; с ним спорят все, опровергают толстовство, – эту бледную тень живого Толстого, – в сотый раз доказывают несостоятельность самого Толстого, но к нему влекутся; не слова его, а он сам-

¹ Андреев Д. Л. Роза мира. – М., 1992. С.174.

магнит, притягивающий весь мир».¹ Ясная Поляна и Хамовнический дом в Москве становятся местом паломничества, а сам Толстой фигурой мифологической. «Лев Толстой был положительно мучеником своей популярности», а «дом Толстого становился буквально каким-то кинематографом».² Число любопытствующих, которые поставили себе целью осматривать Толстого как некую достопримечательность, постоянно росло. Правовверные толстовцы, которые священнодействовали даже там, где надо было смеяться, дамы с ридикюлями, интервьюеры... Толпа, нахлынув, стала вытеснять Толстого из его же жизнетворческого пространства. Жить «за стеклом» было абсолютно невозможно, как невозможно стало дышать внутри дома, под постоянным внутренним контролем со стороны преданной Софьи Андреевны. Лев Толстой уходит из Ясной Поляны, чтобы умереть на пути, в дороге... сохранив цельность последнего совпадения слова и жизни. «Слово стало плотью: гений жизни и гений слова соединились в высшем единстве; две сферы творчества соприкоснулись».³

На примере Толстого мы можем говорить об особом феномене жизнетворчества, когда жизнь одного человека становится метатекстом русской культуры в целом. При этом хотелось бы отметить, что введение личности в провиденциалистски осмысливаемый ход истории, о котором говорила Светлана Мушаиловна Климова, в данном случае не является сознательной сверхзадачей художника. Сама история производит кульбит, требует рождения нового типа святого и святости. Русская религиозная философия, совершенно не приняв Толстого как пророка, толстовскую мораль и проповедь, его новое евангелие, тем не менее, вобрала в себя всю специфику его творческого мышления, логику его противоречий и продолжила поиск той целостности, которая позволила бы сохранить единство мира перед угрозой тотального духовного кризиса, наступившего в период постмодернизма. С нашей точки зрения, исторически сложившаяся традиция раздвоения жизнетворческого единства русского гения на некие логически несоединимые, но парадоксальным образом сосуществующие в его личности тенденции, не совсем верна. Ведь именно «кричащие» толстовские противоречия превратили Великого Льва в неизменно интересного, актуального, спорного, притягательно целостного Толстого. В данном случае мы, по всей видимости, имеем дело с подлинной целостностью личности, которой недостаточно быть только великим художником или мечтателем.

Шепелев С.А. (Белгородский государственный университет, студент 5 курса социально-теологического факультета). Когда мы изучали религиозную философию, я, как человек воцерковленный, позволил себе вступить в полемику со Светланой Мушаиловной Климовой, в принципе считая невозможным «объективно» внеконфессионально изучать религиозную философию. Очень коротко выскажусь. Появление философии обусловлено наличием в человеческой природе самобытности и стремления к идеальному мышлению, поэтому, чтобы определить основные задачи философии как науки, попытаемся сначала понять, какую роль играет идеальное мышление в замысле Божиим о творении человека, в чем его сущность и назначение. Собственно, рассудочное мышление опирается на опыт и наблюдение с последующими обобщениями и выводами, т. е. действует только по логике предмета, что присуще всем живым существам. Но человеческий разум не ограничивается рассудочной деятельностью, а стремится определить значение каждого круга вещей в общей совокупности творений, понять суть и идею каждой вещи и каждого явления в мире.

Такой идеальный образ воззрения и есть метафизика и настоящая философия. Поэтому можно сказать, что философское мышление человека проявило себя в наибольшей полноте и силе в раю, во время наречения имен животным первым человеком,

¹ Белый А. Трагедия творчества. Достоевский и Толстой. - М., 1911. С. 45.

² Тимковский Н.И. Моё личное знакомство с Л.Н.Толстым // Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников. В 2-х томах Т. I. - М., «Художественная литература», 1978. С. 434.

³ Белый А. Там же. С. 45.

что говорит о познании Адамом объективной сути каждой твари и осознании им своего места в творении как властителя и царя. Таким образом, имянаречение, как продукт философского осмысления мира, является необходимым актом в деле исполнения замысла Божия о дальнейшем созидании, благоустройстве и обожении всего материального мира посредством человеческой личности. С другой стороны, познание творения позволяет человеку приобретать относительное познание Бога-Творца, что в православном богословии носит название «естественного откровения». Гениальные примеры интерпретации естественного откровения являет нам древнегреческая философия. Из выше сказанного следует, что основными задачами философии являются познание истинной сути творения, в том числе и самопознание. В ходе познания происходит определение ряда идеальных понятий и дальнейшее оперирование ими по законам мышления, что, в свою очередь, должно служить лишь вспомогательным средством человеку как со-творцу Бога в деле Его Божественного домостроительства и расширять для него границы естественного Богопознания. Основная же цель богословия – познание Бога на основании сверхъестественного откровения, которое как полнота Истины (чему существуют объективные доказательства, рассмотрение которых не входит в задачи данной работы) явлено нам в Лице Богочеловека Иисуса Христа. В дальнейшем, в творениях святых отцов, имевших личный мистический опыт Богопознания, и в трудах учителей Церкви неизменные богооткровенные вероучительные истины получают более точное определение, объяснение и формулировку, сообразно с обстоятельствами времени, выяснения их внутренней сущности, установления взаимных связей и др.

Таким образом, главной задачей религиозной философии является более глубокая интерпретация и систематизация идеальных понятий (идей) о Боге, которые, как результат сверхъестественного откровения, мы получаем из святоотеческого наследия с переложением этих понятий на язык любой религиозно-философской системы, т.е. с введением и использованием словесных формулировок любого, а не только православного дискурса. Следует заметить, что, несмотря на факт объективного обладания полнотой Истины православной Церковью, личный опыт познания и осмысления этой Истины является безграничным и бесконечным, по причине безграничности и бесконечности объектов познания. Таким образом, если религиозная философия свободна от каких-либо вербальных рамок (границ), то в определенном смысле она является внеконфессисональной, что делает ее общедоступной и ограниченной. Богословие же базируется на святоотеческом православном дискурсе и ориентировано на просвещение христианской внутрицерковной общины и является плодом Богооткровения. В свою очередь, признание априорной истинности христианского сверхъестественного откровения и святоотеческой традиции его толкования, позволяет использовать его в качестве критерия истинности той или иной религиозно-философской системы в процессе их философского сравнительного анализа сущностных характеристик, которые заключаются в определении истинных и ложных понятий и формулировок. Подход, использующий сверхъестественное откровение в качестве истинного критерия, является единственно объективным и необходимым в деле решения второй наиважнейшей задачи религиозной философии – сравнительного анализа религиозно-философских систем.

На основании проведенного анализа, внерелигиозный подход к изучению религиозной философии следует признать не вполне обоснованным, так как отрицание (неприятие) абсолютной истинности христианского откровения делает невозможным философский анализ как таковой. Религиозная философия по большому счету, должна носить миссионерско-просветительский и апологетический характер.

Тарасов А.Г. (Белгородский государственный университет, аспирант). Ознакомившись с мнениями участников дискуссии, мне представляется необходимым сказать следующее. Размышляя о специфике предмета «религиозная философия», нельзя не согласиться с тем мнением, что она действительно имеет двоякую природу в силу

того, что пытаются соединить два отличных мировоззрения: во-первых, религиозное и, во-вторых, философское. Для религий в вопросах мировоззренческих и гносеологических принципиален примат веры над разумом, а для философии напротив разум конституируется истоком и возможностью открытия истины. Безусловно данная градация условна, но, тем не менее, именно к ней сводится установочная специфика религии и философии. В этом смысле возникает правомерный вопрос. Как вообще возможна «религиозная философия» как монолитное образование и научная дисциплина?

Все попытки решения данной проблемы, на наш взгляд, распространяются по преимуществу в двух ракурсах понимания. Во-первых «религиозная философия» есть ни что иное, как «кентавроподобное» образование, поскольку в ней искусственно смешиваются несоединимые основания – разум и вера. Данное образование соответственно не обладает «научной» жизненностью, коль скоро говорить о «божественном» с позиций дискурсивной мысли. И поэтому, все те теологические пассажи многочисленных философов, которые имеют место в истории философии, не могут серьезно восприниматься, а тем более их не стоит усердно изучать. Однако очевидно, что, отказавшись от исследования данной проблематики, мы ставим под вопрос не только метафизику, но и значительные пласты культурологического, религиоведческого и в целом философского материала.

Указанная позиция понимает под религиозной философией попытку возвращения схоластики, в том виде как она существовала в Средние века на Западе. Но это не так. Специфика данного курса отнюдь не предполагает искусственную переинтерпретацию истории философии, ее принципиальных характеристик. За научную «чистоту» этого курса можно не опасаться и потому, что он проходит в рамках светского образования, которое, как известно, базируется на догматических принципах научной корректности и идеологической толерантности. Опасность могла бы возникнуть лишь в том случае, если бы данный курс читали конфессионально ориентированные педагоги. Имеются в виду, в первую очередь преподаватели – священники.

Как показывает практика подобного, в современном образовательном процессе высшей школы практически нет. Религиозную философию для теологов обычно преподают светские специалисты.

Другая точка зрения гласит, что существование «религиозной философии» как учебной дисциплины возможно, поскольку в истории философии действительно имеет место феномен философской теологии. Совершенно понятно, что данная позиция отнюдь не закрепляет за всеми «теологическими» пассажами философии религиозную конкретность. Нельзя отвергать того факта, что Бог философов – это не Бог веры. Бог философов, как правило, не личностен и есть абсолют, в смысле субстанции, существование которого выводится из определенных условий с логической необходимостью. Это лишь в общих чертах. И да же тогда когда «философский Бог» понимается как истина, то и в этом случае религиозная истина не тождественна истинам разума. История знает множество фактов указанного различия. Так достаточно вспомнить Р. Декарта, который основание познания Бога полагает не в вере, но в «естественном свете разума». От чего его метафизика квазитеологична. Можно прибегнуть и к иному способу понимания сути религиозной философии, когда философия выступает обоснованием конкретной теологии. Хорошим примером здесь является философия неотомизма. Данное направление целенаправленно не избегает конфессиональных пристрастий. Для Э. Жильсона и его последователей противоречия в области определения истины между философией и религией полностью нивелированы в силу следующих обстоятельств. Поскольку познание, утверждают сторонники данной позиции, осуществляет и в философии и в религии ни кто иной, как человек то поэтому никакой способ познания не может быть отвергнут, но напротив познавательная научная методология должна быть максимально универсальной, где каждый метод познания имел бы свое функциональное предназначение. В этом смысле и философия, и религия вводятся в горизонт гно-

сеологического универсализма, «грозящего» определенным размыванием традиций. Данная позиция очень напоминает «анархистскую эпистемологию» П. Фейерабенда. При таком «раскладе» производится отождествление истин разума и истин веры. Приведенные неотомистами обстоятельства, раскрывают иной вариант существования «религиозно-философского» предприятия, как института со своими формами и способами отыскания истины. Несомненно, концепция неотомизма достаточно привлекательна, ведь она пытается устранить существующее непонимание между религией и наукой. Однако она, тем не менее, является большой «натяжкой» имеющей два изъяна. Во-первых, она конфессиональна, что мешает научной объективности в силу ряда идеологических причин, а во-вторых, объединяя в своеобразной гностической форме истины разума и истины веры, не придает большого значения научному обоснованию такого рода корреляции. Как уже отмечалось объект религиозной философии, т. е. сверхъестественное (в терминах И. Канта «вещь в себе») не может быть той вещью относительно которого можно составить достоверное научное знание, так как его нельзя доподлинно исследовать в рамках дискурсивно-экспериментальных установок.

Таким образом, очевидно, что курс «религиозная философия» имеет научное право на существование лишь в рамках рациональной метафизики.

Тарасов П.Г. (Белгородский государственный университет, аспирант). Наше рассуждение подсказано ходом данной дискуссий, посвященной судьбе предмета «религиозная философия» в педагогическом процессе в рамках светского теологического стандарта, а также теми многочисленными позициями академических философов, которые имеют место по данной проблеме. Наша точка зрения сводится к тому, что ни недооценка, ни агрессивное отрицание курса «религиозная философия» и необходимости введения религиозно-богословских элементов в современный учебный процесс не выдерживают критики.

Следует констатировать, что на сегодняшний день начинает преодолеваться полная стагнация религиозной проблематики в рамках образовательного стандарта высших учебных заведений. Оказалось, что в академическом университетском курсе вполне можно связать в единый проблемный узел актуальные темы философии и религии. Вся система образования России сделала решающий шаг для преодоления зазора непонимания между наукой и религией. В результате этого в рамках начавшегося диалогического процесса возникла необходимость рассматривать религиозное знание не как конкурента или противника, а как соратника в деле моделирования, сначала, а потом и претворения в жизнь светского теологического стандарта. Как попытка обрести единое проблемно-диалогическое поле для религии и философии был разработан курс «религиозной философии». По началу критики полагали, что этот курс не может состояться потому, что он не является «традиционным» для нашей системы образования, тем более что зачем преумножать «универсалии», когда существует дисциплина «философия религии». Отчасти упрек верный, но не стоит забывать, что позиция диалога, на которую согласилась и религия в лице РПЦ и Министерство Образования РФ предполагает совместную деятельность по формуле «Единство – Равенство – Связь». Как было уже отмечено выше дисциплина «философия религии», как истинно научная следует реализации критического отношения к религии как таковой. Ее предметом является именно критическое (аналитическое) изучение философского компонента в различных религиозных системах, без симпатий и антипатий.

Бесспорно, базовый мировоззренческий концепт в России формирует Православие. Поэтому, на наш взгляд, необходимо это принять как должное при выборе вектора самого курса «религиозная философия». Отличие данного курса от «философии религии» по определению состоит в том, что его предметом является религиозная мысль в различных философских системах. Согласимся и с тем, что курс «религиозная философия» во многом носит компромиссный, а, следовательно, и спекулятивный характер.

Но без этого, пожалуй, не обойтись, так как весь горизонт заявленной для этого курса проблематики «пронизан» амбивалентностью позиций и формальной неопределенностью. Несмотря на это полагаем, что такой «нетрадиционный» для современной России гуманитарный подход к традиционной проблеме может быть весьма продуктивен.

На уровне «университетской рефлексии» аргументы pro et contra дополняются, пожалуй, еще двумя. Во-первых, защитой «просвещенческих традиций» европейской культуры, якобы полностью противопоставленных религиозному (христианскому) мировоззрению. Во-вторых, попытками расчистить почву для внедрения в учебный процесс – без боязни «фрагментации» и «перегрузки» – религиозно-образовательного образования.

Эти два последних аргумента на наш взгляд скорее связаны с корпоративными интересами групп научного сообщества, которые таким вот образом пытаются преподать свои представления о научности и целесообразности в образовательном процессе.

Признаем, что и эти аргументы вполне объяснимы, хотя и «утопичны». Мы пока не встречаем массовых протестов со стороны университетских доцентов и профессоров с лозунгами «европейского просвещения». Полагаем, это происходит потому, что для многих сегодня становится очевидным то, что курс «религиозной философии» – это не протаскивание религии в университетское образование, а готовность конкретно преподавать – так, чтобы не загонять в тупик проблему донесения до сознания учащихся базовых мировоззренческих и ценностных установок, а решение ее в ходе учебного процесса. На наш взгляд, для современного общества это вещи принципиальны, хотя и мало отношения имеют к «традиционным» моделям «совершенствования образовательного процесса» – моделей, как мы прекрасно знаем по опыту, малопродуктивных.

Не секрет, что в академической науке и педагогике в современной России по-прежнему с большим подозрением относятся к религии, к христианству. Новоевропейская теория «двух истин», казалось бы, хорошо изученная и преподаваемая в институтах студентам, так и не получила педагогического «внедрения» на отечественной почве.

Корень проблемы – в «культе» естественнонаучного рационализма, который является прямым следствием недавнего государственного атеизма и некритически понятого «просвещенческого материализма», культе, не преодоленном и в начале XXI века. Отметим, что абсолютный атеизм, практически был неведом новоевропейской науке, или же взвешенному ответу на вопрос, в каком реальном соотношении находятся религия и наука.

Великий Иммануил Кант (известный своим негативным отношением и к деятельности христианской церкви, и к теологии в целом) признавал, что «...моральный аргумент не должен служить объективно значимым доказательством бытия Божия или доказать сомневающемуся (разуму), что Бог есть; цель этого аргумента – показать, что желающий мыслить морально должен включить признание этого положения в число максим своего практического разума» [9]. Возможно, многим нам стоит перечитать сегодня «Критику способности суждения» и по-философски удивиться поистине религиозным борениям Канта вокруг проблемы Божественного бытия.

Хочется отметить прецедент корректного отношения русской православной традиции конца XIX – начала XX вв. к идеям трактата «Религия в пределах только разума» – «апофеоза» кантовского атеизма. Такой уровень признания существования проблемы сегодня оказывается почему-то недоступным не только ученым-естественникам, но и многим гуманитариям, почитающим Канта вполне искренне. Мы как педагоги не имеем того самого морального права не учитывать, то, что существует и совершенно иная – и тоже философская – традиция осмысления сущности религиозного взгляда на мир и человека.

Известно, что поколения людей, многие годы изучавших философию марксизма как единственно возможную философию, навсегда приобретали стойкое отрицательное отношение к философии вообще. Это «мировоззрение» разрушало самые восторженные размышления человека о морали, нравственности, сущности мира. Основные координаты философского образования оказывались в прокрустовом ложе системности, для

которой философия, политическая идеология, атеизм, выстроенный на костях религии и морали, сливались в общий синтетический символ эпохи. При внешней свободе философского образования на самом деле философия была образцом системного запрета на свободную мысль. А предметом философии по определению является «мышление о мышлении» реализуемое в рамках духовной свободы и поиска истины, и поэтому курс «религиозной философии» имеет право быть.

Вообще введение подобных курсов в педагогическую практику вузов – мероприятие не только сложное и серьезное, но рискованное. Очевидно, что «единовремено» ничего здесь сделать нельзя. Поэтому сегодня инновацией была бы простая договоренность о том, что в определенных объемах религиозное (богословское) образование не бесполезно.

Полагаем, что диалог состоялся, позиции выяснены. Мы обязаны смотреть в будущее, понимая, что рациональный путь человека к истине не есть путь духовного регресса и деградации. Это – путь свободного поиска, пределы которому не имеет никакого права накладывать система государственного образования. Иначе воспитание «несведущих специалистов», (мы имеем в виду, прежде всего, теологов) может стать профессиональной проблемой научного сообщества и общества в целом. Поэтому, на наш взгляд, необходимо развивать не только концепцию свободных курсов, таких, например, как «религиозная философия», но и систему обязательных предметов, кафедр и факультетов, где профессионально сведущие люди сумели бы раскрыть для студентов многообразие культурного бытия так, что «пространство священного» (М. Элиаде) не предстанет неким инородным телом в жизни современного светского теолога.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения//Бердяев Н. А. Философия свободного духа. – М., 1994. С. 230
2. Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. В.В. Миронова. – М., 2006. – С.6.
3. Там же. – С. 8-9.
4. Там же. – С. 10.
5. См.: Соч., т.1, с. 75.
6. Там же, с.76.
7. Кант И., Основы метафизики нравственности //Критика практического разума, СПб., 1995, с. 83
8. Августин Аврелий. Кн.Х. Глава XXVIII.
9. Лосев А. Ф. Русская философия//Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г.: Очерки теории русской философии. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. С.67
10. Кант И. Критика способности суждения. – М., 1994. – С. 325

A DISCUSSION ON «SPECIFICS OF RELIGIOUS PHILOSOPHY»

In December 2006 the department of philosophy of Belgorod State University hold a discussion on the nature of religious philosophy and its boundaries with theology, history of philosophy and religious studies. The interest towards this issue arose when the social and theology faculty was established in the Belgorod State University, and then students and professors deepened into an undercovered field of "secular theology" which is officially marked in the State Standard. The curriculum of "Religious philosophy" was authored by Victor P. Rimsky who has been lecturing course for seven years, and the curriculum was approved by the Ministry of Education.

**ПРОЦЕССЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ
В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Л.В. Колпина

Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: kolpina@bsu.edu.ru

В чем отличие регионального уровня политического пространства от федерального? Что такое легитимность власти и как ее измерить? В чем состоит специфика легитимации региональной власти? Кто является агентами ее легитимации? Каковы основные ценностные основания легитимации региональной власти? Какую роль в ее легитимации играют выборы и другие институты? Какие конкретные практики легитимации сформировались и утвердились в региональном пространстве Российской Федерации? Таковы вопросы, которые ставит автор монографии «Легитимация региональной власти в Российской Федерации: структура и практики», выпущенной издательством Белгородского государственного университета [1].

Данная монография совмещает политологический подход, долгое время доминировавший в исследованиях проблемы легитимности власти, и социологический дискурс (сам автор – кандидат социологических наук, докторант, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета).

Положив в основу теоретической модели легитимации власти именно практики, автор следует методологии П. Бурдьё, считавшего социальные практики тем механизмом, который в наибольшей степени способствует приспособлению целей и интересов субъектов социальных взаимодействий к существующим условиям социального бытия. Рассматривая легитимацию и как процесс, и как отношение социальных субъектов, в основе которого лежит стремление властно-ориентированных акторов к легитимности своего статуса, Е.В. Реутов указывает на то, что та реакция, которая следует за этой «заявкой на легитимность», в региональном пространстве России во многом определяется не столько рациональной оценкой со стороны сообщества адекватности этих претензий, но тем, насколько сами претенденты смогли внедрить в массовое сознание миф о собственной безальтернативности и скорректировать функционирование существующих институтов.

В основе структуры легитимации, с точки зрения автора монографии, лежат три базовых компонента: агенты – те внешние по отношению к власти акторы, которые демонстрируют ей поддержку и утверждают власть в ее статусе; ценностные основания – стереотипы, мифы, ценности и ожидания, бытующие в общественном сознании и способствующие или препятствующие легитимации; институты – каналы, посредством которых осуществляется процесс коммуникации между властью и обществом, а, следовательно, и легитимация власти. А сама власть легитимируется, исходя из нескольких оснований, дополняющих, а иногда и исключаящих друг друга – ценностно, институционально, инструментально и персонально. Ценностные механизмы легитимации власти в России оказались во многом утрачены, институциональные не сформированы, институциональные непрочны, а персональные – малоэффективны в долгосрочной перспективе. Следствие этого кризис легитимности, в котором оказалась российская власть в начале 1990-х гг., и который непреодолен до сих пор.

Исследуя легитимационные практики, сформировавшиеся в региональном пространстве России в 1990-2000-е гг., автор возвращается к построенной им модели легитимации и рассматривает практики, исходя из их направленности – на агентов, на ценности и ожидания, на институты.

Большой объем эмпирического материала, вовлеченного в исследование, позволяет автору нарисовать целостную картину социально-политических процессов, охвативших регионы России в постсоветский период. В списке источников и литературы – более трехсот наименований, ссылки на которые также даны в основном тексте. Сам автор также провел два полевых исследования, результаты которых отражены как непосредственно в тексте работы, так и в приложении. Подобный подход к эмпирике и к результатам работы предшественников, безусловно, заслуживает всяческого уважения, хотя, надо признать, обилие цитат и ссылок не всегда позволяет увидеть позицию самого автора.

Тем не менее, эта позиция ярко проявляется в общей канве исследования, в которой лейтмотивом проходит конфликт между навязыванием властью смыслов, оснований, критериев, институтов собственной легитимации и неспособностью сообщества дать ответ этому сообщению ни в виде признания, ни в виде отторжения. Возможно, проблематика легитимности была поставлена в России слишком рано, поскольку артикулируемый ответ на вопрос о легитимности может дать лишь относительно развитое и автономное гражданское общество, а возможно, сам концепт легитимности в чистом виде уже немислим в наш век информационных и манипулятивных технологий.

Анализируя соотношение между легитимностью федеральных структур автор формулирует несколько недосказанный тезис, весьма интересный своей постановкой: чем более делегитимировалась центральная власть в России в 1990-е гг., тем легитимней становилась власть в регионах. И сам процесс централизации власти в России, начавшийся с избранием В.В. Путина, явил тенденцию к деавтономизации и, в какой-то степени, к делегитимации региональной власти. И чем закончится этот процесс, сказать очень сложно, так как все практики, которые выстраивали и федеральные, и региональные структуры, были направлены преимущественно не на формирование и укрепление институтов как «правил игры», в том числе и институтов легитимации, а преследовали сугубо краткосрочные и эгоистические цели – сделать возможной следующую легислатуру (режима, Президента, губернатора и др.). «Можно было бы предположить, что вектором этой эволюции [институтов – Л.К.] станет формализация "правил игры" и усиление в процессе легитимации роли формальных политических институтов – таких, как выборы, избирательное законодательство, разделение властей, законодательные собрания. Но в результате оказалось, что сами формальные институты по большей части нелегитимны, а, следовательно, не могут легитимировать власть. Что в региональном политическом процессе были закреплены такие основания и практики легитимации, которые способствовали консервации архаической структуры регионального политического пространства. Что сами эти основания по преимуществу характерны традиционному обществу и традиционалистскому политическому сознанию. Что в той или иной степени неэффективность коммуникации между властью и обществом обусловлена не только слабостью институтов, но и политической культурой общества» [2].

И далее: «Основной тенденцией трансформации регионального политического пространства в России в настоящее время является сужение сферы активности социальных агентов массового уровня. Снижение значимости электоральных механизмов трансформирует каналы и институты легитимации, а, следовательно, и делегитимации власти. В условиях слабоинституционализированной среды и низкой автономности политического участия населения большое значение приобретают мобилизационные практики, ориентированные на массовые группы. Действия власти, исходящие исключительно из собственной логики, являются константой политического (в том числе, регионального) процесса в России. И упрекать власть (точнее, ее носителей) в эгоизме достаточно бессмысленно. Граждане, хотя и желают видеть власть более открытой для граждан, тем не менее, не претендуют на непосредственное участие в процессах управления.

Власть в массовом сознании легитимируется преимущественно через свою реальную или мифологизированную способность реализовывать социоэкономические ожидания большей части населения и его потребность в патернализме – потребность во многом вынужденную, вследствие недостаточности социального капитала.

Изменение характера взаимоотношений федеральной и региональных элит – процесс, результат которого является в настоящее время неопределенным, – минимизирует ресурсные возможности и объем символического капитала региональных элит и институтов, вызывает необходимость трансформации легитимационных практик в региональном пространстве. То, в каком направлении это трансформация будет происходить – укрепления формальных институтов и усиления гражданской активности населения либо закрепления патерналистской модели управления и имитации массовой лояльности, будет зависеть от комплекса факторов. Главными из них, скорее всего, станут неизбежная в процессе транзита власти конкуренция элит и развитие тенденции, хотя и достаточно слабой, самоорганизации общества для защиты своих интересов» [3].

На этой умеренно оптимистичной ноте автор завершает свое исследование практик легитимации власти в региональном пространстве России, а принципиальная незавершенность этого процесса, «открытость» и неопределенность его результатов позволяют пожелать ученому продолжения работы в избранном им направлении научной деятельности.

Монография, безусловно, станет востребованной в научном сообществе, а, возможно, и в той среде, в которой формируются те практики, о которых пишет автор. Обширный эмпирический материал, системность авторского подхода к изучаемой проблеме, хороший научный язык позволяют также рекомендовать ее всем, кто интересуется политической регионалистикой, социологией власти, и особенно студентам, обучающимся по специальностям «Государственное и муниципальное управление», «Социология» и др.

Список литературы:

1. Реутов Е.В. Легитимация региональной власти в Российской Федерации: структура и практики. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – 228 с.
2. Там же. – С.150-151.
3. Там же. – С.151.

THE PROCESSES OF LEGITIMATION OF POWER IN REGIONAL SPACE

L.V. Korpina

Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia;
e-mail: korpina@bsu.edu.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Н.И. Архипцев*** кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии БелГУ
- Е.П. Белоножко*** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теологии БелГУ
- М.М. Белоусова*** аспирант СКНЦ ВШ при Южном федеральном университете
- Г. А. Борисов*** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права БелГУ
- О.С. Борисова*** ассистент кафедры философии БелГУ
- С.Н. Борисов*** кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии БелГУ
- Е.Е. Городова*** аспирант кафедры философии БелГУ
- Г.Б. Гутнер*** старший научный сотрудник, институт философии РАН
- А.М. Капустина*** кандидат философских наук
- С.М. Климова*** доктор философских наук, профессор кафедры философии БелГУ
- Е.А. Кожемякин*** кандидат философских наук, доцент кафедры языка и стиля массовых коммуникаций БелГУ
- П.Г. Коняев*** кандидат философских наук, доцент кафедры философии БелГУ, советник ректора БелГУ
- Л.В. Колпина*** кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий БелГУ
- К.Ю. Королева*** кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы БелГУ
- В.И. Коротких*** доктор философских наук, профессор Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
- Е.А. Кротков*** доктор философских наук, профессор кафедры философии БелГУ
- О.В. Костина*** кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса БелГУ
- А.А. Кривоухов*** кандидат юридических наук, преподаватель кафедры управления, административного права и административной деятельности ОВД Белгородского юридического института МВД России
- С.А. Кутоманов*** кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии БелГУ
- В.В. Липич*** доктор филологических наук, профессор кафедры

- русской и зарубежной литературы XIX-XX вв.
- Т.И. Липич** кандидат философских наук, доцент кафедры философии БелГУ
- Д.А. Манохин** кандидат философских наук, ассистент кафедры философии БелГУ
- А.В. Михайлюта** кандидат философских наук, ассистент кафедры философии БелГУ
- И.Э. Надуткина** кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий БелГУ
- Е.В. Переверзев** начальник отдела международных программ с Китаем и странами АТР
- А.Н. Прокopenко** кандидат технических наук, доцент кафедры информатики и математики Белгородского юридического института МВД России
- Л.А. Прохоров** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета
- М.Л. Прохорова** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Кубанского государственного аграрного университета
- М.Ю. Реутин** кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований при Российском государственном гуманитарном университете
- В.П. Римский** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии БелГУ
- О.Н. Римская** аспирант кафедры философии БелГУ
- В.Е. Рубаник** доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права БелГУ
- И.Ф. Салманова** кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук БелГИК
- В.Н. Самсонов** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права и государственного управления БелГУ
- Е.В. Самсонова** ассистент кафедры международного права и государственного управления БелГУ
- Е.В. Сафронова** доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
- О.С. Степанюк** кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии БелГУ

В.Б. Тарабаева

кандидат психологических наук, доцент, декан факультета управления и предпринимательства

Г.М. Тарасенко

соискатель кафедры социальных технологий БелГУ

А. Г. Тарасов

аспирант кафедры философии БелГУ

П.Г. Тарасов

аспирант кафедры философии БелГУ

С.В. Тычинин

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса БелГУ

С.А. Шепелев

студент 5 курса социально-теологического факультета

С.А. Шовгеня

соискатель кафедры социальных технологий БелГУ